БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК 18

АЛЕКСАНДР I, НАПОЛЕОН И БАЛКАНЫ

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

Балканские исследования

Выпуск 18

АЛЕКСАНДР I, НАПОЛЕОН И БАЛКАНЫ

Москва «НАУКА» 1997

inslav

ББК 63.3(4)
Б 20

Работа осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант, проект 93–06–10592)

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В.Н. ВИНОГРАДОВ*

Рецензенты:
доктор исторических наук *И.И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ*,
доктор исторических наук *В.А. ДУНАЕВСКИЙ*

Б 20 **Балканские** исследования. Вып. 18. Александр I, Наполеон и Балканы. М.: Наука, 1997. 266 с.
ISBN 5-02-009638-5

Размышления молодых друзей Александра I о разрядке в Европе, "восточный роман" Наполеона, увенчавшийся захватом Мальты, сражениями при Абукире и у Пирамид, "странная" русско-турецкая война 1806–1812 гг., неудачный прорыв эскадры адмирала Дж. Дакуорта через Дарданеллы к Константинополю, вызревание российских планов образования национальных государств в Юго-Восточной Европе – все это на фоне освободительного движения славянских и балканских народов. Таковы темы этого выпуска.

Для широкого круга читателей.

Б $\frac{0503030000-036}{042(02)-97}$ 31-95, II полугодие ББК 63.3(4)

ISNB 5-02-009638-5

© Коллектив авторов, 1997
© Издательство "Наука", художественное оформление, 1997
© Российская академия наук, 1997

inslav

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпопея наполеоновских войн затронула и Балканы. Неуемный экспансионизм завоевателя гнал французские полки все дальше и дальше от берегов Сены, Роны и Луары. Была растоптана государственность Пьемонта, Венеции, Нидерландов, Швейцарии, германские князья превращены в покорное стадо. Владыка хотел возрождаемую на Западе империю Карла Великого дополнить вторым изданием Римской на Востоке. На пути к цели надо было сломать хребет давно и прочно сложившимся странам. Тщательно поддерживаемый баланс равновесия в Европе рухнул. Дважды потерпела поражение Пруссия, трижды – Австрия, единожды – Россия. В одобренной Бонапартом записке, относящейся к концу 1808 г., говорилось: "Стабильность наполеоновской династии должна быть основана на трех непременных элементах: разрушении австрийского дома, оттеснении Российской империи от Черного моря, разделе морского и торгового могущества между Францией и Англией"[1]. 1808 год – вторжение в Испанию, 1809 – новый разгром Австрии. На континенте одно лишь государство не склонило главы – Россия. Наступал ее черед.

А между тем заря XIX в. совпала с "дней Александровых прекрасным началом". Кружок друзей царя, так называемый Негласный комитет, пришел к выводу о неразумности и нецелесообразности дальнейшего территориального распространения России в Европе и занялся поисками путей установления мира и стабильности на основе незыблемости границ и монархических режимов. Высокая Порта, как тогда называли турецкое правительство, стала восприниматься как сосед удобный и спокойный по причине ее прогрессирующей немощи, "слабость и плохое управление которой являются ценной гарантией безопасности" (Александр I)[2]. В то же время в Петербурге чутко прислушивались к биению пульса национальных движений славянских и балканских народов. Первое сербское восстание со всей очевидностью продемонстрировало, что нельзя более откладывать выработку российской стратегии в вопросе возрождаемой государственности народов Юго-Востока Европы. Появились первые проекты образования этих государств, пока еще на автономных началах, без разрыва с Османской

© В.Н. Виноградов

inslav

империей, но непременно под покровительством России, т.е. при преобладающем влиянии в них самодержавия.

Ответом Великобритании на балканскую политику России явился постепенный, поэтапный переход на позиции доктрины статус-кво, предусматривавшей сохранение территориальной целостности турецкой державы и незыблемости ее власти, что увековечивало угнетенное состояние христианских народов. Обозначились контуры русско-британского соперничества в регионе, ставшего осью международной жизни Европы в посленаполеоновскую эпоху. Но в начале века отношения между двумя державами осложнялись и замутнялись фактором напористой галльской агрессивности, то бросавшей их в объятия военно-политического союза, то погружавшей в пучину войны друг с другом (впрочем, формальной, ибо открытой схватки обе стороны стремились избежать). Глобальный интерес, заключавшийся в обуздании захватчика, побуждал Лондон и Петербург идти на компромисс, "замораживать" спорные вопросы, откладывать их решение "на потом". Однако британская дипломатия не дремала и по договору 1809 г. с Турцией добилась закрытия Босфора и Дарданелл для прохода военных судов. Военный флот России оказался запертым в Черном море.

Вторжение французской армии на Балканы, утверждение Наполеона на Далматинском побережье Адриатики, предполагаемый удар с юга по России с помощью Османской империи – все эти события вызвали очередную, седьмую по счету русско-турецкую войну (1806–1812). Бои, походы, перемирия не прерывали размышления государственных мужей о судьбах региона. Прошения о покровительстве России, поступавшие из Дунайских княжеств, Сербии, Черногории, Греции, свидетельствовали о необратимости процессов национального возрождения и желании опереться на Россию в стремлении к свободе.

Об этом рассказано на страницах данной книги. За исходный рубеж в ней взяты 1797–1798 гг., когда гражданин Наполеон Бонапарт, победоносно завершив Итальянскую кампанию, предложил Директории Французской республики нанести удар по Великобритании окольным путем, через "мягкое подбрюшье турецких владений", в направлении Индии, и стал инициатором очередного восточного кризиса. Тогда же Павел I, сменивший на российском престоле свою мать Екатерину II, решил покинуть антифранцузскую коалицию, дабы доставить верноподданным "пренужное и желанное ими отдохновение после столь долго продолжавшихся изнурений"[3]. Так была предпринята попытка достижения партнерства с Парижем, к сожалению, провалившаяся. Монография заканчивается подведением итогов Венского конгресса 1814–1815 гг. Завершение наполеоновских войн явилось событием глобального значения; переломным это событие стало и в истории восточного

inslav

вопроса; новый кризис в 20-е годы произошел в условиях Греческой национально-освободительной революции.

Книга населена не схематическими носителями тех или иных политических принципов и доктрин, а живыми людьми. На ее страницах, помимо главных героев, выступают не поддающийся однозначной оценке и до сих пор загадочный царь Павел, адмиралы Г. Нельсон и Ф.Ф. Ушаков, искусный и коварный дипломат Ш.-М. Талейран и его российский партнер, основатель знаменитого музея и библиотеки Н.П. Румянцев, непримиримый враг Наполеона, глава Форин оффис Джордж Каннинг, столь же непримиримо настроенный к императору французов российский посол в Париже П.А. Толстой, Михаил Илларионович Кутузов, соединявший в себе выдающиеся способности полководца и дипломата, вожди сербского восстания Георгий Петрович Черный и епископ М. Ненадович, султан-реформатор Селим III и великий визирь Мустафа паша Байрактар (Знаменосец) и многие другие.

Безбрежность материалов российских архивов и документальных публикаций – от документальных серий Ф.Ф. Мартенса, великого князя Николая Михайловича и А.С. Трачевского до первых томов "Внешней политики России XIX и начала XX века"[4], множество французских, английских, австрийских, немецких, турецких, румынских, греческих, сербских, албанских, болгарских изданий, исследованность значительного числа проблем эпохи Отечественной войны 1812 г. – все это диктует подход к источникам и литературе с позиции разумной достаточности, при которой обобщение имеющегося и достигнутого чередуется с исследованием еще не раскрытого.

В монографии анализируются все компоненты восточного вопроса – национальное движение христианских народов на фоне кризиса Османской империи, соперничество великих держав в погоне за влиянием в Юго-Восточной Европе, ведущая роль России в освобождении региона из-под турецкого владычества. Она является частью издаваемой Институтом славяноведения и балканистики РАН серии трудов, долженствующих осветить проблему "Восточный вопрос, Россия и Балканы" со времени ее зарождения во второй половине XVIII столетия до той поры, когда она сошла с повестки дня вместе с исчезновением Османской империи после первой мировой войны и образованием на ее руинах Турецкой республики[5].

Научно-организационная работа проведена Л.В. Зелениной.

Надеемся, что знакомство с книгой будет не только поучительным, но и интересным.

inslav

[1] Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел. Сер. 1: 1801–1815 гг. М., 1965. Т. 4. С. 686 (Далее: ВПР).

[2] ВПР. М., 1960. Т. 1. С. 91.

[3] Сборник императорского русского исторического общества (РИО). СПб., 1890. Т. 70. С. VI.

[4] *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1885. Т. VII; СПб., 1895. Т. XI; СПб., 1898. Т. XII; СПб., 1909. Т. XV. Сборники императорского русского исторического общества. Т. 70; СПб., 1891. Т. 77; СПб., 1892. Т. 82; СПб., 1893. Т. 89; *Николай Михайлович, великий князь.* Дипломатические сношения России с Францией по донесениям послов императоров Александра и Наполеона 1808–1812. СПб., 1905–1914. Т. 1–7; ВПР. М., 1960–1972. Т. 1–8, и др.

[5] До сих пор вышли из печати тома: Международные отношения на Балканах 1815–1830. М., 1983; Международные отношения на Балканах 1830–1856. М., 1990; Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986.

В.Н. Виноградов

inslav

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАНОРАМА 1797–1799 ГОДОВ

Французская революция взорвала непрочный мир в Европе. В 1792 г. континент погрузился в пучину войн, продолжавшихся более двух десятилетий. Передышки все же случались – по мере истощения и распада сражавшихся с Францией коалиций и до образования новых. А всех их было – напомним – шесть.

Еще в 1795 г. после ряда побед французской республиканской армии прекратили военные действия Голландия, Пруссия и Испания; в 1796 г. из войны вышли Пьемонт, Неаполитанское королевство и Папская область. В 1797 г., потерпев серьезное поражение в Северной Италии, на мирные переговоры пошла Австрия. Первая антифранцузская коалиция развалилась. В состоянии войны с Францией оставалась только Англия, но с 1795 г. она не вела военных действий на Европейском континенте.

За два-три года карта Европы радикально изменилась.

По миру в Кампо-Формио Австрия потеряла Бельгию. Республика святого Марка – Венеция – перестала существовать. К Франции перешли принадлежавшие ей Ионические острова и так называемая Венецианская Албания – полоса побережья Адриатики с городами Паргой, Превезой, Воницей, Бутринто; к империи Габсбургов отошли Венеция, земли по левому берегу р. Адидже, Зальцбург и территории до р. Инн. Кроме того, Австрия получила венецианские владения в Далмации и Истрии.

Граф фон Кобенцль, который вел переговоры в Леобене и потом в Кампо-Формио с командующим победоносной французской армией генералом Бонапартом, был вынужден согласиться еще на одно условие: на созыв в Раштадте конгресса с целью окончательного урегулирования территориальных проблем Священной Римской империи германской нации (возглавляемой тогда австрийским монархом Францем II) и Франции, а также изыскания средств для возмещения убытков немецким князьям, потерявшим свои владения на левом берегу Рейна. На этом конгрессе Австрия согласилась с французскими требованиями.

Но никакие победы не могли исцелить Францию от усталости, вызванной пятилетней изнурительной войной.

Ситуация в стране отличалась крайней внутренней неустойчивостью. Выборы весной 1797 г. принесли успех монархистам. Правящая Директория решилась на переворот, совершенный в ночь на 4 сентября

© Л.В. Зеленина

inslav

1797 г. 177 депутатов Законодательного собрания (из 750 избранных весной того же года) были лишены полномочий и сосланы, закрыты сорок две оппозиционные газеты. Но внутренний кризис, в первую очередь экономический, преодолен не был. На первое место в политике теперь выходила армия – и как оплот Директории, и гарант порядка, и как серьезный источник пополнения доходов государства за счет реквизиций на занятых землях.

От идеи революции осталась только словесная шелуха. И во внутренней, и во внешней политике бал правило лицемерие.

В парижских дневниках ирландского революционера В. Тона описана постановка "Отелло" в одном из столичных театров: "Яго был сама порядочность. Дездемону никто не душил, все кончалось благополучно. Зрителям разъясняли, что Шекспир подвергся необходимой переделке, ибо нравственность французской нации не может допустить трагического финала... Я восторгаюсь народом, который на протяжении месяцев гильотинировал ежедневно по 60 человек (мужчин, женщин, детей), но не выносит ужаса, разыгрываемого на сцене" [1].

Не лучше обстояли дела и на внешнеполитической арене. Освободительная война переросла в войну агрессивную, попросту грабительскую. Войны "во имя революционных идеалов", как это всегда бывало в истории, обернулись для побежденных тяжким гнетом контрибуций, новых повинностей и примитивного грабежа со стороны победоносных армий. Уставшее от пятилетней войны и бесконечных мобилизаций население стремилось к миру, даже ценой возвращения Франции к границам 1792 г.

В июле 1797 г. на должность министра иностранных дел вступил Шарль Морис Талейран (1754–1838), успевший уже послужить двум режимам – королевскому – в качестве епископа Отенского и умеренному крылу деятелей Французской революции (1789–1792); затем, в годы правления якобинцев (1793–1794), он побывал в эмиграции. В 1796 г. по амнистии вернулся на родину и начал карьеру дипломата, обеспечившую ёму место в истории. Ему досталось сложное наследство.

Талейран считал, что послереволюционная Франция должна войти в систему европейского баланса сил. По его мнению, французской дипломатии следовало прежде всего сохранить нейтралитет Испании; через поддержку Пруссии "связать руки" Австрии; наконец, достичь примирения с Англией. Для достижения этих целей нужна была дипломатия нового типа, порвавшая с принципами королевских времен. Талейран отказался от привычных дипломатических приемов и взглядов. Учитывая стремительно менявшуюся на международной арене ситуацию, он настаивал на том, чтобы отныне Франция подписывала "не постоянные договоры о союзе и братстве, а временные соглашения в соответствии с политическими и торговыми интересами, порождаемыми обстоятельствами"[2].

Однако полностью выполнить свою программу Талейрану не удалось. Директория взяла курс на конфронтацию с Англией. Британскому

inslav

уполномоченному на переговорах (они шли в Лилле с начала июля 1797 г.) лорду Малмсбери были предъявлены заведомо невыполнимые требования. Лорд Малмсбери покинул Лилль. Французская делегация в течение какого-то времени оставалась в Лилле, дабы продемонстрировать свою готовность продолжать переговоры.

Неудачной для Талейрана оказалась и попытка урегулировать отношения с Соединенными Штатами Америки, которые резко возражали против французского каперства, обернувшегося самым обычным и неприкрытым пиратством.

Австрийский вопрос решался с позиций, более близких самому Талейрану. Кстати, именно при решении австрийских проблем родилось сотрудничество Талейрана и генерала Бонапарта, оказавшее столь большое влияние не только на судьбу Франции, но и всего мира. Именно Талейран способствовал тому, что Директория одобрила грубое превышение Бонапартом своих полномочий и подписание предварительных мирных условий с Австрией в Леобене. А менее чем через полгода Директория была вынуждена согласиться на то, чтобы генерал Бонапарт по своему усмотрению вел переговоры в Кампо-Формио, увенчавшиеся подписанием акта, по поводу которого член Директории Э.Ж. Сийес заметил: "Договор не означает мира, это призыв к новой войне". События ближайшего же года подтвердили его правоту.

Англия не сложила оружия. Ее мощная экономика выдержала все испытания военных лет. После того как в 1795 г. ее войска были вытеснены с континента, она сама практически не воевала на суше, выплачивая щедрые субсидии союзникам, на которые те вооружали свои армии. Государственный долг рос как на дрожжах; нехватка золота и серебра привела к широкому обращению кредитных билетов, не обеспеченных ценностями Английского банка. Но финансового краха не произошло – гарантией бумажных денег служило огромное производство Британских островов[3].

Хуже обстояло дело с "внутренним спокойствием". В 1797 г. вспыхнуло восстание на кораблях, стоявших на рейдах Портсмута, Плимута, Ярмута, Грейт-нора. Матросы протестовали против мизерного жалованья, не менявшегося более ста лет, суровости службы и палочной (точнее – кнутобойной) дисциплины. Выступление было жестоко подавлено, а зачинщики, по обычаю, повешены на реях.

До состояния взрыва накалилась обстановка в Ирландии, чему способствовала дважды повторявшаяся – в 1797 и 1798 г. (хотя и неудавшаяся) – попытка французских войск высадиться на Изумрудном острове. Восстание "объединенных ирландцев" под знаменем независимости было потоплено в крови. Крутые меры принимались против "врага внутреннего" в самой Англии. Хабеас корпус акт, знаменитый закон о неприкосновенности личности, не действовал; за участие в заговоре против монархии грозило заключение сроком до семи лет. Были запрещены собрания с числом участников свыше пятидесяти, газеты поставлены под контроль судей, Лондонское корреспондентское общество распущено за сочувствие идеям Французской революции.

inslav

Конечно, не эти меры, а сознание нависшей над родиной угрозы вторжения сплачивали нацию и помогали выдерживать тяготы войны.

Сложным было и внешнеполитическое положение. Потеря большей части колоний в Северной Америке нанесла серьезный удар и по престижу страны, и по ее экономике. У. Черчилль назвал этот период эпохой развала первой Британской империи[4]. Война с Францией и ее союзниками (вольными или невольными) развертывалась не слишком удачно для Британии. Ее сухопутные силы были вытеснены с континента. По выражению одного из современников, английской армии не хватало снаряжения, вооружения, офицеров и солдат. Главной надеждой правительства теперь оставался флот. Постоянным источником пополнения флота были экипажи примерно ста тысяч различных мелких и средних судов и суденышек, которые занимались рыболовством у берегов Британских островов, мелкой каботажной торговлей, а заодно и промышляли контрабандой. Бывших контрабандистов высоко ценили как превосходных лоцманов, вдоль и поперек изучивших прибрежные мели, течения и скалы всего западного побережья Европы.

Но особенное внимание на развитие флота будет обращено благодаря взглядам, сложившимся в правительстве Британии на сами принципы ведения войны. Кабинет министров возглавлял крупнейший политик Уильям Питт Младший (1759–1806). Он был великолепным администратором и экономистом, но фактически все ведение военных действий планировал его близкий друг и соратник Генри Дандес (позднее лорд Мелвилл). Дандес предпочитал вести войну в стиле, характерном для политика, наученного опытом XVIII века, т.е. направляя экспедиции в колониальные владения противника.

Военные действия наполеоновской эпохи происходили не только в Европе, но и в Северной и Южной Америке, на островах Вест-Индии, на юге Африки, в Магрибе, на Индостанском полуострове. Конечно, рассказать о всех представляется не только невозможным, но и ненужным. Но их приходится учитывать при оценке формирования балканского аспекта восточной политики великих держав. Отсюда – обращение к тому, что на первый взгляд может показаться не относящимся напрямую к делу.

Пожалуй, главным отличием британских военных действий было то, что во многом они зависели в тот период не от государства, а от деятельности частных лиц и компаний. Например, блестящая операция по захвату богатых голландских колоний, расположенных на побережье Цейлона, была проведена военной эскадрой, снаряженной Ост-Индской компанией. Позже эта же компания предложили правительству крупнейшую сусбидию в полмиллиона ф. ст. для финансирования очередной военной экспедиции, выгодной для интересов Совета Директоров.

Удачной оказалась и попытка Великобритании захватить еще одну голландскую колонию – мыс Доброй Надежды. Ценой тяжелых потерь были заняты острова Вест-Индии.

inslav

Но главной заботой Британии оставалась Индия. Здесь Англия контролировала Бенгалию и анклавы вокруг портовых городов Мадрас и Бомбей[5]. На юге полуострова было сильно французское влияние. На западе сохранялись португальские колонии – Гоа, Даман, Сурат. Вся центральная часть Индии, номинально подчинявшаяся Великому Моголу (его престол находился в Дели), была фактически подвластна Махратской конфедерации – союзу нескольких княжеств, население которых славилось своей воинственностью.

Глава княжества Майсор Типу Султан (в историографии еще чаще называют Типу Саиб, по титулу, который он носил, будучи наследным принцем), "Тигр Майсора", с конца 1780-х годов активно боролся против распространения английского влияния. Его метод был незамысловатым и эффективным – он попросту завоевывал земли соседних княжеств, громогласно заявляя, что борется с теми, кто приглашает на родную землю чужестранцев, позволяя им распоряжаться по собственному усмотрению. С середины 1790-х годов в его армии появилось много офицеров-французов, они помогали ему перевооружить и тренировать войска по европейскому образцу[6]. Это очень встревожило Англию в 1797–1798 гг., когда благодаря умелым действиям британской разведки стало известно, что Наполеон, отправляясь с мощной армией в Египет, взял с собой карты Бенгалии и союзного англичанам Ауда, а также дружественных им княжеств Карнатик и Поона.

Позже, после разгрома войска Типу Султана и гибели самого "Тигра Майсора" во дворце обнаружат его переписку с Наполеоном, который обещал правителю Майсора конкретную помощь и поддержку в борьбе против Англии[7].

Всего же, по подсчетам исследователей, в 1797–1798 гг. британцам в Индии противостояло около 60 тыс. регулярного войска и до 150 тыс. иррегулярных частей под командованием офицеров-европейцев, преимущественно французов[8]. Среди этих офицеров были выходцы из старой французской аристократии, стремившиеся избежать "близкого знакомства с мадам Гильотен", как это было принято называть; и ярые якобинцы, тоже вынужденные спасаться бегством из страны после падения Робеспьера. Объединяло их одно – решимость противостоять расширению британского владычества в Индии, за соответствующую плату, разумеется. Этого не произошло.

В Индии взошла впервые звезда генерала Артура Уэлсли, будущего герцога Веллингтона: он разгромил силы Махратской конфедерации.

В начале 1797 г. Питт начал осторожные переговоры с французской Директорией о возможном заключении мира. Первым же условием был поставлен вопрос о возвращении всех колоний Франции и ее союзников, захваченных Англией. Переговоры ни к чему не привели и в сентябре того же года были окончательно прерваны.

Упорство британского бульдога ободряло потерпевшую поражение и помышлявшую о реванше Австрию. Формально ее территориальные потери по Кампо-Формийскому миру 1797 г. на западе были компенсированы приобретениями в центре континента и на берегах Адриати-

inslav

ческого моря. Однако авторитет Франца II как императора Священной Римской империи был серьезно подорван. С такой ситуацией он смириться не мог. Это стало ясно практически с первых же недель работы Раштадтского конгресса.

Раштадт, тихий городок в герцогстве Вюртембергском, превратился в арену сложных и тяжелых переговоров. Они тянулись почти полтора года – с декабря 1797 до апреля 1799 г. Конгресс был призван решить запутанный комплекс проблем – взаимоотношения Франции, Австрии, Пруссии, а также мелких государств, входивших в Священную Римскую империю. Государства эти были из числа тех, о которых писал современник этой перекройки карты Европы Э. Гофман: их можно было "выронить из кармана во время небольшого променада в соседнюю страну".

Задачи, стоявшие перед Францией на этом конгрессе, четко сформулировал ее министр иностранных дел Ш.-М. Талейран: нужны "рвение и авансы в отношении Австрии" и "холодность в отношении Пруссии и князей нижней Германии"[9]. Талейран надеялся положить конец фактической изоляции Франции на международной арене. Для этого он хотел не только урегулировать отношения с Пруссией и Австрией, но и по возможности, привлечь на свою сторону Россию, которая не входила в антифранцузскую коалицию и не принимала участия в военных действиях.

Уже в начале марта 1798 г. имперская депутация на конгрессе согласилась на уступку Франции всего левого берега Рейна. Правда, французские войска, занявшие города Майнц и Мангейм, сыграли не последнюю роль в том, чтобы такая "уступчивость" проявилась. Возмещение владельцам левобережных государств было обещано за счет секуляризации крупных церковных землевладений на правом берегу Рейна. Проблемы дележа этих земель заняли еще практически год.

Тем временем генерал Бонапарт (формально числившийся главой французской делегации на переговорах в Раштадте) занимался не дипломатией, а более привычным ему делом. Франция подчинила себе, прямо или косвенно, Пьемонт, Рим, Неаполь, Швейцарию, Голландию... А конгресс продолжал свои неспешные переговоры. Заменивший Бонапарта французский представитель Трейлар успешно применял принцип "разделяй и властвуй": он вел переговоры с Пруссией и Австрией, выступая в качестве посредника при разрешении взаимных претензий двух государств. Талейран посылал в Раштадт недвусмысленные инструкции: "Арбитраж предполагает раздор, и в той позиции, в какой вы находитесь между двумя государствами, которые с трудом уживаются, ваша первая забота должна состоять в том, чтобы сначала разжигать ревность, досаду, возбуждать даже некоторую ссору, оживлять ее, сделать, наконец, ваше посредничество необходимым... следует ссорить людей, которых хотят примирить: у них превосходные задатки, чтобы ненавидеть друг друга. Используйте это, чтобы подвести к такому положению, которое нам подходит"[10].

inslav

Талейран не доверял Францу II, поэтому с удовольствием использовал для нажима на Вену так называемое "дело Бернадота".

Еще в начале работы Раштадтского конгресса было достигнуто соглашение о том, что дипломатические отношения между Францией и Австрией будут восстановлены в полном объеме. По рекомендации Бонапарта, чье влияние в Париже все возрастало, послом в Вену был направлен генерал Ж.-Б. Бернадот, который прибыл туда в феврале 1798 г.

Скандал произошел 13 апреля. Жители Вены готовились торжественно отметить годовщину обороны города от французских войск. Обиженный Бернадот повелел повесить на здании посольства трехцветный флаг огромных размеров с надписью "Французская республика. Посольство в Вене". Оскорбленные в своих лучших чувствах горожане сорвали и сожгли флаг. Полиция не могла ничего сделать. Порядок был наведен лишь поздно вечером силами гвардейцев.

Бернадот отверг извинения австрийского министра иностранных дел, а также выражения сожаления о случившемся, переданные ему от имени Франца II. Он покинул Вену.

После этого французы ужесточили требования в Раштадте, но натолкнулись на отказ. Австрийцы же попытались поставить вопрос о дальнейшем расширении своих владений в Италии, но также безрезультатно.

Почти все время, пока шли переговоры в Раштадте, Талейран, забыв о собственных планах, – проявлять "холодность в отношении Пруссии", пытался заключить союз между Берлином и Парижем. Однако король Фридрих Вильгельм III, трезво оценивая как ситуацию в Европе, так и собственные силы, постоянно повторял, что позиция Пруссии – "полный нейтралитет".

К концу 1798 г. стало ясно, что Раштадтский конгресс топчется на месте. Ситуация в Европе в очередной раз радикально изменилась, в первую очередь благодаря действиям самой Франции – ее упрочению в Голландии и Швейцарии, египетской экспедиции генерала Бонапарта и захвату "по пути" острова Мальты. С началом военных действий второй антифранцузской коалиции, в которую вошла и Австрия, работа конгресса потеряла всякий смысл. Когда же австрийский император отказался ратифицировать уже принятые его делегацией французские условия, стало очевидно, что разрыв между Парижем и Веной неизбежен. 12 марта 1799 г. Франция объявила Австрии войну.

Раштадт окружили австрийские войска. Официальный представитель Австрии на конгрессе, восьмидесятилетний граф Меттерних-Виннебург, закрывая конгресс, объявил все его решения недействительными. Последняя точка в Раштадте была поставлена 28 апреля 1799 г. На французских представителей, покидавших город, напал отряд австрийских гусар. Два дипломата были убиты, третий тяжело ранен. Нападавшие захватили документы, которые могли скомпрометировать Австрию в глазах союзников по новой коалиции. Ради этого Вена не остановилась и перед убийством.

inslav

[1] Французская революция XVIII века: Экономика, политика, идеология. М., 1988. С. 198.

[2] *Борисов Ю.В.* Шарль-Морис Талейран. М., 1987. С. 70–71.

[3] См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1992. Т. 3: Время мира. С. 373.

[4] *Churchill W.S.* The History of English Speaking Peoples. Vol. 3. The Age of Revolution. 4th ed. L., 1974. P. 238, 175.

[5] *Chaudhury K.H.* The Trading World of Asia and the English East India Company. Delhi, 1978.

[6] *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. 2-е изд. М., 1937. Т. 2. С. 411.

[7] *Longford E.* Wellington. The Years of the Sword. 2nd ed. L., 1971. P. 87.

[8] *Лависс Э., Рамбо А.* Указ. соч. С. 412–413.

[9] *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 101.

[10] Там же. С. 103.

inslav

ОСОБАЯ ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Необходимость вытеснения Османской империи из Северного Причерноморья и утверждения на побережье Черного и Азовского морей стала насущной для России еще в конце XVII в. по причинам как стратегическим, так и экономическим. Открытые степи Малороссии, являвшиеся южной границей государства, оставались незащищенными и жестоко страдали от постоянных набегов крымских татар и провоцируемых Портой пограничных конфликтов. Не вечно же было сохранять Большую засечную черту – полосу укреплений, тянувшуюся более чем на тысячу километров от степняков, на содержание которой собирались особые засечные деньги! Хозяйственный прогресс южнорусских земель был невозможен без создания благоприятных условий для черноморской торговли. Осуществить эти важнейшие внешнеполитические задачи удалось в последней трети XVIII в., в эпоху правления Екатерины II, что явилось результатом двух русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг.

Первая из этих войн и заключение Кючук-Кайнарджийского договора открыли новый этап в истории международных отношений Юго-Восточной Европы. С 1774 г. – даты заключения этого договора – начал свое развитие так называемый восточный вопрос, важнейшей частью которого являлась проблема дальнейшей политической судьбы народов, населявших владения османов в Европе. По Кючук-Кайнарджийскому трактату Черное море и проливы (Босфор и Дарданеллы) были открыты для торгового судоходства России, и она стала закрепляться на черноморском побережье, получив несколько портов (Еникале, Кинбурн, Азов). Была объявлена независимость Крыма, а вскоре – его присоединение к России. Приближение границ Российской империи к Балканскому полуострову создало предпосылки для активизации ее политики в этом регионе.

Царское правительство еще в конце XVII в. начало добиваться права покровительствовать православным народам, находившимся в составе Османской империи, защищать их интересы подобно тому, как это делали в отношении католиков, пользуясь капитуляциями, Австрия и Франция. В Кючук-Кайнарджийском договоре фиксировались обязательства Порты предоставить "твердую защиту христианскому закону и церквам оного" и права православной церкви в Молдавии и Валахии, на Архипелагских островах, давалось разрешение построить храм в Константинополе; гарантировались автономные права и привилегии,

© И.С. Достян

inslav

которыми издавна пользовались Дунайские княжества, обязательства султанского правительства снизить налоговое бремя их населения и принимать представления российских посланников в пользу княжеств. Это означало приобретение прав политического покровительства. Петербург получил возможность вмешиваться в отношения Порты с Молдавией и Валахией и во внутренние дела последних. В договоре оговаривалась также возможность основывать российские консульства во владениях Османской империи, что обеспечивало расширение контактов с балканскими народами[1].

Назначенному в 1775 г. посланником в Константинополь Н.В. Репнину была дана инструкция следить за тем, чтобы турки не притесняли "наших единоверных людей", и ходатайствовать за православные церкви, требуя их поправления[2].

Важно подчеркнуть, что Кючук-Кайнарджийский договор наметил в основных чертах программу российской политики в отношении Османской империи и балканских народов, которая последовательно осуществлялась на протяжении многих десятилетий. В новую эпоху, наступившую после Великой французской революции, права и преимущества, полученные Россией по Кючук-Кайнарджийскому миру, стали как бы опорой в дипломатической борьбе вокруг балканских проблем и постоянно учитывались при проведении курса в отношении Османской империи и ее подданных-христиан. Очень неотчетливо сформулированное в договоре право защищать интересы христианской религии и церкви получило расширительное толкование и использовалось для предъявления Порте требований улучшения общественно-политического положения ее балканских подданных. Гарантия Россией автономных прав Дунайских княжеств создала прецедент для придания подобного же статуса другим турецким провинциям. Важную роль в расширении русско-балканских политических контактов стали играть российские консульства и вице-консульства. Официально они должны были содействовать русской торговле, но фактически являлись надежными и удобными каналами для установления непосредственных связей с представителями балканских народов, для получения достоверных сведений о всех прочих происходивших на Балканах событиях[3].

С ослаблением Османской империи неуклонно росла ее экономическая зависимость от европейских держав, усиливалось их влияние на внешнюю политику Порты. До 1790-х годов наиболее прочные позиции в Константинополе имела противостоящая союзным Австрии и России Франция. Подстрекаемая ею Порта в 1768 г. объявила войну России. Но в 80-х годах позиции Франции, переживавшей острый общественно-экономический кризис, слабели, а Великобритании, господствовавшей на морях, укреплялись. Русско-английские отношения резко ухудшились, Лондон косо смотрел на выход России к Черному морю и занял враждебную ей позицию во время ее войны с Турцией. Ослабление внешнеполитической активности Франции создало возможность для Англии укрепить свои позиции в Константинополе, что вело к усилению соперничества с Россией[4].

inslav

Благоприятно складывавшаяся для России международная обстановка конца 70-х – начала 80-х годов, победы, одержанные в войне с Османской империей, породили у некоторых представителей российских правящих кругов обширные экспансионистские планы, которые мыслилось осуществить в результате победы в следующей войне с Портой. Так, например, в записке А.А. Безбородко от 1782 г. говорилось, что Россия не нуждается в территориальных приобретениях, кроме Очакова и земель между Бугом и Днестром, Крыма и одного из островов Архипелага в Эгейском море, – для сооружения там военной базы. "В отношении судьбы Оттоманской империи" могут быть два варианта: согласиться на заключение с ней мира и тогда условиться об образовании независимой Дакии из Валахии, Молдавии и Бессарабии; если же Порта будет упорствовать, – восстановить греческую империю "в пользу младшего великого князя"[5] (т.е. Константина Павловича).

Россия и Австрия находились тогда в союзнических отношениях, поддерживая друг друга и в восточных делах. Австрийский император Иосиф II и российская императрица вели оживленную переписку. В сентябре 1782 г. в одном из писем Екатерина II выдвинула предложение на случай ожидаемого распада империи Османов. Повторив в основном идеи Безбородко, она, однако, умолчала о судьбе Крыма. В ответном письме Иосиф II не возражал против русских планов, но заявил о расчете Австрии приобрести часть Валахии и Сербии, Боснию, Истрию и Венецианскую Далмацию. Предполагалось, что Францию можно будет компенсировать приобретением Египта[6].

В этом, так называемом "греческом проекте", получившем широкую и очень неблагоприятную для России огласку в Европе, отражались экспансионистские цели двух держав в отношении Османской империи. С одной стороны, это были территориальные притязания, по большей части осуществленные в близком или далеком будущем и Россией, и Австрией; с другой – нереальная для своего времени идея о сокрушении Турции и создании вместо нее христианских государств – Греческой империи и Дакии, которые, как предполагалось, должны были оказаться в сфере политического влияния России.

Каких-либо попыток осуществить "греческий проект" ни Екатериной II, ни ее наследниками предпринято не было. Он, как считают некоторые отечественные историки, являлся тактическим приемом, одним из дипломатических маневров, помогших обезвредить Австрию в ходе подготовки к присоединению Крыма, произошедшему в 1783 г.[7] Все же представляется, что проект этот был политической реальностью и сохранил свое значение в дальнейших русско-австрийских отношениях. Так, в секретной декларации о союзе России и Австрии 1796 г. говорилось, что в случае "общей" войны двух держав с Портой начертанный в переписке Екатерины и Иосифа "план" должен быть "вполне исполнен... насколько позволят обстоятельства". В документе упоминалось о намерении создать независимое государство в составе Валахии, Молдавии и Бессарабии[8].

inslav

Успехи приводили к головокружению; это поветрие не миновало и Екатерину II. Полушутливо-полусерьезно она называла Турцию "материалом для исправления географических карт"[9].

Примечательны эллинофильские тенденции "греческого проекта". Они отражали действительную заинтересованность Петербурга в привлечении симпатий греков. В ходе войны 1768–1774 гг. и российской экспедиции в Эгейский архипелаг по призыву русского командования в Морее (Пелопоннесе) началось восстание, которое после ухода эскадры было немилосердно подавлено турками. Это вызвало сильное разочарование греков, рассчитывавших на помощь великой православной державы. Смягчить его помогала популяризация освободительных планов Петербурга, демонстрация эллинофильских устремлений. Правительство Екатерины II искало опору в Константинопольской патриархии, среди близкого к ней влиятельного греческого торгово-ростовщического слоя (фанариотов), поддерживало с ними тесные контакты, рассчитывая сделать их проводниками своего политического влияния на балканские народы. Характерно, что идея возрождения греческой империи полностью совпадала с чаяниями этих социальных групп[10]. Но прообразом громадного балкано-азиатского государства служила давно окончившая свое существование Византийская империя, что делало нереальным такого рода замыслы.

Новая спровоцированная Англией и Пруссией русско-турецкая война 1787–1791 гг., которая в 1788–1790 гг. велась вместе с Австрией, протекала в тяжелой для России внутренней и международной обстановке. Екатерина II поэтому шла навстречу стремлениям Габсбургов овладеть Сербией, Боснией, Далмацией. Австрийское и российское командование побуждало турецких подданных помогать своим войскам, распространяло прокламации с призывами, находившими отклик в Сербии, Черногории, Албании, Греции. Сербский "фрайкор" сражался совместно с австрийскими войсками против турок; самостоятельно начали антитурецкие выступления черногорцы; вспыхнули локальные восстания греков и албанцев-христиан; греческие моряки действовали на Средиземном море против турецкого флота.

Но война оказалась неудачной для австрийцев, которые в 1790 г. заключили Систовский мир с Турцией, бросив на произвол судьбы помогавших им сербских добровольцев. Россия, вынужденная вступить в войну со Швецией, из-за враждебной позиции Великобритании не смогла в 1788 г. осуществить намеченную экспедицию в Средиземное море. Но военные действия русской армии и черноморского флота развивались успешно. Ясский мир, заключенный в самом конце 1791 г., передал России новые территории – земли между Бугом и Днестром с крепостью Очаков, однако добиться провозглашения независимости Дунайских княжеств, к чему упорно стремилось правительство Екатерины II, не удалось.

Российский двор, громогласно осуждая Французскую революцию и бдительно следя за тем, чтобы ее тлетворное влияние не распространилось на пределы империи, не спешил с отправкой своих войск на

inslav

поле боя с ниспровергателями тронов. Екатерина II, предав анафеме парижских смутьянов, предоставила неблагодарное дело войны с ними другим, сама же занялась польскими и турецкими делами. Она полагала нужным "содержать все свои силы в полном ополчении, дабы воздерживать в надлежащих пределах зло дальнейшего распространения неистовств и развратов французских"[11], но почему-то "особливо на Востоке", где, объективно говоря, и условий для распространения оных "неистовств" в виде идей свободы, равенства и братства еще не существовало. А сама государыня пока что занималась с оставшимися от прошлого на Балканах делами. В отличие от Англии, Австрии и Франции, для которых восточный вопрос на какое-то время отошел на второй план, для России его решение продолжало оставаться первостепенным и важнейшим.

Насущной задачей стало усиление российского влияния в Константинополе, улучшение отношений с Портой. Осуществление ее было начато чрезвычайной миссией М.И. Кутузова (1793–1794) в Стамбуле, закончившейся успешно. В середине 1790-х годов активность российской дипломатии в этом направлении возрастала и выразилась в деятельности посланника В.П. Кочубея. К этому времени ясно обозначились агрессивные намерения Франции в Южной Европе и Средиземноморье. Позиция наблюдателя в англо-французской борьбе становилась неприемлемой для России, и в 1795 г. она вступила в коалицию с Великобританией и Австрией против Франции, но от военных действий воздержалась. Между тем успехи армии Бонапарта в Италии в 1796 г. привели к фактическому установлению французской власти в новых итальянских государствах, в 1797 г. французы заняли Ионические острова и закрепили их за собой по миру в Кампо-Формио, прихватив заодно и примыкавшее к ним побережье. В состав Австрии вошли бывшие венецианские владения – Истрия, Далмация, Бока Которская (Бокко ди Катарро). Для обеих сторон эти новые владения могли стать опорной базой дальнейших завоеваний на Балканах и в Средиземноморье. Особую тревогу вызывали экспансионистские устремления Франции, которая фактически отказалась от традиционной позиции друга и покровителя Османской империи и начала захватывать ее владения.

В Петербурге, конечно, учитывали, что дальнейшие завоевания наполеоновской Франции на Балканах и Ближнем Востоке могут привести к полному сокрушению Османской империи, место которой займут французские владения. Такая перспектива не только противоречила интересам России на Балканах, в районе проливов из Черного в Средиземное море, но и создавала прямую угрозу для Северного Причерноморья и Крыма.

Захват Францией у бессильной Венеции Ионических островов и примыкавшего к ним побережья материка вызвал чрезвычайную тревогу и в Константинополе. Появились опасения высадки французов в Греции. Все же Порта не теряла надежды на сближение с Францией, хотя учитывалось, что это может расстроить отношения с

inslav

ее противниками. К тому же новый российский монарх, как казалось, не был намерен продолжать активную политику своей покойной матери*.

Нарастание угрозы наполеоновской экспансии во владения Османской империи, нападение Бонапарта в середине 1798 г. на Египет заставило турецкое правительство сделать выбор и пойти на сближение с Россией – фактически единственным имевшим мощный флот европейским государством, готовым помочь своему южному соседу.

Дипломатическая деятельность в Стамбуле российского посланника В.П. Кочубея и заменившего его в начале 1798 г. В.С. Томары, которым было поручено предельно укрепить русско-турецкие отношения и которые умело отражали попытки французских представителей подчинить Порту своему влиянию, была успешной. Россия стремилась не допустить французских завоеваний на Балканах и Ближнем Востоке и постоянно запугивала Порту опасностью таковых. При этом использовалась приманка – те же Ионические острова. С весны 1798 г. перед Портой была выдвинута идея о превращении этих чрезвычайно важных в стратегическом отношении островов в государство типа автономной Дубровницкой (Рагузской) республики, находящейся под турецким протекторатом[12].

Таким образом, в 1798 г. под влиянием международной обстановки и внутренней ситуации как в России, не готовой к новой войне на Востоке, так и в Османской империи, занятой подготовкой и проведением реформ, противоречия между двумя государствами смягчились. Их общий интерес сосредоточился на защите от французской экспансии в Южной Европе, на Балканах, Ближнем Востоке. Все это создало условия для резкой перемены в расстановке сил на международной арене в борьбе вокруг восточного вопроса, для заключения впервые в истории международных отношений русско-турецкого оборонительного союза.

[1] О Кючук-Кайнарджийском договоре см.: *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. Текст договора: Там же. С. 349–360.

[2] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1879. Т. XXIX. С. 203.

[3] *Достян И.С.* Значение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в политике России на Балканах в конце XVIII и XIX вв. // Etudes balkaniques. Sofia, 1975. N 2.

[4] *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798–1807. М., 1962. С. 63–73.

[5] Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 26. С. 385.

[6] Екатерина II – Иосифу II 10(21) сентября 1782 г.; Иосиф II – Екатерине II 13 октября 1782 г. // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 281–291, 296–300.

[7] См. об этом: *Миллер А.Ф.* Мустафа паша Байрактар. М.; Л., 1947. С. 66–67; *Маркова О.П.* О происхождении так называемого греческого проекта // История СССР. 1958. № 4. С. 52–78; Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 367.

* См. соответствующие разделы книги.

inslav

[8] *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. II. С. 244–245; *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения... С. 54.

[9] Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 130.

[10] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 67.

[11] Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. 631.

[12] *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 65.

inslav

МАЛЬТА, АБУКИР И ПИРАМИДЫ

В августе 1797 г. Наполеон Бонапарт писал: "Недалеко то время, когда мы поймем, что ради падения Англии мы должны завоевать Египет"[1].

В конце того же года он провел инспекцию французских баз на побережье Ламанша. Он пришел к выводу, что на северном побережье у Франции слишком мало сил, чтобы обеспечить успешную высадку десанта в Англии или Ирландии. К тому же он трезво оценивал сообщения из Англии и понимал, что не следует рассчитывать на то, что после высадки французских войск английский народ встанет под знамена, на которых написано "Свобода, равенство, братство".

14 февраля мнение Наполеона относительно желательности захвата Египта поддержал Талейран. Он представил записку с подробным изложением доводов в пользу такого шага. Он считал, что при этом равно важны две цели, к которым следует стремиться, – получение в распоряжение Франции всех ресурсов, которыми располагал Египет, и возможность блокировать пути Британии в Индии[2].

23 февраля 1798 г. аналогичный мемуар представил Директории Наполеон. Он требовал отказаться от планов высадки десанта в Англии и вместо этого атаковать Ганновер (владение английской королевской династии) или захватить Египет. Предпочтительно Египет, так как это принесет гораздо большие выгоды французской казне[3].

Тогда же начались активные приготовления к оснащению крупного флота в гавани Тулона. Подробные данные оттуда получал один из лучших английских разведчиков того времени, занимавший пост британского консула в Леггорне, Р. Адни. Он сообщил, что французы подготовили тринадцать линейных кораблей, семь фрегатов (каждый из которых имел на борту сорок пушек), двадцать четыре более мелких военных судна и почти двести транспортных судов. Кроме того, ему стало известно, что первой целью военной экспедиции будет Мальта. "С большой долей вероятности" он предполагал, что после Мальты французский флот направится к Египту[4].

В это время Англия держала в Средиземном море не очень большую эскадру. Кстати, этот факт тоже был учтен Наполеоном в его планах египетского похода. Преодолев сопротивление многих высокопоставленных офицеров флота, главнокомандующий лорд Дж. Сент-Винсент поручил командование средиземноморской эскадрой сэру Гора-

© Л.В. Зеленина

inslav

цию Нельсону, который отплыл из Гибралтара 9 мая 1798 г. У него было всего три линейных корабля, четыре фрегата и один легкий шлюп. В ночь на 21 мая эскадру разметало жестоким штормом. Флагманский корабль Нельсона "Вэнгард" серьезно пострадал во время бури.

"Вэнгард" и взявший его на буксир "Александер" вошли в гавань Св. Петра, принадлежавшую Сардинскому королевству. Позже Нельсон утверждал, что эта буря была ниспослана свыше, так как именно в тот день французская армада вышла из Тулона, и, если бы не шторм, французы, разумеется, разгромили бы маленькую эскадру англичан: курсы двух кораблей, как показало сравнение данных судовых журналов после битвы при Абукире, разделяло всего несколько лиг[5].

В это время на всем Средиземноморском побережье уже было известно, что британское правительство объявило о своем решении считать враждебными Англии правительства тех стран, губернаторы портовых городов которых не позволят кораблям Средиземноморской эскадры закупать нужные им припасы. Сардинское королевство полагалось дружественным Британии государством. Однако его континентальные владения уже были захвачены французами, и король Фердинанд серьезно опасался, что Директория воспользуется дружественным жестом по отношению к Англии, чтобы захватить и островную часть. Поэтому Нельсону было отказано в праве войти в гавань Св. Петра, но он пренебрег разрешением. Корабли были переоснащены и снабжены припасами за четыре дня! Как писал сам адмирал, по нормам британского Адмиралтейства на это могло уйти более трех месяцев. Кроме того, эта задержка дала возможность Нельсону получить подкрепление из Англии. Его эскадра пополнилась одиннадцатью линейными кораблями, десять из которых имели на борту по семьдесят четыре пушки. К сожалению, после шторма Нельсон не смог восстановить контакт с фрегатами своей эскадры. Это заметно осложнило всю его систему связи, так как именно фрегаты, более легкие и значительно более быстроходные, чем линейные корабли, использовались для сбора разведданных впереди по курсу, для захода в порты, к которым даже не приближались тяжелые корабли.

Зная о намерениях Наполеона захватить Мальту, Нельсон отправился было туда, но 22 июня узнал, что французский флот уже 16-го числа, сравнительно легко заняв Мальту и оставив там свой гарнизон, вышел в море и двинулся в восточном направлении. Подтверждались сведения Р. Адни: Наполеон, по-видимому, плыл к Египту. Английская эскадра отправилась в погоню.

Нельсон встал на якорь на рейде Александрии 28 июня. Французов нигде не было видно, за недельное плавание ему не удалось добыть каких-либо сведений от встречных судов. Огромный флот словно растворился!

На берегу Нельсон узнал, что губернатор Александрии, получив (частным образом) из Леггорна, от Р. Адни, сообщение о готовящейся атаке на Египет, старается подготовить город к обороне, восстанавливая по мере сил и возможностей старинные укрепления[6].

inslav

Предположив, что тяжелые транспортные корабли французов могли задержаться в пути, Нельсон решил попытаться перехватить их севернее. Сначала он направился к Карамании, а затем прошел вдоль южного берега Кандии (Крита). Не обнаружив противника, английская эскадра вернулась к берегам Сицилии. Неудачная экспедиция Нельсона вызвала бурю негодования британского общественного мнения. Ругали и главнокомандующего, лорда Сент-Винсента, за то, что он доверил столь ответственную задачу сравнительно молодому офицеру.

Корабли прибыли к берегам Неаполитанского королевства в весьма плачевном состоянии. Требовалось серьезное переоснащение почти всех линейных кораблей, которые при полном парусном ходе несли на себе огромный груз пушек. Но здесь пришлось столкнуться с ситуацией, аналогичной той, что была у Сардинских берегов: правительство не желало нарушать свои пока достаточно лояльные отношения с Директорией и фактически отказало союзнику в любой помощи.

Нельсону помогли женщины. Он посетовал на эти трудности супруге английского посланника в Неаполитанском королевстве леди Э. Гамильтон. Та, в свою очередь, сообщила королеве Каролине-Антуанетте, что ее министры не спешат помочь Британии. Королева, родная сестра гильотинированной французской королевы Марии-Антуанетты, пришла в ярость. Она была готова на все, чтобы способствовать падению ненавистного ей режима во Франции. Через леди Гамильтон Нельсону были переданы личные приказы королевы на имя губернаторов всех портов Сицилии. Нельсон сумел полностью переоснастить флот и получить необходимые припасы в Сиракузском порту[7].

После этого Нельсон сообщил лорду Сент-Винсенту, что планирует вновь отправиться к берегам Египта, так как не видит оснований сомневаться в сведениях Р. Адни. "Но пусть они (французы. – *Л.З.*) собрались даже к антиподам, – заключал он свое письмо, – ваша светлость может не сомневаться, что я не потеряю ни секунды, чтобы начать с ними битву"[8].

25 июля эскадра снялась с якоря на рейде Сиракуз и направилась к Морее. 28 июля она достигла залива Корон. В порту Нельсон узнал, что французский флот видели в море примерно четыре недели назад – он направлялся на юго-восток от Крита. Нельсон устремился к берегам Египта.

Пока Нельсон "странствовал" по Средиземному морю, Наполеон одержал две победы, которые всячески восхваляли в Париже. 8 июня 1798 г., когда французский флот подходил к Мальте, гроссмейстеру Мальтийского ордена фон Гомпешу было передано письмо Наполеона с требованием впустить его в гавань, чтобы пополнить запасы пресной воды. К вечеру срочно созванный орденский капитул, ссылаясь на прецедент времен русско-турецкой войны 1768–1774 гг., постановил, что в порт можно впустить только четыре военных корабля иностранной державы. Получив это извещение, Наполеон отдал приказ начать штурм.

Предлог – отказ в пресной воде – был для Наполеона простой

inslav

формальностью. Еще 12 апреля Директория одобрила захват Мальты. Орден обвиняли в том, что он занимает враждебную Франции позицию, что он не только принял множество французских эмигрантов, но и предоставил им весьма высокие посты. Упоминалось даже о том, что Орден готовится сдать остров стране, с которой Франция воюет. Непонятно, о каком государстве шла речь, – о России или об Англии.

Штурмом острова командовал Бертье. К вечеру 10 июня французы овладели всем островом, за исключением трех крепостей. Но самую "мощную" из них, Ла Валетт, защищали всего... семнадцать человек. Нескольких рыцарей, призывавших мальтийцев на стены крепости, растерзала перепуганная толпа, опасавшаяся, что в случае активного сопротивления "лучшая армия Европы" сметет с лица земли все и вся. 11 июня на борту "Ориента" была подписана конвенция о сдаче всего острова французам. Начался его беззастенчивый грабеж[9].

По подсчетам современных исследователей, за ту неделю, что Наполеон пробыл на острове, на борт флагманского корабля "Ориент" со ста двадцатью орудиями на борту было погружено более девятисот семидесяти двух тысяч старинных книг и почти на двадцать восемь миллионов мальтийских лир изделий из золота и серебра. Были уничтожены ценнейшие памятники и реликвии. Большая часть этих ценностей и все книги погибнут, когда огонь английских пушек отправит "Ориент" на дно Абукирской бухты. К этому времени часть золота и серебра будет уже перелита в слитки и продана в Александрии[10].

Французский флот прибыл в Египет 1 июля и бросил якорь в Абукирской бухте примерно в пяти лье к северу от Александрии. Хотя по приказу Наполеона вице-адмирал Брюи предлагал до 10 тыс. ливров лоцману, который укажет стоянку ближе к Александрии, никто не рискнул подвести близко к берегу корабли, осадка которых иной раз превышала двадцать футов. Высадившаяся на берег 40-тысячная армия двинулась на юг; 21 июля в битве у Пирамид она разгромила войско управлявших Египтом мамлюков и заняла Каир.

Между тем около четырех часов дня 1 августа 1798 г. французский флот был обнаружен английской эскадрой. Нельсон атаковал немедленно. Пять английских кораблей, воспользовавшись благоприятным ветром и слабым течением, прошли между линией французских кораблей, стоявших на якоре, и берегом, и обрушили на них шквал огня; у французов даже пушки, обращенные к берегу, не были подготовлены к сражению.

Нельсон возглавлял вторую линию своей эскадры. Англичане потеряли один корабль, который оказался под огнем с "Ориента". Противостоящий ему семидесятичетырехпушечный "Беллерофон" был просто сметен первым же залпом вместе с двумя стами человек на его борту. Но на его место уже шли еще два английских корабля...

Тем временем быстро смеркалось. Англичане захватили три корабля противника. Нельсон был ранен. Он передавал командование капитану Харди на тот случай, если рана оказалась бы слишком серьезной. В это время стало видно, что французский флагман горит.

inslav

Адмирал Брюи был убит. Около десяти часов вечера "Ориент" взлетел на воздух. В течение почти часа после этого противники не стреляли друг в друга. Английские моряки подняли из воды лишь около семидесяти человек, выживших после взрыва. Незадолго до полуночи канонада возобновилась и окончательно смолкла в три часа утра.

На рассвете два французских линейных корабля и два фрегата, которые не участвовали в бою, а стояли на якоре поодаль, перерезав якорные канаты, ушли из бухты. Только им и удалось спастись. Англичане захватили девять линейных кораблей и два фрегата. Три судна сгорели, одно было потоплено. Французский флот был полностью разгромлен. Наполеон потерял всякую возможность связаться с Францией. 40-тысячный французский корпус оказался фактически блокированным[11].

Нельсон не замедлил воспользоваться ситуацией: сухопутным путем он немедленно отправил курьера в Индию. В депеше, адресованной губернатору Бомбея, он сообщил о прибытии французов в Египет, о полной гибели их флота и неспособности Наполеона двинуться на Индию: транспортный флот французского корпуса был легко блокирован в Александрийской бухте. Нельсон послал этого курьера за свой счет, приписав только, что, если Ост-Индская компания сочтет полученные сведения важными и интересными, он надеется, что она оплатит его расходы. Компания откликнулась более чем щедро: Нельсон получил "в возмещение расходов на курьера" десять тысяч фунтов стерлингов. От Левантийской компании – драгоценный сервиз. Султан Селим III прислал в дар победителю при Абукире соболиную мантию, которую позже в Лондоне оценили в пять тысяч талеров, и бриллиантовый аграф, оцененный в восемнадцать тысяч. Этот аграф Селим собственноручно снял со своего тюрбана, что считалось огромной честью, и вручил британскому посланнику для передачи герою. Кроме того, султан передал две тысячи цехинов для раздачи раненым и больным.

Не осталась в стороне и Михри-ішах, мать Селима III. (Она была по происхождению грузинкой и дочерью православного священника. В девятилетнем возрасте ее – очень красивую девочку – похитили разбойники и продали в султанский сераль. Будучи любимой женой и советчицей султана Мустафы III, она выучила не только турецкий, арабский и персидский языки, но и испанский и французский.) Михришах прислала в подарок Нельсону золотую шкатулку, украшенную бриллиантами. Эту шкатулку оценили в 1 тыс. ф.ст.

На родине его заслуги оценили также достаточно высоко. Король пожаловал ему титул барона. Правда, кое-кто считал, что за такую победу полагается титул куда более высокий. Питт на это заявил, что потомки будут помнить не титул героя, а его имя – Нельсон[12].

В целом же Египетский поход Наполеона и Абукирская битва имели далеко идущие последствия. Во-первых, перед угрозой французского нашествия объединялись прежние враги и соперники. Во-вторых, Османская империя была крайне встревожена еще переходом

inslav

Ионических островов под власть Франции, которая таким образом становилась непосредственным соседом владения Высокой Порты. А нападение на Египет – формально вассала турецкого султана – было актом прямой и неспровоцированной агрессии против традиционного друга и союзника.

Антифранцузские настроения в Стамбуле в полном согласии разжигали русский посланник В.С. Томара и английский – Ч.С. Смит. Кузен английского посланника В.С. Смит, находившийся в то время в Египте, успешно руководил укреплением крепости Сен-Жан-д'Акр (Акка), у стен которой захлебнулось победное шествие французских войск.

Успешная оборона Акки, помимо чисто военного значения, имела и огромный общественно-политический резонанс. Она оценивалась как реванш за сдачу Тулона. Обе крепости оборонял Сидней Смит, осаждал Наполеон Бонапарт.

Уже в августе 1798 г. начались англо-русские переговоры о заключении союза. Система должна была быть той же, к которой за последние годы привыкла Англия, – Россия обязывалась предоставить свои войска и флот, Англия – выплачивать ей ежемесячную субсидию в 75 тыс. ф.ст. России единовременно выплачивалось 225 тыс. ф.ст. – на первые расходы[13]. Россия, со своей стороны, обязывалась отправить в поход отряд в 45 тыс. человек. Кроме того, летом–осенью того же года в Англию были направлены три отряда российских военных кораблей.

Тем временем в Стамбуле велись русско-турецкие переговоры о заключении союзного договора. Английский посланник присутствовал на всех встречах В.С. Томары с ренс-эфенди[14]. В свою очередь, Лондон сообщал на берега Невы подробности о ходе переговоров с Портой.

К концу 1798 г. сложилась система союзных договоров, не имевшая прецедента. Османская империя и Россия впервые в истории выступили единым фронтом. Турция стремилась всячески оборониться от когда-то верного союзника – Франции. (Подробно о позиции и действиях Высокой Порты и Российского кабинета см. ниже.) Все это было не только внове, но и выгодно всем участникам намечающейся коалиции. Правда, государственный долг Англии увеличился до астрономической суммы – полмиллиарда фунтов стерлингов.

К коалиции присоединилось Неаполитанское королевство, которое осенью того же года выступило против Франции и было разгромлено в течение недели. Королевское семейство укрылось на Сицилии, под надежной защитой британского флота.

12 октября 1798 г. малочисленная эскадра под командованием капитана Болла начала блокаду Мальты. К тому времени против французского гарнизона взбунтовались островитяне, по горло сытые грабежами и насилием, творимыми под лозунгом "Свобода, равенство и братство". Но в отличие от рыцарей-госпитальеров у французов под командованием генерала Вобуа было достаточно и припасов, и людей. Осада Мальты длилась до 4 сентября 1800 г.

В целом же хронология заключения договоров, составивших суть второй коалиции, была следующей.

inslav

1 декабря 1798 г. Неаполитанское королевство заключило союзный договор с Англией.

29 декабря 1798 г. (н.ст.) – договор между Россией и Англией.

29 декабря 1798 г., в тот же день, – договор между Россией и Неаполитанским королевством.

3 января 1799 г. – союзный договор между Россией и Турцией.

5 января 1799 г. – союзный договор между Турцией и Англией.

10 января 1799 г. – союзный договор между Турцией и Неаполитанским королевством.

Позже к коалиции формально присоединилась Австрия, связанная союзным договором с Англией с 1795 г.[15]

В ходе переговоров Англия и Россия взяли на себя обязательство не требовать от Османской империи никаких территориальных уступок. Говорилось также о совместной гарантии владений всех держав в их довоенном виде. Турция обязалась выставить стотысячную армию; Англия – послать против Франции свой флот, равно как и Россия. Неаполитанские порты, имевшие большое стратегическое значение, должны были служить базой для союзных флотов.

Правда, в январе 1799 г. династия Бурбонов в Неаполитанском королевстве была свергнута, на его территории была провозглашена Партенопейская республика. Но Сицилия по-прежнему оставалась под контролем английского флота и могла служить удобной базой.

Русский военный флот в это время уже был в османских территориальных водах. И надо отметить, что Англия отнеслась к этому факту без энтузиазма. Вторая коалиция изначально оказалась непрочной.

[1] Correspondance de Napoléon I. P., 1859. T. III. P. 311.

[2] *Andersen M.S.* The Eastern Question 1774–1923. L. Melbourne; Toronto. 1966. P. 25.

[3] *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798–1807. М., 1962. С. 84.

[4] *Southy R.* The Life of Nelson. 8th ed. L., 1845. P. 133–134. По данным современных исследователей, число французских транспортов превышало три сотни.

[5] Ibid. P. 157.

[6] Ibid. P. 138.

[7] *Эджингтон Г.* Адмирал Нельсон. М., 1992. С. 104–106.

[8] *Southy R.* Op. cit. P. 142.

[9] *Перминов П.* Под сенью восьмиконечного креста: Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 1991. С. 104–106.

[10] Там же. С. 107.

[11] Подробное описание Абукирской битвы см.: *Southy R.* Op. cit. P. 141–160.

[12] Ibid. P. 162.

[13] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1874. Т. IX (X). С. 418–425.

[14] *Станиславский А.М.* Указ. соч. С. 100.

[15] The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923. Vol. 1. P. 297–298.

inslav

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: КРИЗИС И РЕФОРМЫ

Эпоха наполеоновских войн вовлекла в свою орбиту фактически, помимо Европы, Северной Америки, "обеих Индий", все Восточное Средиземноморье. Последний регион составлял в то время основную часть владений "Гранд Тюрка" – султана Османской империи. Султаны Селим III (1789–1808) и его преемник Махмуд II (1808–1839) принимали самое деятельное участие в военных и политических событиях этой бурной эпохи.

Не раз балканские, египетские, левантийские (сирийско-палестинские) и собственно турецкие, малоазиатские территории Османской империи становились яблоком раздора держав, попадали в сферу интересов военных и дипломатов европейских кабинетов.

Османскую феодальную систему периода вторжения Наполеона на Ближний Восток и в Юго-Восточную Европу после 1798 г. олицетворяло централизованное военизированное государство с развитым административным аппаратом, которое (более успешно на исламизированных, менее – на христианских территориях) контролировало поступление и распределение ренты-налога. Государство было главным земельным собственником.

К 1790-м годам единая форма земельной собственности – государственная, реализуемая через ренту-налог, все чаще дополнялась другой – частнофеодальной собственностью. В феодальном османском классе образовались новые подгруппы (аяны, чифтликчи), связанные с частным владением землей, с повышением нормы эксплуатации крестьянина на издольной основе, нередко с применением барщины, что прежде было не характерно для османского аграрного строя. Эти процессы наиболее заметно проявлялись на балканских, особенно приморских, территориях и должны учитываться, когда мы говорим о поисках союзников среди османских подданных членами соперничавших политических группировок европейских держав.

К тем силам и слоям в османском обществе, к которым в первую очередь обращали свои взоры европейские военные и дипломаты, принадлежали ленники – сипахии различных категорий. "В эпоху общего ослабления сил порядка", как назвал известный историк османского периода Ахмед Расым рубеж XVIII–XIX вв.[1], сипахии сосредоточивались отнюдь не на защите османских территорий, а на перераспределении ренты-налога, на отчуждении в свою пользу все большей ее

© В.И. Шеремет

inslav

части, на превращении условных держаний в безусловные владения, изъятые из-под контроля Высокой Порты, как тогда называли османское правительство. Наиболее интенсивно этот процесс протекал на Балканах. Здесь наделы сипахиев – тимары и зеаметы чаще попадали в руки лиц, не принадлежащих к феодальному кругу эксплуататоров, дробились и исчезали либо, наоборот, укрупнялись и превращались в фактическую собственность верхушки местного военно-бюрократического аппарата. Раньше, чем в других областях империи, на Балканах проявилась тенденция к созданию товарного хозяйства с использованием издольщины – чифтликов, формировалась крупнопоместная сельская знать. Так вне военно-ленной системы формировались элементы новой институционной структуры. В этих кругах интерес к контактам с военными, политическими и дипломатическими представителями западных (к ним относилась и Россия) держав был наиболее велик. Среди них были активные сторонники переустройства на Востоке и Балканах. В плане внешнеполитическом они ориентировались на разные державы. Впрочем, руководствовались они чаще всего сиюминутными выгодами и влияли на принятие политических решений в Высокой Порте с позиций замкнутого регионализма. Это, в свою очередь, делало Османскую империю ненадежным партнером по коалициям и давало повод оценивать отдельные ее области как возможные объекты политических комбинаций либо военных плацдармов.

"Единое неудовольстве в народе", – так определил ситуацию в империи посетивший ее в 1793 г. М.И. Кутузов[2]. "А ныне ропот перешел в стенание и все ищут со стороны, откуда придет избавление", – вторил ему путешествовавший в 1798 г. по Османской империи В.П. Кочубей[3].

Побывавшие на рубеже XVIII–XIX вв. в турецких землях русские и европейские наблюдатели отмечали удручающее состояние деревень, массовый исход крестьян в города, особенно характерный для селений вдоль главных дорог Европейской Турции, по которым передвигались по обыкновению мародерствовавшие войска Высокой Порты или вооруженные до зубов отряды конфликтовавших пашей[4]. Складывался порочный круг. Сипахи уклонялся от военной службы, полагаясь на доход от своего надела. Однако верховным собственником всей земли в империи оставался султан, который, опираясь на профессиональную часть армии – янычар, мог не только насильно доставить сипахи в армию, но и лишить надела. Немусульмане вообще не имели собственной земли, но и не служили в армии. С них можно было получить еще один, чрезвычайный военный налог. Но армию и ситуацию в стране все это отнюдь не укрепило.

Высокие размеры ренты-налога, "янычарские" методы ее выкачивания, концентрация наиболее плодородной земли в руках мусульман – в сочетании с растущим уровнем социального расслоения как турецкого, так и нетурецкого населения – все это обостряло противоречия в первую очередь между христианским населением Балкан и османским

inslav

государством. Падала значимость сипахийского воина, превращавшегося в помещика, далекого от ратного дела.

Османская феодальная система самым отрицательным образом сказывалась также на перерастании ремесленного производства в более прогрессивную раннюю капиталистическую промышленность.

Страна отличалась не только обширной территорией и огромной по тому времени численностью населения – 25 млн человек (1798–1799), но и богатством разведанных полезных ископаемых. Так, в донесениях русских консулов конца XVIII в. сообщалось, что "железа... довольно в Македонии и Боснии, медные заводы имеются около Эрзерума... имеются в достатке серебряные и свинцовые руды... особенно полезные для военного дела"[5]. В сопредельных с империей европейских странах развивалась мануфактура. В передовых странах Европы осуществлялся промышленный переворот, революционизировавший производство оружия. В Османской империи господствовало мелкое ремесленное производство, в том числе и при изготовлении оружия, включая огнестрельное.

Османские хронисты прошлого века и немалая часть турецких историков в новейшее время были склонны объяснять отставание отечественного сельского хозяйства, промышленного и военного производства от западного преимущественно бесчисленными бунтами немусульман, междоусобиями ленников-сипахи, пренебрежительным отношением к долгу и безответственностью в профессиональной части армии, т.е. в янычарском корпусе. Однако отставание во всех сферах хозяйственной жизни и неизбежная расплата – ослабление военной мощи империи – было следствием стагнации военно-ленной системы.

Что же касается османского центра власти – султана и Высокой Порты на исходе XVIII и в начале XIX в., – то он продолжал использовать неэффективные в новых условиях военно-принудительные методы для сдерживания распадавшегося хозяйственного организма, в частности в сельском хозяйстве, которое пытались поддерживать с помощью военной силы карательных походов и ремесленного производства, основанного на цеховой, достаточно военизированной принудительной организации.

Эснафы, или торгово-ремесленные объединения, рассматривались Портой как единственный механизм снабжения горожан продовольствием и товарами первой необходимости, а также как заслон против проникновения дешевых "машинных товаров" из Европы, – механизм, призванный сохранить существующую систему производства, распределения и контроля за жизнью городских ремесленных слоев. В областях с относительно компактным турецким населением эснафам отводилась роль единственного регулятора экономической жизни городов и отчасти деревни в том, что касалось производства сырья и продовольствия для городов.

В Европейской Турции с ее преимущественно нетурецким населением функция цехов была значительно многообразнее. Здесь эснафы вписывались в систему национально-религиозных общин – "миллетов".

inslav

Вплоть до начала массовых национально-освободительных движений балканских народов миллеты служили как бы вторичной административной структурой в многонациональных областях империи.

В Греции, Сербии, Болгарии турецкие власти опирались на верхушку миллетов, в состав которых входили и старейшины смешанных цехов. Через эснафы рекрутировались необходимые кадры шорников, оружейников, строителей на периоды военных кампаний. А таковые в эпоху наполеоновских войн следовали одна за другой.

Как показали исследования балканских историков, – Н. Тодорова, Б. Цонева, Н. Вучо и др., – молодая балканская буржуазия использовала миллеты и эснафы в качестве минимальных гарантов предпринимательской деятельности. В недрах этих организаций зрел зародыш национальных вооруженных формирований.

Другим рычагом воздействия государства на экономическое развитие страны служила система государственных монополий, или ед-и вахит. Введение особыми султанскими указами периодически (при неурожаях, массовых эпидемиях, войнах) фиксированных цен и монополий на продажу определенных видов продовольствия (ячмень, пшеница) и сырья (шерсть, порох, свинец, сталь и др.), равно как и ограничений на экспорт этих товаров, осуществлялось в интересах прежде всего доходов казны, снабжения продуктами населения столицы и крупнейших городов во избежание голодных бунтов и для контроля за производством и ввозом военных материалов и оружия.

Селим III и Махмуд II считали систему монополий и жесткой регламентации деятельности эснафов главным средством оживления сельскохозяйственного и ремесленного военного производства в эпоху войн в Европе начала XIX в. Однако во время войны с Россией (1806–1812) стало очевидно, что система ед-и вахит превратилась в источник злоупотреблений крупнейших откупщиков и местных властей.

Крайне пагубно система ед-и вахит сказывалась на местной промышленности Балкан, связанной в первую очередь с рынками втянутых в противостояние коалиций соседних европейских государств, а не с другими областями Османской империи. Как правило, здесь в одних алчных руках сосредоточивались откуп монополии, т.е. ильтизам, и скупка определенного вида сырья или продукции по ценам нередко во много раз ниже рыночных. Что же касается цен на предметы первой необходимости и продукты, то их произвольно устанавливали откупщики – мюльтезимы, и цены эти, как правило, не соответствовали весьма низкому уровню покупательской способности балканского населения.

Монополии не сыграли никакой существенной роли в сдерживании притока оружия в империю. Вплоть до организации отлаженного национального производства огнестрельное оружие попадало в страну несколькими путями – прежде всего через сербо-австрийскую границу в 1790-х годах и через Закавказье в начале XIX в.[6]

Застойный характер османского общества в полной мере отразился также и на развитии обмена, формировании внутреннего рынка, на

inslav

внешнеторговых связях. К началу XIX в. исследователи уверенно отмечают наличие богатой, предприимчивой и достаточно консолидированной торговой буржуазии у греков, равно как формирование таковой у других балканских народов. Однако дальнейшему упрочению торговых связей между отдельными областями и складыванию единого рынка мешали произвол представителей военно-бюрократической турецкой верхушки на местах и многочисленные внутренние таможни, а также отсутствие единой системы мер и весов, фальсификация властями куруша и падение его курса в 10–12 раз с 70-х годов XVIII в. к 20-м годам XIX в.

В этих условиях молодая городская буржуазия, особенно балканских провинций, начала ориентироваться на внешнюю, посредническую торговлю, в том числе оружием. Тесные экономические и политические контакты с западными коммерсантами, осуществлявшиеся под сенью капитуляций, означали для нее неизмеримо больше, чем связи с партнерами-турками, не защищенными национальным законодательством. Обозначилась еще одна грань этнополитического противостояния: турок – военный и военный администратор (правитель-вали и его окружение) против нетурка-предпринимателя, торговца, т.е. формальная власть против реального капитала[7].

По мере усиления позиций европейского торгового капитала в Османской империи укреплялась и расширялась система капитуляций, под защитой которой действовали негоцианты Франции, Англии, Австрии, России и их представители из греков, евреев, армян, болгар. Капитуляции из разовых пожалований султана на торговые операции европейцев в портовых городах к началу XIX в. превратились в серию закрепленных в договорах Порты с ведущими европейскими державами преимуществ лицам, торговавшим под их флагом, в ущерб торговцам-туркам. В числе преимуществ были такие: экстерриториальность, право выбора валюты при расчетах, минимальные ввозная (3%) и вывозная (5%) пошлины, освобождение от ряда налогов, которые платили торговцы-турки при транспортировке грузов из порта в порт и т.д. Символические ввозные пошлины (3% от объявленной стоимости ввоза) сочетались с весьма вольной установкой цен на ввозимые европейские товары*. Пошлины и цены устанавливали мусульманские судьи (кади) по согласованию с местными оптовиками, как правило, нетурками, располагавшими бератами – разрешениями на торговлю на правах иностранцев.

Несмотря на султанские ферманы, поощрявшие активную внешнюю торговлю крупных торговцев-мусульман, по существу все экспортно-импортные операции оказались в руках инонационалов, приобретавших двойное подданство, – османское и той державы, с которой они вели многомиллионную торговлю[8]. Через представителей инонациональной торговой буржуазии – греков, болгар, сербов, армян –

* Для сравнения отметим, что внутренние пошлины достигали 12 и более процентов; с товаров, привозившихся турецкими торговцами для продажи в портах, – 33%.

inslav

в Османскую империю проникали гуманистические идеи Американской и Французской революций, в их рядах закладывались организованные формы борьбы, создавалась вооруженная оппозиция султанскому режиму, которая после освобождения стала ядром национальных армий.

В турецкой историографии неоднократно отмечалось, что во второй половине XVIII в. Высокая Порта по существу утратила контроль над экономическим развитием. В государственном управлении царили произвол и коррупция. Султан Селим III с тревогой писал великому визирю: "От чрезмерного угнетения мир впал в разруху. Вздохи и стенания райи достигают небес. Райя осталась без сил. Нет ни судей, ни наибов, ни аянов, которые бы не чинили насилия. Все они как раз из тех людей, каким не следует поручать дела управления"[9].

Все более осложнялась внутриполитическая ситуация, в частности обострилась борьба между отдельными прослойками феодального класса, в том числе между окраинными феодалами и поставленными там пашами, между пашами-наместниками и центральной властью. Османская империя, сложившаяся в централизованное государство в период крупных военных побед турок, утратила былую мощь и относительное единство, достигнутое в ходе завоеваний. Экономически раздробленные многонациональные владения испытывали давление со стороны сепаратистов-феодалов, как правило, использовавших освободительные движения на местах. Ваххабиты создавали в Аравии свое государство. В Сирии утвердился Джеззар-паша. В Египте хозяйничали мамлюки, в Ираке – кюлемены, в Алжире – местные деи, каждый из которых, как писал А. Расым, "вредил общему делу единства государства"[10].

Боснийские феодалы Омер и Осман Пазванд-оглу, укрепившиеся в Видине, Али-паша Тепелена – в Янине использовали в своих целях набиравшее силу освободительное движение народов Европейской Турции и, как комментировал все тот же А. Расым, действовали то вкупе со славянами и греками против центральной власти, то вместе с ней против прежних союзников. Даже в самой Анатолии мощные феодальные роды, враждовавшие между собой и все вместе – с Портой, были фактически независимы от центральных властей в Константинополе.

Подробно описывая отдельные восстания пашей-сепаратистов в конце XVIII – начале XIX в., турецкие историки объясняют их личными амбициями сепаратистов, происками европейской дипломатии, поощрявшей их в корыстных целях, нередко сетуют на сокращение доходов Высокой Порты – следствие прекращения победоносных войн и уменьшения налоговых поступлений с подданных, благосостояние которых "было подорвано проигранными войнами и плохим управлением"[11].

Кризис не мог не отразиться на армии. В последние два десятилетия XVIII в. армия империи номинально состояла примерно из 200 тыс. сипахийского ополчения и постоянного войска, в том числе около 75 тыс. янычар. Турецкие историки, однако, отмечают низкий

inslav

уровень боевой подготовки османской армии, причем как в сипахийской коннице, так и в янычарском корпусе. Дезорганизованная армия стала объектом ненависти и христианского, и турецкого населения. Бесчинства армии послужили причиной ряда восстаний сербов, греков, болгар[12].

Тяжелые поражения турецкой армии в войнах с Россией и Австрией в последней трети XVIII в. поставили правящие круги Османской империи перед необходимостью серьезных военных реформ. Увеличение числа внутриполитических проблем, прежде всего активизация освободительных движений подвластных народов и сепаратизм местных правителей, упадок в экономике – все это заставило Селима III и его окружение искать пути возрождения былой мощи империи. Из многочисленных трактатов – рисале видных государственных деятелей, "мужей меча" и "мужей пера" можно представить тогдашнюю ситуацию, при которой внутренние неурядицы и активизация восточной политики держав способствовали развитию реформизма. Однако и реформаторские проекты, и отдельные элементы европейского образа жизни затрагивали очень узкий слой только стамбульской правящей элиты и отражали скорее не осознание необходимости приспособления "исламского духа" и османского строя к христианскому миропониманию, а стремление легче (и приятнее) освоить опыт христианского Запада ради сохранения имперских границ[13]. В конце XVIII в. широко распространилась идея необходимости великого правителя, наподобие Петра I, который сумел бы привлечь на службу иностранцев и использовать заимствованные нововведения.

Проекты реформ, появившиеся на исходе XVIII в., отличались, во-первых, беспощадной констатацией прогрессирующего военного упадка; во-вторых, поиском выхода через реорганизацию армии, но собственными силами; и, наконец, тем, что авторами проектов были турки-мусульмане, как правило, "мужи меча", прошедшие службу на Балканах, либо выходцы из Европейской Турции[14].

Более двадцати из дошедших до нас ляйиха (докладных записок представителей военно-бюрократической элиты Селиму III) и сефаретнаме (отчетов о посольствах в западные страны) содержат не только негативные констатации, но и конкретные предложения по поводу реставрации аппарата управления и обновления армии с учетом европейского опыта. Подавляющая часть этих документов, написанная на османско-турецком языке, предназначалась непосредственно Селиму III, который, собственно, и потребовал от своих сановников правдивых сведений о положении дел в государстве и в Европе, особенно в связи с активизацией Наполеона в Восточном Средиземноморье[15].

Идея превращения в современное государство, или, по тогдашней терминологии, "европеизация", завладевала умами правящих кругов Османской империи весьма постепенно. При этом осознание того, сколь пагубно отставание от европейских стран в области военного искусства и промышленного развития произошло раньше, чем понимание причин упадка османского общества. Накопление на протяжении всего XVIII в.

inslav

весьма отрывочных и разобщенных знаний относительно военных и политических событий в Европе, которые привозили чрезвычайные турецкие послы, происходило очень медленно и сочеталось с многовековыми убеждениями в незыблемости шариатских социальных и морально-правовых норм, их качественном отличии и превосходстве над политикой и моралью "франков".

В конце XVIII – начале XIX в. с "Обзором новых военных установлений в Османской империи" и "Диатрибой о современном военном искусстве и инженерном деле", написанных на старотурецком языке и переведенных вскоре на французский, выступили активные участники реформ Селима III, видные государственные деятели Махмуд Раиф-эфенди и Сеид Мустафа-эфенди. К этим обзорам, впервые адресованным не только туркам, но прежде всего европейскому читателю, примыкает и изданное также в переводе с турецкого на французский "Разъяснение о введении низам-и джедида" Челеби Мустафы-бея, одного из ближайших сподвижников Селима III в деле реорганизации армии.

Подробно рассматривая те или иные стороны военных реформ и военного производства, сообщая о нововведениях в области просвещения, авторы подчеркивали, сколь важно сохранить славные боевые и культурные традиции. Кроме того, они выражали мнение, что реформированная, усвоившая лучшие военные достижения Запада и лишь некоторые правовые нормы (конституционную монархию, с точки зрения Махмуда Раифа-эфенди), Османская империя вновь станет одной из ведущих держав мира. Готовность учиться современному военному делу соседствовала с гордостью за принадлежность к народам Востока, бывшим некогда "очагами просвещения".

Высокой преданностью османским идеалам, но при наличии острой критики недостатков в системе управления, в финансах и в армии отмечены другие документы, в частности докладные – ляйиха Селиму III великого визиря Коджа Юсуф-паши, румелийского казаскера, т.е. главы шариатского судопроизводства в Европейской Турции, Татарджика Абдуллы-эфенди, известные нам по "Истории" А. Джевдета.

Значение этой группы записок в том, что они обосновывали необходимость введения реформированной на европейский манер армии и соответствующих служб потребностями укрепления внутреннего единства страны, требовали использовать войска против произвола местных властей и против янычарской вольницы. Особую тревогу у составителей этой группы записок вызвали активизация освободительного движения на Балканах, поражения Турции в войнах с Россией в 1768–1774 и 1787–1791 гг. и активные военные действия держав вблизи османских границ в 1790-х годах[16].

Начатый при Селиме III процесс "европеизации", как известно, затянулся на многие десятилетия. Уже первый этап реализации реформ характеризовался внутренними и внешними осложнениями. Отношение к реформам, к их глубине и широте в итоге наиболее полно отразило

inslav

общественно-политические настроения на рубеже XVIII и XIX вв. В работах А.Ф. Миллера, А.Д. Новичева, Стр.А. Димитрова, Ст. Шоу, И.Е. и Ю.А. Петросянов дан анализ главных этапов реформаторской деятельности Селима III и Махмуда II[17].

Однако для нашей темы важно подчеркнуть, что в основу армейских реформ (1792–1806) было положено укрепление тимариотского, военно-ленного землевладения. Согласно "новому закону", закону 1792 г. Селима III все ленники-тимариоты старше 16 лет объявлялись не только военнообязанными, но и должны были выполнять все повинности по содержанию определенного числа воинов на доход от своих ленов. В противном случае держания изымались и подлежали перераспределению, фактически – продаже в пользу короны. Поскольку в ряде пашалыков, особенно в Европейской Турции, разложение системы сипахийского ленного землепользования зашло достаточно далеко и многие сипахи либо утратили лены, либо превращали их в собственность (и Селим III это понимал), то в "новом законе" предусматривалась возможность выкупа у государства прав на тимар, зеамет и освобождение тем самым и от обязанности нести службу в армии. Средства от этих операций, имевших весьма мало общего с традициями военно-ленного османского строя, поступали в контролировавшуюся лично Селимом III "казну новых доходов" для субсидирования реформ[18].

Реализация "нового закона" встретила бешеное сопротивление местных сипахи, вообще держателей ленов всех уровней доходов. Не было реальной военной силы и достаточно обученного аппарата для осуществления кадастра земель и принятия строгих мер против непокорных феодалов. Главное же состояло в том, что увлеченные острой борьбой за перераспределение власти при султане-реформаторе эхл-и, орф, т.е. правительственные круги, фактически не контролировали, проводятся ли обнародованные нововведения на практике. Война против наполеоновской интервенции в Египте (1798–1799), изнурительная война (1806–1812) против России вынуждали Порту вновь и вновь прибегать к услугам сипахиев в качестве военной силы. Фактически независимые местные правители и феодалы повсеместно уклонялись от выполнения султанских хаттов, однако использовали военную силу, в том числе регулярных войск, для возвращения бежавших крестьян и усиления ангарьи – барщины.

И все же реформы 1839–1876 гг. были подготовлены еще в конце XVIII в., и в этом исключительно важную роль сыграли реформы в армии. Османская армия в период правления Мустафы III (1757–1774) и Абдул Хамида I (1774–1789) представляла собой аморфную, почти неуправляемую структуру, легко побеждаемую дисциплинированными и хорошо обученными европейскими войсками. Она едва справлялась с внутренними карательными функциями. Впрочем, не доведенные до конца начинания Селима III именно в военном деле имели зримые результаты: в частности, после 1793 г. наряду с сипахийским и янычарским войском были созданы отряды европейски обученных рекрутов.

inslav

Войска "нового строя", более известные как "низам-и джедид", были выведены из-под армейского командования. Формально они считались дворцовой охраной и подчинялись лично султану. Их первоначально небольшая численность (3–4 тыс. человек) к 1808 г. возросла до 30 тыс. Подготовленные инструкторами из Франции, Швеции и Англии части "низам-и джедид" превратились в серьезную силу и стали опорой Селима III в его преобразовательной деятельности. После убийства султана в 1808 г. войска "нового строя" были распущены.

В целом процесс замены феодального ополчения регулярной армией, набираемой на основе воинской повинности, так же как и ликвидация экономической базы сипахийского войска – тимариотского землевладения, растянулся более чем на треть века, но начало было положено.

Таким образом, внутренние проблемы Балкан и Ближнего Востока 1798–1806 гг. для османского центра власти заключались в необходимости преодолеть внутриимперские центробежные силы, противостоять полярно ориентированным тенденциям: освободительной борьбе христиан, децентрализаторским акциям ленников-феодалов, экономической дезинтеграции.

[1] *Rasim Ahmet*. Osmanli veresimli haritali tarihi. İstanbul, 1329 (h.). Cilt 3. S. 1365.

[2] *М.И. Кутузов*. Документы. М., 1950. Т. 1. С. 324.

[3] Цит. по *Шеремет В.И*. Реформы и военная политика Османской империи // Постигая военную историю... М., 1991. Вып. 2. С. 72–73.

[4] *Eton W*. Tableau historique, politique et moderne de l'Empire Ottoman. 1808. T 1. P. 311–315.

[5] *Уляницкий В*. Русские консульства за границей. М., 1889. Ч. 1. С. XXIX.

[6] См.: *Шеремет В.И*. Реформы и военная политика. С. 73–75; Economies Méditerranéennes: Equilibres et Intercommunications. XIII–XIX siècles. Athènes, 1986. T. 2. P. 85–107, 253–258.

[7] Economies Méditerranéennes. P. 275–282; Economie et sociétés dans l'Empire Ottoman (fin XVIII – début XX siècle). P., 1983. P. 318–324; *Köymen O*. Imperialism of Free Trade: The Ottoman Empire // The Report to V International Congress of Economic History. Leningrad, 1970. p. 70–71.

[8] *Herachlag Z*. Introduction to the Modern Economic History of the Middle East. Leiden, 1964. P. 110–118.

[9] Цит. по: *Hamit – Muhsin*. Türki'ye tarihi. İstanbul, 1930. P. 411.

[10] *Rasim Ahmet*. Op. cit. S. 1325.

[11] *Uzunçarşili I.H*. Osmanli tarihi. Ankara, 1947. Cilt IV. Kisim 2. S. 619, 623–624; *Karal E.Z*. Osmanli tarihi. Ankara, 1970. Cilt V. 2-cû baski. S. 103–104.

[12] *Uzunçarşili I.H*. Op. cit. S. 624; *Öztuna T.Y*. Başlangiçtan zamanimiza kadar Turkiye tarihi. İstanbul, 1991. Cilt 11. 2-cû baski. S. 125.

[13] См.: *Шеремет В.И*. Христианский адресат османских реформ XVIII–XIX вв. // Славистические исследования: Доклады к XI Международному съезду славистов. М., 1992. С. 138–141; *Tunaya T.Z*. Türkiyenin siyasî hayatinda batililastirma hereketi. İstanbul, 1960. S. 19–20.

[14] *Шеремет В.И*. Империя в огне: Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994. С. 20–24.

[15] *Новичев А.Д*. Подготовка реформ Селима III // Тюркологической сборник. М., 1966. С. 216.

inslav

[16] О содержательной части записок и роли внешнего фактора в создании записок см.: *Петросян Ю.А.* Османская империя: Могущество и гибель. М., 1990. С. 168–173; *Шеремет В.И.* Война и бизнес: Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996. С. 63–80.

[17] См.: *Миллер А.Ф.* Мустафа-паша Байрактар: Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947; *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963. Т. 1; Т. 2. 1968; *Шеремет В.И.* Империя в огне. М., 1964; *Он же.* Война и бизнес. М., 1996.

[18] О важном значении Европейских провинций в создании "нового войска" писали теоретики (и практики) реформ 1790-х годов: *Mahmud Rayif.* Tableau des nouveaux reglements de l'Empire Ottoman... Constantionple, 1798; *Séid Moustafa.* Diatribe... sur l'étata actuel de l'art militaire eto. [Scutari], 1803; *Tschelebi efendi.* Explication de l'Institution Nizamy Gedid // Append. Wikinson W. Tableau historique, géographique et politique de la Moldavie et de la Walachie. P., 1824.

inslav

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЫСОКОЙ ПОРТЫ: К ВРЕМЕННОМУ СОЮЗУ С РОССИЕЙ

Последнее десятилетие XVIII в. и первое – XIX в. явились для правящих кругов Османской империи временем серьезной переоценки ориентиров во внешней политике. Из-под контроля выпадали целые регионы империи. Это происходило под воздействием роста антитурецких освободительных движений, иностранного вмешательства, сепаратизма правителей отдаленных областей, нередко вступавших в прямые контакты с державами за спиной Высокой Порты.

На протяжении XVIII в. Османская империя оставалась, наряду с Польшей и Швецией, одним из трех опорных столпов в политике Парижа. В свою очередь, Высокая Порта видела во Франции традиционного союзника.

В Константинополе внимательно следили за расширением британских владений и усилением влияния в Индии. Еще более опасным для Высокой Порты, считавшей себя единовластной "владычицей Черного моря в качестве турецкого озера", было стремление России добиться свободного прохода через Черноморские проливы и закрепиться на Кавказе. В этом столкновении Высокая Порта опиралась прежде всего на поддержку Франции, с полным основанием полагая ее естественным противником Англии в сопредельных туркам странах Востока и одновременно – противником России[1].

Дипломатические отношения с Парижем продолжали строиться на основе дарованных Портой державам привилегий – капитуляций, воплощавших принципы наибольшего благоприятствования. Нараставшее в конце XVIII в. экономическое отставание Османской империи от западноевропейских стран, а также значительно меньшая, чем в империях Дальнего Востока, но проявлявшаяся вполне определенно тенденция к самоизоляции в области науки и культуры, военные неудачи – все это отнюдь не способствовало выработке стабильных приемов и методов османской политики.

Неразработанность принципов внешнеполитической ориентации и участие в военных столкновениях в Европе, как правило, бесконечно далеких от национальных интересов страны, отражали кризис центральной власти и падение авторитета султанов, быстро сменявших друг друга и оказывавшихся под влиянием противоборствовавших феодальных группировок.

В конце XVIII в. основное значение для внешней политики Осман-

---

© В.И. Шеремет

inslav

ского государства приобрела борьба за возврат или сохранение отдельных областей империи, прежде всего в Европейской (Балканской) Турции, за укрепление ядра османских владений в Малой Азии; наконец, обозначилась попытка вернуть военное и хозяйственное (дань, торговля на особо выгодных условиях) влияние на прежде вассальных землях Северного Причерноморья и Кавказа.

Подобные целевые установки политики Порты расходились с интересами ее временных западноевропейских партнеров по всем направлениям, кроме одного – северного. Жизненные интересы России требовали защиты безопасного развития южнорусских и центральных областей, выхода к Черному морю. Интересы Османской империи частично совпадали с интересами Англии и Франции в их противодействии становлению России как мощной военной державы, обладавшей к тому же возможностью через православную церковь влиять на христианское население Центральной и Юго-Восточной Европы, находившееся под османским управлением.

Вместе с тем англо-французский антагонизм и затем англо-русские противоречия (90-е годы XVIII в.) предоставляли османской дипломатии большую свободу для маневра и выбора союзников, для создания определенных условий безопасности, необходимых для решения внутриполитических задач. Формирование внешнеполитического курса Османской империи в целом и в отношении России, в частности, в 1790-х годах совпало по времени с глубинными процессами преобразований эпохи Селима III (1789–1807). При этом в Константинополе хорошо понимали исключительную важность османских территорий – моста из Западной Европы в Восточную Африку и Индию, на Дальний Восток.

Османская империя сохраняла положение субъекта международных отношений, а ее дипломатия сумела на рубеже двух веков приобрести определенную гибкость. Порта самостоятельно вырабатывала главные приоритеты своей внешней политики и пути их достижения, включая военные меры. При этом период территориальной целостности и успех внутренних преобразований приходились на период союзных и дружественных отношений с Россией. Обострение внутреннего кризиса, как правило, было следствием очередной войны в коалиции или под воздействием западноевропейских держав, что в полной мере проявилось в период войн 1768–1774 гг., 1787–1791 гг., 1806–1812 гг. И наоборот – стабилизация внешней политики и реформы приходились на период русско-турецкого союза 1799–1805 гг.

Отличительной чертой восточного вопроса на рубеже веков был динамизм его развития, определявшийся многообразием и противоречивостью интересов всех его участников, асинхронностью исторического развития в Европейской Турции и на других территориях империи османов, нараставшим стадиально-формационным разрывом между державами, с одной стороны, и Османской империей – с другой.

Что касается османских государственных деятелей эпохи зарождения восточного или западного, по их терминологии, вопроса, то они, как

inslav

и многие годы спустя турецкие авторы эпохи Республики (после 1923 г.), акцентировали внимание лишь на одном, "русском" аспекте политики Порты 1790–1800-х годов, сводя к нему и основное содержание указанной проблемы.

Борьба с Россией трактовалась как главное направление внешней политики Высокой Порты. Ключевым был вопрос о выходе России в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы. Возникал своеобразный "порог страха перед русским вторжением" в кругах, ответственных за принятие решений на национальном уровне, он во многом определял отношения Порты и с Наполеоном, и с Англией в конце 1790-х – начале 1800-х годов.

В Европе внимание Порты привлекали прежде всего Балканы. Реальная власть Константинополя на европейских территориях Османской империи вблизи границ Австрии, России и других держав была слабее, чем в Малой Азии, и для ее укрепления следовало принять срочные и радикальные меры – как против своевольных пашей и аянов, так и против "бунтующей райи", т.е. подданных-христиан. Порта решала эти проблемы в ходе военных действий в Балканской Турции с помощью местных мусульманских ополчений и переброски янычарских и сипахийских формирований из других регионов.

Тяжелое военное поражение в войне 1787–1791 гг. заставило Турцию вплоть до Крымской войны отказаться от участия в союзах, направленных против России, и пересмотреть чисто репрессивные подходы к балканским проблемам. Начинался жизненно важный для Османской империи период выработки новых принципов внешней политики, новых политических ценностей и реформирования армии. Преимущественное внимание к внутренним проблемам и временный отказ от вооруженной борьбы за потерянные в 1770–1790-х годах земли стали главными элементами политики Высокой Порты на рубеже XVIII–XIX вв.

Турецкие хронисты отмечали, что в конце 1790-х годов Селим III, решая прежде всего задачи внутренних реформ, был склонен участвовать в создании системы "равновесия сил" вблизи границ своих балканских владений. Его особые опасения вызывали революционные преобразования во Франции. Современные турецкие авторы, оценивая влияние Великой французской революции и двух последовавших десятилетий, обычно подчеркивают ее общегуманистический характер, отмечают техническую и военную помощь французов в осуществлении реформ Селима III. Социальные мотивы Французской революции, по оценке турецкой историографии, существенного отзвука иметь не могли, так как в Османской империи не было "привилегированного сословия", "главного врага французского народа". Слабое воздействие идей Французской революции на Турцию принято объяснять также отдаленностью Франции и отсутствием общих границ, занятостью Порты войнами с Россией и Австрией в конце 1780–1790-х годов.

В течение ряда лет, пока на рубеже веков не стабилизировались русско-турецкие отношения и не определилась позиция Англии отно-

inslav

сительно интегритета Османской империи, Порта уклонялась от признания молодой французской республики и ее представителя в Константинополе М.-Л. Декорша, так как против этого решительно возражали и Россия, и Англия[2]. Однако, получив сведения о признании Франции своим бывшим союзником Пруссией и согласовав общие принципы и размеры технической и военной помощи, ожидаемой из Парижа, Селим III высказался в мае 1795 г. за возобновление с нею дипломатических отношений.

Современники сообщали, что особенно большие надежды в Турции возлагали на миссию генерала Обера дю Байе (осень 1796 г.), в состав которой входило около двухсот специалистов по оружейному делу и кораблестроению; они везли пушки новейших образцов, ружья и боеприпасы.

В Турции появилось несколько французских военных топографов. Известно описание дорог из Константинополя к Очакову одного из них, Лафита Клаве, сделанное по заказу османского военного ведомства. Его заметки чисто военного характера о положении дел в южнорусских губерниях, где он побывал, хотя это вроде бы не входило в задачи миссии, придают достоверность сведениям, что восстановлению отношений с Францией и прибытию миссии предшествовали заверения Парижа о воссоздании традиционного франко-турецко-шведского союза, о возврате Крыма под власть Турции, о планах франко-турецкой экспедиции против черноморских портов России[3].

Авторитетный османский историк XIX в. Ахмет Джевдет-паша, опираясь на архивные документы Высокой Порты, объяснял интерес Селима III к сотрудничеству с Францией не только традициями, но и неуверенностью султана в том, что Россия и Англия будут сохранять сложившееся положение в Юго-Восточной Европе. Селим III "стремился к союзу с другими державами во имя мира и спокойствия в Европе", – подчеркивал Джевдет-паша. Вместе с тем он писал, что Османское государство хотело остаться нейтральным в войне европейских держав против Франции[4].

Естественно, что на решение о признании Франции повлияли также двухлетние (1793–1795) безуспешные попытки посланника Порты в Лондоне Юсуфа-эфенди согласовать с британским правительством хотя бы основные позиции союзного договора между Англией и Турцией и столь же бесплодные и затяжные переговоры Азифа-эфенди в Берлине о возобновлении турецко-прусского союза.

Обстоятельные, наполненные уверенностью в растущем влиянии Франции сообщения Юсуфа-эфенди и Азиза-эфенди из европейских столиц, результаты деятельности турецкой миссии в Париже во главе с Сеидом Али-эфенди – все это убеждало Селима III, что Франция усиливается, что можно ожидать активизации ее действий.

Анализ обстановки в Европе в 1796–1797 гг. убедил Селима III, что горькой реальностью может стать отторжение от Османской империи Греции, Македонии, Леванта и что военный союз, к которому его подталкивает Париж, неминуемо втянет его в войну с Англией и Рос-

inslav

сией. Кроме того, Высокую Порту крайне беспокоили сведения о связях мятежных албанских пашей с Францией.

Известно, что Селим III лично следил о восхождении звезды Наполеона и по донесениям дипломатов, и по европейской прессе.

К августу–сентябрю 1798 г., когда Наполеон Бонапарт вышел непосредственно к балканским границам Турции, захватил Ионические острова, высадился в Египте и наметил поход в Сирию, а в Венеции произошли революционные события, чрезвычайно взволновавшие султана возможным их влиянием на Грецию и Сербию, Османская империя активизировала выбор нового союзника. Им мог быть, по мнению Селима III, или Англия, или Россия.

Уклончивая линия Лондона, занятого борьбой с Францией в Европе и расширением сферы деятельности Ост-Индской компании в зоне Красного моря и Персидского залива, в Константинополе была хорошо известна и очень тревожила султана. Оставалась одна Россия[5]. Идею сближения с ней поддерживали влиятельные сановники – капудан-паша Кючук Хюсейн, теоретик реформ Челеби Мустафа-эфенди, реис-эфенди Решид и его преемник Ахмед Атиф-эфенди. Против были настроены бывший посол в Лондоне, сторонник реформ на западный манер Махмуд Раиф-эфенди, бывший посол в Петербурге ярый ретроград Мустафа Расых-эфенди и близкий ему по взглядам, тесно связанный с янычарами реала-бей османского флота Шеремет-бей, а также часть греков-фанариотов, десятилетиями служивших интересам Франции на Востоке, например семейство Суццо, – драгоманы, консулы и пр.

Сближение России и Турции, завершившееся первым союзным договором, проходило достаточно сложно. Не сразу и не до конца изживались недоверие и напряженность. Обмен чрезвычайными посольствами в 1793–1795 гг., кутузовские трезвые и глубокие оценки положения в Турции, многие из которых становились известны Селиму III и Дивану, содействовали взаимопониманию и укреплению позиций склонной к сближению с Россией "мирной партии" в правительственных кругах Турции.

Позитивную линию М.И. Кутузова продолжил в Констинтинополе его племянник В.П. Кочубей. Он вместе с братьями Воронцовыми, Н.Н. Новосильевым, А.Я. Италинским и А.А. Безбородко четко очертил во второй половине 1790-х годов линию защиты и сохранения "слабого соседа". К сближению с Турцией правительство объективно вынуждали как внешние обстоятельства, и прежде всего Французская революция, изменившая расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке, так и внутренние – расстроенное хозяйство России после двух тяжелых войн с Турцией и Крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева.

Заявления Павла I о пересмотре внешней политики России понимались в Турции как отказ от "греческого проекта" Екатерины II, тем более что Селим III персонифицировал враждебность России в двух скончавшихся людях – Г.А. Потемкине и царице.

inslav

Сам В.П. Кочубей в качестве посланника дружественной державы и русские дипломаты в европейских столицах, встречавшиеся с посланцами султана гораздо чаще и активнее, чем это принято считать, доводили до сведения Порты и Дивана, что с середины 1797 г. Россия определила перспективы дальнейшего сближения в Австрией. Однако они подчеркивали, что в широком круге европейских и ближневосточных проблем не было ничего даже близкого к "греческому проекту", столь тревожившему Селима III. Порте предоставлялась разносторонняя информация об укреплениях французов на Ионических островах, о приготовлениях морской экспедиции в Тулоне и т.д. В.П. Кочубей и новый посланник В.С. Томара "всемерно старались вселить в турок уверенность в дружеском расположении российского кабинета к Османской империи"[6].

Россия в балкано-малоазиатском регионе противопоставила жестокому наполеоновскому курсу экспансии и последующих территориальных разменов курс на сохранение сложившегося по Ясскому миру 1791 г. положения, подтвержденную делами готовность обсудить и решить все торговые вопросы. Кроме того, ослабленная в военном отношении Турция проявляла большую заинтересованность в возвращении Ионических островов и переходе под суверенитет султана бывшего венецианского побережья с помощью державы, чья военная мощь столь наглядно явила себя на глазах одного поколения турецких мужей меча и пера.

По мере того как цели и методы восточной политики Франции расходились с интересами царизма в Средиземноморье, а политика Франции все более определенно угрожала новым границам России, все более четким становился курс России на союз с Османской империей. Генеральная линия России на стабилизацию положения в Восточном Средиземноморье получила развитие в совместной с Турцией борьбе против наполеоновского движения на Восток. Курс Селима III и той части его окружения, которая готовила и проводила военно-политические реформы, включал в качестве необходимого условия союз с Россией – как единственную возможность отстоять суверенитет и целостность османских территорий.

Осуществление планов французской буржуазии в отношении балканских и египетских владений Порты (как бы в вознаграждение за утраченные колонии в Индии и Канаде) означало бы крушение собственных планов царизма по мирному закреплению влияния на Балканах. Разгром Турции Наполеоном и захват Францией проливов мог бы ущемить торговые и политические интересы России как черноморской державы, уничтожить все, что было ею достигнуто в результате двух войн по договорам 1774 и 1791 гг. В 90-х годах быстро увеличивался торговый оборот русских черноморских портов, которые в начале XIX в. выдвинулись на первое место в стране по вывозу пшеницы. Создание условий для дальнейшего развития торговых связей Причерноморья, успешная борьба с нараставшей французской угрозой еще не окрепшим экономическим и политическим позициям

inslav

России в Средиземноморье – таковы были задачи, разрешить которые надеялось правительство, подготавливая союзный договор 1799 г. с Турцией.

Было еще одно обстоятельство – идеологического характера, которое сближало султана и царя.

Петербург видел свою задачу в укреплении и восстановлении повсюду консервативно-монархического порядка и стремился противодействовать распространению революционных идей. Павел I считал долгом бороться с революционной Францией даже в союзе с Турцией, "бусурманской", но верной монархическим принципам[7].

Итак, реальная опасность потерять свои владения, а может быть, и независимость привела Османскую империю к союзу с Россией. Стремление оградить свои политические и экономические интересы на Ближнем Востоке и борьба с растущим влиянием идей Французской революции привели Россию к союзу с Османской империей.

Источники свидетельствуют о том настороженном, но благожелательном внимании, с каким в Высокой Порте в марте–апреле 1798 г. выслушивали речи драгоманов российской миссии о готовности русской эскадры совместно с османским флотом отразить в случае необходимости вторжение наполеоновского флота в Черное море и оказать Турции всю необходимую для борьбы с Наполеоном помощь. Вместе с тем турецкие историки подчеркивают, что Селим III до последнего момента не допускал возможности агрессии Франции. Он страшился появления русских военных кораблей в Проливах, надеялся обойтись укреплением фортов в проливах[8] и долго не давал положительного ответа на российский демарш. Но 30 июня–1 июля 1798 г. экспедиционный корпус Наполеона Бонапарта высадился в Александрии*. 21 июля 1798 г. мамлюки были наголову разгромлены в битве под Каиром у подножия древних пирамид. Наполеон двинулся в Сирию. Над Малой Азией нависла угроза. Селиму III предстояло во имя спасения империи пойти на решительный шаг и принять помощь. Турецкая историография весьма неохотно говорит о первом союзном договоре с Россией 1799 г., признавая его спасительный характер для египетских и балканских владений Османской империи. Вместе с тем турецкие историки пишут об особой якобы заинтересованности в договоре России. Если Порта, по мнению турецких историков, могла выбирать союзника, то для царя выбора не было: с победой Франции России "пришлось бы распроститься со своими чаяниями в проливах и Восточном Средиземноморье"[9]. Известно, однако, что прежде был заключен и скреплен боевыми действиями именно русско-турецкий союзный договор, к которому присоединилась Англия.

Англо-русский договор (январь 1799 г.) был подписан на восемь лет и мог в качестве третьей стороны включать только Пруссию.

В работах отечественных и зарубежных историков отмечалось, что Селим III правильно понял смысл предварительных предложений Пав-

---

* См. С. 25.

inslav

ла I и обратился через русского посланника В.С. Томару к царю за военной помощью в начале августа 1798 г., после битвы у пирамид и разгрома французского флота при Абукире 1 августа (н.ст.) 1798 г. и 16 сентбяря того же года русская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова (1745–1817) получила разрешение стать на Константинопольском рейде. На борт адмиральского корабля была доставлена специальная декларация о порядке прохода русских военных кораблей через проливы на время войны России и Турции против Франции. Документ был заранее (в июне–июле 1798 г.) подготовлен В.С. Томарой и реис-эфенди Атифом-эфенди.

Следовательно, еще до подписания официального союзного договора русские корабли получили разрешение на "совершенную свободу проходить и возвращаться через Босфор и Дарданеллы, заходить для пополнения запасов продовольствия в турецкие порты". Эти положения в точности соответствовали статьям будущего договора.

В деятельной, доброжелательной атмосфере с 24 сентября 1798 г. по 3 января 1799 г. проходили переговоры о заключении союзного договора[2*]. Их вели В.С. Томара и Ф.Ф. Ушаков, Ахмед Атиф-эфенди и Ибрагим Исмет-бей. На заседаниях присутствовал в качестве наблюдателя английский посланник Чарльз С. Смит. Он информировал Порту о заключении англо-русского союза. С 30 сентября 1798 г. Порта прервала все дипломатические отношения с Францией. Посланник П. де Рюффен отправился в заточение в печально знакомый русским дипломатам Семибашенный замок, правда, пропитание ему определили не в пример лучше, чем русским дипломатам: "мясо, кофе и зелень", как говорится в источнике.

В основе обсуждения лежал проект договора, разработанный при непосредственном участии Павла I. В портфеле Томары имелись заранее подписанные царем, чтобы не оттягивать вступление договора в силу на месяцы, необходимые на дорогу в Петербург и обратно, ратификационные грамоты.

Проект России, положенный в основу договора, подписанного 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) В.С. Томарой и Ахмедом Атифом-эфенди, имел чисто оборонительный характер. Это обстоятельство отметил утвердивший договор по форме и по существу Августейший Диван, собравшийся в присутствии Селима III за два дня до подписания договора и заслушавший комиссию улемов, которые дотошно изучали проект договора, но нашли его вполне соответствующим нормам исламского права.

Был утвержден без каких-либо затруднений согласованный заранее режим прохода русской эскадры через проливы и ее пребывания

[2*] Османские источники отметили исключительно радушный прием, оказанный населением и властями Константинополя русским военным морякам. На флагманском корабле инкогнито побывал Селим III и щедро одарил Ф.Ф. Ушакова; обстоятельство весьма показательно, если учесть, что именно контр-адмирал Ушаков 31 июля (11 августа) 1791 г. нанес сокрушительное поражение османской эскадре в битве при мысе Калиакрия.

inslav

в территориальных водах Турции. В.С. Томара при этом подчеркнул, и турецкая сторона согласилась, что после 1774 г. на Черном море произошли коренные изменения в расстановке сил. Наличие у России новых портов, собственного флота и факт помощи этого флота Турции в трудный для нее момент неоспоримым образом, как заявил В.С. Томара, узаконивают наше с Турцией равное участие во владении Черным морем.

Стороны признали необходимость считать Черное море закрытым для военного флота любой третьей стороны, согласились тесно взаимодействовать для обороны своих черноморских владений (ст. 4).

Оборонительный характер договора подчеркивался еще двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что он вступал в силу при нападении Франции на Османскую империю (факт уже свершившийся). Во-вторых, тем, что Россия гарантировала Османской империи целостность всех ее владений в границах, предшествовавших наполеоновской агрессии (ст. 3).

Без существенных затруднений стороны согласовали и другие объявленные главными статьи: обмен военной информацией, незаключение сепаратных договоров, отсутствие взаимных территориальных претензий, выделение сухопутных и десантных вооруженных сил для ведения войны с Францией.

Русская сторона пошла на частичные уступки в таможенном тарифе, выразила готовность взять полностью за себя содержание сухопутного корпуса для отражения похода Франции в глубь территории Европейской Турции, если бы таковой свершился. В свою очередь, Порта обязалась обеспечить на сумму 0,6 млн курушей провиант и боеприпасы для эскадры Ф.Ф. Ушакова, что соответствовало примерно двухкратной норме османского флота[10]. По инициативе России договор был открыт для вступления других стран.

Со времени Константинопольских переговоров и подписания союзного договора 1799 г. начинается, по мнению турецких историков, особый этап во внешней политике Порты, основанный на балансировании между соперничавшими державами, и этот курс в основном сохранился вплоть до революции Кемаля Ататюрка. В целом же османские хронисты и турецкие историки оценивали договор как важнейший в отношении между Россией и Турцией, оказавший серьезное влияние на всю европейскую политику и включивший Османскую империю в европейскую систему "поддержания равновесия сил". Большое значение, и вполне справедливо, придавалось инициативе турецкой стороны в практической организации совместной русско-турецко-английской эскадры, что рассматривалось как еще одно свидетельство признания Османской империи равным партнером великих держав. Касаясь режима проливов, турецкая историография подчеркивает временный 8-летний период соглашения о проходе русских (и затем английских) военных кораблей через оба пролива – Босфор и Дарданеллы. При этом было отмечено особое положение России и Турции как двух черноморских держав, для которых Черное море было внутренним,

inslav

а потому закрытым. Режим проливов отныне стал ключевым во внешней политике Турции.

Объективно оценивая договор 1799 г., следует отметить, что на его основе осуществлялось заключение союзных договоров Турции с Англией (5 января 1799 г.) и Неаполем (21 января 1799 г.). Россия как черноморская и средиземноморская держава явилась инициатором мер по пресечению дальнейшего распространения наполеоновского продвижения на Балканах и в Восточном Средиземноморье.

При ведущей роли России оформилась вторая антинаполеоновская коалиция, в которой Османская империя была равным партнером. Русское правительство выступило в качестве гаранта ее суверенитета. Эта коалиция отличалась от разных союзов эпохи Семилетней войны и 1760–1780-х годов тем, что теперь речь шла о защите собственных территорий Турции, и о самом существовании Османского престола.

Оборонительный русско-турецкий союзный договор 1799 г. и согласованное военно-политическое взаимодействие двух черноморских держав дали необходимые гарантии против враждебных России сил в пределах ее причерноморских владений.

Первый взаимовыгодный и равноправный договор России и Турции закрепил в европейской политической жизни их статус суверенных черноморских держав, имеющих особые права по защите Черного моря от агрессии третьих стран.

Впервые режим Черноморских проливов решался на уровне международного договора. Сохранились все суверенные права Турции на проливы, на преимущество в определении их режима. Временное предоставление русским военным кораблям права прохода через проливы было достигнуто при полном равенстве и взаимоуважении без негативного вмешательства извне и создавало реальные условия для дальнейшего развития русско-турецких отношений на обоюдовыгодной двусторонней основе.

Остававшиеся нерешенными некоторые вопросы пограничного и торгового характера не заслонили главного содержания и направленности договора – борьбы против иностранной интервенции в Восточном Средиземноморье. В то же время следует учитывать, что султанский феодально-теократический и царский феодально-крепостнический режимы составили основу легитимистского союза против распространения республиканских идей, освободительных движений среди балканских подданных Селима III, вблизи владений Павла I.

Дипломаты России и Турции еще согласовывали окончательные формулировки союзного договора, когда соединенная эскадра кораблей русского (10 вымпелов) и турецкого флота (28 вымпелов) приступила к освобождению Ионических островов. Общее командование было возложено на Ф.Ф. Ушакова, его заместителем был назначен в ранге патрона-бея, т.е. контр-адмирала, опытный и энергичный Абдул Кадыр-бей. Обе эскадры выделяли по два фрегата и десять канонерок, чтобы при необходимости направить их к Александрии на помощь английской

inslav

эскадре, главной целью которой была определена блокада египетского побережья, оккупированного Наполеоном.

При согласовании этого плана столкнулись две противоборствующие линии – русская и английская. В.С. Томара и Ф.Ф. Ушаков отстаивали Ионические острова как направление главного удара; Ч.С. Смит и командующий английской эскадрой Г. Нельсон требовали послать всю русскую эскадру к Александрии. Британскому кабинету и самому В. Питту были не чужды планы присоединить Ионические острова, как и Мальту, к английским владениям. Англии был хорошо известен приказ Директории от 12 апреля 1798 г. Наполеону – принять меры для овладения берегами Красного моря. Директория непрерывно требовала от участников египетской экспедиции топографических сведений о местах древнего канала Суэц–Красное море, настаивала на скорейшем строительстве торговых судов и выходе их в Красное море. Надлежало "силой и договором" укрепиться на юге Аравии, развивать торговлю с Индией. С учетом всех этих обстоятельств англичане столь настойчиво требовали от русской эскадры помощи в Восточном Средиземноморье.

В связи с этим как победу ориентации на Россию в турецких правительственных кругах можно рассматривать Ионическую экспедицию и совместные действия России и Турции по созданию Республики Семи Соединенных островов в этом районе. Военные и политические акции в Ионическом архипелаге, вероятное устройство островов после освобождения обсуждались в ходе встреч В.С. Томары и Атифа-эфенди еще в июле 1798 г., т.е. до прихода русской эскадры. В середине сентября 1798 г. объединенная эскадра под общим командованием Ф.Ф. Ушакова уже была в Ионическом море. В октябре были взяты крепости на островах Цериго и Занте. Повсюду народные восстания поддерживали союзную эскадру. В начале ноября капитулировали французские гарнизоны на островах Кефалония, Итака и Св. Мавра. На этих островах в соответствии с заранее намеченным планом Ф.Ф. Ушаков предоставил населению право самоуправления. Оно было поручено лицам "из выборных обществом дворян и из лучших обывателей и граждан, общими голосами признанных способными к управлению народом". Всем жителям, которые "были в сочувствии к французам", Ушаков объявил политическую амнистию. Не в пример английским и австрийским военачальникам Ушаков избегал каких бы то ни было судов и казней. Население островов оказывало самый восторженный и радушный прием русским морякам. Вместе с русскими в десантах участвовали и турки. Население встречало их настороженно – греки боялись турок еще больше, чем французов. Турки же "неохотно взирали на сию чистосердечную и взаимную привязанность двух единоверных народов", – читаем в записках участника событий лейтенанта Е. Метаксы[11].

В ноябре 1798 г. над всеми островами, кроме Корфу, развевались русские и турецкие флаги. 20 ноября эскадра Ушакова и Кадыр-бея подошла к Корфу. Как писал И.Х. Узунчаршылы, османы в XVI–

inslav

XVII вв. безуспешно пытались овладеть этим островом. Изгнать французов с острова было совершенно необходимо, как как он находился вблизи османских владений и обладание им обеспечивало бы безопасность западной части Румелии. Порта придавала огромное значение захвату острова и послала особого представителя Махмуда Раифа, известного реформатора, настроенного проанглийски, на турецкую эскадру[12].

Ни Махмуд Раиф-эфенди, ни сам Абдул Кадыр-бей, человек очень храбрый и верный союзническому долгу, не могли организовать сколько-нибудь планомерную осаду или тем более взятие этой первоклассной крепости с четырехтысячным гарнизоном. Преодолевая пассивность турецкого командования, яростное противодействие Г. Нельсона, стремившегося отвлечь русскую эскадру от взятия этой опорной базы Франции в Средиземноморье, нередко сравниваемой с Мальтой по своему стратегическому положению, Ф.Ф. Ушаков подготовил и осуществил одну из самых блестящих операций в истории русского флота. 3 марта 1799 г. французский гарнизон на Корфу капитулировал. Было опровергнуто устойчивое мнение современников – военных теоретиков, что приморские крепости берут только с суши, а флот обеспечивает тесную блокаду таких крепостей. Ф.Ф. Ушаков предложил блестяще осуществленное новое решение: мощная обработка укреплений корабельной артиллерией и подавление большого числа батарей и прислуги с последующим гренадерским десантом. В штурме отлично проявили себя регулярные солдаты нового турецкого войска – низам-и джедид, посланные Селимом III в свое первое серьезное боевое испытание.

[1] *Karal E.Z.* Selim III-ûn Hatt-ı Humayunları. Ankara, 1946. S. 57; *Ünal T.* Türk siyasî tarihi. 2-cû baski. Ankara, 1989. S. 58–59, 61–62.

[2] М.И. Кутузов. Документы. 1950. Т. 2. С. 332–333; Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 230.

[3] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1117. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–5, 58; Письмо Директории к Селиму III // Там же. Ф. 19. Оп. 4. Д. 121. Л. 78–110; *Marcère Ed. de.* Un ambassade à Constantionople. P. 1927. T. II. P. 248.

[4] *Tarih-i Cevdet.* Istanbul, 1896. Cilt 7. S. 58–59.

[5] *Enghram E.* Commitment to Empire: Prophecies of the Great Game in Asia 1797–1800. Oxford, 1981. P. 197. На переговорах с посланниками Англии и России реис-эфенди, демонстрируя хорошее знание обстановки в Европе, делал акцент на конечные цели Наполеона – поход в Индию, через Палестину и Иран, в Юго-Восточную Европу через Константинополь.

[6] *Saul N.* Russia and the Mediterranean 1797–1807. Chicago; L., 1970. P. 57–58. Следует подчеркнуть, что в Константинополе с недоверием воспринимали предложения французской дипломатии о "возвращении" туркам Ионических островов в обмен на расширение капитуляционных прав для торговцев – подданных Франции и покровительствуемых ею лиц, обычно из греческого населения острова (*Deherain H.* La vie de Pierre Ruffin – orientaliste et dipolomat, 1797–1824. P., 1929. T. 1. P. 122).

Наполеон придавал островам (кроме Мальты, конечно) – идеальной военной базы в Средиземном море – ключевое значение в дальнейшем наступлении на Восток. "Обладание Ионическими островами даст Французской республике возможность либо сохранить Османскую империю (полностью подчинив ее влиянию Франции. – *В.Ш.*),

inslav

либо захватить ее часть", – писал Бонапарт членам Директории 16 августа 1797 г. // Correspondance de Napoléon I. P., 1859. T. III. P. 311.

[7] Указ царя от 4 апреля 1798 г., сообщенный туркам, гласил: "Принимаясь за оружие, император Павел I желает оградить свою империю от нравственного влияния зловредных республиканских замыслов". Ахмед Атиф-эфенди, активно "подвигавший дело сближения с Россией", аргументировал это перед Августейшим Диваном необходимостью бороться против французских безбожников и цареубийц (*Lewic B.* Impact of the French Révolution on the Turks // Cahiers d'histoire mondiale. 1953. Vol. 1. N 7. P.122–123).

Во время одной из бесед в Константинополе Ахмед Атиф-эфенди сказал В.С. Томаре, что в отличие от "обыкновенных – за земли – войн с Россией, война с Францией – этот вопрос о существовании Османской империи и ислама вообще, так как французы идут сокрушать всеобщие правила, престолы, веру и все, что есть священного на свете, идут разорить Мекку и Медину, восстановить власть иудеев в Иерусалиме..." (из протоколов конференции В.С. Томары и реис-эфенди от 13(24) июля 1798 г.) // АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1798. Д. 873. Л. 37–37 об.

[8] Командующий черноморским флотом Ф.Ф. Ушаков еще в мае 1797 г. организовал крейсерство между Одессой и Севастополем на случай прорыва французской эскадры в Черное море. В боевую готовность были приведены сухопутные войска на Юге России (см.: Адмирал Ушаков. Документы. М., 1952. Т. 2. С. 21, 42; Материалы по истории русского флота. СПб., 1902. Ч. 16. С. 215).

Об этих приготовлениях было сообщено Порте. В письме прозвучало и предположение о возможности совместного отражения французской агрессии. Полный текст послания Павла I Селиму III см.: *Милютин Д.* История войны 1799 г. между Россией и Францией. СПб., 1857. Т. I. С. 54.

[9] *Ünal T.* Op. cit. S. 62.

[10] Анализ русско-турецкого договора 1799 г. см.: *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 56–91; *Шеремет В.И.* Война и бизнес. С. 132–137.

[11] Цит. по: Материалы для русско-турецкой кампании 1798–1799 гг. // Отдел рукописей Национальной публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ф. А.В. Висковатого. I–IV. Ч. I–II.

[12] *Uzunçarşili I.H.* Yedi ada Cumhurieti // Belleten. Ankara, 1937. Cilt 1. N 3–4. S. 629–630.

inslav

"ВОСТОЧНЫЙ РОМАН" ГЕНЕРАЛА БОНАПАРТА И БАЛКАНСКИЕ ГРЕЗЫ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

Военные аспекты египетского похода Бонапарта описаны выше. Остановимся на политических. Египет входил на правах вассала в состав Османской империи, и вассала непокорного: правившие здесь мамлюки с центральной властью Стамбула считались мало; но тем не менее египетский поход означал открытое посягательство на суверенитет издавна дружественной Франции Турецкой державы.

Еще в эпоху религиозных войн в Европе, в XVI столетии, начал складываться союз католических монархов Франции с халифами мусульманского мира. Турция являлась южным звеном цепи государств (далее на север – Польша и Швеция), скованной для противодействия могущественной империи Габсбургов (тогда Германия–Испания–Нидерланды–большая часть Италии). С возвышением России триада – Швеция–Речь Посполита–Османская империя – обратилась против нее. Особые (выражаясь языком современной политологии) отношения с Турцией за три века превратились в константу французской внешней политики, а султанские акты (капитуляции) устанавливали самый благоприятный режим для подданных его христианнейшего величества. Ситуация не изменилась в годы Великой французской революции: никакой войны султанским дворцам! Немногочисленным сторонникам якобинцев в Стамбуле было предписано вести себя скромно; якобинский клуб отказался признать своим филиалом появившееся на берегах Босфора Народное общество.

И вдруг – неспровоцированное нападение на территорию старого друга и союзника. Правда, Бонапарт попытался заверить, что сражается с непокорными султану мамлюками, а вовсе не с ним: "Французская республика намерена жить в добром согласии с Блистательной Портой, – писал он великому визирю. – В Египет нас привела необходимость (!!! – *В.В.*) наказать мамлюков за то, что они наносят ущерб французской торговле..." Тут же следовал намек на то, что два императора, российский и австрийский, "предварительно уже поделившие Польшу, вынашивают те же замыслы относительно Турции. В создавшихся условиях Блистательная Порта должна воспринимать французскую армию как преданную ей и готовую выступить против ее врагов"[1].

Трудно назвать дипломатией эту откровенную и неуклюжую попытку втянуть Турцию в войну на стороне государства, грубо по-

© В.Н. Виноградов

inslav

правшего ее суверенитет. Ответа на свое троекратное обращение к великому визирю Бонапарт не дождался. В Стамбуле отдавали себе отчет в том, что французский герой вовсе не ради укрепления султанской власти дал сражение при пирамидах, а затем двинулся в Сирию. В сентябре 1798 г. последовало объявление войны. Бонапарт узнал из поступившего к нему письма Директории, что, "сбитая с толку коварными советами и угрозами" Англии и России, Порта обратила оружие против своего "старого друга" в составе "чудовищной" (т.е. второй) коалиции держав[2].

Представляется, что личностный фактор сыграл в развернувшихся событиях важную, если не решающую роль. В условиях длившейся уже шесть лет войны с Англией, при господстве ее флота в Средиземноморье связи Франции с Турцией сошли почти на нет и взаимовыгодная торговля прекратилась. За плечами Бонапарта была победоносная итальянская кампания; тридцать тысяч "босоногих", плохо экипированных и скверно снабжавшихся солдат, подобно смерчу, прошли по Апеннинскому полуострову, сокрушая многовековые государства. Перемирие застало их "на пути" к Вене. Казалось, еще одно усилие – и рухнет Священная Римская империя германской нации по воле генерала, не достигшего и тридцатилетнего возраста... Только в уме, возбужденном успехами и уверенном в собственной счастливой звезде, мог зародиться план похода в Индию через Египет, предав забвению традиции дружбы с Турцией. Последняя, к изумлению современников, оказалась брошенной в союзнические объятия недавнего неприятеля, России. Директория же была рада выпроводить чересчур самостоятельного генерала из Парижа.

История вынесла приговор египетской экспедиции – это был провал. В конце августа 1799 г. Наполеон, посадив на корабль 200 отборных солдат и офицеров, самых близких ему генералов и, отдадим ему должное, – ученых П. Бертело и Г. Монжа, покинул Египет, гласно – для того чтобы спасти Францию от военных поражений, нанесенных ей армией А.В. Суворова, от внутренних неурядиц, негласно – чтобы свергнуть разложившийся режим Директории и установить свою личную власть. За неделю до того, как покинуть Каир, он обратился к великому визирю с патетическим воззванием: "Двухчасовой встречи достаточно, чтобы все уладить, укрепить мусульманскую империю, придать ей силы против истинных врагов и провалить их вероломные замыслы"[3]. Но уж если Турция не соблазнилась союзом с Парижем в разгар побед Бонапарта, тем более она не склонна была дать соглашение, когда стало ясно, что кампания им проиграна. Французская армия в Египте была брошена на произвол судьбы и через полгода капитулировала перед англичанами.

18 брюмера (9 ноября) 1799 г. Наполеон произвел государственный переворот и установил во Франции угодный ему режим. Однако положение и внутри страны, и вовне осталось тяжелым. Общество устало от бесконечных войн и жаждало мира. Но предложения о мире, направленные лондонскому и венскому кабинетам, были отвергнуты.

inslav

На этом мрачном фоне мелькнул луч надежды не только на замирение, но и на сотрудничество с Россией.

Павел I, сменивший в 1796 г. на престоле Екатерину II, еще меньше своей матери проявлял охоты ввязываться в европейское ристалище. Он отозвал даже экскадру, направленную в Северное море, высказав вполне здравую мысль – "нельзя отказать любезным подданным в пренужном и желанном ими отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений"[4].

Но недолго царь удержался на "мирной волне". Экспансионизм Франции возрастал с угрожающей быстротой, "законные троны" шатались и валились по всему периметру ее владений. С великим соседствовало малое, но действовавшее на психику самолюбивого и неуравновешенного императора. Польские капитулы ордена иоаннитов (Мальтийского) избрали Павла гроссмейстером, и, хотя законность этого акта была сомнительной, Павел принял предложенную ему мантию. Париж и Лондон с уникальным для них единодушием сошлись во мнении, что столь хитрым и обходным путем Россия проникает в Средиземноморье и утверждается в самом ее центре. Во время похода в Египет, "задержавшись" у острова, Наполеон Бонапарт заявил явившейся к нему делегации мальтийских рыцарей: "Все ваши объяснения не мешают мне думать, что Россия издавна имела виды на Мальту, и мы решились завладеть ею, чтобы предупредить осуществление этого плана"[5]. Гроссмейстерские чувства Павла I были уязвлены.

Но главное, конечно, заключалось в полном крахе и дотоле зыбкого европейского равновесия.

Выдающаяся роль России во второй коалиции описана выше; подвиги солдат Суворова и матросов Ушакова запечатлены в веках. Но каковы были итоги – с российской точки зрения?

Австрийцы коварно удалили Суворова в Швейцарию, а сами принялись хозяйничать в Северной Италии. Они и не думали возвращать пьемонтского короля на трон в Турине. Павел I был возмущен в самых глубоких своих легитимистских чувствах. Он заявил императору Францу, что жертвовать русскими солдатами ради австрийских территориальных притязаний впредь не намерен.

Под влиянием своего бурного темперамента (или, как изящно выражались французы, "изумительной подвижности ума") Павел действовал всегда круто. А тут подоспел переворот Наполеона. В конце 1799 г. Суворов получил приказ возвращаться с войсками на родину, ибо, как писал император, "виды венские те же, а во Франции перемена, которой оборота терпеливо и не изнуряя себя мне ожидать можно"[6].

Черная кошка пробежала между Петербургом и Лондоном. Англичане блокировали Мальту и не проявляли ни малейшего желания признавать в дальнейшем прерогативы петербургского гроссмейстера. Принцип легитимизма оказался для Лондона и Вены удобной идеологической и политической ширмой. Британский флот добился полного господства в Средиземном море. Вдобавок ко всему британское пра-

inslav

вительство присвоило себе право контроля над морским судоходством. Корабли его величества останавливали для досмотра суда нейтральных и даже союзных держав под предлогом борьбы со снабжением Франции, нередко приводя их в английские гавани для досмотра. Произвол при этом царил полный. Правда, до нападения эскадры адмиралов Х. Паркера и Г. Нельсона на датский флот и его разгрома на рейде Копенгагена (2 апреля 1801 г.) Павел не дожил; но он не без основания считал себя обманутым и резко повернул руль внешней политики. Еще при его жизни удивительно легко, без свойственных дипломатии проволочек, была создана Лига северных держав (Россия, Швеция, Дания, Пруссия) с целью охраны судоходства.

Смена вех представлялась старым русским историкам следствием изменения умонастроений вспыльчивого и взбалмошного самодержца: «Бескорыстный романтик "реставрации" старого порядка и "вторжения" во Францию Павел I возненавидел коалицию», – писал А.С. Трачевский[7]. Видный французский исследователь А. Сорель назвал начавшееся сближение с Францией "химерическим союзом", – столь противоестественным оно казалось[8].

Конечно, все происходило не так просто и однозначной оценке не поддается. Проф. А.З. Манфред определяет в своей монографии "Наполеон Бонапарт" январь–март 1800 г. как время вызревания нового политического курса. Этот трехмесячный срок свидетельствует, что решение было принято не в результате вспышки гнева. Царю нелегко было перейти от традиционной монархической солидарности к сотрудничеству с "исчадием революции", каким все еще рисовался Бонапарт.

Существовали глубинные факторы геополитического плана, толкавшие его на этот путь, и главный из них – отсутствие объективной почвы для антагонистических противоречий между Францией и Россией. Две страны располагались в противоположных концах Европейского континента, территориальных споров между ними не возникало. Мысль об отсутствии антагонистических противоречий вполне четко проступала в инструкции ген. Г. Спренгпортену (сентябрь 1800 г.), направленному в Париж формально для переговоров об обмене военнопленными: "Так как взаимно оба государства, Франция и Российская империя, находясь далеко друг от друга, никогда не смогут быть вынуждены вредить друг другу, то они могут, соединившись и постоянно поддерживая дружественные отношения, воспрепятствовать, чтобы другие своим стремлением к захвату и господству не могли повредить их интересам"[9].

Конечно, и речи не могло быть о примирении с Францией, пока та под лозунгом "Мир хижинам, война дворцам" сокрушала феодальные порядки. Но страшные якобинцы были подавлены, их вожаки гильотинированы, первый консул покончил с революционными шатаниями. Р. Савари много позже писал в мемуарах: "Император Павел, объявивший войну анархистской власти, не имел больше оснований вести ее против правительства, провозгласившего уважение к порядку..."[10]

inslav

Проф. А.З. Манфред склонен приписать заслугу в провидении подлинных интересов двух стран Парижу. Можно, пожалуй, назвать гораздо более раннего провидца – Петра I. Во время визита в Париж в 1717 г. он предложил регенту малолетнего короля Людовика XV: "Поставьте меня на место Швеции"[11]. Иными словами, он предложил изменить всю систему союзов Франции и стать ее опорой на Востоке Европы. Проф. Х. Рэгсдейл назвал это предложение "петровской революцией". Будь оно принято, это привело бы к полной переориентации внешнеполитического курса Парижа с неизбежными жертвами в виде, как минимум, превращения Швеции, Речи Посполитой и Турции во второстепенные державы. Париж на это не пошел. Сам Людовик XV инструктировал в 1762 г. одного из своих послов, барона Л. Бретейля: "Цель моей политики в отношении России – отстранить ее, насколько возможно, от европейских дел. Все, что может погрузить ее в хаос и вернуть в небытие, соответствует моим интересам"[12].

Рассуждая в духе политики без сантиментов, проф. Х. Рэгсдейл считает подобный курс трагической ошибкой, ибо он повлек за собой "даровое жертвоприношение французских национальных интересов". Швеция и Турция все равно были низведены с пьедестала великих держав, Речь Посполитая вообще прекратила существование. А в качестве наследия остались отчуждение и взаимное недоверие Парижа и Петербурга.

Тем труднее было преодолеть завалы прошлого, и заслуга Наполеона, Павла, а затем и Александра состоит в том, что они сумели прозреть контуры перспектив в отношениях между двумя странами.

Насколько внимательно следили в Париже за расколом в стане неприятеля, свидетельствует такой факт: консул в Гамбурге получил нагоняй лично от первого консула за то, что вовремя не сообщил об указе царя, ограничивавшем торговлю с Англией. Впредь подобную информацию следовало отправлять с нарочным[13].

Надо было устанавливать контакты с Петербургом. Сделано это было тактично и умело. Бонапарт пригласил к себе нескольких пленных русских офицеров; растроганные подобной честью, те написали ему благодарственное письмо, которое немедленно появилось в официальном "Монитёре". Хранившийся во Франции меч одного из гроссмейстеров Мальтийского ордена был отправлен Павлу I (опасный дар, учитывая, что остров был блокирован британской эскадрой!). Из Петербурга доходили вести о том, что жизнь здесь стала неуютной для австрийского и британского представителей (австриец Л. Кобенцль писал о своем "петербургском мученичестве").

Пришло время возобновить переписку. За перо взялся Ш.М. Талейран. Его письмо от 19 июля 1800 г. первоприсутствующему в коллегии иностранных дел Н.П. Панину – небольшой шедевр дипломатического искусства. Тонкая игра на оскорбленных чувствах Павла должна была утвердить его в мысли, что к русско-французскому урегулированию Париж – это было ясно по тону письма – готов хоть

inslav

сегодня: первый консул Французской республики знает, что "англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию русских войск". Вскользь брошенная фраза о "возвращении Бонапарта из Египта" не навязчиво напоминала о том, что он-то, собственно, против Суворова не воевал. Высокая оценка заслуг русских войск выставляла напоказ недостойное поведение российских союзников. (В Петербург как раз пришли вести о том, что, не желая расставаться с Мальтой, Великобритания не имеет никаких видов... на Корсику и не станет возражать против ее завоевания Россией. Более неуклюжую попытку столкнуть лбами Россию и Францию трудно себе представить!)[14]

Поскольку прямым поводом для письма Талейрана являлся обмен военнопленными, в нем выражалась готовность немедля отправить в Россию шесть тысяч солдат и офицеров при оружии и знаменах и даже пошить им новые мундиры. Но не так-то легко оказалось доставить послание адресату. Российские дипломаты в нейтральных странах, страшась царского гнева, отказывались принимать "опасную" бумагу. Наконец удалось организовать встречу в саду, примыкавшем к дому прусского министра иностранных дел в Берлине, и послание попало по назначению, правда, уже не Н.П. Панину, слывшему англоманом и потому удаленному с поста, а Ф.В. Ростопчину.

Перу последнего принадлежит своего рода ситуационный анализ в виде записки от 2(14) октября 1800 г., одобренной царем. "Апробуя план Ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению оного. Дай Бог, чтобы по сему было", – начертал на записке император. Франция, рассуждал Ф.В. Ростопчин, "в течение десяти лет без закона и без правления, чрез непонятные происшествия, произведенные варварством, сумасшествием и геройством, приведя не только себя, но и две трети Европы в совершеннейший хаос", предалась, в конце концов, "в самовластие иноземца Бонапарта". Последнему нужен мир, "им он утвердит себя в начальстве, приобретет признательность утомленного французского народа и всей Европы". Ростопчин не льстил себя надеждой на его прочность и длительность: "Бонапарт употребит покой внутренний на приуготовления против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и будет не соперница, а злодей Франции". На твердой земле ему нечего опасаться Пруссии и Австрии (следует нелестная характеристика последней): "подвигаемая корыстью, ослепленная гордостью... предав своих ближних, отказавшись от всех, кроме химерических, завоеваний" (тут – помета царя: *Чего захотели от слепой курицы*!).

Зловредная Англия "угрозами, хитростью и деньгами" двинула державы против Франции (помета Павла: *И нас, грешных*), завладела торговлей по всему свету, "присвоила себе право осматривать корабли всех земель", захватила Египет и осадила Мальту. И Франция, и Великобритания нажились на войне, одна Россия вышла из нее с потерей двадцати трех тысяч солдат и без всякого прибытка.

И тем не менее ее положение выгодно: "Австрия ползает перед

inslav

Вами, дабы восстать против Франции"; "Бонапарт старается всячески снискать благорасположение Ваше для лучшего успеха в заключении мира с Англией". Вместо того чтобы таскать для других каштаны с пожара войны, полагал Ростопчин, Россия в условиях мира имеет шанс стать арбитром Европы: "Россия как положением своим, так равно и неистощимою силою, есть и должна быть первая держава мира, и по сему самому ей должно недремлющим оком иметь надзор над всеми движениями и связями государей, сильных в Европе, дабы они сами собою или содействием подвластных держав чего либо предосудительного России" не свершили. Не надо обременять себя союзами, достаточно торговых связей с другими государствами. Все это звучало как претензия на возврат к положению, существовавшему в последние десятилетия правления Екатерины II.

Не обошел Ф.В. Ростопчин вниманием и восточный вопрос. Турция, "расстроенная во всех частях", на грани развала и гибели. Реформы Селима III – "не что иное, как лекарство, даваемое безнадежному больному". При случае надо приступить к ее разделу: "Россия возьмет Романию, Булгарию и Молдавию, Австрия – Боснию, Сербию и Валахию* ...Франция – Египет". Аппетиты Пруссии следует удовлетворить за счет немецких земель. "Грецию со всеми островами Архипелагскими учредить по примеру венецианских островов республикою, под защитой четырех держав, делящих владения Порты Оттоманской, а по времени греки и сами подойдут под скипетр Российский". (Тут следует замечание Павла: *А можно и подвести.*) Следовательно, по отношению к Балканам допускался переход к открыто экспансионистскому курсу.

Записка Ф.В. Ростопчина не могла стать и не стала провозвестницей нового курса во внешней политике России. Ее основной тезис – отсутствие антагонистических противоречий между Францией и Россией – предполагал отказ и той и другой стороны от далеко идущих территориальных притязаний, способных нарушить баланс сил на континенте. А ведь Наполеон этим занимался всю жизнь! И все же записка интересна и как документ, отражавший точку зрения профранцузски настроенных кругов, и как свидетельство размышлений об установлении прочного мира на основе учета взаимных интересов. Отсюда – внимание к ней в трудах, касающихся особенностей российской внешней политики при Павле[15].

Тон ноты, направленной Ростопчиным 8(20) сентября 1800 г. в Париж, настолько сух и даже груб, что Бонапарт счел, что она "восточ-

---

* Тут помета Павла: *Не много ль*? Проф. Х. Рэгсдейл, ссылаясь на отсутствие оригинала записки Ф.В. Ростопчина, подвергает сомнению подлинность помет Павла I и высказывает предположение, что царь был не согласен с содержанием записки (*Ragsdale H.* Op. cit. P. 118–119). С этим утверждением согласиться не могу. Сам стиль помет отражает переменчивый нрав Павла, его тогдашнее умонастроение. Маловероятно, чтобы кто-либо мог столь искусно этот стиль подделать, да и с какой целью? Ростопчин продолжал занимать пост статс-секретаря по иностранным делам, что свидетельствует об одобрении его взглядов царем.

inslav

ного, даже татарского свойства". В ней перечислялись условия, на которых царь соглашался восстановить отношения с Францией: возвращение Мальты Ордену; "водворение Сардинского короля в его владениях"; "неприкосновенность земель" королей Обеих Сицилий, Баварии и Вюртемберга[16]. Все это было совершенно неприемлемо для торжествующей Франции. Но Бонапарт не топал ногами и не бил драгоценных сервизов, как то бывало в иных случаях, а дал понять, что согласен вступить в переговоры.

По сути дела Наполеону предлагалось встать в общий строй европейских властителей, не нарушая в сколько-нибудь значительной степени равновесие на континенте. Он должен был покончить не только с революционными, но и завоевательными "излишествами". И тогда – признание де-юре "новой Франции" и отказ от крестового похода против нее, отказ от поддержки легитимизма. Далеко идущий демарш Павла явился для Наполеона улыбкой судьбы. Последнему принадлежит фраза, свидетельствующая о большой исторической проницательности (вспомним XX век!): Франция и Россия "созданы географически, чтобы быть тесно связанными между собой", и другая: "Франция может иметь союзником только Россию". Он писал Павлу: "Через 24 часа после того, как Ваше императорское величество назначит лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, с особыми и неограниченными полномочиями, – на суше и на море воцарится спокойствие"[17].

"Лицо, наделенное полномочиями", правда очень скромными, отправилось в Париж. Это был генерал Г.М. Спренгпортен, которому гласно было поручено уладить вопрос с возвращением на родину пленных. Навстречу ему со всем поспешанием поскакали в Брюссель французские уполномоченные. Скромного генерала встретили с почестями, включая орудийный салют. В Париже он был немедленно принят Талейраном, а на следующий же день – первым консулом. Оба источали мед и сахар из уст своих. Простодушный генерал писал царю: "Начиная с Брюсселя, мы ни за что не платим, не дают заплатить ни обола... Публика встречает нас даже рукоплесканиями". Посланцу пришлось задержаться в столице – оказалось, что на шитье мундиров для русских солдат потребуется три месяца. Тем временем ему стали намекать, что войскам и не стоит отправляться в дальнюю дорогу, им можно найти применение поближе, и притом против англичан[18].

9 декабря 1800 г. Бонапарт отправил Павлу письмо, представив в нем самого себя в образе миролюбивого ангела: "Я тщетно пытался в течение года восстановить мир и спокойствие в Европе. Мне не удалось это; еще продолжают драться без причины, и как кажется, единственно благодаря подстрекательству английской политики". Но стоит Павлу только пожелать – и тишина воцарится, а недруги "убедятся, что и желания, и руки наших великих наций соединяются с одной великой целью"[19].

Путь к прямым переговорам был открыт. 18(30) декабря Павел обратился с письмо к Бонапарту: "Г-н первый консул! Те, кому Бог

inslav

вручил власть управлять народами, должны думать и заботиться об их благе". Это была неординарная и смелая акция, потрясшая легитимистов-традиционалистов: царь де-факто признавал новый строй Франции, ее республиканское правление и завоевания. Письмо содержало фразу, которую проф. А.З. Манфред назвал знаменитой: "Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся возвратить миру спокойствие и тишину, в которых он так нуждается"[20]. По сути дела, этим провозглашался принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Конечно, подоплека была своекорыстной и насквозь консервативной: Бонапарту предлагали отказаться от распространения на Руси зловредных лозунгов революции. В инструкции назначенному в Париж послу С.А. Колычеву высказывалось даже пожелание "настаивать на уничтожении клубов, польского комитета и вообще учреждений вне Франции, которые занимаются распространением демократических и философских начал". Хорошо бы даже склонить Бонапарта к принятию королевского титула, дабы он окончательно "вписался" в общий ряд монархов[21]. Но международно-правового значения высказанного положения о невмешательстве во внутрение дела других стран, глобального и на века, это не меняло.

Ф.В. Ростопчин снабдил нового посла жесткой территориальной программой: предусматривалось возвращение Мальты ордену иоаннитов, Египта – Турции, восстановление короля Пьемонта на престоле, неприкосновенность земель Неаполя, Баварии и Вюртемберга. Проф. А.З. Манфред усматривает в этой инструкции "странное противоречие" со всей линией поведения Павла. На наш взгляд, противоречия не существовало: Наполеон допускался в сонм европейских властителей на определенных, строго оговоренных условиях, включавших отказ от завоевательных излишеств.

Колычева Бонапарт и Талейран пытались обольстить приемами, на которые столь падок оказался Спренгпортен, устроив послу необычайно пышную встречу. Но старый вельможа на лесть не поддался, от предложенной роскошной резиденции отказался, был угрюм и спесив. Первое столкновение произошло в связи с категорическим отказом Талейрана даже говорить о возвращении Египта Порте. Отношения у собеседников не сложились, и француз именовал в своих письмах Колычева "нахалом и болваном". Нелестно характеризовал посла и проф. А.С. Трачевский: "Из-за вежливости манер сквозили холодность и напыщенность большого барина"[22]. Но Колычев сразу разгадал и цели, и тактику французов: "Не взирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россиею – ни малейшей искренности". И далее: "Весьма ясно желание правительства вовлечь Россию в убыточную войну не только с Англией, но и самою Портою, дабы лишить ее сего союзника и, удаляя со временем от Пруссии, ослабить и унизить государство, которое одно только может удержать равновесие в Европе", т.е. Россию[23]. Так что же означают эти слова – предубежденность несговорчивого упрямца или проница-

inslav

тельность мужа, радеющего об интересах своей страны? На наш взгляд, безусловно последнее.

Французы жаждали как можно скорее столкнуть Россию и Англию. Талейран предложил российским солдатам в новеньких, только что пошитых мундирах не отправляться в дальний поход на родину, а включиться в военные операции. Бонапарт направил царю письмо, очень похожее на информацию союзника о предпринимаемых против Альбиона акциях. Затем он составил план операций... русской армии с целью вторжения в Индию. Предусматривался сбор 35-тысячного войска (включая 10 тысяч казаков) в Астрахани, их совместный с французами марш на Астрабад-Герат-Фаррах-Кандагар – и к реке Инд. Один современник назвал присланную бумагу "лукавым планом с целью пленить безудержную фантазию императора"[24]. Увы, похоже, этот замысел имел шансы на успех. Павел в своем третьем письме Бонапарту спрашивал: "Нельзя ли предпринять или по крайней мере произвести что-нибудь на берегах Англии?" 12(24) января 1801 г. император приказал атаману Всевеликого войска Донского В.П. Орлову-Денисову поднять полки и двинуть их на Оренбург, а оттуда – в Индию, "дабы поразить неприятеля в его сердце" (хотя состояния войны с Великобританией вообще не существовало!). 22 тысячи донцов оседлали коней[25]...

Зачем все это? Какие государственные интересы России побуждали императора к действиям, выгодным прежде всего Франции и отвечавшим потаенным мечтам ее первого консула? Зачем было налагать запрет на ввоз в страну английских товаров, прекращать выгодную торговлю? Вызывать недовольство влиятельных кругов дворянства и купечества?

А "тугодум" Колычев разгадал замысел гениального Бонапарта и хитроумного Талейрана: увенчать переговоры сепаратным миром, отсечь их от общеевропейского замирения. Представленный французами проект единственно в чем учитывал российские интересы, так это в готовности признать существование Ионической республики[26]. Решение всех остальных вопросов, предполагавших установление в Европе относительного равновесия, откладывалось "на потом". Колычев имел все основания писать: "По их плану Сардинское королевство по роли будет хуже нашего старосты деревенского; то же надо ждать и для всей Италии"[27]. Россию Наполеон собирался превратить в орудие своей политики в Европе. Тревожные сигналы Колычева не застали Павла I в живых: в ночь с 11 на 12 (23–24) марта 1801 г. он стал жертвой ворвавшихся в его спальню заговорщиков.

Что выгоды от сотрудничества с Россией собирался присвоить себе Бонапарт – нет сомнений. Брат Люсьен писал ему из Мадрида: "Со времени сближения с Россией Вас считают здесь повелителем Европы"[28]. Другому своему брату, Жозефу, занятому в Люневилле переговорами с австрийцами, Наполеон приказал прибегать к тактике проволочек, ибо мир с Австрией – ничто в сравнении "с союзом, который смирит Англию и обеспечит нам Египет"[29].

inslav

Австрийцы потерпели в 1800 г. поражения при Маренго и Гогенлиндене, но не были разгромлены. Они располагали солидной действующей армией в 130 тыс. штыков, равной французской по численности и превосходившей ее по кавалерии и артиллерии. В инструкциях, коими был снабжен для переговоров Л. Кобенцль, ему предписывалось не соглашаться даже на статус-кво анте беллум, т.е. на сохранение кампоформийских условий, а предлагалось добиваться лучших. Но, по словам самого Кобенцля, "разрыв с Россией – источник всех австрийских несчастий"[30]. Договор был заключен на триумфальных для Наполеона условиях: все его завоевания были признаны, так же как и учрежденные им "независимые" республики, австрийские владения в Италии урезаны.

Вырвавшись из ставшего явно обременительным союза с Австрией и Великобританией, Павел не добился статуса арбитра в европейских делах и не удержался на позиции наблюдателя. Увлекаемый своим невзвешенным темпераментом, царь переступил черту, где кончались приносимые сотрудничеством с Францией выгоды.

[1] Corréspondance inédite oficielle et confidentielle de Napoléon Bonaparte. P., 1919. Vol. 6. P. 121–122.
[2] Ibid. P. 248.
[3] Ibid. P. 449.
[4] Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 70. С. VI (Далее: Сб. РИО).
[5] Там же. С. XI.
[6] Там же. С. XIV.
[7] *Трачевский А.С.* Наполеон I: Первые шаги в консульство. М., 1907. С. 165.
[8] Цит. по: *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 352.
[9] Сб. РИО. Т. 70. С. XI.
[10] Цит. по: *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 356.
[11] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1986. С. 343.
[12] *Ragsdale H.* Detente in the Napoleonic Era: Bonaparte and the Russians. Lawrence (USA), 1980. P. 11, 12.
[13] Ibid. P. 29.
[14] Сб. РИО. Т. 70. С. I; *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 351, 358.
[15] Записка графа Ф.В. Ростопчина // Русский архив. 1878. Т. 1. С. 104–110; *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962. С. 111–113; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 51; *Вербицкий Э.Д.* К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII и XIX вв.: (О проекте русско-французского союза и раздела Оттоманской империи Ф.В. Ростопчина) // Колониальная политика и национально-освободительное движение: (Из новой и новейшей истории Балкан, Ближнего и Среднего Востока). Кишинев, 1965. С. 51.
[16] Сб. РИО. Т. 70. С. X–XI.
[17] *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 353–354; Сб. РИО. Т. 70. С. XXVI.
[18] Сб. РИО. Т. 70. С. XXV.
[19] Там же. С. 24–25.
[20] *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 339.
[21] Сб. РИО. Т. 70. С. XXVII.
[22] Сб. РИО. Т. 70. С. XXVI.
[23] Сб. РИО. Т. 70. С. 41–42.

inslav

[24] Сб. РИО. Т. 70. С. XXXVI, XXXVII, 38–42; Проект экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапартом. М., 1847; *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 371.

[25] *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 371.

[26] Сб. РИО. Т. 70. С. 63–64.

[27] Там же. С. XXVII.

[28] *Ragsdale H.* Op. cit. P. 49.

[29] Сб. РИО. Т. 70. С. XXX.

[30] *Ragsdale H.* Op. cit. P. 58, 61, 65.

inslav

ВТОРАЯ КОАЛИЦИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО И СОПЕРНИЧЕСТВО АНГЛИИ И РОССИИ

Военные действия второй коалиции развертывались на фоне острых противоречий между ее участниками. Силы союзников на Средиземном море было необходимо разделить: слишком много объектов требовали одновременного внимания – Египет, Ионические острова, Мальта, побережье материковой и островной частей Королевства Обеих Сицилий. Британский посланник в Стамбуле Чарлз Спенсер Смит предложил направить русскую и турецкую эскадры к побережью Египта. Он заявил, что в Адриатике и восточной части Средиземного моря адмирал Г. Нельсон сможет действовать и один.

С политической точки зрения, британские планы объяснимы, однако с чисто военной, они, мягко говоря, были неразумны. Русский и турецкий флоты оказались бы чрезмерно удалены от своей базы; эскадра Нельсона была бы очень далеко от кораблей лорда Худа, крейсировавших у египетских берегов. Претензии англичан удалось отвести; об успешных операциях русско-турецкого флота по свобождению Ионических островов сказано выше.

Операции осуществлялись под аккомпанемент протестов английской стороны; вообще, внутренние раздоры как во флоте, так и на суше подрывали эффективность действий союзников.

В конце 1798 г. эскадра адмирала Нельсона, вывезшая из Неаполя королевское семейство и казну, прибыла на Сицилию. Там Нельсона ожидал неприятный сюрприз – приказ Адмиралтейства о передаче части эскадры под командование капитана Вильяма Сиднея Смита (брата британского посланника в Константинополе), которому предписывалось отправиться к Александрии. Приказ был сформулирован столь туманно, что можно было подумать, будто Нельсон должен теперь подчиняться распоряжениям Смита. Адмирал был этим так оскорблен, что отправил главнокомандующему письмо с просьбой об отставке. На несколько недель, пока распутывалось это недоразумение, действия английского флота в Восточном Средиземноморье фактически застопорились[1].

В это время Нельсон вел активную переписку с Ф.Ф. Ушаковым. Он получил подробное письмо от командующего союзной эскадрой, в котором тот любезно сообщал ему о согласованных в Стамбуле всеми заинтересованными сторонами планах и сигнальный код, посредством которого корабли России, Турции и Великобритании могли опознать

© Л.В. Зеленина

inslav

друг друга при встрече и вести переговоры[2]. В ответном письме Нельсон весьма сухо поблагодарил Ушакова за эти сведения и выразил мнение, что, по его глубокому убеждению, главной задачей союзной эскадры должна стать блокада Египта и перехват в случае возможного отступления французского главнокомандующего – Бонапарта. Ионические же острова, утверждал он, не являются стратегически важной позицией, а потому их освобождение от французов можно отложить на неопределенное время[3].

Ф.Ф. Ушаков был вынужден доказывать Нельсону очевидное: "Важность сего плана (освобождения Ионических островов. – *Л.З.*) для Порты ясно доказывается положением тех островов и вернейшими известиями о намерении французов: сильно в них укрепясь, напасть на империю Оттоманскую со стороны Албании и морем..."[4] Однако Нельсон продолжал настаивать на своем: "С истинным сожалением вижу, что еще 26 ноября не прибыла ни одна эскадра, чтобы помочь капитану Худу, который нуждается в подкреплении. Египет – вот первая цель, Корфу – второстепенная..."[5] Три дня спустя он писал Абдул Кадыр-бею: "Сэр, я надеялся, что часть соединений русской и турецкой эскадр придет к Египту, первой цели войны для османов, ибо Корфу – второстепенное соображение"[6].

Вторая коалиция весьма успешно начала войну: русский корпус под командованием А.В. Суворова блестяще действовал в Швейцарии и Северной Италии. Английская эскадра блокировала Мальту, заняла важный стратегический пункт – о. Минорку. Англо-турецкие войска провели ряд удачных операций в Египте и Сирии, где Бонапарта, тайно отбывшего во Францию, на посту главнокомандующего сменил генерал Ж. Клебер. Но очень скоро стало ясно, что разногласия между союзниками столь же опасны, сколь противостоявшая им армия противника.

Для британских политиков существовали только интересы Англии, и все действия участников коалиции должны были быть подчинены именно этому. Иной раз поступки английских командиров шли вразрез не только с общепринятыми установками международного права, но и с элементарными понятиями о чести. Например, когда во время освобождения Неаполитанского королевства замок св. Эльма и две прикрывавшие его крепости с французским гарнизоном сдавались под угрозой обстрела русско-турецкой эскадрой (при которой находился один английский корабль), причем сдались на почетных условиях, предусматривавших эвакуацию, то прибывший через два дня в гавань Нельсон с отрядом заявил, что на правах старшего по званию он аннулирует подписанное без него соглашение. Гарнизон, в котором было много перешедших на сторону французской армии итальянцев, был арестован и передан не в распоряжение главнокомандующего для последующего обмена пленными, а в распоряжение военно-морского суда. Суд не признал сдавшихся военнопленными; почти все они были казнены. Один из высших офицеров, князь Франческо Караччиоло, был повешен на рее флагманского корабля Нельсона, несмотря на свой ранг и почтенный возраст (ему было за семьдесят)[7].

inslav

Мальту осаждала эскадра под командованием капитана А. Болла. Когда Ушаков в соответствии с англо-русской договоренностью решил направить туда же несколько кораблей своей эскадры, Нельсон резко выступил против этого, ибо пришел к твердому убеждению, что не в интересах Англии присутствие русских кораблей западнее Крита[8].

Союзникам никак не удавалось вести согласованные действия. Впрочем, большинство членов коалиции этого просто не хотело. Единственное, о чем заботились Лондон и Вена, – не допустить усиления русского влияния в тех регионах, которые они считали сферой своих интересов. К середине 1799 г. это стало очевидно всем.

Известно, что из-за действий австрийского гофкригсрата блестящие победы Суворова не были использованы, а при вынужденном отступлении русская армия понесла значительные потери. Но менее известны события, развернувшиеся в это же время в Голландии.

Там воевали англичане и русский экспедиционный корпус. В ходе сражений английские войска категорически отказывались от совместных действий и фактически предали союзников. Потери русского корпуса составили более одной трети от числа участников похода! Это стало следствием неоднократных нарушений обязательств Англии перед участниками коалиции[9]. Кроме того, отношения между Россией и Англией оказались изрядно испорчены проблемой субсидий: британская казна платила меньше, чем обещала, но и Россия отправила на поля сражений почти на 20 тыс. солдат меньше, чем предусматривалось конвенцией о совместных действиях и договором 1798 г. Окончательно вопрос об английском долге был разрешен только после заключения Амьенского мира, в 1802 г.[10]

Пока вторая коалиция воевала, сам премьер-министр В. Питт не придавал особого значения региону Средиземноморья, особенно его восточной части. Но некоторые другие члены кабинета, и прежде всего имевший огромный авторитет министр иностранных дел лорд Гренвилл считал, что усиление влияния Англии в Константинополе – задача весьма и весьма важная. В этом с ним полностью соглашалась Левантийская компания. В итоге в Константинополь, где уже находился полномочный посланник Сент-Джеймского двора Ч.С. Смит, в таком же ранге ему на помощь был отправлен его брат, коммодор В.С. Смит – случай беспрецедентный. Кроме того, братья представляли Левантийскую компанию, которую очень беспокоило резкое падение доходов от торговли с Турцией: в 1798 г. оборот составил всего 98,7 тыс. ф.ст. против 282,8 тыс. ф.ст. в 1796 г.[11]

До начала военных действий компания имела свои фактории в Стамбуле (5 факторий), в Смирне (6) и на островах Микенос, Милос, Тино и Занте. Теперь их деловая активность на островах полностью прекратилась. Но связи с жителями островов не прерывались. Воспользовавшись этим, а также немедленным появлением английского консула на о. Корфу после его освобождения от французов, британская дипломатия усилила свою антирусскую деятельность, которая приобретала все более открытый характер. Об этом свидетельствовала по-

inslav

пытка организовать на Корфу сборный пункт для албанцев, завербованных на английскую службу. С этой целью в конце 1799 г. в Константинополь прибыл генерал В. Уиллет. Таким образом была усилена английская военная миссия в османской столице – там уже находился генерал Келер, тесно сотрудничавший с военным ведомством; кроме того, В.С. Смит, овеянный славой победителя французских войск у стен Сен-Жан-д'Акр, пользовался огромным влиянием в ведомстве капудан-паши: на верфях в Золотом Роге по чертежам Смита строилось несколько судов. Когда же Ушаков, увидевший в действиях Уиллета скрытую угрозу интересам России, воспротивился этому, британская дипломатия обвинила его и российское правительство в вынашивании агрессивных планов против Англии и Османской империи[12].

Ситуация несколько изменилась в декабре 1799 г., когда Ч.С. Смита сменил на посту посланника в Константинополе граф Томас Элгин*. Однако утрата официального дипломатического статуса и личная неприязнь нового посланника не слишком ограничили свободу действий "братьев Смитов", как неизменно называл их в своих депешах русский посланник В.С. Томара, не разделяя Чарлза Спенсера и Вильяма Сиднея.

Братья остались в Константинополе в качестве просто торговых агентов Левантийской компании. Еще усилиями Ч.С. Смита компания получила в 1799 г. от Высокой Порты право на торговые операции в Черном море[13]. Теперь Смиты были полны решимости воспользоваться этим правом. При этом их деятельность не всегда соответствовала законам...

Англо-русские отношения, осложнившиеся еще в 1799 г., с самого начала 1800 г. стали серьезно портиться. Вину за это следует возложить прежде всего на Генри Дандеса и лорда Гренвилла. Ко всем прочим причинам взаимного недовольства теперь добавилась проблема Мальты[14].

В конвенции 1798 г. было зафиксировано соглашение, что после освобождения острова от французов на его территории будет размещен гарнизон из равного количества представителей Англии, Неаполя и России. Позже Англия согласилась с тем, что Ла-Валетту займет русский гарнизон, а во главе военного совета будет представитель России. Однако уже через полгода Нельсон в резкой форме отказался дать разрешение на присоединение к блокирующей Мальту эскадре русских кораблей. Позже это обстоятельство будет использовано во вред России. Когда же в августе 1800 г. англичане оккупировали Мальту, над крепостью был поднят только английский флаг. Этим грубо попирались права формального сюзерена Мальты – неаполитанского короля, ближайшего союзника английской короны. Но на такие мелочи в Лондоне не обращали внимания...

---

* Хотя в русских документах и литературе часто встречается другой вариант – Элджин, фамилия Elgin читается именно так (см.: A Member of Aristocracy. Manners and Rules of Good Society. 2nd ed. L., 1943. P. 243).

inslav

Ситуация ухудшалась с каждым днем. И вновь перед английскими политиками замаячил призрак угрозы индийским владениям. 8 ноября 1799 г. посланник в Константинополе лорд Элгин писал генерал-губернатору английских владений в Индии лорду Уэллсли: "Я не могу отказаться от мысли, что Россия, как и Франция, также рассматривает возможности своего воздействия на наши интересы в Индии..." Союзника и противника теперь ставили на одну доску[15].

Чтобы максимально отвлечь внимание и силы России от Индии и Османской империи, британская дипломатия решила разыграть персидскую карту.

С января 1800 г. в Тегеране находился официальный посланник Лондона (и Ост-Индийской компании) Джон Малколм. Ему удалось заключить с Персией чрезвычайно выгодный для Англии политический и торговый договоры. Теперь лорд Элгин требовал срочного заключения договора военного. Персия была в очень натянутых отношения с Россией из-за Грузии (формально – персидского вассала), стремившейся перейти под покровительство России. Британская дипломатия готовилась в любой момент подтолкнуть Персию к войне с Россией, чтобы у нее не оставалось сил для невыгодных Англии действий.

Тем временем появилось еще одно яблоко раздора между союзниками – пресловутый "морской кодекс" Англии. Фактически фразами о борьбе с военной контрабандой прикрывалось беззастенчивое пиратство: англичане присвоили себе право останавливать и обыскивать любые корабли; нередко их отводили в британские порты, а товар, под предлогом контрабанды, конфисковывался. События развивались быстро. 25 августа Россия разорвала отношения с Англией. 27 была обнародована декларация, осуждающая английскую практику захвата не только нейтральных, но и союзных судов. В декларации, обращенной прежде всего к балтийским государствам, предлагалось возобновить вооруженный нейтралитет 1780 г. для охраны судоходства. В декабре была создана (точнее, воссоздана) Северная лига.

В Египте усилия англичан увенчались успехом. В январе 1800 г. после крупной победы их войск в Эль-Арише была подписана англо-французская конвенция о перемирии на весьма выгодных для Англии условиях (с французской стороны ее подписал генерал Ж. Клебер, с английской – вновь вернувшийся в Египет В.С. Смит). В частности, французские войска, выводимые из Египта, не должны были более участвовать в каких-либо военных действиях против Англии и ее союзников. Но дело опять застопорилось из-за нарушения этикета: адмирал Кейт заявил, что Смит не имел полномочий на подписание мирных соглашений, и дезавуировал конвенцию. Военные действия в Египте продолжились. Кроме того, теперь английская дипломатия требовала от Высокой Порты предоставления особых прав тем из мамлюкских беев, кто признает себя под покровительством Британии[16].

В своих стремлениях к тому, чтобы закрепиться в Средиземноморье, Англия шла по стопам Наполеона: Мальта, Ионические острова, потом Египет...

inslav

В марте 1801 г. в Египет прибыл корпус генерала сэра Ральфа Аберкромби. На этот раз англичане даже формально не испросили разрешения у Порты высадить в Египте свои войска численностью значительно большей, чем предусматривалось в договоре. К сентябрю после нескольких сражений (в частности под Александрией, где был смертельно ранен генерал Аберкромби) французские войска очистили Египет. Но, как ни странно, французам удалось добиться гораздо более выгодных для себя условий, чем по Эль-Аришской конвенции: французские отряды были эвакуированы на английских судах и за английский счет; они вывезли из Египта все свое оружие; теперь не ставилось никаких условий относительно возможного участия их в дальнейших военных действиях. Но, освободив Египет от французов, англичане, казалось, не собирались пока уходить оттуда...

Практически одновременно с отправкой корпуса генерала Аберкромби в Египет крупная английская эскадра отплыла в противоположном направлении: в Балтику. Без объявления войны 21 марта 1801 г. в сражении при Копенгагене был уничтожен флот Дании, одного из участников Северной лиги. Один из флагманов эскадры, Г. Нельсон, решил, что ему представляется возможность уничтожить балтийский флот России. Он двинулся к Ревелю. Но ситуация резко изменилась: был убит Павел I; в Лондоне ожидали перемен в российском внешнеполитическом курсе. Г. Нельсон, прибыв на рейд Ревеля во главе эскадры из 11 линейных судов, одного фрегата и двух бригов, попытался представить британское вторжение в виде дружеского визита и даже выразил пожелание совершить такой же вояж в Кронштадт. Ему ответили, что для изъявления дружбы достаточно посылки одного корабля; адмирала попросили удалиться, что он и сделал[17].

[1] *Southy R.* The Life of Nelson. 8th ed. L., 1849. P. 221–222; *Эджингтон Г.* Адмирал Нельсон. М., 1992. С. 170–171.

[2] *Милютин Д.А.* История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1852. Т. 1. С. 243.

[3] *[Nelson H.]* The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson. L., 1844. Vol. III. P. 189.

[4] Материалы для русско-турецкой кампании 1798–1800 гг. // Отдел рукописей Национальной публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ф. А.В. Висковатого. I–IV. Ч. I–II.

[5] *[Nelson H.]* Op. cit. P. 196.

[6] Ibid. P. 197.

[7] *Southy R.* The Life of Nelson. P. 197–202.

[8] См.: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья. 1798–1806. М., 1964. С. 128.

[9] *Милютин Д.А.* История войны 1799 г. ... СПб., 1853. Т. II, ч. 4.

[10] *Sherwig J.M.* Guineas and Gunpowder: British Foreign Aid in the Wars with France. Cambridge (Mass.), 1969. P. 121.

[11] *Eton W.A.* Survey of Turkish Empire. L., 1801. P. 446.

[12] *Станиславская А.М.* Указ. соч. С. 154.

inslav

[13] Parliamentary Papers. L., 1878. Vol. 83. P. 165; L., 1843. Vol. 57. P. 522; British and Foreign State Papers. Vol. 1, P. 1. P. 766–767. *Williams J.B.* British Commercial Policy and Trade Expansion, 1750–1850. Oxford, 1972. P. 293.

[14] О проблеме Мальты в англо-русских отношениях см.: *Перминов П.В.* Под сенью восьмиконечного креста: Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 1991. С. 123–128.

[15] *Terway V.* East India Company and Russia. New Delhi, 1977. P. 15.

[16] *ал-Джабарти.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). М., 1962. С. 235–242 (текст конвенции).

[17] *Зеленина Л.В.* Формирование принципа статус-кво в политике Великобритании на Балканах (1790–1809) // Сов. славяноведение. 1987. № 1. С. 36–37.

inslav

АМЬЕНСКИЙ МИР

Убийство Павла I и воцарение Александра совпали с фундаментальными переменами в британском правительстве. Перемены эти не были внезапными. Они стали следствием развития событий за последние три года.

Внутренняя политическая ситуация в Великобритании определялась в тот период прежде всего ирландским вопросом. Дважды повторявшаяся (в 1797 и 1798 гг.) попытка Директории высадить десант в Ирландии, подготовка там восстания против британского господства заставили наиболее дальновидных членов правительства во главе с В. Питтом осознать, что прежняя система управления Ирландией опасна. Тогда Питт решил пойти на унию с Ирландией, подобную той, что была успешно проведена с Шотландией в 1707 г.[1]

Билль об уничтожении ирландского парламента и его слиянии с английским прошел и в Палате общин, и в Палате лордов. Но он должен был быть утвержден и в ирландском парламенте. Как открыто признавал сам Питт, билль прошел через ирландский парламент только благодаря огромным суммам, истраченным на подкуп депутатов: они получили более 1 млн ф.ст. Кроме того, было роздано много титулов и чинов[2].

Уния вступила в силу с 1 января 1801 г. Именно с этого числа английское государство получило современное название – Соединенное королевство.

Питт надеялся, что после ликвидации такой серьезной конфликтогенной зоны правительству будет легче вести внешполитическую активную деятельность, направленную на дальнейшие военные действия. Но недовольство в обществе нарастало.

Ситуация осложнялась неурожаем и последовавшими голодными бунтами в нескольких графствах, инфляцией и высокими налогами. Неудачи военных действий в Голландии вызвали взрыв возмущения. Все указывало на то, что единственным приемлемым курсом правительства будет курс на мирные переговоры.

После 18 брюмера британскому кабинету было морально легче думать о мире с Францией. Питт и немногие его сторонники, не верившие в искренность мирных инициатив Франции, оставались в меньшинстве. Премьер-министру, который почти десять лет выступал за войну с Францией, было трудно переломить себя. Но здесь ситуация

© Л.В. Зеленина

inslav

осложнилась одним непредвиденным, но очень серьезным обстоятельством.

Одним из главных условий ирландской унии было признание полного политического равноправия католиков и протестантов: католики теперь составляли более четверти населения Соединенного королевства. Часть членов кабинета возражала против выполнения этого обещания. Канцлер Лоуборо заявил Георгу III, что утверждение "Билля об эмансипации католиков" будет противоречить коронационной клятве короля о защите государственной религии – протестантизма. После этого король наотрез отказался поддержать Питта. Премьер-министр не посмел настаивать: здоровье короля ухудшалось с каждым днем, он впадал в безумие, вскоре врачи в третий раз за два года закрыли к нему доступ всем, кроме членов семьи. Премьер подал в отставку[3].

Однако оппозиции не удалось воспользоваться этим. Вскоре Георгу III стало лучше. Он поручил формирование кабинета одному из близких друзей Питта – Генри Аддингтону, занимавшему в то время пост спикера Палаты общин.

Министерство Аддингтона критиковали и современники, и потомки. Дж. Каннинг пустил по Лондону эпиграмму:

Питт в сравнении с Аддингтоном –
Лондон в сравнении с Паддингтоном,

т.е. с одним из захолустных предместий английской столицы[4]. Но изучение документов и фактов показывает, что политика Аддингтона была естественным продолжением политики Питта. Отсутствие же в составе правительства бывшего премьера в некоторой степени облегчило ведение мирных переговоров: Аддингтон мог пойти на такие уступки, какие не позволил бы себе Питт. Бывший премьер-министр, оставаясь в Палате общин, во время дебатов активно поддерживал сторонников переговоров, причем тех, кто выдвигал сравнительно умеренные требования[5].

Бомбардировка Копенгагена была проведена уже при новом правительстве, хотя предварительный приказ о нем был отдан еще Питтом. Уже новое правительство получило от Александра I сообщение, что Северная лига распущена. Англо-русское противостояние окончилось, не перейдя в фазу открытых военных действий. Но политического согласия достигнуто не было.

Спешно продолжились военные действия английского корпуса против французов в Египте[6]. Однако общая ситуация в Европе складывалась явно не в пользу антифранцузской коалиции. Выход России из союза, поражение австрийских войск в двух битвах – при Маренго и Гогенлиндене – показали, что опоры на континенте у Великобритании нет. Поэтому прибытие в Лондон французского представителя Отто с предварительными условиями мирного договора было встречено с надеждой и облегчением.

Переговоры начались в Лондоне в июне 1801 г. и шли до 1 октября, когда был подписан прелиминарный мирный договор. Через несколь-

inslav

ко недель в Амьене собрался конгресс для выработки окончательных условий мира.

Одной из причин столь долгих прелиминарных переговоров было то, что Г. Аддингтон и министр иностранных дел в его правительстве лорд Р. Хоксбери пытались включить в число стран, которые будут участвовать в конгрессе в Амьене, и Османскую империю. Наполеон был категорически против этого; переговоры Франции и ее союзников с членами антифранцузской коалиции проходили раздельно, а вести переговоры с двумя государствами одновременно означало бы, что Османская империя как слабейшая неизбежно подпадает под влияние Англии.

Англии не удалось настоять на своем. Лорд Элгин, правда, сумел добиться от Порты обещания, что в Амьен будет послан турецкий дипломат, уполномоченный вести переговоры. Попытка была пресечена решительным образом – турка не выпустили из Парижа. Переговоры между Францией и Турцией шли здесь без английского надзора. Но и на Амьенских переговорах неоднократно затрагивались турецкие проблемы. В конце концов был достигнут компромисс: Османской империи предложили посредством особого протокола присоединиться к Амьенскому договору, т.е. не рассуждая, – что и было сделано[7].

Внутри британских правящих кругов к тому времени согласия достигнуто не было. Георг III и лорд В. Гренвилл (который, не занимая официального поста, по-прежнему пользовался большим влиянием при дворе и лично на короля) требовали как можно более жестких условий. Аддингтон и лорд Хоксбери стояли на более умеренных позициях; их точки зрения придерживался и Питт.

О том, насколько небольшое значение придавалась в это время восточному вопросу, свидетельствует речь Питта, произнесенная им во время дебатов в Палате общин перед окончательным подписанием мирного договора в Амьене: "Внешняя торговля Англии – это торговля с Ост-Индией, Вест-Индией и Средиземноморьем. К счастью, случилось так, что основные завоевания Британии были сделаны в Средиземноморье; они включают в себя Египет, Мальту, Порто Феррахо и Минорку. Отказ от них ничего не будет стоить; их сохранение ничему не послужит, только уязвит гордость Франции, – а это опасно"[8].

В речи прозвучал намек на то, что Питт (а он по-прежнему являлся фигурой чрезвычайно влиятельной) готов вернуться к ситуации, сложившейся в 1797 г. Невыгодность этого предложения для Англии сразу отразилась на бирже: курс государственных ценных бумаг упал на 51 пункт.

Переговоры в Амьене шли пять месяцев. Мирный договор, знаменовавший завершение военных действий второй коалиции, был подписан 27 марта 1802 г.[9]

Англия обязалась возвратить союзникам все захваченные ею колонии, кроме о. Тринидад и о. Цейлон. Капштадт (или, как теперь все чаще начинало звучать, Кейптаун) становился открытым городом. Франция должна была вывести свои войска из Рима, Неаполя и с

inslav

о. Эльба; Англия обещала очистить все порты и острова, занятые ею в Средиземном и Адриатическом морях.

Особая статья (десятая) была посвящена Мальте. Остров должен был быть оставлен английским гарнизоном и возвращен ордену св. Иоанна Иерусалимского в течение трех месяцев. Независимость и нейтралитет Мальты гарантировались шестью державами: Францией, Австрией, Россией, Испанией, Пруссией, Англией.

Обе стороны гарантировали целостность владений Османской империи в довоенных границах: это означало, что Англия должна вывести свои войска из Египта. Последняя статья и франко-голландская декларация гарантировали, что Батавская республика компенсирует Оранскому королевскому дому его потери в Голландии.

Если посмотреть с формальной точки зрения, Англия действительно практически возвращалась к ситуации 1797 г., как призывал в Палате общин В. Питт. За Наполеоном оставались все основные французские завоевания – Бельгия; граница по Рейну; Савойя; контроль над Италией, плюс колониальные владения в Индии и Америке. Российский вице-канцлер А.Р. Воронцов отмечал скоропостижность и невыгодность "договора для Англии"[10].

И тем не менее истомленная Англия вздохнула с облегчением. Характерный штрих: когда в Лондон прибыл генерал Ж. Лористон с ратификационными грамотами, восторженная толпа выпрягла лошадей из его кареты, и французский посол поехал в гостиницу на "человеческой тяге". Уличное празднество продолжалось ночь напролет, несмотря на дождь и порывистый ветер[11].

Ш.М. Талейран повествует в своих мемуарах: он говорил первому консулу, – он оставил бы Мальту в руках англичан, лишь бы договор заключил В. Питт или Ч. Фокс, а не малоавторитетный Аддингтон[12]. Но Питт действовал по циничным и беспардонным правилам политической игры, предписывающим удалиться со сцены при заключении акта сомнительного и, вполне вероятно, быстротечного. Он не ошибся. Сразу же после подписания договора начались осложнения.

Английские войска должны были покинуть Мальту через три месяца после подписания договора. После этого на острове должен был быть размещен неаполитанский гарнизон в 2 тыс. человек. Но недели шли, а никаких приготовлений к эвакуации с острова не предпринималось.

Английские войска из Египта также не выводились. Более того, английская дипломатия начала делать представления Высокой Порте о том, что мамлюкские беи Верхнего Египта должны получить автономию. Британский посол в Константинополе действовал столь напористо, что кабинет министров был вынужден слегка охладить его пыл. Порте было объяснено, что лорд Элгин в данном вопросе превысил свои полномочия.

Подписание системы мирных договоров ненадолго принесло успокоение Европе. Практически ни одна из участвовавших в военных действиях второй коалиции стран не собиралась выполнять взятые на

inslav

себя обязательства. Уже к концу 1802 г. стало ясно, что над Европой вновь собираются тучи.

На этот раз камнем преткновения и по крайней мере формальной причиной начала военных действий послужит именно Средиземноморье.

[1] *Palmer A.* A Dictionary of Modern History, 1789–1945. 3 rd ed. Harmondsworth, 1975. P. 338.

[2] *Churchill W.S.* The History of English Speaking Peoples. 4 th ed. L., 1974. Vol 3: The Age of Revolution. P. 240–241.

[3] *Gash N.* Lord Liverpool: The Life and Political Carreer of Robert Banks Jenkinson, Second Earl of Liverpool, 1770–1828. Cambridge (Mass.), 1984. P. 37.

[4] *Churchill W.S.* Op. cit. P. 242.

[5] *Gash N.* Op. cit. P. 40–41.

[6] См.: *ал-Джабарти.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). М., 1962. Ч. 1.

[7] Текст договора см.: *[Noradounghian G.]* Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. P., 1900. 1789–1856. T. II. P. 51–54.

[8] *Lord W.F.* England and France in the Mediterranean 1660–1830. N.Y., L., 1970. p. 53.

[9] Текст договора см.: *Martens G.* Recueil des traités... Vol. VII.

[10] ВПР. М., 1962. Т. 1. С. 379–380.

[11] *Ragsdale H.* Detente in the Napoleonic Era: Bonaparte and the Russians. Lawrence, 1980. P. 105.

[12] *Талейран Ш.М.* Мемуары. М., 1959. С. 163.

inslav

"РАЗРЯДКА В НАПОЛЕОНОВСКУЮ ЭРУ. БОНАПАРТ И РУССКИЕ"

Заголовок заимствован мною у американского исследователя Хью Рэгсдейла. Так озаглавлена его книга, посвященная драматическим перипетиям франко-русских отношений начала XIX столетия. Но у него инициатор разрядки – Наполеон. Проф. Рэгсдейл убежден в почти маниакальной приверженности Бонапарта сотрудничеству с Россией. Он пишет о "страсти Наполеона" к союзу, "неутомимом стремлении" к нему, называет это "великим замыслом" Бонапарта и признает в то же время "позорно плохое" обращение своего героя с прочими державами[1], выражавшееся в том, что он систематически их покорял.

Действительно, Наполеон протягивал России руку и будучи консулом, и до и после Аустерлица, и до и во время тильзитских переговоров, и до кампании 1812 г. Но каждый раз на условиях, которые в лучшем случае не выдерживали даже короткого испытания временем, а в худшем – вообще неприемлемых. Его инициативы диктовались тактическими соображениями, ясным пониманием того, что любая направленная против него коалиция держав без участия России обречена на быстрое поражение.

На наш взгляд, заслуга в стремлении перейти к разрядке на континенте принадлежит не ему, а Александру I и его ближайшему окружению, и мы видим в этом "дней Александровых прекрасное начало", когда, увлеченные идеалами Просвещения, царь со своими друзьями – В.П. Кочубеем, Н.Н. Новосильцевым, П.А. Строгановым, А.А. Чарторыйским – попытались построить международные отношения в Европе на принципах разума. Речь шла о геостратегическом курсе, не подверженном влиянию политической конъюнктуры и не ограниченном временем.

В первый же день по воцарении Александр послал гонца – остановить казачьи полки, двинувшиеся к Оренбургу. Затем последовало предписание С.Р. Воронцову – предпринять шаги для возобновления отношений с Англией, но при непременном условии – признание прав нейтральной торговли. Радужные надежды Наполеона относительно совместного похода в Индию рухнули в одночасье. Убийство Павла он воспринял как удар, направленный лично против него.

В северной столице Негласный комитет друзей царя приступил к формулированию новых принципов внешней политики.

По извечному российскому обыкновению, перво-наперво был охаян

© В.Н. Виноградов

inslav

курс предшествовавшего царствования. На заседании кружка соратников Александра Н.Н. Новосильцев "в прекрасно составленном обзоре" (так сказано в протоколе от 10(22) июля 1801 г.) показал, насколько внешние сношения "были нелепыми до настоящего времени, насколько их определяли интриги малых дворов", причем "наши интересы были полностью забыты".

Затем граф В.П. Кочубей изложил основы новой системы, целиком одобренные царем: "...нужно занять такую позицию, чтобы стать желанными для всех, не принимая никаких обязательств по отношению к кому бы то ни было, как это делала покойная императрица..."

В ходе беседы Александр говорил о необходимости отказаться от принятия каких-либо внешних обязательств, обуздав честолюбие Франции, "но никоим образом не компрометируя себя" (но как?), и установить добрые отношения с "естественным другом", Англией[2].

В новейшем отечественном труде дается положительная оценка новому курсу: внешней политике стремились придать стратегический характер, поставив во главу угла ее национально-государственные интересы, избегая по возможности случайностей и перекосов[3].

Пять молодых людей, воспитанных в духе идей Просвещения, восприняли тезис XVIII в. – "справедливое равновесие сил". Вот как в первом же циркулярном рескрипте Александр изложил его послам: главная цель – "поддержание мира и равновесия между государствами Европы, ограничение честолюбивых притязаний Франции", удержание Австрии и Пруссии в состоянии "взаимной ревности", развитие торговли с Англией[4].

Выдвинутый принцип предполагал отказ от завоеваний; считалось, что Россия достигла естественных границ (по словам В.П. Кочубея, "Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении"[5]). Эта констатация имела основополагающее значение для выработки и проведения внешполитического курса. И все же в безупречной, на первый взгляд, теоретической концепции проглядывали изъяны. Россия представлялась не просто участником европейского равновесия, а его арбитром, упоминание о культивировании "взаимной ревности" государств о том свидетельствовало. В этом смысле Александр выступал как последовательный преемник внешнеполитических установок своей бабки Екатерины II. Возникал и вопрос, каким путем, не связывая себя союзами, прервать завоевательный бег Франции?

Правда, первому консулу предстояло скрестить мечи со второй коалицией, сильной и после выхода из нее России. Победы Суворова обеспечили венскому двору обладание Ломбардией. Лондонский кабинет удерживал за собой захваченную в том же, 1800 г. Мальту. Победы французов при Маренго и Гогенлиндене решили судьбу кампании 1800 г.; стало очевидно, что без России Наполеона не одолеть.

На переворот в Петербурге и убийство Павла Бонапарт ответил тем, что аннексировал Пьемонт (сентябрь 1802 г.); утвердил сам себя президентом Итальянской республики; вмешался во внутренние распри в Швейцарии, ввел туда свои войска и принял титул "великого коорди-

inslav

натора Гельветической республики", взяв на себя – гласно – обязанности третейского судьи в конфликтах между кантонами, а негласно – распорядителя всех дел. Затем первый консул занялся перекройкой германских земель, левый берег Рейна был присоединен к Франции, уничтожено сословие духовных курфюрстов, а их владения отошли к покорным Наполеону государям. Тот, кто не лишился земли или жаждал получить новую, пресмыкался перед грозным "гражданином Бонапартом": "Фюрсты, – пишет проф. А.С. Трачевский, – наводняли его передние, жаждая подачек, они ухаживали за его любимцами и лакеями, носили на руках его собачку, забывали на его столе драгоценные табакерки с червонцами"[6].

Быстрое нарастание французского могущества выбивало почву из-под планов установления "справедливого равновесия" в Европе. Бóльшим реалистом был первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Н.П. Панин, полагавший, что без союзов не обойтись. И он на первый план для России ставил поддержание мира: "...самая удачная война, – писал он в "Записке...", – может лишь ослабить ее силы... которые со времени последних приращений территории не соответствуют более протяжению ее границ". Курс на отказ от экспансионизма как принципа внешней политики проступает в "Записке" с полной ясностью. Однако Панин не льстил себя надеждой сохранить мир. В идеале следовало бы балансировать между державами континента, поддерживая равновесие; но, полагал Н.П. Панин, это возможно лишь в системе союза, естественными участниками которого явилась бы Австрия, Пруссия и Великобритания: «Опасности, грозящие Европе, – читаем далее в "Записке...", – имеют три разные причины: деспотизм и честолюбие Франции, честолюбие Англии, распространение революционного духа. Надо выбирать между тремя, так как всех их сразу избежать невозможно. Выбор определяется величиной и близостью опасности. Исходя из этого принципа, легко доказать, что самая большая опасность для России исходит от Франции, что и предрешает сближение с Англией»[7].

Размышления в российских верхах обернулись неутешительными для Наполеона выводами: и друзья Александра, и Н.П. Панин сошлись на том, что необходимо поддержать хрупкое европейское равновесие. О союзе с Наполеоном не было и речи. Поскольку нарушителем европейского равновесия выступал именно он, то в перспективе маячила война. И сколько бы ни рассуждали участники Негласного комитета о преимуществах отказа от всяких международных обязательств, война с Францией была мыслима лишь в лоне коалиции.

Сам Панин вскоре лишился своего поста, занятого В.П. Кочубеем, несмотря на "отвращение" последнего к дипломатической карьере, о котором он с молодым кокетством сообщал послам. Его назначение свидетельствовало о том, что царь и его окружение приложат серьезные усилия для сохранения европейского статус-кво[8].

Отношения с Турцией отражали общий курс внешней политики. Александр имел все основания быть довольным союзом с нею и полагал нужным всеми силами содействовать "сохранению государства,

inslav

слабость и плохое управление которого являются ценной гарантией безопасности". Правда, царь тут же оговаривался, что Турция хороша, пока над нею висит французская угроза, а по ее прошествии в Стамбуле вновь пробудится "ненависть к христианскому имени, направленная против нас"[9].

В российском ведомстве иностранных дел склонны были приписывать ненадежность Турции разъедавшим ее порокам, "из которых наименьшие суть: малодушие, невежество и продажность министров"[10]. Что было, то было; но существовали и вполне веские причины для отторжения ее от России: диван тяготился своим подчинением "исключительному влиянию санкт-петербургского кабинета"[11], о котором как о само собой разумеющемся говорилось в российской дипломатической переписке*. В Стамбуле косо смотрели на вхождение Грузии в состав России. Сотрудничество с Францией представлялось соблазнительным, так как освобождало от назойливой опеки России и Англии; и, наконец, рисовалась возможность реванша в виде возращения Крыма...

Несмотря на множество "узких мест" во внешнеполитических планах Александра и его окружения, делавших сомнительными их осуществление, само их обсуждение имело далеко идущие последствия. В Лондоне были разочарованы, – здесь надеялись, что переворот в Петербурге вернет Россию в антифранцузскую коалицию, недаром, стоустая молва приписывала британскому послу Ч. Уитворту участие в подготовке покушения на Павла. Теперь же оказалось, что союз лишился своего стержня на континенте в лице России. Австрия поспешила подписать мир в Люневилле. И в Англии[2*], и во Франции усилилась тяга к миру. Аркадий Иванович Морков, прибывший на смену Колычеву в Париж, связывал популярность Наполеона не только с его громкими военными успехами, но и с верой в то, что герой сумеет обеспечить почетный и выгодный мир: "Нет партии, достаточно сильной для того, чтобы попытаться свергнуть его пока идут переговоры о мире, ибо все боятся возврата войны, и нет никого, готового и способного заменить Бонапарта"[12].

Смена караула в российском парижском представительстве не повлияла на ход переговоров, они шли столь же тягуче, трудно и напряженно, как при Колычеве. "В сущности же, – замечает проф. А.С. Трачевский, – почти не прекращалась ни изворотливость Парижа, ни холодность, в особенности же подозрительность Петербурга"[13]. Морков прибыл продолжать беседы, а не начинать сызнова на иных основах. Сам он оказался для французов твердым орешком. Внешне и манерами он полностью контрастировал с угрюмым своим предшественником. По словам С.М. Соловьева, он отличался изысканной вежли-

---

* Сошлемся на позднейшую (начало 1806 г.) записку А.А. Чарторыйского: "Нужно было для нас иметь Турцию единственно в нашем распоряжении. Надлежало стараться усилить наше влияние на сие государство, удалив всех наместников, так, чтобы Порта не следовала никакой другой воле, ни другой политике, кроме нашей" // ВПР. М., 1963. Т. 3. С. 11.

2* См. С. 72–76.

inslav

востью, "ступал на цыпочках", раскланивался "по правилам танцевального искусства"; "но этот утонченный маркиз превращался во льва, когда надобно было охранять интересы и честь России"[14]. Да и Александр Романович Воронцов по многолетнему своему знакомству с Морковым полагал, что тот "не позволит никому наступать себе на ногу"[15].

Бонапарт на первой же аудиенции пожаловался Моркову на его предшественника: с Францией тот обращался, "как с какой-нибудь Луккской республикой", и выдвинул основное требование: "сперва мир, потом все другое". Иными словами, сложная схема по восстановлению в Европе хотя и зыбкого, но все же равновесия, откладывалась в непредсказуемо долгий ящик. Неудивительно, что Александр, получив эту весть, воскликнул, имея в виду первого консула и Талейрана: "Какие мошенники!". "Нередко, конечно, случается, что иные кабинеты не чистосердечно руководствуются, – сетовал царь в рескрипте Моркову, – но по крайней мере искали они всегда соблюсти какую-либо наружность, тут же явно видно признание Бонапарта в худой вере..." Но Александр не дал увлечь себя настроению: "Чувствую при том, что и Франция не может вредить России безпосредственно. На сем основании я искренно желаю сохранить дружбу и лучшие отношения с Францией"[16].

Пробным камнем явился восточный вопрос.

Опытный посланник в Стамбуле В.С. Томара не скрывал своего пессимизма: "Какова бы ни была дружба с Францией в других местах, трудно сообразить, что на сем театре сохранилась оная без примесу ненависти, и французы смотрели бы дружеским оком на кредит наш у Порты Оттоманской"[17].

Впрочем, и "в других местах" дружбой не пахло. Известный своей близостью к первому консулу генерал И. Мюрат откровенничал: "Франция не может возвратить Пьемонт, ежели император Римский не оставит венециянские свои владения"[18]. Было ясно, что Габсбург, "ущемленный" условиями мира 1797 г. в Кампо-Формио и в 1801 г. в Люневилле, ни за что не уступит переданную ему "в возмещение" Венецию; российские планы замирения на континенте на базе приемлемых для всех компенсаций повисали в воздухе. Не сложились у Моркова и личные отношения, столь важные в дипломатическом общении. "Все формы человека, светского и благовоспитанного, не достаточны особливо г-ну Талейрану к сокрытию коварства, заносчивости и небрежения..."[19] Холодный, бессердечный карьерист – таким рисовался прославленный политик А.И. Моркову.

Русско-французский мирный договор от 26 сентября (8 октября) 1801 г. явился итогом трудного для России компромисса и означал признание режима консульства и его завоеваний и в то же время знаменовал попытку предотвратить новые захваты. Александр склонился перед неизбежным. Обещания предоставить возмещение изгнанным с континента на острова, под охрану британского флота королям Пьемонта и Неаполя были сформулированы туманно, скорее как бла-

inslav

гие пожелания, положение об "индемнизации" пострадавшим немецким государям открывало перед Наполеоном широкое поле для игры на их противоречиях. Обе стороны, озабоченные положением Ионических островов, договорились вывести оттуда иностранные войска. В Петербурге придавали особое значение ст. 3 приложенной к договору секретной конвенции, по которой Бонапарт обязывался приступить к мирным переговорам с Портой при российском посредничестве[20].

Последнее обещание российская сторона считала весьма важным. Царь настоятельно рекомендовал туркам "заимствоваться во всем опытными советами графа Моркова" (встречи проходили в Париже). Гласно расточаемые при этом заверения Зимнего дворца в своем полном бескорыстии, мягко говоря, не вполне соответствовали действительности. Александр пришел к выводу, что Ионические острова зря поставлены в вассальную зависимость от Османской империи. В.С. Томаре было поручено отвечь турок от всяких "замашек" на введение на острова "необузданных войск своих"[21].

Однако как добиться изъятия республики из состава султанской державы, учитывая, что вхождение было санкционировано русско-турецким договором 1799 г.? Решено было осуществить это... французскими руками. Морков принялся "обрабатывать" Талейрана (если термин применим к сему деятелю, привыкшему "обрабатывать" других). Поначалу Морков слал в столицу ободряющие вести: "исправление" соответствующей статьи договора 1799 г. не встретит затруднений в Париже: министерство "неоднократно ко мне отзывалось сожалением, что сия область подвержена власти столь неустроенной и варварской, каковою они разумеют Порту Оттоманскую". Сам первый консул в выражениях твердых и определенных говорил о пагубности их подчинения султану.

Вскоре, однако, граф Аркадий Иванович забил тревогу: в Париже ожидалась делегация от семи островов с предложением принять их под покровительство Франции. Горячая забота консула о маленькой республике стала представляться послу подозрительной[22].

О посреднических услугах Александра и французы, и турки как бы забыли. Бонапарт, правда, заверял, что лично он ничего не имеет против, но османы ему заявили, что "воспоминания прошлого и страх перед будущим возбуждают подозрение к сей державе"[23] (т.е. России). Высокая Порта полагала, что сама разберется в своих делах и пропускала мимо ушей подаваемые из Петербурга наставления. Турки устали от российской опеки и хотели опереться на Францию в стремлении проводить более самостоятельный курс. Капитуляция французских войск в Египте (сентябрь 1801 г.) открывала путь к миру, и турки хотели этим воспользоваться. Было ясно, что Зимний отнюдь не жаждет видеть в Турции восстановленным во всей полноте галльское влияние. Несмотря на все усилия графа Моркова, "вклиниться" в беседы Талейрана с османами ему не удалось. Он пришел к выводу, что турецкий посол и его драгоман "здешнему правительству во всем преданы"[24]. Моркову был вручен лишь "клочок бумаги" с несколькими

inslav

статьями подготавливаемого договора, да и то не в окончательной редакции[25]; на этом "консультации" с ним завершились. "Странно, конечно, должно казаться, – тревожился царь, – поведение Галиба-Эфендия, который и малейшего, так сказать, не подавал сведения графу Моркову во время негоциации, отказано даже сообщить ему копию с трактата, им подписанного..."[26]

Настоящий переполох в Зимнем дворце вызвала формулировка в прелиминарных условиях, касавшаяся статуса Черноморских проливов: говорилось о свободном проходе через них французских судов без уточнения, что подразумеваются торговые. В.С. Томара раздобыл бумаги, свидетельствовавшие о стремлении французов распространить это право на военные корабли[27]. Дальше уж идти было некуда!

Морков сигнализировал: "Требуя свободы прохода кораблей французских через пролив Константинопольский, Талейран не хотел ознаменовать их купеческими, из чего и вышло бы по себе, чтоб таковою же свободою пользовались и корабли военные..."[28]

В конце концов "угрозу" вторжения чужеземного флага в Черное море удалось предотвратить. В ходе дипломатических баталий формулировались некоторые основополагающие внешнеполитические принципы. В инструкции вновь назначенному в Стамбул посланнику А.Я. Италинскому от 16(28) ноября 1802 г. излагалась доктрина, которой Российская империя придерживалась до последнего дня своего существования: "Не сходствовало бы" с ее интересами, "чтоб какой-либо военный флот, кроме нашего и турецкого, появляться мог на Черном море. Черное море иначе почитать не должно, как озером или морем внутренним, в которое и входу иного нет, как чрез канал, и владение коего принадлежит только тем державам, кои берегами своими оное окружают"[29].

Заключение франко-турецкого договора за спиной российского уполномоченного возбудило подозрительность царя. Отсюда предписание "прилежно иметь наблюдение за всеми подвигами в Константинополе французских агентов", особо интересуясь видами на острова Архипелага и будущими "предположениями" на Египет[30].

В российском ведомстве иностранных дел воцарилась тревога. Петербург, внушал А.И. Морков Бонапарту, похоронил надежду Англии на поддержку России, и Лондон пошел на мир на значительно более умеренных условиях, чем можно было ожидать. Чем же отплатил первый консул за подобную услугу? К царю взывают изгнанные из своих владений и обиженные государи, а гражданин Бонапарт предлагает сардинскому королю "почетное устройство"... в Греции! Закончил же первый консул предложением... напасть на Турцию, с которой только что были подписаны прелиминарии мира: "Следует начать подготовку умов к внезапному вторжению в ее нынешние владения" (!)[31].

Следующее потрясение посол испытал во время аудиенции, состоявшейся 4(16) августа 1802 г. Бонапарт заявил ему: турецкая империя "разрушается до того, что остается лишь подобрать ее развалины". Одно лишь средство может ее спасти – если султан сам во главе

inslav

корпуса отборных войск "пройдет по всем провинциям, снося головы мятежников и двигателей беспорядка". Но на это надежд нет. Далее Бонапарт огорошил Моркова вопросом – нет ли у России подходящего кандидата на константинопольский престол? Посол попытался отшутиться: у самого первого консула кандидат под рукой, это генерал Жюно, комендант Парижа, женатый на девице из византийского царского рода Комненов[32].

Прошло несколько дней, и Бонапарт завел речи, приведшие Моркова в оцепенение: он никогда не отдаст Пьемонт добровольно, но готов предоставить схоронившемуся на о-ве Сардиния королю "удел"... в Турции либо Алжире. Османская держава вот-вот испустит дух; ее соседи, Россия и Австрия, "естественно, пожелают иметь свою долю в ее развалинах; он с своей стороны ничему не воспротивится, если только предоставят Франции сподручные ей доли"[33].

Тщательно сооружавшийся российской дипломатией карточный домик умиротворенной на основе равновесия Европы разваливался на глазах. По словам В.П. Кочубея, Россию ставили перед выбором – или "приступить к поделу Турции с Франциею и Австриею, или стараться отвратить столь вредное положение вещей. Сомнения нет, чтоб последнее было предпочтительнее, ибо независимо, что Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турков..."[34] Из Петербурга последовало категорическое "нет" на зондажи Бонапарта. Но тревога нарастала. Император Александр предупреждал миссию в Стамбуле насчет "двоякости кабинета туилерийского", который начинает "льстить" турок надеждой на возвращение Крыма. А.Р. Воронцов пространно излагал опасения двора: "Всем известно, какое влияние имела Франция в прежние времена над турецким правительством. Первый консул, стараясь ныне взять над оным все поверхности, преуспел уже последним трактатом приобресть выгоды бóльшие, нежели какие когда-либо Франция имела у Порты Оттоманской". И далее следовали тревожные вопросы: "Не делается ли от правительства французского каких-либо внушений в Архипелаге? Не имеют ли они там каких партий и до какой степени распространяется доверие к ним народное?.. Пользуясь легковерием тамошних жителей вообще, не обнадеживают ли они освободить их из порабощения турков? Не стараются ли, наконец, умножить их остуду к угнетающей власти, совсем ниспровергнуть оную, дабы потом поработить их собственному их своему игу; ибо, конечно, в том только и состоит свобода, первым консулом даруемая"[35].

Мы приводим эти пространные выдержки из российской дипломатической переписки потому, что именно интерпретация французских замыслов в Петербурге определяла отношение двух стран в восточном вопросе и в значительной степени – расстановку международных сил в Европе вообще.

Внешне еще сохранялся какой-то декорум лояльности (Италинскому предписывалось "наблюдать... с миссиею французскою всякую наружность, свойственную существующему дружескому... положе-

inslav

нию")[36], но по сути явно обозначились контуры соперничества и вражды. И уж никакой даже "наружности" сколько-нибудь приличных отношений не наблюдалось между Великобританией и Францией. В мае 1803 г. между ними произошел разрыв.

Традиционно вину за крушение хрупкого Амьенского мира возлагают на Бонапарта, на его неуемные захватнические аппетиты. Красочно это изобразил А.С. Трачевский: "И его бурная природа, и это непобедимое войско скучают без дела, которое так легко доставляло им рай земной. Им овладевали жажда внешней деятельности, самовластие, ярость. Чудилось ему, что пора раздавить одинокую соперницу за Каналом и залечь Соловьем-разбойником все дороги, от угрюмых озер Шотландии до улыбающихся берегов Босфора, до опьяняющих негой вод Инда. Горе было ставшим на пути! Баловня судьбы в военном мундире не остановили бы ни годная для простых смертных мораль, ни склоняющаяся пред мечом дипломатия"[37].

Иную точку зрения высказывали, и на наш взгляд убедительно, два видных историка. С.М. Соловьев полагал: "Наполеон не хотел войны с Англиею: кроме убытков, верных морских поражений, потери флота, эта война не могла ему ничего обещать; руки были коротки достать ненавистный остров"[38]. В тон ему, и даже более расширительно, высказывался А. Вандаль: "В продолжение всего своего царствования Наполеон преследовал во внешней политике одну неизменную цель: прочным миром с Англией обеспечить устойчивость своему делу, величие Франции и спокойствие мира"[39]. И стремление к сотрудничеству с Россией объяснялось, по Вандалю, желанием лишить Великобританию самого могущественного и действенного союзника на континенте, без которого все возможные коалиции были Бонапарту не страшны.

В словах Вандаля звучит пылкий патриотизм, однако, если говорить о 1803 г., его мнение совпадает с точкой зрения Соловьева и в основе своей правильно.

Поразмыслив в наступившей в Европе тишине, англичане пришли к выводу, что уступили слишком много, что Наполеон их переиграл. Лорд В. Грэнвилл выразил это в одной фразе: "Мы утвердили за Францией обладание Италией и господство на материке"[40]. По мнению Х. Рэгсдейла, мир "превратил континент в поле имперских игр Бонапарта"[41]. Нужен был лишь повод для разрыва, и Наполеон не замедлил его представить. Камнем преткновения явился остров Мальта, базируясь на котором британский флот "опекал" все Средиземное море. Трехмесячный срок эвакуации (по Амьенскому договору) истек, а англичане не подавали ни малейшего признака, свидетельствующего об их желании удалиться. Объяснения посла Ч. Уитворта с Талейраном и Наполеоном становились все жестче. Первый консул начал прибегать к неприкрытым угрозам: у него под ружьем 400 тыс. человек, он наберет еще 60 тыс. и высадится в Британии. Французы все до одного его поддержат. Берегись, Англия! – секунданта в лице России ей уже не обрести. С презрением он отзывался об Австрии – лишь природная

inslav

умеренность-де удержала его от появления в Шенбруннском дворце. Бонапарт изъяснялся "языком драгунского капитана", – жаловался Уитворт Моркову[42].

В депеше от 4(16) марта 1803 г. Морков описывал разыгравшийся (точнее, разыгранный первым консулом) на приеме скандал. Бонапарт кричал: "Мальта или война, и горе тем, кто нарушает договоры!" Никто из более пятидесяти присутствовавших не проронил ни слова во время этой унизительной и тягостной сцены. Нельзя не отдать должное выдержке посла Англии. А первый консул, "казалось, задыхался от гнева, не позволявшего ему выбирать выражения"[43]. Удаляясь, Бонапарт демонстративно позвал с собой министров иностранных дел, военного и морского. А граф Аркадий Иванович, взявшись за перо, принялся размышлять: судов в портах Франции мало, остальные будут перехвачены англичанами, шансов на море у Наполеона никаких. Значит, – возобновление "восточного романа?" До Моркова дошли сведения о доверительных беседах Талейрана – ситуацией можно воспользоваться для высадки в Морее.

Александр I отчаянно пытался спасти мир. Поостыв, Наполеон как будто смягчился: война с Англией автоматически вела к утрате колоний и торгового флота. Поэтому из Парижа последовала просьба к царю о посредничестве России. Первый консул заранее благодарил Александра за услугу и заявлял, что согласен на любое его решение.

Русские предложения предусматривали, между прочим, "неприкосновенность Порты Оттоманской" и "охранение Мальты российским гарнизоном". Наполеон не возражал против передачи острова царю и соглашался вывести свои войска из Голландии и Швейцарии. Его ответ показался Моркову "благородным, прямым и великодушным"[44]. Непримиримость на этот раз проявил Лондон. По мнению князя А. Чарторыйского, обращение Петербурга здесь истолковали неправильно, сочтя, что Россия пришла вербоваться в союзники, и заартачились[45].

Александр Романович Воронцов изливал досаду в депеше к брату своему Семену: "...когда бы аглинское министерство, учинив вооружения, повело негоциацию с некоторою методою... могло бы оно чаятельно доступить до исправления некоторых статей несообразного Амиенского трактата..."[46] Не тут-то было! Реакция Лондона была непримиримой: "...один только остров Мальта в качестве английского владения может обеспечить независимость Средиземноморья"[47] (понимай – британское господство на морских путях). Переговоры были сорваны. Несмотря на уговоры Моркова, сэр Ч. Уитворт отказался задержаться в Париже. "Для меня это последний проблеск света – Англия сильно желает если не войны, то по крайней мере аннулирования Амьенского договора, что явится сигналом к первому выстрелу если не с одной, то с другой стороны", – сетовал граф Аркадий Иванович. Отказываться от раз достигнутого Наполеон не привык, хотя даже люди из ближайшего окружения советовали ему не рисковать. Люсьен Бонапарт признавался А.И. Моркову: он и старший брат Жозеф "не остановились ни перед чем, чтобы помешать первому

inslav

консулу начать войну, советуя ему не упрямиться в связи с Мальтой". Тщетно! В мае война вспыхнула вновь. Британский флот перехватил 1200 французских и голландских торговых судов[48]. Наполеоновские войска заняли курфюршество Ганновер – континентальное владение британских королей. В порт Булонь отовсюду стягивались десантные суда, по сухопутью в лагерь переправлялись войска.

Еще под покровом мира Наполеон с помощью послушных депутатов, собранных для удобства в Лионе, избрал себя президентом Итальянской республики, аннексировал остров Сардинию, вновь ввел войска в Неаполитанское королевство.

Что же дальше, – задавали себе вопрос в Зимнем дворце? Цель, которую канцлер выразил в чеканной фразе – "заковать Францию в ее настоящие границы", – обернулась утопией; галльский экспансионизм бушевал в Европе. "На море французам нечего будет делать противу Англии, – размышлял А.Р. Воронцов в письме к брату Семену в Лондон, – потому-то они и захотят выместить оное сухопутными своими силами, а тут и выйдет жертвою немецкая земля, Италия, а может, и турецкие области". И дальше: "Французы далеко зайдут, после чего надобно будет к мерам крайним приступить, и мы принуждены будем в сей войне принять участие"[49]. А пока что пруссаки предложили проект конвенции о совместной защите Северной Германии. В Петербурге начали подумывать о высадке десанта в Любеке, защите Ионических островов во взаимодействии с английским флотом. Воронцов попытался возобновить почти прерванные связи с Австрией и выражал сожаление по поводу возникших между двумя державами в 1799 г. разногласий, что "свело к нулю все блестящие успехи маршала Суворова". В Вене, однако, опасались, что Россия, будучи удалена "от пунктов соприкосновения с Францией", в случае чего отведет войска в свои пределы, что делает союз с нею для Австрии опасным. В Лондоне, напротив, зондажи Воронцова были восприняты столь благожелательно, что встревожили их инициаторов: пришлось разъяснить, что Россия не в союзники пришла вербоваться, что царь готов к войне, будучи вовлечен в нее неприятелем, но не желает быть втянутым в нее друзьями[50].

Российский кабинет был убежден в скорой и неизбежной агрессии Франции против Порты. Концентрация наполеоновских войск в Отранто (Италия), полагал А.Р. Воронцов, предвещает их высадку в Черногории и Морее; вторжение в болгарские земли приведет к гибели Османской империи, той не под силу будет справиться и с французами, и с непокорными пашами, и с неспокойными народами. Записка Воронцова от 12(24) ноября 1803 г. включает важный пассаж, свидетельствующий о нежелании отступать от старого протурецкого курса: "С тех пор как Россия оставила помышление о расширении границ своих за счет владений оттоманских, Турецкая империя, ослабленная прежними успехами оружия нашего и внутренними ее неустройствами, соделалась лучшим для России соседом". Французы же могут взять и учредить в завоеванных ими землях демократическую республику и

inslav

"будут тогда они из смежных с нами провинций рассеивать между жителями южных областей наших плевелы развратного их учения, последствия коего бедственнее самой неудачной войны..."[51].

Тревогу вызывала миссия в Стамбул генерала Г. Брюна, полководца, сменившего в 1798 г. в Италии "самого" Бонапарта. "На прошедшей неделе, – сообщал А.Я. Италинский 4(16) февраля 1803 г., – сделал он первый шаг к повреждению существующего между Россиею и Портою доброго согласия". Италинскому о сем доложили немедля. По мнению Андрея Яковлевича, опасности пока не существовало, османские вельможи пребывали в убеждении, что союз с Англией и Россией спасает империю, и "генерал Брюн не может ослепить их". Но тот действовал, как бес-искуситель, напоминал туркам о былой дружбе с Францией, сетовал на поразившие ее беспорядки и "неустройства", "уверял, наконец, что такой союз может послужить Порте к возвращению Крыма под державу его султанского величества"[52]. Характерно, что реис-эфенди, сообщая Италинскому о разговоре, утаил намек на Крым. Информацию Италинский получил от доброхотов, да и английский дипломат Страттон, имевший собственных осведомителей, это подтвердил.

Все же не турецкая "нота" задавала тон в "европейском концерте", явно разладившемся, о чем свидетельствовал полнейший тупик в переговорах А.И. Моркова. Его отношения с властями предержащими испортились окончательно. Полиция не спускала глаз с посольства России. "Мы постоянно сталкиваемся то с наглостью, то с невежеством этих выскочек", – жаловался Морков. Ш.М. Талейрану он давал уничтожающую характеристику: "Это сердце, неспособное ни к малейшему чувству, доброму либо дурному, если с ним не связан ясно различимый и реальный интерес"[53]. Видимо, не без участия пронырливого министра полиции Ж. Фуше была состряпана версия о причастности Моркова к сочинению направленных против первого консула памфлетов, и Бонапарт закатил ему сцену "в присутствии всех лиц, обычно бывающих на приемах". Царь реагировал остро: "Я был поражен скандалом, который явился следствием этого... Мое отношение к тюильрийскому кабинету определяется двуличностью этого кабинета, тем, что он, кажется, убежден, что он нисколько не обязан соблюдать приличие и уважение по отношению к другим правительствам". Александр демонстративно отправил Моркову знаки ордена Андрея Первозванного.

После инцидента послу оставалось лишь откланяться. Но сделать это пристойно не удалось. Он ушел с последнего своего приема, не дождавшись окончания. Наполеон обиделся. Куда девалась куртуазность его и Талейрана, некогда умилившая простодушного генерала Спренгпортена. С трудом удалось Моркову получить свои паспорта; "выезжая из Франции, я думал, что покидаю Корсику, Алжир, Тунис и Марокко, до того нынешнее правительство там напоминает картину этих варварских стран", – делился своими "дорожными" впечатлениями граф Аркадий Иванович[54]. Сановника на смену ему прислано не было;

inslav

ведать текущими делами остался коллежский советник (подполковник "в гражданке") П.Я. Убри.

В поисках партнера по поддержанию европейского равновесия взоры российских политиков вновь обратились к Великобритании. Увереннее зазвучали голоса убежденных англоманов, братьев Александра и Семена Воронцовых. Речь пока еще не шла о формальной договоренности (что было равнозначно войне с Францией), но, полагал граф Александр Романович, "интересы России и Англии столько имеют между собой общего, что и без постановления на бумаге они друг друга союзниками считать себе могут"[55]. Заключение же формального акта возбудит подозрительность других держав.

В 1804 г. события приняли столь крутой оборот, что заставили Петербург пренебречь осторожностью и начать поиски союзников. В марте французский отряд вторгся на баденскую территорию, городок Эттенгейм, где тихо проживал юный герцог Энгиенский, член королевской семьи Бурбонов, и пленили его. В Париже над ним учинили скоропалительную судебную расправу, обвинив в причастности к покушению на жизнь первого консула, закончившуюся расстрелом. Европа вздрогнула от ужаса, но протестовать осмелился один Александр I, расценивший этот акт полнейшего произвола как "посягательство на международное право и все человечество"[56]. Условием примирения был поставлен вывод французских войск из Неаполитанского королевства и Северной Германии. Курфюрст Баденский, во владениях которого было произведено покушение, сидел смирно и никаких демаршей не предпринимал. Австрия сохраняла "бесстрастность". Так что Александр негодовал в одиночестве. В российской дипломатической переписке появились констатации вроде следующей: Бонапарт "решил, что его воля должна быть непреложным законом для Европы"[57]. Французы ответили дерзко, намекнув, что не Александру, перешагнувшему через труп отца и "не нашедшему" убийц, читать им поучения. А тут стали поступать сведения о провозглашении "Галльской империи", вскоре подтвердившиеся: Наполеона провозгласили императором французов. П.Я. Убри начал укладывать чемоданы; Талейран циркулярной нотой потребовал предоставить новые верительные грамоты, что и де-юре, и де-факто значило признать императорский титул[58] и расписаться в полном провале попыток поставить выскочку на место и, более того, молчаливо поощрить его на новые деяния в том же завоевательном духе. 8 августа 1804 г. произошел разрыв отношений с Францией.

Российская дипломатия развила лихорадочную деятельность по сколачиванию новой коалиции. Но Пруссия замкнулась в своем нейтралитете, Австрия, дважды разбитая Бонапартом, когда он состоял в генеральском чине, с трудом преодолевала страх перед новоявленным монархом.

Этапы образования третьей коалиции превосходно освещены в опубликованных источниках[59]. В новейшей отечественной историографии этому уделено немало страниц в монографии В.Г. Сироткина[60]. Не нам в труде, посвященном восточному вопросу, останавливаться на

inslav

всех обстоятельствах заключения союза 1805 г. Из всего корпуса имеющихся документов выделим важнейшие, связанные с миссией Н.Н. Новосильцева в Англию в декабре 1804 г. прежде всего потому, что это была едва ли не последняя попытка действовать в духе геополитической стратегии, выработанной Негласным комитетом, и согласовать с нею практику и тактику международных отношений.

Официально Новосильцев ехал в качестве товарища министра юстиции для консультаций по правовым вопросам. Однако пропадал он не на судейских подворьях, а в министерских особняках на Даунинг-стрит. Существовал щекотливый момент, заключавшийся в том, что посол Семен Романович Воронцов от бесед был отстранен, – что свидетельствовало о недоверии дипломату, – и Новосильцев описывал царю свои усилия с целью "удалить его подозрения и успокоить его воображение", "какие способы и какие извороты" он для этого придумывал[61]. Старый вельможа молча проглотил обиду.

Новосильцев заверял премьер-министра В. Питта, что император и Россия "не стремятся к какой-либо выгоде для себя лично" и хотят только "освободить некоторые независимые нации от постыдного рабства, в котором они томятся под игом Франции, избавить их от тирании Бонапарта". О восстановлении Бурбонов на троне он упоминал крайне сдержанно: это "лишь второстепенная цель", достижимая, если сами французы выскажутся "за". Главное – восстановить "равновесие в Европе, утвердить ее безопасность и спокойствие на прочной основе", вернуть Францию в прежние границы или договориться о новых, отвечающих интересам всеобщего спокойствия, избавить Голландию, Швейцарию и Италию от "унизительного порабощения".

Не была обойдена вниманием в беседе и Османская империя. В инструкции Новосильцеву говорилось об "анархическом характере ее строя и все увеличивающемся недовольстве ее христианских подданных". Осторожно и вполне умозрительно ставился вопрос, "каким образом устроить судьбу ее различных частей"*, если "существование Оттоманской империи в Европе станет невозможным?" К инструкции прилагалось дополнение: "если эту империю следовало сохранить", предусматривалась возможность "создания одной или двух республик – греческой и славянской под сюзеренитетом обеих империй" (т.е. Российской и Османской) "наподобие республики Семи соединенных островов". В качестве варианта решения вопроса выдвигалось нечто совершенно неприемлемое для англичан и расходившееся с принципиальными установками самой российской политики: император, заявил Новосильцев Питту, "согласился бы на утверждение в Константинополе только, когда все средства избавить эту часть Турции от захвата какой-либо другой державой были исчерпаны и оказались бы тщетными"[62].

В. Питт принял "на ура" предложение о союзе и обещал выделить еще не существовавшей коалиции 5 млн ф.ст. с 1 января 1805 г. К

---

*О проектах переустройства Балкан см. соответствующий раздел книги.

inslav

рассуждениям своего молодого собеседника насчет высоких принципов он отнесся равнодушно; по словам сэра Чарлза Вебстера, премьер "менее всего желал крестового похода, будь то во имя конституционных свобод или республиканских вольностей", а хотел одолеть Наполеона силами России, Австрии и Пруссии, да притом так, чтобы две последние державы "были в такой же мере против России, как и против Франции, хотя эта цель, естественно, не могла быть раскрыта"[63]. Здесь сэр Чарлз констатирует ту меру недоверия, с которой два двора, Виндзорский и царский, бросились в объятия друг друга. Что касается рассуждений Новосильцева о судьбах Османской империи, то англичанин их "не заметил", – слишком уж они расходились с формировавшимся британским курсом, призванным сохранить в незыблемости ее владения.

30 марта (11 апреля) 1805 г. состоялось подписание англо-русской конвеции об "Основаниях для заключения мира". Предусматривалось установление границ Франции по Мозелю, Рейну, гряде Альпийских и Пиренейских гор, восстановление независимости Швейцарии, Голландии, Италии и Германской империи. Пассаж, посвященный государственному устройству Франции, свидетельствовал о молчаливом отходе Александра от прежде провозглашавшейся установки на невмешательство во внутренние дела других стран: "Так как принципы обоих государей не позволяют им ни в каком случае стеснять свободную волю французской нации, то посредством обнародования прокламаций, по мере того как ход войны обеспечит их значение, они постараются расположить французов к принятию их советов"[64] (вот так-то!).

О Турции в трактате не упоминалось: стороны явно обходили молчанием чреватый расхождениями вопрос. Вывести войска с Мальты, – что составляло самый острый вопрос разногласий с французами, – англичане отказались наотрез, ссылаясь на "мнение парламента и всей нации". Но и Наполеон демонстрировал "склонность к миру наоборот", поспешив присоединить Геную к французским владениям. "Бонапарт обращается с нами, как с мальчишками!" – возмущался А.А. Чарторыйский, принявший руководство иностранными делами в качестве товарища министра[65].

Новоявленные союзники опасались, сохранит ли Турция верность прежним договорам. По здравом размышлении в Петербурге пришли к выводу, что предаваться панике пока нет оснований: "соединиться с Францией" Порта не может из-за отсутствия общей границы и господства англичан на водах, получить от последней "вспомоществование" – тоже; не станет она рисковать и не пойдет на разрыв с Великобританией и Россией, и сохранит нейтралитет[66].

Своего рода показателем позиции Османской империи стала проблема признания ею императорского титула Наполеона, о чем хлопотал посол Г. Брюн; А.Я. Италинский противодействовал его усилиям, сочиняя ноты угрожающего характера: Порта "должна видеть, наконец, что Англия, владычествуя всеми морями, может с часу на час покрыть своими судами воды сей империи, и что Россия граничит с

inslav

Оттоманскими областями на необъятном пространстве как на сухом пути, так и морем, но что обращают средства своего могущества на сохранение токмо сей империи", в то время как французское правительство "не перестает умышлять" на ее "совершенное разрушение"[67].

Под давлением Италинского реис-эфенди сообщил Брюну, что не может признать новый титул Наполеона без предварительного согласования с Россией, как того требует договор 1799 г. Однако угроза Брюна – покинуть Стамбул – заставила турецких сановников заколебаться; как с досадой писал Италинский, "французский посол во всеуслышание заявляет, что Блистательная Порта, испугавшись его отъезда, предлагает ему, настаивает и умоляет остаться"[68]. Признание состоялось. Тогда в Петербурге решили перестраховаться, заключив с Турцией новый договор; в Стамбуле не знали, к кому же примкнуть, чтобы не прогадать, и охотно пошли навстречу пожеланиям Петербурга, взяв даже на себя инициативу заключения союза. Первоначальный российский проект преследовал далеко идущую цель – прочно приковать Турцию к англо-русской коалиции и значительно расширить права христиан. Он предусматривал освобождение республики Семи островов от турецкого протектората; признание независимости Черногории; упрочение автономии Дунайских княжеств; создание автономных государств в Сербии и, возможно, Греции; проход российских военных судов через проливы и закрытие их для кораблей других стран; размещение 10-тысячного российского отряда на Дунае.

Турки дали понять, что выдвинутые притязания чрезмерны*. Более скромный акт оборонительного характера был подписан 11(23) сентября 1805 г. Он содержал взаимную гарантию владений, стороны обязывались помогать друг другу в случае нападения на одну из них вооруженной силой или деньгами. В седьмой статье говорилось: "Обе договаривающиеся стороны согласились рассматривать Черное море как закрытое и не допускать появления в нем никакого военного судна или каперского корабля..."[69] Так в международное право был введен важнейший принцип о закрытии Черноморских проливов для всех военных кораблей, кроме российских, да и то формулировку, разрешавшую их проход, можно было рассматривать как временную.

Попытка Александра улучшить участь христиан (а это его очень занимало) потерпела полную неудачу. К преподнесенной османам версии – это-де будет способствовать успокоению общества и, стало быть, приведет к укреплению державы – они отнеслись с полным недоверием. В одном из писем Александру Селим III дал понять, что не склонен идти навстречу его пожеланиям: "предоставление райа привилегий и равенства в правах противоречит нашим политическим и религиозным принципам"[70]. Александр в ответном письме просил хотя бы "обеспечить Молдавии и Валахии спокойствие и безопасность". Италинский счел и эту скромную просьбу чрезмерной и могущей вызвать раздражение Порты со всеми вытекающими неприятными

---

*Подробно о заключении акта см. С. 165–166.

inslav

последствиями[71]. Селим III и его сановники находились на перепутье и, подписывая договор с Россией, хотели застраховаться на все случаи жизни, полагая будущее темным и таящим в себе неизвестность.

Третья антифранцузская коалиция формировалась долго, натужно и по ухабам крутых противоречий. Австрия и Пруссия препирались из-за шкуры неубитого медведя, деля не завоеванные еще земли. Бонапарт соблазнял последнюю курфюршеством Ганновер, фамильным владением английской королевской семьи, что насмерть рассорило бы Пруссию с Великобританией. Берлин вообще удалось втащить в коалицию лишь 2 ноября 1805 г. – уже после того, как австрийцы сдали крепость Ульм и распахнули перед неприятелем ворота для вторжения в свою страну. Положение русского экспедиционного корпуса под командованием М.И. Кутузова стало критическим: он "не насчитывает и 70 тыс. человек, не сможет долго выдержать натиск победоносной армии Бонапарта численностью в 140 тыс.", полагал А.А. Чарторыйский. Скоро наступила развязка: 2 декабря в кровопролитном бою под Аустерлицем (ныне – Славков в Чехии) русские и австрийцы потерпели поражение. Император Франц сразу же запросил мира. Явившийся не вовремя с ультиматумом к Наполеону прусский министр Х.Г. Гаугвиц спрятал поглубже в карман "опасную" бумагу, поздравил Наполеона и... заключил с ним союз. Третья коалиция развалилась. На переговорах в Пресбурге (ныне – Братислава в Словакии) Австрия потерпела не менее сокрушительную неудачу, чем на поле боя: она признала все завоевания Бонапарта в Италии, согласилась на учиненную им перекройку карты Германии в пользу своих сателлитов. Она потеряла шестую часть населения, а в числе территорий – Венецию, Истрию, Далмацию, уступив их "итальянскому королю", т.е. тому же Наполеону, который стал непосредственным соседом Османской империи. Свершилось то, чего пуще огня боялся русский двор. А.А. Чарторыйский счел, что Турция отдана "во власть Бонапарте"[72].

В иных тонах, но по существу то же самое утверждала французская печать. В вышедшей в Петербурге брошюре "Взгляд на политическое состояние Европы в начале 1806 года" цитировалось то, о чем "без всякой закрышки" повествовал "имперский журнал (французский)": "Важнейшая статья Пресбургского мира... есть статья, доставившая королю Италии овладение Венециянской Далмации и Каттарских гор (Бокко ди Каттаро). Король Италии посредством сих соединений делается сорубежником Европейской Турции. Соседство сие должно умножить до невероятности влияние его на Оттоманскую империю. Французская армия в короткое время может вступить в турецкие границы для вспоможения и образца турецким войскам". Все это, говорилось далее в статье, пресечет "все мелочные уважения и боязливую осторожность, доселе препятствовавшие Порте действовать образом приличным ее достоинству и истинным ее выгодам", – трактуемым, разумеется, с парижской точки зрения[73].

Талейран загодя обрисовал перед послами (циркуляр от 8 августа 1805 г.) неприглядное положение Османской державы, приписав его

inslav

интригам московитов: Турция – "единственный оплот материка против России. Мало сказать, владения султана подвергаются опасности; его кабинет, беспрестанно опутываемый кознями, ежедневно подвергается унижениям вследствие надменных требований и подстрекательств... Провинции волнуются от беспорядочных движений, которые открыто поддерживаются русскими агентами... Русские эскадры снуют по оттоманским морям и стараются снабжать все побережье оружием, вербовщиками, деятелями волнений и мятежа..."[74]

В октябре того же года, еще до Аустерлица, Ш.М. Талейран в записке Наполеону изложил план непревзойденного коварства. Он советовал императору не унижать уж слишком Австрию тяжелым миром, а, потеснив ее в Италии и Германии, поманить компенсацией на Нижнем Дунае и разжечь тем самым костер ее противоречий с Россией; последняя, будучи ущемленной в Юго-Восточной Европе, обратится к делам персидским и индийским. И тут уж черная кошка пробежит между нею и Великобританией, и Наполеону останется лишь торжествовать на развалинах очередной коалиции. Талейран осторожно намекал при этом на желательность полюбовного раздела сфер влияния: Франции – Западная Европа и Средиземноморье, Австрии – Восточная и Балканы, а Россия пусть удаляется в Азию. Исконному врагу, Англии, не доставалось ничего. Э. Дрио замечает по поводу плана: "Как бы грандиозен он ни был, мысль Талейрана отставала от мысли Наполеона. Последний хотел господствовать над Австрией и поглотить ее, забрав себе титул императора и короля Рима. Россию он хотел устранить". Экспансионистские фантазии Наполеона удержу не знали[75].

После развала третьей коалиции османские сановники проявляли повышенный интерес к старательно доводимым до их сведения размышлениям о пагубе сотрудничества с самодержавием. Опасность подбиралась к России с юго-западного направления, из того региона, который Уинстон Черчилль спустя сто сорок лет назвал "мягким подбрюшьем Европы". Восточный вопрос, хоронившийся какое-то время в тени европейских дел, вновь вышел на авансцену российской политики.

11(23) января 1806 г. князь А.А. Чарторыйский сочинил сразу несколько памятных записок. В них звучало не то что сожаление – печаль по поводу дней минувших: "трудно иметь более удобного соседа, чем Порта". Сейчас же у Константинополя – лишь тень власти, и "французы будут иметь полный успех всякий раз, как только вздумают захватить какую-либо оттоманскую провинцию". Прежний курс на сохранение слабой турецкой державы не осуждался – он был прекрасен со всех точек зрения, – а признавался изжившим себя: "Единственно подходящим для России планом при будущих переменах в Оттоманской империи представляется устройство там отдельных государств, пользующихся независимым управлением касательно их внутренних дел, но под верховной властью России и ее покровительством". Из их числа заранее исключалась Молдавия, Валахия и Бессарабия, их "императорский двор сочтет удобным принять в свое полное владение", Дунай

inslav

станет тогда несравненно более прочной границей, нежели Днестр. Сербия, Черногория и Герцеговина "устроятся легко", – они уже управляются самостоятельно. Македония и Албания склонны к установлению монархий, полагал князь Адам. Будущий руководитель польского национального движения был тогда крайне озабочен тем, как добиться в регионе преобладающего влияния самодержавия, правда, с благовидной целью: надо обеспечить "права верховенства и покровительства" России – лишь тогда она сможет "во всякое время проявить свою власть, соблюдать единство и согласие между всеми этими различными народами и охранять их интересы". Для этого – постоянно держать войска в "избранных местах", например на о-ве Корфу. И тогда можно гарантировать "счастье и спокойствие этих народов, не опасаясь интриг и затей держав"[76].

Так вызревали планы, неосуществимые в условиях равновесия держав. Прекрасные мечты нескольких юношей во главе с царем пришли в столкновение с действительностью и рухнули. Французскому экспансионизму был противопоставлен план возрождения национальной государственности балканских народов под эгидой России.

Намечавшийся курс, которому суждено было долгое существование, знаменовал переход самодержавия к новому виду экспансионизма – политическому, направленному на установление своего преобладающего влияния в регионе при отказе от территориального расширения за его счет. С точки зрения геополитической перспективы он означал поддержку национальных движений по нарастающей, этапами которой являлись достижения местного самоуправления, административной, а затем и политической автономии (знаменовавшей уже возрождение государственности, хотя и в урезанном виде) и, наконец, – независимости, т.е. воссоздание национальной государственности во всей полноте суверенитета. В этом заключалось исторически прогрессивное зерно зародившихся в 1804–1806 гг. пока еще туманных российских проектов. Что же касается влияния самодержавия, то опыт показал, что народы и правительства от него вполне успешно освобождались по мере укрепления своей силы и самостоятельности.

[1] *Ragsdale H.* Detente in the Napoleontic Era: Bonaparte and the Russians. Lawrence (USA). 1980. P. 125, 126.

[2] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1: 1801–1815 гг. М., 1960. Т. 1: март 1801 г.–апрель 1804 г. С. 61–62. (Далее: ВПР).

[3] История внешней политики России: Первая половина XIX в. М., 1995. С. 31.

[4] ВПР. Т. 1. С. 61–62.

[5] *Соловьев С.М.* Император Александр I: Политика. Дипломатия. СПб., 1877. С. 35.

[6] *Трачевский А.[С].* Наполеон I. М., 1907. С. 293, 306–308.

[7] ВПР. Т. 1. С. 69–72.

[8] Там же. С. 105.

[9] Там же. С. 91.

[10] Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 82. С. 253 (Далее: Сб. РИО).

inslav

[11] Там же. С. 39.
[12] Архив внешней политики Российской империи. Ф. Посольство в Париже. 1801. Д. 1. Л. 10 (Далее: АВПРИ).
[13] Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. XIII.
[14] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 28.
[15] Сб. РИО. Т. 70. С. X.
[16] Там же. С. XI, 302.
[17] Цит. по: *Вербицкий Э.Д.* Из истории дипломатической борьбы на Балканах (посредничество России во франко-турецких переговорах 1801–1802 гг. // Учен. зап. Кишиневск. ун-та. 1964. Т. 72. С. 101.
[18] АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. 1801. Д. 1. Л. 1, 18.
[19] Там же. Л. 19.
[20] ВПР. Т. 1. С. 97, 100–102.
[21] Там же. С. 127–128.
[22] АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. 1801. Д. 2. Л. 18, 36, 39.
[23] Там же. Л. 85.
[24] *Вербицкий Э.Д.* Из истории дипломатической борьбы... С. 102.
[25] АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Д. 2. Л. 51–52.
[26] ВПР. Т. 1. С. 244.
[27] *Вербицкий Э.Д.* Из истории дипломатической борьбы... С. 112.
[28] ВПР. Т. 1. С. 234.
[29] Там же. С. 345.
[30] Там же. С. 145.
[31] АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Д. 2. Л. 67, 83, 85–86.
[32] Сб. РИО. Т. 70. С. 485.
[33] Там же. С. 490–491.
[34] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 35.
[35] ВПР. Т. 1. С. 283–284, 318.
[36] Там же. С. 283–284.
[37] Сб. РИО. Т. 70. С. CVIII.
[38] *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 35.
[39] *Вандаль А.* Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во время первой империи. СПб., 1910. Т. 1. С. 1.
[40] Сб. РИО. Т. 70. С. CXI.
[41] *Ragsdale H.* Op. cit. P. 105.
[42] АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Д. 2. Л. 132–134.
[43] Сб. РИО. Т. 70. С.117.
[44] ВПР. Т. 1. С. 457, 467; Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 77. С. 203–204.
[45] ВПР. Т. 1. С. 442, 465, 604–605.
[46] Там же. С. 455.
[47] Там же. С. 502.
[48] АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Д. 2. Л. 123; Д. 3. Л. 78; *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. М., 1938. Т. 1. С. 99.
[49] Сб. РИО. Т. 77. С. 109. ВПР. Т. 1. С. 438, 442, 443.
[50] ВПР. Т. 1. С. 238, 413, 604, 605, 621.
[51] ВПР. Т. 1. С. 551, 552.
[52] Там же. С. 383.
[53] АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Д. 2. Л. 55, 95.
[54] ВПР. Т. 1. С. 533; РИО. Т. 77. С. 440–445.
[55] ВПР. Т. 1. С. 331.
[56] Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1961. Т. 2. С. 15.
[57] ВПР. Т. 2. С. 20.

inslav

[58] АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. 1804. Д. 5. Л. 94–95; ВПР. Т. 2. С. 57, 59.
[59] Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 82; М., 1961. Т. 2.
[60] *Сироткин В.Т.* Дуэль двух дипломатий. М., 1966.
[61] ВПР. Т. 2. С. 236, 247.
[62] Там же. С. 149, 154, 240.
[63] *Webster C.K.* The Foreign Policy of Castlereagh. L., 1931. P. 53, 56.
[64] ВПР. Т. 2. С. 355–377.
[65] Там же. С. 443, 465.
[66] Там же. С. 115.
[67] Там же. С. 156–157.
[68] Там же. С. 206.
[69] *Вербицкий Э.Д.* Переговоры России и Османской империи о возобновлении союзного договора 1799 г. // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев. 1984. С. 63; ВПР. Т. 2. С. 582–594.
[70] ВПР. Т. 2. С. 697.
[71] Там же. С. 639.
[72] Там же. С. 613, 653.
[73] Взгляд на политическое состояние Европы в начале 1806 года. СПб., 1806. С. 70.
[74] Сб. РИО. СПб., 1892. С. 103–104.
[75] *Driault E.* La politique orientale de Napoléon: Sébastiani et Gardane (1806–1808). P., 1904. P. 56.
[76] Сб. РИО. Т. 82. С. 253–255.

inslav

БАЛКАНСКАЯ ПАНОРАМА

ЧЕРНОГОРИЯ

Покровительственное отношение России к черногорцам восходило ко времени Петра Великого (1715 г.). Поддержанию тесных политических контактов Петербурга с маленьким, но чрезвычайно воинственным балканским народом, постоянно отстаивавшим свою свободу в неравной борьбе, благоприятствовала оригинальная, специфическая форма правления, прочно закрепившаяся в Черногории, – высшая власть там сосредоточивалась в руках православных митрополитов, или владык.

Накануне и во время войн с Османской империей царское правительство обычно направляло в Черногорию своих эмиссаров, приглашавших помогать российским войскам, и черногорцы неизменно откликались на эти призывы. Политический курс Екатерины II был для них не всегда благоприятным, так, например, в 1784 г. без каких-либо объяснений митрополит Петр Петрович был выдворен из России, что не могло не оскорбить его достоинства.

Но когда в 1787 г. началась очередная русско-турецкая война, в которую в следующем году вступила и Австрия, в Петербурге тотчас вспомнили о черногорцах. В грамотах, обращенных к черногорцам и другим балканским народам, Екатерина II объявляла, что целью войны является "исторжение народов христианских из-под ига агарянского", призывала эти народы к совместным действиям против Турции, обещая оказать всевозможную помощь[1]. В Черногорию были направлены русские офицеры, чтобы помочь в организации ополчения, а также воспрепятствовать усилению там влияния Австрии, пытавшейся привлечь население на свою сторону. В ходе войны черногорцы совершали "диверсии" против турецких войск, однако существенной помощи ни от России, ни от Австрии не получили. Не оправдались их надежды и на то, что интересы Черногории будут учтены в мирных договорах. Лишь условие об амнистии подданным султана, участвовавшим в военных действиях союзников, австрийская сторона включила в подписанный с Османской империей Систовский трактат. Все это не могло не вызывать разочарования в политике как России, так и Австрии.

В последние годы XVIII в. внутреннее положение Черногории было нелегким. После побед над войсками албанского владетеля Махмуда-

---

© И.С. Достян, О.В. Медведева, Г.Л. Арш, Л.Е. Семенова, Л.В. Зеленина

inslav

паши Бушати при Мартиновичах, а затем при Крусах (июль–сентябрь 1796 г.) страна стала фактически независимой от Турции и несколько расширила свои границы за счет присоединения племен Брды. Но она была полностью отрезана от моря, от внешнего мира венецианскими владениями на Адриатическом побережье, которые по Кампо-Формийскому миру в октябре 1797 г. отошли к Австрии. Митрополит Петр I Петрович Негош (1784–1830) прилагал усилия, чтобы объединить племена, создать отвечающую условиям нового времени государственную организацию. К тому же со времени войны России и Австрии с Османской империей в Цетинье обострилась борьба группировок различной внешнеполитической ориентации. Петр Петрович и его окружение ориентировались на Россию, второе лицо в стране гувернадур Йован Радонич и его сторонники – на Австрию, что, в свою очередь, отражало возросшее соперничество между Петербургом и Веной за влияние в этой маленькой горной стране. Митрополит, гувернадур, старейшины племен добивались международного признания независимости черногорского государства и получения выхода к морю путем присоединения Боки Которской. Осуществить это можно было лишь при активной поддержке извне – со стороны какой-либо из великих держав, в первую очередь православной России, на помощь которой в создании государственной организации Черногории надеялся Петр Негош.

В 1796–1797 гг. митрополит и старейшины не раз сообщали в Петербург о своих победах над албанским пашей, просили принять их "в единодержавие", ввести в стране законы, налоги, основать школы или же взять освободившихся от турецкой власти черногорцев и брдян "под высочайшую императорскую протекцию"[2]. Победы маленького героического народа над войсками албанского паши произвели немалое впечатление на правительственные круги России, привлекли к нему внимание[3]. Но руководивший внешней политикой в последние годы жизни Екатерины II П.А. Зубов на просьбы митрополита ответил весьма сдержанно: "...таковая надежда на покровительство Ее И.В. никогда не может быть оставлена без высочайшего Ее И.В. внимания"[4].

Осенью 1797 г. черногорцы безуспешно пытались воспрепятствовать австрийской оккупации Боки Которской, опираясь на поддержку ее населения. Поздравляя Павла I с восшествием на престол, Петр Петрович сообщал, что Австрия, заняв венецианские владения на Адриатике, подошла к самым границам Черногории. Он как бы намекал, что ожидает от России поддержки, и одновременно в письме канцлеру И.А. Остерману снова просил об "определении под высочайшую императорскую протекцию"[5].

Между тем международная обстановка побуждала Павла I проявлять все большую заинтересованность в укреплении русских позиций в Черногории, соблюдая, однако, осторожность и не нарушая интересов ни Порты, ни Габсбургов. В феврале 1799 г. император дал аудиенцию находившемуся в Петербурге Н. Черноевичу-Давидовичу как посланцу

inslav

черногорцев*, а в апреле следующего года Петру Негошу была послана высшая российская награда – орден Александра Невского и для раздачи старейшинам 15 золотых и серебряных медалей. Этим как бы выражалась благодарность за приверженность черногорцев к единоверной России, за их военные заслуги[7].

Во второй половине 1798 г. международная ситуация в Средиземноморье и Западных Балканах еще более обострилась. Российская эскадра, объединенная с турецким флотом, освобождала от французов Ионические острова. Ожидалось, что Наполеон двинет свои войска на Балканы, их высадка в Египте не устраняла такой угрозы.

Черноевич-Давидович отправился с грамотой и наградами в Черногорию, а оттуда в Петербург (в августе 1798 г.) с очередным прошением прибыл другой посланец архимандрит С. Вукотич. В нем излагалась история русско-черногорских отношений с петровских времен, говорилось о недавных победах над войсками албанского паши и содержалась просьба принять Черногорию как страну независимую "под высочайшую протекцию", "присовокупить в единодержавие", оказать помощь и защиту, ввести законы и налоги, основать учебные заведения[8].

Доклад по поводу этого обращения был рассмотрен Павлом I в конце декабря 1798 г., результатом чего стала адресованная черногорскому народу грамота от 11 января 1799 г. В ней подтверждалась действенность всех прошлых грамот относительно покровительства черногорцам и сообщалось, что ежегодно из государственной казны России "для общенародных надобностей", "на всякие полезные заведения" митрополиту будет выдаваться по 1 тысяче червонных (3 тыс. руб.)[2*]. Черногорцев заверили, что им не грозят "какие-либо притеснения в законных правах" со стороны Австрии и Османской империи, что дипломаты России в этих странах сделают в их защиту специальные представления, а при необходимости российский флот, находящийся в Средиземном море, окажет им помощь. Действительно, соответствующие предписания в тот же день были направлены А.К. Разумовскому в Вену и В.С. Томаре в Стамбул. Последнему следовало обосновывать свое заступничество принципом покровительства единоверцам[10]. Вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову приказали послать одного из штаб-офицеров к черногорцам "с личным изъявлением монаршего к ним благоволения"[11].

В соответствии с таким распоряжением в марте 1799 г. Ушаков

---

* Никола Чиркович, назвавший себя "графом" и "обер-воеводой" Черноевичем-Давидовичем, будучи одним из политических авантюристов своего времени, тем не менее сыграл положительную роль в укреплении русско-черногорских отношений в 1797–1799 гг. В 1802 г. Чирковича разоблачили как самозванца, и Петр Негош лишил его звания официального представителя Черногории в Петербурге[6].

2* В конце XVIII в. это была сумма немалая. До 1799 г. российский Синод посылал Рождественскому Цетинскому монастырю по 500 руб. на три года. Эта "милостыня" сохранялась, кроме того Синод выдал С. Вукотичу причитающуюся за шесть лет сумму, а также церковную утварь и книги[9].

inslav

направил в Черногорию капитан-лейтенанта Х.И. Клопакиса. Но его прибытие в Котор вызвало недовольство и подозрительность австрийских властей, они воспрепятствовали поездке русского офицера в Черногорию под предлогом свирепствовавшей там "заразы", установили за ним слежку. И все же встреча Клопакиса с Петром Петровичем состоялась. Последний передал благодарственное письмо Ушакову, в котором сообщал об опасностях, грозящих Черногории со стороны Австрии и Порты[12]. Рапорт Клопакиса об этой командировке побудил Ушакова в очень резкой форме заявить протест губернатору Боки Которской по поводу "интриг" и "неблаговидных поступков" австрийцев в отношении черногорского митрополита и народа[13].

Таким образом, правительство Павла I предприняло практические шаги для установления покровительственной системы отношений с Черногорией и оказания ей дипломатической поддержки. Эти акции были тесно увязаны с общим курсом политики в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье, борьбой против экспансии наполеоновской Франции в этих регионах. В случае вторжения последней на Балканы "вкрапленная" в турецкие и австрийские владения независимая Черногория могла приобрести для России немалое значение. Но такая перспектива являлась лишь одним из возможных вариантов развития событий. Пока же обязательства перед членами второй коалиции, в первую очередь союзный договор с Портой, побуждали правительство Павла I проявлять осторожность в отношениях с Черногорией. Оно не собиралось, как на то надеялся Петр Негош, оказывать давление на союзников, чтобы заставить Австрию передать Боку Которскую черногорцам.

В августе 1800 г. в Петербург с обширными инструкциями митрополита приехал Черноевич-Давидович. В поданном им прошении был изложен проект мер для укрепления политического и военного положения Черногории, которые предлагалось осуществить царскому правительству. В первую очередь говорилось о необходимости "изыскать средство для присоединения Бокесской провинции к Черной Горе", ибо того же желает народ ее, недовольный правлением Австрии. Это будет выгодно и самой России, флот которой всегда будет иметь "совершенное пристанище" в принадлежащей черногорцам гавани, сможет снабжаться провиантом и использовать опытных моряков-бокезцев. Не была упущена и тема приверженности славян к России "по единоверию и единоязычию", сказано о надеждах на ее помощь в устранении угрозы вновь оказаться под турецким игом и готовности сражаться на ее стороне в новой войне с Портой, при этом подчеркивалась роль Черногории как организующего и сильного в военном отношении центра[14].

Черноевич-Давидович долго вел переговоры в Коллегии иностранных дел, встречался с Кочубеем, Ростопчиным и другими сановниками, но каких-либо решений и действий, касавшихся Черногории, при Павле I предпринято так и не было.

Время шло, но ожидание помощи России в деле расширения границ Черногории и обретения выхода к морю, в создании государственной

inslav

организации не оправдывалось. Ее нельзя было получить от соседней Австрии, ибо отношения с ней сильно осложнились после присоединения Боки Которской к империи и разногласий по поводу принадлежности некоторых пограничных территорий. А в это время Бонапарт одерживал победу за победой, его агенты не скупились на обещания помощи балканским деятелям в их борьбе за национальные освобождения. Кроме того, распространялись слухи о скором вторжении наполеоновских войск в турецкие владения. Все это не могло не производить впечатления на черногорского владыку, и он, продолжая поддерживать тесные контакты с российскими сановниками, решил установить прямые отношения с Парижем. В марте 1802 г. Бонапарту было послано поздравление по поводу примирения с Россией и при этом заявлено, что в случае войны Франции с Османской империей черногорцы готовы оказать ему помощь, а другие народы, страждущие под турецкой властью, объединяются в борьбе за свободу[15]. Очевидно, речь шла об общебалканском восстании, центром которого мыслилась Черногория.

Ответа на это обращение, по-видимому, не последовало, но владыка и его секретарь Франческо Дольчи на том не остановились. Существуют документальные свидетельства, что они установили связь с французским полковником Ф. де Лапрадом, который в мае 1803 г. сообщил об этом французскому министру иностранных дел Талейрану, выразив готовность лично отправиться в Черногорию для реализации задуманных там планов[16].

О контактах черногорского владыки с французами вскоре стало известно в Австрии, и вице-канцлер Кобенцль поспешил уведомить об этом российского поверенного в делах в Вене И.О. Анштетта, а тот – Петербург. Российский консул в Дубровнике К.К. Фонтон также доложил, будто Дольчи является французским агентом и содействует сближению черногорцев с Наполеоном[17].

Характерно, что Анштетт в своем донесении связал попытку Негоша установить отношения с Францией с существованием в Черногории и Герцеговине "проектов достижения независимости". Сведения об этом он получил от проезжавшего через Вену в Россию архимандрита из Герцеговины Арсения Гаговича, который, прибыв в Петербург, заявил, что "народ герцеговинский, а равно и все христиане, под игом магометан стенающие, считают, что приспело, наконец, время их освобождения". Гагович говорил о стремлении балканского населения войти в состав России, а в случае если это невозможно, предлагал основать "славяно-сербское царство" под скипетром одного из русских великих князей. Столь важное заявление, несомненно, было увязано с политическими замыслами черногорского митрополита, а возможно, и других сербских деятелей. Но правительство Александра I не поддержало подобных планов. А.Р. Воронцов сообщил Гаговичу, что требование герцеговинцев освобождения от турецкой власти выдвинуто несвоевременно, так как в сложившейся ситуации может быть использовано Францией для установления своего господства[18].

Известия о намерении черногорцев оказать помощь французам

inslav

в случае их вторжения на Балканы, о планах создания там при их поддержке независимого "славяно-сербского" государства встревожили правительство Александра I. Масла в огонь подлил приехавший из Черногории архимандрит Стефан Вукотич, который сообщил, что аббат Дольчи делает Негошу внушения "в пользу видов бонапартовых и что митрополит оказывает тому большую будто наклонность"[19].

Попытки Петра Негоша изменить традиционную ориентацию Черногории на Россию, поднять при французской поддержке восстание "славяно-сербских" народов против Порты, вызвали, естественно, ответные меры Петербурга. Там не теряли надежды на другой вариант развития событий, благоприятный российским интересам в случае ожидавшейся войны с Францией: "Естьли поиски митрополита соделаются тщетными, – писал А.Р. Воронцов в депеше А.Я. Италинскому в октябре 1803 г., – и славяно-сербские народы противопоставлены будут ополчению французскому, те же самые обстоятельства, которые служили бы к их (французов. – *И.Д.*) выгодам, могут быть обращены быть на их пагубу". Они встретят "непреодолимые почти препоны от беспрестанных нападений горских жителей сих... Между тем Порта чрез то получит время собраться с силами на защищение областей своих". Посланник должен был убедить реис-эфенди в возможности именно такого развития событий, в том, что преданные России славянские народы могут помочь "уничтожению пагубных замыслов Франции"[20].

Исходя из этих соображений, российский МИД в октябре 1803 г. направил в Черногорию генерал-майора графа М.К. Ивелича, уроженца Боки Которской. Он должен был заняться подготовкй обороны против ожидавшегося вторжения наполеоновских войск на Адриатическое побережье. Для этого предполагалось использовать военные силы черногорцев и их соседей, которых Россия обещала снабжать деньгами и вооружением. Но Ивелич имел и другое нелегкое поручение: добиться отстранения от власти митрополита Петра Негоша как предателя народных интересов и отправить его в Россию на суд Священного Синода[21].

Первую часть своего задания Ивелич выполнял достаточно успешно. Не рискнув появиться в самой Черногории, он из Котора разослал письма в разные нахии Черногории и Герцеговины с призывом дать отпор французам и получил заверения в преданности России. Он заручился обещаниями помощи со стороны шкодринского и боснийского пашей. Но неправомерная попытка сместить и наказать черногорского правителя окончилась полным провалом. Большая часть черногорцев высказала преданность Петру Негошу. Созванная им в марте 1804 г. скупщина постановила не иметь никаких отношений с Ивеличем, отвергнуть все предъявленные им митрополиту обвинения.

Ивелич добился все же встречи с владыкой, которому вручил письмо Синода. В ответ на это скупщина, собравшись в начале июня, направила, минуя Ивелича, послание Александру I, в котором в очень резкой форме отвергалось требование о прибытии Негоша на суд

inslav

Синода: "Мы, народ черногорский и брдский, – говорилось в письме, – не подданные Российского царства, а стоим лишь под его моральным покровительством и только из-за единоверия и единоплеменности, а не по иной причине верны российскому двору". Оскорбленные черногорцы заявили, что в подданство России вступать не желают и готовы до последнего защищать свою свободу с оружием в руках. Они просили прислать для урегулирования конфликта нового представителя, при том "прирожденного русского"[22].

Еще до получения этого послания, составленного, по всей вероятности, самим Негошем, в Петербурге поняли, что допустили ошибку, что авторитет владыки среди черногорцев очень велик и отрешить его от власти не удастся. К тому же стало очевидным, что Наполеон ничего не предпринимает с целью использовать в своих интересах черногорцев, а последние не собираются помогать французам. Надежды митрополита на их поддержку не оправдались, к тому же резко осложнились отношения с Австрией, урегулировать которые могла помочь только Россия. В ликвидации конфликта оказались заинтересованными обе стороны.

Летом 1804 г. российский МИД решил основать консульство в Которе, что было отчасти связано с противодействием Петербурга австрийской политике в отношении Черногории. Габсбурги, получив в свое владение Боку Которскую, стремились полностью отрезать черногорцев от Адриатического побережья, препятствовали их торговым связям с Бокой, претендовали на некоторые пограничные территории, в частности Станевичи, где находился монастырь – одна из резиденций черногорского митрополита, которого, к тому же, собирались лишить права духовной юрисдикции над православным населением Приморья. На границе с Бокой Которской происходили столкновения. В российском МИД опасались, как бы Австрия не попыталась овладеть Черногорией. Между Негошем и прибывшим в Котор русским консулом А.И. Мазуревским с самого начала установились дружеские отношения, что облегчало урегулирование конфликта. На генеральной скупщине в августе 1804 г. в Цетинье митрополит, правительство и все присутствовавшие поклялись, что никогда не отступятся от "единокровной и единоверной России". Было также решено, что консул станет посредником во всех сношениях черногорцев с австрийскими властями Котора. В Петербург отправили письма Александру I от митрополита и правительства. В них содержались заверения в преданности России и благодарность за учреждение в Которе консульства, которое, как ожидалось, будет защищать интересы черногорцев. Ивелич сообщал в МИД, что 20 тыс. воинов готовы сражаться на стороне России против французов[23].

Все эти события, за которыми пристально наблюдали в Вене, выявили острые разногласия между Россией и Австрией. Попытка австрийской дипломатии руками русских совершить грязное и рискованное дело – отрешить от власти Петра Негоша, доставлявшего немало неприятностей властям Боки Которской, – провалилась. Подо-

inslav

зрения у австрийского правительства вызывала деятельность Ивелича и особенно Мазуревского. Само назначение консула в порт, где Россия не имела торговых интересов, представлялось неправомерным. К тому же Мазуревский не проявлял необходимого такта, например, говорил о близком конце Османской империи. Подробно сообщавший в Вену обо всем происходившем губернатор Боки Которской утверждал, будто Россия хочет сделать Черногорию своей провинцией, назначить Ивелича ее губернатором, что Австрия не должна этого допустить, ибо иначе утратит влияние в Боснии и Сербии, которые в дальнейшем также захватит Россия, а потому надо требовать отзыва и Мазуревского, и Ивелича[24].

Взаимное недовольство и подозрительность привели к дипломатической перепалке между Веной и Петербургом. Австрийская сторона выразила удивление по поводу изменения позиции России в отношении Петра Негоша, вина и предательство которого будто бы были очевидны, ибо он не только установил связи с Францией, но еще и подстрекал австрийских подданных в Жупе к бунту. Утверждалось также, что черногорцы – турецкие подданные, а значит российский консул не имеет права разрешать их споры с австрийскими подданными в Боке Которской. Выдвигалось и требование о ликвидации российского консульства в Которе. Такого рода демарш 17(5) ноября 1804 г. был уполномочен сделать австрийский посол в Петербурге граф Стадион[25].

В ходе переговоров по поводу черногорских дел российский посол в Вене А.К. Разумовский был уполномочен руководителем российского МИД А.А. Чарторыйским заявить, что Черногория не подвластна Оттоманской империи и является "свободным государством" в течение уже нескольких веков, что Порта признает покровительство России Черногории, а ее связи с Петербургом "вряд ли могут вызвать какие-либо подозрения". Утверждалось, что русское влияние в Черногории используется лишь для поддержания ее добрососедских отношений с австрийскими провинциями, что Петр Негош "искренно вернулся на путь исполнения своего долга" и "суровые меры" в отношении него "становятся совершенно излишними", что черногорцы сами предоставили Мазуревскому право посредничать при урегулировании их жалоб на австрийских подданных, и это будет лишь способствовать прекращению часто возникающих конфликтов. Стадион, со своей стороны, заверил Чарторыйского, что Австрия никогда не посягнет на территориальную целостность Черногории, но объяснения относительно деятельности российского консула в Которе его явно не удовлетворили[26]. Переговоры по поводу черногорских дел в результате привели Кобенцля к заключению, что Россия не стремится к разделу Турции, но отзыва Мазуревского он добился.

Портить отношения с потенциальным союзником по третьей коалиции Александр I не хотел, но это не означало, что он был готов отказаться от активной политики в Черногории, которая как независимое государство могла стать важной военной-стратегической базой России в западнобалканских землях, сыграть существенную роль в случае реали-

inslav

зации "балканских планов" Чарторыйского. Было решено направить в Черногорию С.А. Санковского – опытного дипломата в качестве "специального представителя" царя. Российский посол в Вене Разумовский должен был убеждать австрийское правительство в необходимости содействовать улучшению отношений с Черногорией, стараться облегчить положение ее населения, не претендовать на монастырь Станевичи, не препятствовать пребыванию черногорцев по торговым и другим делам в Которе[27].

К концу 1804 г. царское правительство полностью убедилось в лояльности Петра Негоша, тот даже пожертвовал былым соратником аббатом Дольчи, арестованным и осужденным судом старейшин на смертную казнь, которую владыка заменил пожизненным заключением. Условия содержания арестанта были так тяжелы, что он вскоре умер. Все бумаги, найденные у Дольчи, отправили в Петербург.

В марте 1805 г. в Черногоррию прибыл Санковский с грамотой, письмом императора Негошу и тремя тысячами червонцев. Быстро сблизившись с митрополитом и рядом старейшин, он развил активную деятельность, участвовал в разрешении конфликтов, возникавших у жителей с австрийскими властями в Которе, в замирении племен. Вместе с Ивеличем, который оставался в Боке, Санковский занимался подготовкой вооруженных отрядов для отпора местного населения французам в случае их вторжения на Адриатическое побережье. Одной из задач, возложенных на Санковского, было содействие в упрочении в Черногории государственной организации, что рассматривалось в Петербурге как средство укрепления русского влияния в этой стране, способствовало бы созданию ее собственных вооруженных сил, которые могли быть использованы в предстоящей войне с Францией.

Совместно с Петром Негошем, гувернадуром Вуком Радоничем и некоторыми старейшинами Санковский составил конституционный проект, в основу которого были положены давно существовавшая в Черногории скупщина как верховный орган власти и правительство – Сенат. Средства на содержание органов управления в Черногории должна была предоставлять Россия[28]. В проекте нашли отражение умеренно либеральные взгляды Санковского, близкого к группировке "молодых друзей" Александра I и лично к Адаму Чарторыйскому.

Миссия С.А. Санковского в Черногории и его деятельность там были тесно увязаны с экспедицией российского флота в Средиземное море под водительством вице-адмирала Д.Н. Сенявина, они явились попыткой осуществить "балканские планы" Чарторыйского. Имея свой кодекс законов (Законник Петра Негоша) и утвержденную царем конституцию, Черногория могла бы превратиться в маленькую "славянскую республику".

Аустерлиц, поражение третьей, а затем и четвертой коалиции, наконец, Тильзитский мир – все это в корне изменило международную ситуацию в Европе и политику Александра I на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Русско-черногорские политические контакты на несколько лет почти полностью прервались.

inslav

[1] Грамоты Екатерины II от 17 февраля и 14 марта 1788 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 334–336, 339–340.

[2] *Павићевић Б.* Политика Павла I према Црној Гори // Гласник Цетињских музеја. Цетиње, 1970. № 3. С. 9–12; *Бажова А.П.* Русско-югославяиские отношеиия во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 112–113.

[3] *Павићевић Б.* Указ. соч. С. 9.

[4] Политические и культуриые отношения... С. 374.

[5] Там же. С. 375–376.

[6] О Н. Чирковиче и его деятельности см. Там же.

[7] *Павићевић Б.* Указ. соч. С. 18–22.

[8] Прошение черногорского народа от 19 мая 1798 г. // Политические и культурные отношения... С. 379–382.

[9] Указ Синода в Коллегию иностранных дел 22 марта 1799 г. // Там же. С. 388–389.

[10] Там же. С. 385–387.

[11] Адмирал Ушаков. М., 1956. Т. 3. С. 356–357.

[12] *Драгович Ж.* Черногория и ее отношения с Россией в царствоваиие императора Павла I // Русская старина. 1882. Февр. С. 440.

[13] Адмирал Ушаков. Т. 3. С. 17–18, 56–57.

[14] Прошение черногорцев Павлу I. Октябрь 1800 г. // Политические и культурные отношения... С. 393–396; *Павићевић Б.* Указ. соч. С. 35–51.

[15] *Хитрова Н.И.* Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка, 1804–1813. Београд, 1983. С. 310.

[16] *Лекић Б.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша. Цетиње, 1950. С. 143–144.

[17] И.О. Анштетт – А.Р. Воронцову, 22 июля (3 августа), 1803 г.; докладная записка А.Р. Воронцова Александру I – не ранее 28 сентября (10 октября) // Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел. Сер. 1: 1801–1815 гг. М., 1960. Т. 1. С. 500, 520 (Далее: ВПР).

[18] Там же. С. 500; *Викићевић М.* Карађорђе. Београд, 1907. Књ. 1. С. 396–397, 400–402.

[19] *Хитрова Н.И.* Указ. соч. С. 311.

[20] ВПР. Т. 1. С. 531.

[21] Инструкция Александра I М.К. Ивеличу 26 октября (7 ноября) 1803 г. // *Вукићевић М.* Указ. соч. С. 389–396.

[22] Черногорская скупщина Александру I 3(15) июня 1804 г. // *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија (1784–1814). Београд, 1914. С. 125.

[23] *Хитрова Н.И.* Указ. соч. С. 316–318.

[24] *Ђорђевић В.* Указ. соч. С. 132–168.

[25] Там же. С. 168–173.

[26] ВПР. М., 1961. Т. 2. С. 252–254.

[27] Споменик Српској Краљевској Академије. Београд, 1893. Т. XXXI(29). С. 104–107.

[28] Црногорско-руски односи, 1711–1918. Подгорица; М., 1992. Књ. 1: Руски извори о Црној Гори од Краја XVII до средине XIX вијека. С. 89–96.

БОЛГАРСКИЕ ЗЕМЛИ

Болгарские земли в конце XVIII–начале XIX в. оставались вдали от большой международной политики. Расположенные в непосредственной близости от собственно турецких территорий, они являлись форпостом Османской империи. Процессы, происходившие в ней в рассматри-

inslav

ваемый период, в полной мере нашли свое отражение в этом регионе, но имели и специфику. Болгары испытывали особенно сильную национальную и религиозную дискриминацию, гнет постоянно растущих налогов и поборов властей на местах, страдали от грабежей и насилий банд мусульманских фанатиков ("башибузуков"), их земли стали ареной бесчинств кирджалийских отрядов и междоусобной борьбы местных правителей – аянов. На территории болгар развернулись основные сражения русско-турецких войн.

Л.О.Ф. Божур* писал в конце XVIII в., что Болгария была "кровавым театром войн русских и австрийцев против турок"[1]. К трудностям беспокойных военных лет прибавились в 1792–1806 гг. опустошительные нападения на беззащитные болгарские села и города со смешанным болгарским, греческим и турецким населением кирджалийских банд, нахлынувших из Фракии. Кирджалиями называли восстававших против правительственной власти и самоуправства ее представителей на местах турок, к которым присоединялись болгары, албанцы, татары, боснийцы, объединявшиеся в банды, грабившие и убивавшие местное население, нападавшие на села и городки и зачастую их сжигавшие. Впервые в известных османских документах слово "кирджалии" встречается в одном из судебных постановлений 1785 г.[2]

По своей сути кирджалийство было массовым разбойничеством, всегда в той или иной мере существовавшим в Османской империи, но достигшим крайней степени в годы упадка Османской империи, в период русско-турецких войн. В это время кирджалии опустошили и сожгли богатые болгарские городки и села: Арбанаси, Панагюриште, Копривштица, Калофер, Трявна, Елена, Габрово. Той же участи едва не подвергся Котел. Но жители этого города оказали упорное сопротивление.

Новые несчастья болгарской земле принесло восстание крупного феодала Пазванд-оглу, в войсках которого также было много кирджалиев. Пазванд-оглу (1753–1806) – потомок старинного боснийского рода, сын янычарского начальника Омера Пазванд-заде, получившего от турецкого султана за заслуги в войне с Австрией два села в Видинской казе и назначенного командиром "орты" (янычарской дружины) в Видине – важной сильно укрепленной турецкой крепости, снабженной двумястами пушками на правом берегу излучины Дуная. Со стороны Дуная город был защищен двойной стеной, а с суши – земляным валом с каменной облицовкой и широким и глубоким рвом. В XVIII в. Видин украсили караван-сараями, медресе, фонтанами, банями, приютами при мечетях, восхищавшими иностранных путешественников. После неудавшегося бунта Омера Пазванд-заде против видинского паши Мехмеда Мелека Осман Пазванд-оглу, участвовавший в бунте, бежал в Албанию. В 1789 г. он был помилован султаном Селимом III за активное участие в войне с Австрией и в 1792 г. послан в Видин в

---

* Луи Огюст Феликс де Божур (1763–1836) – известный французский политический деятель и дипломат, путешествовавший в 1800–1817 гг. по болгарским землям.

inslav

качестве одного из "главных и достойных начальников" янычарских войск. В этом же году Пазванд-оглу получил грамоту (берат), или право на сбор налога с цыган Видинского санджака. Скупая чифтлики, мельницы и другие владения, он стал со временем крупным феодалом. Одновременно Пазванд-оглу создавал и собственные вооруженные силы. После заключения Ясского мирного договора (1791 г.) по Османской империи бродило много отрядов деморализованной турецкой армии и шаек разбойников, готовых служить любому, кто будет им платить. В то же время Пазванд-оглу использовал сильное недовольство янычар в Белграде и других пограничных крепостях военной реформой Селима III. За короткое время он сформировал отряд в 1000 человек и хорошо его вооружил[3]. Пытаясь привлечь на свою сторону широкие слои населения, Пазванд-оглу высказывался против увеличения налогов, а христианам обещал уравнение в правах с мусульманами. К 1794 г. он уже располагал настолько большими силами, что захватил Видин, изгнал пашу и объявил себя аяном. Слабость центральной власти позволила ему укрепить свое положение и увеличить свое войско за счет недовольных Селимом III янычар, охранявших границу Турции с Австрией. В следующем году Пазванд-оглу не только открыто выступил против реформ, но и перешел в наступление против центральной власти. Его отряды достигали Тырнова, Ловеча, Плевны, Никополя и Русе. Пазванд-оглу стал чеканить собственную монету и даже вошел в сношения с Россией и в особенности с Францией (Директорией, а затем с Бонапартом)[4]. Вопреки данным обещаниям уравнять в правах христиан и турок, дать свободу, отменить подати и т.п. его войска совершали насилия над болгарами.

По приказу Селима III против Пазванд-оглу было направлено сильное войско с сорока пушками. Перед отправлением в поход (апрель 1798 г.) султан произвел ему смотр. По Дунаю в помощь сухопутным силам была переброшена флотилия из пятнадцати канонерок. Возглавлял это войско султанский любимец Кючук-Хусейн-паша, имевший чин капудан-паши, командующего военным флотом Османской империи. В подчинении у него находилось около 80–100 тыс. человек вместе со вспомогательными отрядами. Осада Видина длилась шесть месяцев. Темной ноябрьской ночью войска Хусейн-паши штурмовали Видин, но им пришлось отступить, причем с огромными потерями. По пути было сожжено Габрово – крупный центр ремесленной промышленности.

Характерно, что Пазванд-оглу удалось привлечь на свою сторону трех наиболее видных кирджалийских главарей[5]. Но кирджалии как наемники входили и в состав войска Хусейн-паши. В этом своем качестве они, по ходу осады Видина, захватили и разграбили Арбанаси, жители которого, спасаясь от погромов, бежали, в том числе в соседнюю Валахию, где и поселялись.

Неудача под Видином вскрыла бессилие правительства и способствовала росту влияния Пазванда в лагере недовольных реформами. Селим III круто изменил курс: Пазванд был прощен и возведен в звание трехбунчужного паши, но, даже став генералом, он не отказался от

inslav

разбойничьих привычек. Зимой 1801 г. его войска переправились через Дунай в Валахию, разграбили и сожгли город Крайову. В 1802 г. набег был повторен. Отряды Пазванд-оглу, перейдя Дунай в трех местах, достигли города Питешти. Вторжение вызвало большое смятение в Бухаресте, находящемся всего в 100 км от Питешти. Валашский господарь Михаил Суцу вместе с митрополитом, епископами, боярами и бухарестской знатью бежали в австрийские пределы, в Брашов. Однако отряды Пазванда были встречены и остановлены находившимися в Бухаресте султанскими войсками Хасан-паши. Командовавший этим набегом Манаф-Ибрагим вынужден был вступить в переговоры, закончившиеся миром, и ушел с богатой добычей в Видин.

На болгарских землях шла междоусобица и между другими феодалами. В 1802 г. паша Янины Али Тепелена напал с армией численностью в 30 тыс. человек на аяна Гюмюрджинского округа Токаджика, пытаясь отнять у него Пловдив. Манаф Ибрагим, один из приверженцев Пазванд-оглу, вел борьбу с аяном Русе за Тырново. Особенно ожесточенной и продолжительной была схватка между рущукским аяном Терсеникли-оглу и аяном Силистры Илиник-оглу, который даже заключил союз с Пазванд-оглу для совместных действий против аяна Русе.

В этих распрях принимали участие и татарские ханы из рода Гиреев, носившие в Турции титул султана. После присоединения Крыма к России в 1783 г. последний из них Шахин Гирей и члены его рода переселились в Юго-Восточную Болгарию, где получили ленные владения. В одном из писем управляющему коллегией иностранных дел В.П. Кочубею Пазванд-оглу упоминает имя Мехмеда Дженгиз-Гирея Султана. Существует мнение, что это был сын последнего крымского хана. Он со своей шайкой помогал Пазванд-оглу в его действиях в Валахии, а затем ушел к югу от Старой Планины и там стал заниматься разбоем[6].

Небходимость защитить себя от произвола кирджалий и банд Пазванд-оглу и других мятежных аянов заставила болгар взяться за оружие, и, случалось, они одерживали верх. Например, жители г. Враца с успехом отбили нашествие Пазванда[7]. Целые болгарские общины вынуждены были отбивать нападения банд кирджалиев, чтобы спасти себя от поругания и физического истребления (Разград, Стара Загора, Котел, Елена, Тетевен, Габрово и др.)[8].

Войны и неурядицы, от которых больше всего страдали христиане, заставляли их искать спасение на землях соседних государств – Валахии, Молдавии, России. Бегство болгар в соседние страны, начавшееся сразу после порабощения, усилилось во время русско-турецких войн, а в период кирджалийских мятежей и феодальных междоусобиц превратилось в массовое переселение. Русское правительство было заинтересовано в привлечении на свои земли выходцев из балканских стран. Еще в 1751–1763 гг. издаются первые указы об учреждении так называемых христианских поселений. А в 1765 г. Екатерина II учредила "Опекунство" над иностранными переселенцами, даровав им приви-

inslav

легии[9]. Политика царского правительства в отношении христианских переселенцев из Османской империи активизировалась в начале XIX в. в связи с массовым бегством болгарского населения. Как докладывал В.С. Томара в 1802 г., "многие селения до того разорены, что обыватели, по большей части христиане, оставя убежища свои и забрав жен и детей", вынуждены были сотнями бежать из Болгарии[10]. Русское правительство создавало для колонистов более выгодные условия, чем в Дунайских княжествах, и предало их гласности. Российские представители в Дунайских княжествах и Константинополе направляли болгарских беженцев в Россию двумя путями: на кораблях по Черному морю и по суше через территорию Молдавии и Валахии. С 1800 по 1802 г. на кораблях было переправлено не менее 1500, а в 1803–1804 гг. – около 2200 человек[11].

И все же, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в XVIII в. экономическое развитие болгарских земель шло опережающими темпами по сравнению с турецкой Малой Азией. Они оказались вовлеченными в сферу формировавшегося европейского капиталистического рынка с его новыми закономерностми и требованиями. Однако этот процесс в различных областях болгарских земель проходил по-разному по причине неравномерности их развития. Первое место как в экономическом, так и в культурно-политическом отношении занимали западные и северо-западные районы[12].

Рост торгового обмена, увеличение спроса на сельскохозяйственные продукты предопределили возрастание в болгарских землях в конце XVIII–начале XIX в. числа чифтликов. Владельцы этих хозяйств (чифтликчии) производили уже товарную продукцию, приспосабливаясь к рыночным отношениям. Крестьяне при этом зачастую лишались плодородных земель, которые они раньше обрабатывали и теперь переходившие к чифтликчию. Сутью так называемой феодальной анархии в Румелии на рубеже XVIII–XIX вв. была борьба крупных землевладельцев, основой которых были феодальное имущество и чифтлики, за власть на местах и в центре. Процесс создания чифтликов развивался наиболее интенсивно в Северо-Западной Болгарии. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, непосредственная близость к западным рынкам, во-вторых, наличие огромного фонда государственных и султанских земель, называемого "мертвой землей" ("мева́т"), который был образован специальными султанскими указами и не был исчерпан еще и во второй половине XIX в. Здесь в рассматриваемый период установился особый аграрный режим, при котором феодалы смогли превратить свои лены в агаларские имения, или "господарлык", когда владелец приобретал право собственности и на общинные пастбища и на всю обрабатываемую площадь села – нивы, бахчи, огороды, покосы, ранее находившиеся в собственности общины. В личной собственности крестьян оставались только колодцы, дворы и небольшой надел[13]. В итоге переход к чифтликской форме землевладения привел не только к обезземеливанию крестьян, но и к их уходу в города. Особенно тяжелой была участь крестьян из агаларских

inslav

сел, откуда они бежали в другие области, а также в Сербию и Валахию.

Другой род занятий – торговля шерстью, кожами и молочными продуктами – не была строго регламентирована османским государством. Поэтому торговое скотоводство как специальная отрасль сельского хозяйства получило широкое распространение в горных районах Балканского хребта, в том числе болгарских землях (Родопы, Средне-Гора и Восточная Старая Планина). Шерсть пользовалась весьма большим спросом на европейском рынке, а также в расширявшемся мануфактурном производстве в болгарских городах и землях. Вывоз необработанных и обработанных кож стал важной статьей в торговом обмене на европейских рынках, а необработанная кожа в значительном количестве нашла спрос в местном ремесленном производстве. В торговле скотом преуспевали торговцы-христиане, так называемые джелепы, снабжавшие армию и столицу мясом.

Проникновение товарно-денежных отношений в экономику болгарских земель активизировало земледельческое производство. Появились первые специализированные сельскохозяйственные районы. Так Пазарджикский, Пловдивский и Сарский районы специализировались на производстве риса; Тырновский, Габровский, Горнооряховский, Врачанский, Ямболский, Одринский – шелковичных коконов; Карловский, Казанлыкский – розового масла; Мелникский, Пловдивский, Поморийский, Варненский, Видинский – вина и ракии; Ениджевадарский и Ксантийский – табака[14].

Во второй половине XVIII в. в Болгарии появляются первые мануфактуры, в том числе шелкопрядильные, первичной очистки хлопка, продуктов скотоводства. Особым бератом болгарам городов Западной и Северо-Западной Болгарии было разрешено производство огнестрельного и холодного оружия – явление экстраординарное для Османской империи[15].

С зарождением новых буржуазных отношений оформлялась фигура торговца-организатора, создававшего целую сеть закупщиков, которая охватывала целые районы. Расширение связей балканских земель с европейским рынком способствовало формированию новой торговой прослойки, получившей в конце XVIII в. юридический статус так называемых европейских торговцев. Султанские бераты давали им право свободного передвижения в пределах империи. Образовалось множество обществ и содружеств, торговавших со странами Центральной и Западной Европы, Россией. В Молдавии и Валахии существовали болгарские торговые колонии[16].

Значительное развитие получили экономические связи между Россией и болгарскими землями после подписания Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Официальное разрешение свободно торговать в России, данное султанским правительством своим подданным, усилило болгарскую эмиграцию в Нежин, Москву, позднее – в Бессарабию. Среди наиболее известных болгарских торговцев, которые во второй половине XVIII в. переселились в Россию, следует назвать В.Е. Априлова,

inslav

Ивана Денкоглу, Феодосия Иовчена, Андрея Хаджи-оглу – их имена тесно связаны с болгарским национальным возрождением. Болгарские торговцы из Габрова, Травны, Велико Тырново и других городов ввозили в Россию розовое масло, шелк, коконы шелкопряда, ковры, персидские шали, бисер и т.д. Главным центром этой торговли была Москва, где многие из них основали свои конторы и торговые дома. После открытия одесской пристани в 1794 г. болгарские торговцы начали прочно обосновываться в Одессе.

Процесс обезземеливания крестьянства увеличил городское население. Ряд болгарских городов в конце XVIII в. становятся не только центрами балканской торговли, но и крупнейшими ярмарками в Европе, причем постоянно действующими – Сливен, Пловдив, Неврокоп, Узунджево, Енидже. В последней четверти XVIII в. русские купцы ежегодно посещали Узунджевскую ярмарку. Варна и Адрианополь в это время превратились в крупные черноморские порты. Франция первой открыла консульство в Варне.

К 80-м годам XVIII в. активизировали свою деятельность в болгарских землях Австрия и Пруссия. В торговле с Австрией большую роль играли такие города, как Русе, Свиштов, Никопол[17].

Доля ввоза-вывоза болгарских земель в торговле Османской империи (напомню, их площадь составляла 1/20 части территории империи) на рубеже XVIII–XIX вв. равнялась 1/5[18].

Однако процесс проникновения новых производственных отношений в болгарских землях проходил мучительно вследствие чуть ли не полной изоляции от европейского мира и особенностей развития болгарского общества в условиях османского владычества. Специфика его состояла в том, что болгары были лишены феодального класса еще в XVI в. и не обрели такового и в XVIII в. О болгарских феодалах можно говорить весьма условно, имея в виду только болгар-мусульман в Родопах[19]. Православные болгары, единоверные с греками, после падения под ударами завоевателей одной из двух болгарских столиц – Тырново (1393 г.) и уничтожения православной патриархии лишились собственной церкви и стали входить в духовную юрисдикцию греческой церкви. Греческое духовенство занимало все высшие и все наиболее выгодные церковные должности.

В 1800 г. вселенский патриарх Неофит VII издал распоряжение греческим митрополитам и епископам Болгарии, в юрисдикции которых находились епархии с исконным болгарским населением, о введении греческого языка по возможности во всех школах Болгарии. А их паству – болгар – приказал именовать "болгарогласными эллинами", т.е. греками, говорящими по-болгарски. Интересы болгар представляли греки-фанариоты, зачастую в своих целях. Так что османское господство в болгарских землях сочеталось со стремлением Царьградской патриархии установить свою доминацию в духовной жизни. Это наложило свой отпечаток и на все нациообразующие процессы.

Особенностью национально-освободительного движения в Болгарии

inslav

являлась борьба не только против национального гнета, но и против греческого духовенства, которое по воле осман было полновластным хозяином церкви и с не меньшей жестокостью эксплуатировало болгар. Национальное возрождение началось в обстановке, когда все еще находилось под угрозой само существование болгар как народности; ни в одном официальном документе слово "болгарин", "болгарский" не фигурировало. Главнейшей задачей стало не только сохранение болгарского языка, но и создание на родном языке (а не на греческом) новых культурных ценностей, просветительских и литературных. В городах со значительным болгарским населением, в отдельных зажиточных селах и старых уцелевших монастырях вызревали условия для национального и культурного возрождения болгар. Однако этот процесс, чрезвычайно затруднявшийся османским гнетом, развивался в борьбе внутренних противоречий. Преуспевающая верхушка болгарского общества тянулась к "эллинской" культуре: хранителями же и пропагандистами родного языка, традиций, культуры были монастыри и в известной мере низшее духовенство, священники-болгары, тесно связанные с крестьянскими массами. Они не отличались просвещенностью и не слишком отличались от своих прихожан – крестьян, ремесленников, торговцев, но именно они переписывали церковные книги, совершали богослужения на родном языке, занимались начальным обучением детей.

Особое значение имели немногочисленные существовавшие в эпоху порабощения болгарские монастыри. Они были главными центрами духовной культуры, очагами просветительства, литературы. Среди них следует отметить в первую очередь Хилендарский, Зографский, Рильский, Святогорский и Ватопедский монастыри. Видные представители болгарского культурного-национального возрождения вышли из монастырской среды.

Первый деятель болгарского просвещения, афонский монах Паисий Хилендарский (1722–1773) в прославленной впоследствии рукописной "Истории славяно-болгарской о народе и о царях" (1762 г.) дал яркую картину былой государственной мощи болгар, их воинственности, которая в сопоставлении с нынешним тяжелым и унизительным положением приводила читателей к выводу, что болгары могут и должны освободиться от угнетателей[20].

Дело Паисия продолжил Софроний, епископ Врачанский, до пострижения в монахи носивший имя Стойко с добавлением отчества – Владиславов, игравшего в те времена роль фамилии. Он родился в 1739 г. (по другой версии – в 1737 г.[21]) и вырос в богатом селе Котел. Отец его – зажиточный торговец скотом – прасол. Софроний рано потерял родителей; окончил греческую "килийную" школу, а в 1762 г. был рукоположен в священники. Еще в детские годы Софроний испытал всю жестокость османского гнета и не единожды подвергался преследованиям со стороны турецких властей, даже когда стал епископом г. Врацы. Он был свидетелем опустошительных набегов Пазванд-оглу на Врацу. Много он натерпелся как болгарский священник и от

inslav

греческого духовенства, которое в сотрудничестве с турецкими властями эксплуатировало болгарский народ с не меньшей жестокостью, чем сами османы, и помогало искоренять болгарскую культуру.

Спасаясь от произвола Пазванд-оглу и мести видинского епископа Каллиника, Софроний в 1803 г. бежал в Валахию, в Крайову, а затем отправился в Бухарест. В этом городе он нашел гостеприимство и покровительство со стороны митрополита Дисифея, который представил его валашскому господарю Константину Ипсиланти, и провел остаток жизни (1803–1813). Здесь развернулась его писательская и общественно-политическая деятельность и было написано (в 1805 г.) знаменитое "Жизнеописание" ("Житие и страдания грешного Софрония") – разоблачительный документ против турок и греческого духовенства, являющийся по сути выражением простеста и призывом к борьбе с поработителями. Помимо "Жизнеописания" Софроний написал ряд книг, которые способствовали просвещению болгарского народа. Наиболее важное значение среди них занимает сборник поучений "Неделник" ("Кириакодромион") – первая печатная книга на новоболгарском языке. "Исповедание православной веры" (1805 г.) и "Театрон политикон, сиреч Гражданское позорище" (1809 г.) остались в рукописи. Последняя была переводом на болгарский язык с греческого латинской книги, вышедшей в Риме еще в 1631 г. Именно на издание этой книги позднее, в 1809–начале 1910 г. прислал Софронию 100 дукатов главнокомандующий Молдавской армией П.И. Багратион[22].

Образованность, ум, епископский сан, патриотизм, авторитет среди соотечественников выдвинули Софрония как лидера болгар, объединившихся в 1804 г. в Болгарский политический комитет в Бухаресте, целью которого было освобождение родины. В комитет входили Иван Замбин (уроженец г. Врацы), Анатас Некович, Иван Караниколов, архимандрит Вениамин Ловчански, Димитр Попски, Симеон Кипарис, Илия Панов и Петр Сарчооглу[23]. С именем Софрония Врачанского связаны первые политические контакты болгарских представителей с официальной Россией. Впервые за последние четыре столетия у болгар появилась личность, которая была в состоянии объединить национальную энергию и направить ее на реализацию заветной цели.

Сербское восстание и старания сербов получить поддержку российского императора побудили некоторых болгар добиваться того же для себя. Когда в начале 1804 г. восставшие сербы послали свою депутацию во главе с Матвеем Ненадовичем в Петербург, Иван Замбин и Атанас Некович (по-видимому, по договоренности с Софронием Врачанским) также выехали в Россию с политической миссией. Они прибыли в Петербург в октябре. Но в это время международное положение России, ее курс на сохранение добрых отношений с Османской империей не благоприятствовали осуществлению планов болгарской делегации. В то же время царское правительство стремилось сохранить традиционную веру югославянских народов в готовность России им покровительствовать. Все эти обстоятельства диктовали русским правящим кругам сугубую осторожность и воздержание от каких-либо

inslav

практических шагов, связанных с болгарской миссией. Официальной отговоркой правящих кругов Петербурга в течение двух лет было то, что у болгарских представителей не было полномочий[24]. (Им не разрешали и вернуться домой.) О них как бы забыли. Ситуация изменилась с началом русско-турецкой войны, но об этом ниже.

[1] *Цветкова Б.* Чужди пътеписи за Балканите. Френски пътеписи за Балканите. XV–XVIII в. С., 1975. С. 427.

[2] *Ихчиев А.Д.* Турски държавни документи за кърджалите. С., 1906. Кн. XXII. С. 32.

[3] *Софроний Врачанский.* Жизнеописание. Л., 1976. С. 114.

[4] Внешняя политика России XIX–начала XX века. Т. I М., 1960. Док. 154 (Далее: ВПР).

[5] *Георгиев Й.* Кърджалите и Осман Пазвантоглу. Търново, 1900. С. 125.

[6] *Павловић Ив.* Исписи из французских архива. Београд, 1890. С. 123–124; *Орешков П.Н.* Няколкото документа за Пазвантоглу и Софрония Врачански (1800–1812) // Сборник на Българската Академия на науките. Кн. III. 2. С., 1914. С. 37–38; *Митяев П.* Потомки крымских Гиреев и их господство в некоторых частях Болгарии в XVII–XVIII вв. // Учен. записки Института славяноведения АН СССР. 1958. Т. XVI. С. 296; *Косев Д.* Лекции по новой истории Болгарии. М., 1961. С. 34.

[7] *Мутафчиева В., Виану А.* Феодални размирци в Северна България в края на XVIII и началото на XIX в. и тяхното отражение във Влахия // Българо-румънски връзки и отношения през векове: Изследования. С., 1965. Т. I: (XII–XIX). С. 22 и след.

[8] *Дойнов Ст.* Българите и руски-турските войни 1774–1856. С. 1987. С. 57–60; *Мутафчиева В.* Феодални размирници в Северна Тракия през края на XVIII и началото на XIX в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762–1862). С., 1962. С. 208.

[9] *Скальковский А.А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 2–8; *Орешков П.* Указ. соч. С. 42; ВПР. М., 1972. Т. VIII. Примеч. 263.

[10] ВПР. М., 1960. Т. I. Примеч. 131.

[11] *Грачев В.П.* Към въпроса за преселването на Българи в Русия в началото на XIX в. (1800–1806 гг.) // Българското възраждане и Русия. С., 1981. С. 286, 288.

[12] *Липранди И.П.* Обозрение пространства, служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 г. СПб., 1854. С. 64.

[13] *Гандев Хр.* Проблемы на Българското възраждане. С., 1976. С. 330–331.

[14] *Дойнов Ст.* Българското националноосвободително движение, 1800–1812 г. С., 1979. С. 25–27.

[15] *Липранди И.П.* Указ. соч. С. 64.

[16] *Димитров Стр.* Сословия и классы болгарского общества в XVIII–XIX вв. // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. С. 268, 271.

[17] *Гандев Хр.* Указ. соч. С. 398, 400.

[18] *Дойнов Ст.* Българското пратеничество в Русия по време на руската-турската война 1806–1812 // Военно-исторический сборник. С., 1973. № 1. С. 73.

[19] *Димитров Стр.* Указ. соч. С. 261.

[20] *Паисий Хилендарский.* Славяно-българска история. С., 1972.

[21] *Киселков В.Сл.* Софроний Врачански: Живот и творчество. С., 1963.

[22] ВПР. Т. IV. М., 1965. С. 700.

[23] *Дойнов Ст.* Българите... С. 88.

[24] *Конобеев В.Д.* Русско-болгарские отношения в 1806–1812 гг. // Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958. С. 194–201; *Он же.* Българското нацилналноосвободително движение: Идеология, програма, развитие С., 1972. С. 86–100.

inslav

ОБУСТРОЙСТВО ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ*

Прибытие на Корфу французской эскадры в июне 1797 г. восторженно встреченной греками, положило конец венецианской системе управления на Ионических островах и олигархии аристократов-нобилей. Кроме острова, французы заняли полосу земли на материке с городами Паргой, Превезой, Воницей, Бутринто, так называемую Венецианскую Албанию. Реальная власть на Ионических островах тотчас же сосредоточилась в руках французской администрации. Последовали контрибуции, налоги, конфискации. Все это вызвало недовольство как нобилитета, так и простого народа. Не оправдались надежды на экспедицию Бонапарта на Западные Балканы и освобождение с французской помощью всей Греции от турецкой власти. Популярность Франции среди ионийцев, переживавших период революционного и национального подъема, быстро померкла. Усилилось тяготение к России, тем более что вскоре именно она взяла на себя роль освободительницы островов от власти французской администрации и защитницы от ожидавшегося вторжения Наполеона на Западные Балканы.

Во всех операциях российских военно-морских сил активно участвовало местное греческое население. Свою роль в его переориентации на Россию сыграло опубликование константинопольским патриархом Григорием V в сентябре 1798 г. двух посланий резко антифранцузской направленности, в них он призывал ионийцев оказывать помощь и содействие военным операциям, которые вели Россия, Турция и Великобритания. Кроме того, патриарх обещал ионийцам (явно с санкции союзных дворов) после освобождения от французской оккупации восстановление старых привилегий, право самим определить форму правления, например, по образцу Рагузинской (Дубровницкой) республики. Союзники делали ставку на помощь жителей островов при освобождении их от французов. Объединенное русско-турецкое командование в начале военых действий обратилось к жителям с призывом о помощи, обещав при этом гарантию личной безопасности и собственности, правление "по образцу рагузинскому или какое они сами учредить пожелают". Такого рода "пригласительные письма" направлялись жителям при приближении кораблей к каждому острову. Все эти обращения, означавшие определенные обязательства в отношении предоставления автономных прав Ионическим островам, должны были служить противовесом искусной пропаганде в свою пользу французов. Популярность Бонапарта среди греков была немалой, ибо он не скупился на обещания оказать им помощь в борьбе за освобождение от турецкой власти. Но действительность развенчивала такие надежды,

---

* Истории Ионических островов в период наполеоновских войн, их роли в международных отношениях того времени, политике России на островах посвящены монографии А.М. Станиславской. Данный раздел полностью основывается на этих трудах: *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII–начале XIX века: Политика России в Ионической республике, 1798–1807 гг. М., 1976; *Она же.* Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции, 1798–1800 гг. М., 1983.

inslav

недовольство вызывал режим террора, установленный французами на Корфу. Победы адмирала Нельсона при Абукире, русского и турецкого флота на Ионических островах пресекли осуществление замысла французов поднять восстание греков Эпира и Мореи.

Многочисленные сторонники России на островах, греки, находившиеся на русской военной службе и прибывшие с эскадрой Ушакова, прилагали все усилия, чтобы обеспечить русским поддержку местного населения. На о. Закинф, а затем и на Кефаллинии при подходе к ним союзной эскадры начались восстания против французских властей. При штурме и блокаде Корфу жители выступили на стороне России и создали ополчение, принявшее участие в боевых действиях. На некоторых островах к моменту прибытия союзного флота французская администрация была свергнута. Ионийцы приветливо встречали русских моряков. На островах формировалось национально-освободительное движение, политической программой которого стало получение автономии под покровительством России.

Таким образом, к весне 1799 г. французским позициям в Восточном Средиземноморье был нанесен тяжкий удар, Россия сильно укрепилась в этом регионе, что вызвало немалое беспокойство в Лондоне и Вене.

В национальном движении ионических греков участвовали различные силы, противостоявшие друг другу: нобили и высшее духовенство, рассчитывавшие сосредоточить в своих руках всю власть, с одной стороны, городской плебс и крестьянство – с другой[2*]. В эту борьбу оказался втянутым адмирал Ушаков, старавшийся умерить народное недовольство компромиссными мерами, воссоздать ликвидированную французами систему управления. Центральная власть была передана Сенату, состоявшему из избранных нобилей и представителей "второклассных". Сенат утвердил конституцию Ионических островов как единого государства – "Временный план об учреждении правления" (центрального и местного, исполнительных, законодательных и судебных властей), который в мае 1799 г. был одобрен Ушаковым. В целом этот конституционный акт ничего радикально не менял во внутреннем устройстве островов, но несколько либерализировал ионическое общество, смягчал обострившиеся в нем противоречия. Именно к этому стремился Ушаков. "Временный план" был послан на утверждение султану и царю.

Тем временем в Стамбуле шли переговоры о политическом статусе Ионических островов. Успех экспедиции Ушакова позволил российскому посланнику В.С. Томаре настаивать на идее создания на островах полунезависимой республики по образцу Дубровника (Рагузы) под покровительством Порты и при наличии российской гарантии. Такой статус соответствовал обещаниям, данным ионийцам командованием союзной эскадры и константинопольским патриархом. Русская дипло-

---

[2*] На островах существовало сословное деление. В первый класс, или сословие, входило дворянство и духовенство, во второй – купцы, промышленники и мастеровые, интеллигенция. Во второй класс формально входили еще и "нижний народ" и крестьянство, практически составлявшие третий класс.

inslav

матия, стремясь расположить греков, выдвинула тогда смелую мысль – предоставить народу право самому выбрать форму правления. Томара добивался для островов правовых гарантий и торговых привилегий, которые сделали бы их зависимость от Порты чисто номинальной. Турецкая сторона очень активно сопротивлялась таким решениям и, запугивая Петербург революционной угрозой, выдвигала идею о статусе островов, подобном Дунайским княжествам. Такая идея не устраивала большую часть ионийев, но некоторые греческие деятели, а также фанариоты и константинопольский патриарх ее поддерживали.

В самом начале переговоров Томара согласился на переход под власть Османской империи бывшей Венецианской Албании – городов Парга, Превеза, Воница, Бутринто. При этом он надеялся, что там учредится такое правление, "которое единое имя носить будет собственности турецкой", и добивался предоставления населению ряда гарантий и привилегий в отношении свободы вероисповедания и внутреннего управления. Но христианское население побережья не хотело примириться с такой судьбой. Прибывшие в Стамбул их депутаты заявляли протесты Порте, обращались за помощью к послам великих держав, требуя присоединения этой области к Ионическим островам. Такое решение было совершенно неприемлемым для турецкого правительства, ибо создавало угрозу для его власти в греческих землях.

В обсуждении статуса Ионических островов участвовали депутаты-ионийцы, прибывшие в Стамбул осенью 1799 г.; они активно поддерживали требования Томары. Последний, несмотря на интриги английского посла Т. Элгина, довольно успешно вел переговоры. Но неожиданно Павел I изменил позицию в отношении Ионических островов. По мере отхода России от второй коалиции[3*] и сближения с Францией острова, по мнению царя, потеряли для нее былое значение. В октябре 1799 г. Ушаков получил приказ – вернуть русскую эскадру в Черное море, а в феврале следующего года Томаре было предписано предложить Турции "острова себе взять", ибо это будет хорошей предосторожностью "от прочих соседей", т.е., по-видимому, Австрии или Англии. Но ни Ушаков, ни Томара не выполнили этих недальновидных повелений. Российский посланник на свой страх и риск 21 марта (1 апреля) 1800 г. подписал с Портой Константинопольскую конвенцию, определявшую статус Ионических островов.

Республика Семи Соединенных островов подобно Дубровнику была поставлена в вассальную зависимость от Османской империи. Россия гарантировала целостность и привилегии этого государства. Население Республики освобождалось от хараджа и других поборов, но должна была уплачивать Порте раз в три года небольшую дань (она имела скорее символическое значение). Ионийцы получили право под флагом своего государства вести торговлю на Черном море. По окончании войны с Францией Россия и Турция должны были вывести свои войска

[3*] См. С. 55–63.

inslav

из Республики Семи островов. Бывшая Венецианская Албания (часть Эпира) переходила "во всю собственность империи Оттоманской" и как особая административная единица должна была находиться под управлением турецкого губернатора. Ее положение и привилегии уподоблялись тем, которыми пользовались Дунайские княжества. Население не верило в действенность предоставленных гарантий. Интересы жителей были принесены в жертву русско-турецкому союзу; по словам Ф.Ф. Ушакова, "отчаяние населения было безгранично". Павел I, однако, счел защиту прав и интересов жителей "делом поздним и ненужным".

Одновременно Порта издала диплом, гораздо менее благоприятный для интересов ионийцев, подчеркивавший вассальную зависимсоть островов от Турции и ее право восстанавливать на них "порядок", иными словами – вмешиваться во внутренние дела Республики. Диплом отражал попытку воспрепятствовать связям ионийцев с национально-освободительным движением греков.

Содержание Константинопольской конвенции и особенно диплома Порты вызвало на островах недовольство. Национальные чаяния ионийцев были не удовлетворены и даже оскорблены. Находившиеся в Петербурге два представителя Республики протестовали по поводу издания диплома, просили признать острова свободным государством. Это не имело последствий, однако ратификация конвенции Россией была задержана до августа 1800 г., а диплом не был санкционирован и как бы потерял силу.

В Стамбуле с большой помпой отпраздновали принятие Республики Семи островов под верховную власть султана. Создание нового государства торжественно отметили и в Петербурге.

Современники – греческие деятели, представители правительственных кругов России, мемуаристы и публицисты, – а позднее историки большей частью неодобрительно оценивали Константинопольскую конвенцию. Ионические греки очень болезненно восприняли переход в зависимость от Турции. В действительности же подчинение Османской империи оказалось формальным. Республика Семи Соединенных островов – плод военных и дипломатических усилий России (что часто недооценивалось в исторической литературе), результат освободительного движения ионических греков – превратилась в национальный очаг, стала первым греческим государством нового времени.

Положение Республики Семи Соединенных островов после заключения Константинопольской конвенции осталось сложным. Отношения между адмиралом Ушаковым и нобилями обострились. "Временный план", одобренный Ушаковым, не был поддержан Портой, которая вместо этого утвердила новый предложенный нобилями проект – так называемую Константинопольскую, или Византийскую, конституцию, на что согласился Томара. В ней восстанавливалась политическая монополия нобилитета. Попытка умеренно-либеральной модификации ионийского общества, предпринятая Ушаковым, провалилась.

Развал второй коалиции побудил Россию вывести русскую эскадру

inslav

из Средиземного моря. В июне 1800 г. Ушаков покинул Корфу, где был оставлен лишь малочисленный отряд с артиллерией; осенью сюда прибыла эскадра под водительством Н.Д. Войновича. В это время в Восточном и Центральном Средиземноморье господствующее положение заняла Великобритания, конфликт которой с Россией быстро обострялся. На Ионических островах теперь большим влиянием пользовался не только российский консул Л.П. Бенаки, но и английский – С. Форести. В самом начале 1801 г. на Корфу состоялось торжественное провозглашение (инаугурация) Республики Семи Соединенных островов. Сенату был вручен полученный из Стамбула ионический флаг и экземпляр Византийской конституции. Республику тут же признала Англия и затем другие европейские государства.

Между тем в Петербурге не спешили одобрять Византийскую конституцию, хотя Павел I официально не выразил отрицательного к ней отношения, вероятно, потому, что ему было известно о недовольстве ее введением самих ионийцев, о протестах по поводу диплома и конституции ионийских депутатов, настаивавших на праве свободного выбора формы правления, обещанного им в 1798 г. Ушаковым. Все это повлияло на дальнейшие события на островах.

Активизировалось народное движение против нобилитета, сосредоточившего в своих руках всю власть, в частности – крестьянские выступления, сопровождавшиеся захватом земель нобилей, поджогами их усадеб, убийствами. Крестьянские отряды успешно действовали на некоторых островах, занимали города, создавая собственные органы управления. Выступления против конституции имели место и в городах. Республика оказалась на грани гражданской войны. Осенью 1801 г. собрание народных представителей – "Досточтимая депутация городов и селений о. Корфу" – провозгласило себя временным правительством и подготовило демократический по содержанию проект новой конституции. Но вскоре из-за вмешательства Порты, поддержанной послами держав в Константинополе, этот орган был распущен.

Активно выступила против "Депутации" Англия, опасавшаяся, что "смуту" на островах использует Наполеон. В июле – сентябре 1801 г. Лондон договорился с Петербургом и Стамбулом о временном введении своих войск на Корфу, к которому подошли британский линейный корабль и два фрегата; англичане вместе с силами Сената заняли главные пункты в городе. Но в соответствии с условиями Амьенского договора они вскоре вынуждены были покинуть острова.

С конца 1801 г. произошел перелом в политике России по отношению к Ионическим островам, ибо стало очевидным, что бездействие и пассивность неизбежно приведут к потере важных стратегических позиций в этом регионе, что острова перейдут под влияние какой-либо соперничавшей державы, например Франции. В переговорах, которые вели Павел I, а затем Александр I с Наполеоном, последний не раз ставил вопрос о получении Францией наряду с Россией права протектора и гаранта Ионической республики. По секретной Парижской конвенции 28 сентября (10 октября) 1801 г. Россия и Франция, признав

inslav

Республику Семи Соединенных островов, гарантировали ее права и государственное устройство. Но и после этого Наполеон продолжал выдвигать различные проекты в отношении Ионических островов: освобождения их от турецкой зависимости, передачи во владение сардинскому королю или Австрии. Он советовал царю сообща "навести порядок" на островах, предотвратить революционный взрыв.

В декабре 1801 г. Кочубей в "Записке о Семи Соединенных островах" предложил – ввиду стремления Франции, Австрии и Турции завладеть островами, "дабы восстановить поколику возможно спокойствие и порядок на островах сих" – послать туда небольшие военно-морские силы и военный отряд, а также назначить специального полномочного представителя России. Таковым стал уроженец о. Закинф Г.Д. Мочениго. Вопрос о посылке русских войск на Корфу был согласован с Портой и Францией.

Итак, в начале 1802 г. наступил новый этап в политике Петербурга в отношении Ионической республики: Россия взяла на себя роль державы-покровительницы молодого балканского государства и в качестве высшей инстанции пыталась решать его внутренние проблемы. В сотрудничестве с наиболее влиятельными местными деятелями Мочениго должен был разработать новую конституцию Республики, которая в какой-то мере удовлетворила бы средний буржуазный слой, интеллигенцию и возможно меньше вызывала бы недовольство простого народа. Путем некоторых уступок предполагалось достигнуть компромисса дворянства и буржуазной верхушки. Проект, отвечавший таким задачам, был составлен полномочным в содружестве с одним из нобилей С. Наранци и российским посланником в Неаполе А.Я. Италинским в середине 1802 г.

В августе 1802 г. на Корфу прибыл Мочениго, а вскоре затем и русская эскадра из двух фрегатов с десантом. Полномочный издал манифест, призывавший население от имени Александра I к восстановлению спокойствия, и принялся за реорганизацию временного центрального и местного управления на островах. Он действовал в сотрудничестве с главой Сената С. Теотокисом, его членом С. Наранци и знаменитым впоследствии Иоанном Каподистрией. Последний стал регентом о. Кефаллиния. Были установлены прямые дипломатические отношения с Россией: Сенат назначил С. Наранци поверенным в делах в Петербурге.

Опасность для позиций России на Ионических островах исходила и от непрекращавшегося крестьянского движения против нобилей, особенно от ее основного внешнего соперника – Франции. Хотя режим террора, установленный на островах в 1798 г., вызвал разочарование и лишал надежды на получение помощи от Бонапарта в борьбе за социальное и национальное освобождение греков, его популярность сохранялась.

После заключения Амьенского договора на Ионические острова прибыл дипломатический представитель Франции А. Ромье, начавший открыто вмешиваться в их внутренние дела и развернувший очень

inslav

активную деятельность с целью завоевать симпатии островитян к Франции, в частности он старался расширить свое влияние среди крестьян. Но попытка представителей демократической Онораны добиться признания ее Францией не имела успеха: покровительствовать "буйствующей демократии", как Александр I, Наполеон не собирался. В конце 1802 г. агитационную поездку на о. Закинф совершил Ф. Себастиани, который в речах и посланиях убеждал жителей прекратить раздоры и положиться на Францию: она даст им хорошую конституцию, обеспечит безопасность, собственность, общественное благо. Такие обещания, конечно, имели успех. "Ионические острова выскажутся в пользу Франции как только представится возможность", – уверенно заявлял по возвращении из поездки в своем опубликованном докладе Себастиани. Наполеон объявил о принятии католической церкви на островах под покровительством Франции. Все эти демарши являлись неприкрытым вызовом и России, и Великобритании.

После возобновления англо-французской войны весной 1803 г. Средиземное море вновь стало военной зоной, и значение островов как удобной военно-морской базы выросло. Стало ясно, что союз с Францией или ее протекторат на островах привели бы к крайне неблагоприятным последствиям – войне с Англией. Увлечение наполеоновской пропагандой пошло на убыль. Сенат объявил о нейтралитете Республики.

Проект ионической конституции, представленный Мочениго в российский МИД, был там в принципе одобрен, но несколько дополнен и либерализован. На основе этого был составлен новый проект, предусматривавший введение умеренно либеральной системы правления в аристократической республике. Все политические права принадлежали нобилям и лицам, отвечающим определенным цензам, т.е. зажиточной прослойке второклассных. Законодательная власть передавалась Законодательному собранию, или корпусу, исполнительная – Сенату, пользовавшемуся широкими полномочиями. Жителям гарантировались личная свобода, неприкосновенность собственности. Летом 1803 г. прошли выборы в Законодательный корпус и Сенат. В октябре того же года открылась учредительная сессия Законодательного корпуса, закончившая свою работу весной 1804 г. На ней был утвержден проект введенной затем конституции, одобрены законы о создании вооруженных сил и флота, разработаны финансовые меры для увеличения доходов государства, приняты законы, способствующие развитию просвещения и благоустройства. На сессии делались попытки расширить полномочия Законодательного корпуса, увеличить его роль в управлении за счет Сената.

Конституция 1803 г. устанавливала либеральные принципы общественно-политического устройства Республики Семи Соединенных островов, о чем свидетельствует ее содержание – избирательное право, принцип разделения властей, парламентская система, гарантии личности и собственности. Она имела сходство с французской конституцией

inslav

1795 г. и отражала влияние идей Французской революции. Ионическая конституция высоко оценивается в исторической литературе. Но введена он была не полностью и на короткое время.

После оккупации Францией неаполитанских портов в июле 1803 г. в Петербурге ожидали, что в ближайшее время французские войска высадятся на Ионических островах или в Греции. В свою очередь, Наполеон же в пребывании российских войск на островах видел угрозу для Южной Италии. Летом 1804 г. во время последних переговоров, предшествовавших разрыву с Россией, французская сторона потребовала вывода ее войск с островов, требование это было отвергнуто. Наоборот, готовясь к войне с Францией, Россия продолжала отправлять на Корфу эскадры и сухопутные войска. В сентябре туда прибыл генерал-майор Р.К. Анреп, назначенный командующим сухопутными войсками. Он привез проект манифеста, который должен был убедить греков в тщетности их упований на Наполеона. Проект следовало распространить в случае появления на островах французов. Анрепу предписывалось принять меры для обороны Республики и при необходимости защитить Паргу, Привезу и Бутринто от покушений Али-паши Янинского. Командовать морскими силами было поручено капитан-командору А.А. Сорокину. По распоряжению Петербурга для руководства делами Республики был образован особый комитет в составе Анрепа, Сорокина и Мочениго; оборона Корфу и других островов усилена.

В обстановке военных приготовлений либеральная конституция Республики становилась неуместной. Ознакомившаяся с ней специальная российская комиссия признала ее неудовлетворительной, о чем было сообщено Мочениго весной 1805 г. Та же комиссия составила новый конституционный закон для Республики, который предусматривал усиление исполнительной власти Сената и особенно возглавлявшего его князя или принца. Полномочный, все больше эволюционировавший вправо, также ратовал за усиление органа исполнительной власти с небольшим числом членов и максимальным сроком функционирования. На этом разработка ионической конституции практически остановилась, ибо созданная третья коалиция готовилась к войне с Францией, и Республике Семи Соединенных островов в планах России была уготована важная роль – и в случае вторжения наполеоновских войск на Балканы, и в качестве плацдарма для экспедиции союзников в Южную Италию. На Корфу в течение 1805 г. прибывали новые морские суда и сухопутные войска, принимались меры для отражения высадки французов, создавались местные военные силы, которые должны были получить вооружение из России.

В русско-турецком союзном договоре, заключенном в сентябре 1805 г., статьи, касавшиеся Ионических островов и бывшей венецианской Албании, занимали важное место. Устанавливалось право России оставлять там свои войска и флот до тех пор, пока в том будет военная необходимость. Порта отменяли статьи изданного в 1800 г. Диплома, которые противоречили Константинопольской конвенции.

inslav

Регулировались функции турецких властей и Али-паши Янинского в эксвенецианской Албании (Парге, Превезе, Бутринто), что должно было несколько облегчить участь населяющих эти районы греков. Все эти факты – свидетельство того, что Порта лишь формально сохраняла по отношению к Республике права сюзерена, что позиции там России еще более укрепились.

АЛБАНИЯ И ЭПИР

С момента установления османского господства в Албании албанские мусульманские феодалы являлись его наиболее надежной опорой. Однако обострившийся во второй половине XVIII в. кризис Османской империи усилил сепаратистские тенденции и среди них. На севере и юге страны оформились полунезависимые государственные образования: Шкодринский и Янинский пашалыки[1]; не идя на полное отделение от Османской империи, их правители рассматривали себя не наместниками султана, а его вассалами, полновластными в своих владениях. Образование Шкодринского пашалыка началось еще в середине XVIII в. С этого времени и до 30-х годов XIX в. Северной Албанией и прилегающими областями самовластно управляли его правители, принадлежащие к старинной албанской фамилии Бушати. Наибольшего могущества и самостоятельности пашалык достиг при Махмуд-паше Бушати (1775–1796). Стремясь к расширению и упрочению своей власти, Махмуд Бушати ступил на путь открытой борьбы с Портой. Для того чтобы обеспечить себе максимально широкую поддержку населения, он использовал традиции освободительной борьбы албанского народа, связанные со Скандербегом. По свидетельству русского консула в Далмации А. Палладоклиса, Махмуд-паша называл себя "потомственным наследником славного Георгия Кастриота Скандербея"[2]. С помощью горожан Шкодры и горцев Севера Махмуд сумел осенью 1787 г. разгромить многочисленное войско султана, вторгшееся в его владения. Эхо этого события отозвалось далеко за пределами Албании.

После начала в августе 1787 г. русско-турецкой войны российское правительство проявило заинтересованность в установлении политических контактов с пашой Шкодры, не только лишившим Порту весьма важных для нее военных ресурсов Северной Албании, но и отвлекшим своим мятежом турецкие силы с берегов Дуная. В апреле 1788 г. российский посланник в Венеции А.С. Мордвинов через доверенных лиц начал тайные переговоры с шкодринским пашой по поводу заключения военно-политического союза. Австрия, в начале того же года вступившая в войну с Османской империей и считавшая Северную Албанию сферой своего влияния, тоже пошла на переговоры с пашой. Однако после убийства (по возвращении из Шкодры) австрийского посланца де Броньяра данной ему охраной союзные державы прервали какие-либо

inslav

контакты с Махмуд-пашой. После чего Порта "простила" правителя Северной Албании[3].

В период русско-турецкой войны начались (и более успешно, чем с Махмуд-пашой, развивались) контакты российской дипломатии с другим албанским правителем – Али-пашой Тепеленой, или Али-пашой Янинским (ок. 1744–1822), чья яркая звезда на политическом небосклоне Албании, Балкан, Османской империи тогда еще только всходила. Выходец из семьи беев южноалбанского городка Тепелена, Али начал свою карьеру как предводитель банды разбойников. Благодаря таким качествам, как энергия и храбрость, ему в 80-е годы удалось сплотить вокруг себя довольно много сторонников и добиться значительного политического влияния в Южной Албании и Эпире. Установив контроль над Фессалией, Эпиром, частью Южной Албании, Али-паша в 1787 г. захватил Янину, сделав ее столицей нового пашалыка. Порта вынуждена была признать Али-пашу губернатором захваченных им областей, но фактически он правил самостоятельно, умело играя на патриотических чувствах албанцев, используя их стремление к независимости. Упрочению власти Али-паши содействовала и его борьба со своеволием мусульманских феодалов, что благоприятно отразилось на положении греков и православных албанцев, составлявших большинство населения Янинского пашалыка. Будучи свидетелем прогрессирующего разложения Османской империи и учитывая возможность ее раздела, Али-паша настойчиво искал иностранного покровительства. Большое влияние России на судьбы Османской империи, ее тесные связи с населением Албании и Греции придавали в глазах Али-паши расположению этой державы особое значение. Попытки заручиться покровительством России предпринимались Али-пашой неоднократно в течение всего периода его 35-летнего правления.

Еще в июне 1791 г. на о. Каламос в Ионическом море, где находилась ставка командующего русской средиземноморской флотилией генерала В.С. Томары, прибыла делегация от Али-паши с проектом союзного договора. "Али-паша, – говорилось в преамбуле, – предлагает готовность свою предаться России и сделать в пользу оной в своих местах купно с греками диверсию". Проект предусматривал международно-правовое признание Али-паши в качестве "владетельного государя" под покровительством России; кроме того, из него явствовало, что осторожный Али не спешит с открытым выступлением против Порты, а готов начать его лишь в случае предоставления русским правительством значительной военной и финансовой помощи. По-видимому, основную цель договора отражала его девятая статья, которая гласила: "Если бы сие дело по заключении договора и не возымело совершенного успеха, Россия обязана будет всегда взирать на Али-пашу как на союзника, от нее зависящего, и употреблять в мирное время влияние свое при порте Оттоманской для защищения его, равно же и помогать ему под рукой, есть ли бы султан употребил во вред его военные силы"[4]. Пока уполномоченные Али-паши вели переговоры с Томарой, сам он, находясь в турецком лагере в Шумле,

inslav

вступил в контакт непосредственно с главнокомандующим Г.А. Потемкиным и попросил его освободить попавшего в плен к русским племянника Мехмеда. Потемкин не только удовлетворил просьбу паши, но и послал ему ценные подарки и дал понять, что Россия охотно примет услуги Али-паши. Эти контакты не привели к какому-либо формальному соглашению. Фактически же отношения между Али-пашой и Россией в 1790–1791 гг. были дружественными, что давало возможность действовавшей тогда на Средиземном море добровольческой флотилии Ламброса Кацониса беспрепятственно получать из владений Али-паши продовольствие и вербовать рекрутов. В свою очередь, русская флотилия снабжала Али-пашу военным снаряжением. Однако после войны 1787–1791 гг. связи России с албанскими владетелями на некоторое время прервались.

На международные отношения в те годы весьма сильно влияла Французская революция.

Низкий уровень социально-экономического развития Албании исключал сколько-нибудь значительное восприятие идей революции, хотя и здесь они волновали образованные умы. Но начавшаяся в 1792 г. схватка между республиканской Францией и феодально-монархической Европой не оставила в стороне и албанских пашей. В мае 1792 г. Северную Албанию и Черногорию посетил эмиссар принцев-эмигрантов Димитр Вуич; ему удалось договориться с Махмуд-пашой и черногорским митрополитом Петром Негошем о создании специального балканского отряда – соответственно из 4000 албанцев и 1200 черногорцев, который должен был участвовать в военных действиях контрреволюционных сил на юге Франции. План по причине нехватки средств на его осуществление реализован не был[5]. В последующие годы шкодринский правитель не раз встречался и с представителями республиканской Франции, намереваясь с ее помощью обезопасить себя и свое полунезависимое княжество от притязаний Порты, которая в конце 1792 г. вновь объявила его мятежником. Однако очередную турецкую экспедицию в Северную Албанию постигла та же судьба, что и предыдущую: в ноябре 1793 г. Махмуд-паша, при активной поддержке шкодринских горожан и окрестных горцев, нанес сокрушительное поражение султанскому войску, вторгшемуся в его владения. И хотя Порта вскоре снова "простила" мятежника, было ясно, что она не примирится с фактическим отпадением Северной Албании и попытается тем или иным способом избавиться от непокорного вассала. Махмуд-паша занялся поисками внешней опоры. Россия не была заинтересована в тот период в каких-либо выступлениях против власти султана на Балканах. Стремление Махмуд-паши завоевать Черногорию и Венецианскую Далмацию обострило его отношения с империей Габсбургов. Так на почве борьбы с общими врагами и завязались связи между североалбанским правителем и Францией. В мае 1796 г. в Шкодру прибыли для обучения войск Махмуд-паши семь французских инструкторов, призванных помочь реализовать его давнишний замысел – покорить свободолюбивых горцев. Попытка

inslav

эта закончилась для Махмуд-паши катастрофой: 3 октября 1796 г. в битве при Крусах его армия была разгромлена, а сам он убит.

Поражение в Черногории ослабило Шкодринский пашалык. Власть в Шкодре захватил брат Махмуд-паши Ибрагим-паша Бушати. И хотя он был столь же независимым в вопросах внутреннего управления, как и его предшественник, его отношение к Порте характеризовалось лояльностью, кроме того, он ограничил свои внешние контакты. Центр дипломатической активности держав на Западных Балканах переместился в Янину.

В течение последнего десятилетия XVIII в. янинский правитель продолжал вести упорную борьбу за расширение своих владений в Албании и Греции, за укрепление самостоятельности. С этой точки зрения большую значимость для Али-паши представляла прибрежная полоса Южной Албании и Эпира, на которой хозяйничали многочисленные мелкие феодалы и располагались полунезависимые горные общины, оказывавшие ему упорное сопротивление. Венецианцы, владевшие Ионическими островами и несколькими пунктами на континенте (Бутринт, Парга, Превеза, Воница – так называемая Венецианская Албания), тайно поддерживали противников паши. Однако дни самой республики святого Марка были сочтены: в начале 1797 г. значительную часть ее территории оккупировали французские войска. В июне того же года они высадились на Ионических островах. Под контроль Франции перешла и прибрежная полоса на континенте, получившая теперь название экс-венецианской Албании. Эти важные политичекие перемены не застали врасплох Али-пашу, ибо к этому времени он уже успел многое пообещать генералу Бонапарту. О том, как воспринял его авансы будущий император, уже тогда искавший опоры на Балканах для реализации своих грандиозных завоевательных планов, узнаем из инструкции, направленной 10 ноября 1797 г. главнокомандующему французскими войсками на Ионических островах генералу Жантили. Бонапарт писал об Али-паше: "В интересах Республики, чтобы этот паша значительно усилился, побил своих врагов и сделался князем настолько могущественным, чтобы быть в состоянии оказывать услуги Республике"[7]. Покровительство французских властей янинский правитель использовал для новых завоеваний в Южной Албании, в частности для вторжения летом 1797 г. с моря в горную область Химару. Раньше он не мог осуществить подобную операцию, так как венецианцы не пропускали его суда через пролив Корфу. Благодаря покровительству Бонапарта Али-паша получил теперь разрешение на проход своих судов через пролив. В свою очередь, Бонапарт, готовивший экспедицию в Египет, рассчитывал если не на помощь Али-паши, то хотя бы на его нейтралитет (что было важно: французские войска оккупировали Ионические острова – назревала война с Турцией). С Мальты, на пути в Египет, Бонапарт послал на Корфу своего адъютанта Лаваллета. Он должен был отправиться в Янину и конфиденциально передать Али-паше, что Бонапарт на него рассчитывает и готов "содействовать его славе и судьбе"[8]. Но

inslav

последующие события сделали поездку Лаваллета в Янину беспредметной.

Али-паша, хотя и поддерживал связи с французскими представителями, не хотел себя компрометировать и действовал, руководствуясь лишь собственными интересами. Адмирал Ф.Ф. Ушаков, которому довелось в течение нескольких лет иметь с ним дело, характеризовал его так: "Он человек хитрый и безмерно обманчивый, старается отделить себя от всякой зависимости или, так сказать, быть владетелем; заметно из его поступков, что он держит и держать будет ту сторону, которая сильнее"[9]. Между тем военная и политическая ситуация складывалась не в пользу Бонапарта. Разгром Нельсоном французского флота при Абукире, и, что еще важнее, присоединение России ко второй антифранцузской коалиции, и совместные действия России и Порты создали в Восточном Средиземноморье новое соотношение сил. Это определило и позицию Али-паши: он решил воспользоваться франко-турецким конфликтом для овладения бывшими венецианскими городами на побережье – давним предметом своих вожделений.

Идеи Французской революции встретили на Балканах сочувственный отклик – они зачастую воспринимались как призыв к свержению османского ига. Эти идеи попытался реализовать греческий революционер-демократ Ригас Велестинлис. Путь к освобождению Греции и других балканских стран от турецкого ига он видел в объединении усилий всех балканских народов, в налаживании между ними сотрудничества на принципах равноправия и взаимопомощи. По словам Велестинлиса, "болгарин долженствует вступиться, когда страдает еллин, а сей опять за него и оба они за албанца и волоха"[10]. О конспиративной деятельности Велестинлиса, осуществлявшейся на территории Австрии, стало известно австрийской полиции. Он и его ближайшие сподвижники были арестованы и выданы венским правительством Порте. 12 (24) июня 1798 г. их казнили в Белградской крепости. Поворот во внешнеполитической ориентации янинского правителя сделал пропаганду идей Французской революции в его албано-греческих владениях трудным и опасным делом.

Осенью 1798 г. войска Али-паши, сломив сопротивление немногочисленных французских гарнизонов, заняли Бутринт, Превезу и Воницу. Многие из местных жителей, обвиненные в симпатиях к оккупантам, были убиты. Али-паша готовился овладеть последним городом экс-венецианской Албании – Паргой, когда в Ионическое море вошла соединенная русско-турецкая эскадра. Жители Парги, пользовавшиеся широкой автономией под венецианским господством и имевшие основания опасаться мстительного паши, с врагами которого они постоянно поддерживали связи, решили защищаться до конца. Они обратились с просьбой о покровительстве к русскому адмиралу, в котором им не было отказано, и Али-паше пришлось остановиться.

Ионические острова и соседние албанские и греческие области стали объектом острой борьбы и соперничества между Россией, Францией и Англией. По внутренним районам Албании, где ранее столе-

inslav

тиями не бывал ни один иностранец, начали "путешествовать" французские, русские, английские офицеры и дипломаты. Официальные и неофициальные агенты держав навещали пашей и других влиятельных феодальных владетелей Албании в их укрепленных замках. Особым вниманием правительств пользовался Али-паша Тепелена. Наполеон, как уже говорилось, рассчитывая использовать его в своих завоевательных планах на Балканах, "предал забвению" поведение янинского правителя в 1798 г. В Янине в начале 1806 г. появился французский генеральный консул Ф. Пукевиль. Чтобы привлечь Али-пашу на сторону Франции, агенты императора обещали сделать его "королем Эпира", "отдать" ему Ионические острова.

В первые годы XIX в. устанавливаются отношения и между Лондоном и Яниной. Не имея в отличие от своих соперниц – Франции и России – контактов с греческим национально-освободительным движением, Англия с помощью Али-паши стремилась добиться политического влияния в Албании и Греции. В мае 1803 г. в Янину для секретных переговоров прибыл секретарь британского посольства в Константинополе Гамильтон. Вслед за ним янинского правителя навестил британский генеральный консул в Патрасе (Патрах) Д. Морьер, привезший ему подарки от своего короля. С 1804 г. во владениях Али-паши постоянно находился английский военный агент майор У. Лик.

Взаимоотношения с янинским правителем весьма заботили и петербургский кабинет. За его действиями и положением в Албании внимательно следили русские консулы: Г. Флори – в Арте*, И. Власопуло – в Превезе, З. Бицилли – в Валоне (Влёра). О том, что происходило при янинском дворе, русских тайно информировал и митрополит Арты Игнатий – доверенное лицо Али-паши и одновременно добровольный агент России. Исходя из предположения, что в случае вторжения французов на Западные Балканы Али-паша будет действовать с ними заодно, что создало бы серьезную угрозу безопасности Ионических островов и находившихся на них русских войск, петербургское правительство пыталось помешать янинскому правителю закрепиться в прибрежной полосе Эпира и Албании.

Но усилия эти не дали ожидаемых результатов. Правда, под воздействием дипломатических демаршей А.Я. Италинского Али-паша должен был вывести свои войска из Превезы и Воницы. Эти пункты экс-венецианской Албании (вместе с Паргой и Бутринтом) составляли в соответствии с Константинопольской конвенцией 1800 г. автономную область. В то же время мусульманские феодалы прибрежных областей Южной Албании и Эпира – противники Али-паши, несмотря на тайную помощь военным снаряжением, которую им оказали русские власти, потерпели поражение в войне с янинским правителем. Кроме того, вмешательство российского представителя на Корфу Г.Д. Мочениго во внутреннюю борьбу в османских владениях угрожало осложнить русско-турецкие отношения, чего Россия хотела тогда избежать. В резуль-

* Фактически, большую часть времени он находился в Янине.

inslav

тате в Петербурге решили пересмотреть линию поведения в отношении правителя Янинского пашалыка.

В инструкции товарища министра иностранных дел России А.А. Чарторыйского, направленной в начале 1805 г. Г.Д. Мочениго, говорилось: "Успехи, достигнутые Али-пашой в последнее время, преобладание, которого он добился после поражения двух ага, своих противников[2*], наконец, покровительство, которое Порта, по-видимому, и в дальнейшем склонна оказывать этому визирю, – все это делает необходимым благоразумное и примирительное поведение по отношению к нему с нашей стороны, не поступаясь при этом тем, что достоинство двора и другие высокие соображения могут потребовать"[11]. Али-паша был не прочь завязать тесные связи с Россией. К этому его побуждал серьезный внутренний кризис и опасные внешние осложнения, угрожавшие Османской империи.

Централизаторская политика Селима III вызвала активное противодействие полунезависимых феодальных владетелей Европейской Турции и Али-паша был в их числе. Ухудшение русско-турецких отношений предвещало новую войну, в которой могла быть поставлена на карту судьба Османской империи. Сам Али-паша был втянут в упорную и ожесточенную борьбу с феодалами Чамерии[3*], которым помогал правитель Северной Албании, брат и преемник Махмуд-паши Ибрагим. Конкретные предложения об установлении тесных политических отношений с Россией Али-паша сделал в мае 1806 г. в беседе с русским консулом Г. Флори. Заявив, что он всегда уважал его "великий и могущественный народ" и напомнив о своих сношениях с Г.А. Потемкиным, Али-паша перешел к жалобам, сетуя на помощь, оказанную русскими властями на Ионических островах его феодальным противникам из Чамерии. При этом убеждал собеседника, что Россия совершает ошибку, ориентируясь на его противников: "Вы говорите, что мое приближение к Корфу вас беспокоит, вы предпочитали бы иметь соседями людей слабых и вам обязанных. Я смогу быть вам неизмеримо более полезным. Ведь эти люди разделены, в то время как я являюсь единственным господином своей судьбы". Если Россия поможет ему успешно завершить войну с чамами, заверял Али-паша, "я даю письменное обязательство перейти к вам, воевать и умирать за вас, порвать совершенно с французами. Если вы когда-нибудь будете воевать с Портой, я даже сам начну войну по вашему первому сигналу. Я в свою очередь буду всеми средствами помогать вам в достижении цели, какой бы она ни была. Я мусульманин, но я вовсе не фанатик. Я ненавижу мой Диван и его управление, я чувствую его упадок и предвижу его гибель. Я желаю жить с честью в этой маленькой области, которой я управляю, и умереть как человек с положением"[12].

Г.Д. Мочениго первоначально отнесся отрицательно к предложениям янинского правителя, как несовместимым с союзными отноше-

---

[2*] Речь идет здесь об албанских феодалах Хасан-аге Проньо и Хасан-аге Чапарн.

[3*] Область Северо-Западного Эпира, населенная в тот период абланцами-чамами.

inslav

ниями с Портой. Однако фактический крах союза побудил его пересмотреть свою позицию. В октябре 1806 г. Г.Д. Мочениго дал знать Али-паше о готовности встретиться с ним в Бутринте. Но встреча эта не состоялась; Али-паша в ней уже не нуждался. После начала русско-турецкой войны, получив распоряжение Порты об оккупации экс-венецианской Албании, Али-паша немедленно и с готовностью его выполнил. Это отвечало его давнему стремлению овладеть побережьем Западной Греции. В декабре 1806 г. войска паши вступили в Превезу и Воницу. Русские консулы во владениях Али-паши были арестованы. Он всю жизнь маневрировал, используя противоречия держав, и "дружил" с той из них, которая сулила выгоды, на этот раз выгоду сулила Порта. Петербургу ничего не оставалось, как сетовать на коварство старого паши; впору было вспомнить слова адмирала Ф.Ф. Ушакова о его "безмерной обманчивости" и способности оказываться на той "стороне, которая сильнее" (или представлялась ему таковой).

[1] В разделах об албанских пашалыках использованы материалы кн.: *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. М., 1963.

[2] АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Д. 404. Л. 10–11.

[3] Подробнее о миссии де Броньяра см.: *Bartl P.* Albanien im Russisch-Österreichischen Türkenkrieg 1787–1792 // Albanien in Vergangenheit und Gegenwart. München, 1991. S. 52–60.

[4] Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Канцелярия Потемкина-Таврического. Д. 64. Л. 240–241.

[5] *Арш Г.Л.* Великая французская революция и Балканы (новые архивные материалы) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 44–46.

[6] *Драгович Ж.* Черногория и ея отношения к России в царствование императора Павла // Русская старина. СПб., 1882. Т. 36. № 8. С. 369.

[7] *Boppe A.* L'Albanie et Napoléon. P., 1914. P. 9.

[8] Ibid. P. 14–15.

[9] Адмирал Ушаков: В 3 т. / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1952. Т. 2. С. 487.

[10] *Арш Г.Л.* К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы (неизвестный текст конституции и "Военного гимна" Ригаса Велестинлиса) // Французский ежегодник, 1963. М., 1964. С. 329.

[11] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1805. Д. 5016. Л. 5.

[12] АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 131(I). Л. 144–153.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

В начале XIX в. Дунайские княжества оказались одним из узлов соперничества великих держав, имевших свои интересы в устье Дуная и на Черном море. Для России они служили то форпостом для продвижения на Балканы, то своего рода ближним зарубежьем, откуда она могла дать отпор посягавшим на ее рубежи. Так было в период обострения отношений с Францией, предвещавшего войну 1805 г., когда Наполеон наметил княжества в качестве одного из направлений нанесения ударов по России.

inslav

Но в соперничестве участвовали также Австрия и Англия. Вена стремилась, укрепив свое влияние в Дунайских княжествах, обеспечить господство на Дунае. Англия поддерживала целостность Османской империи, пытаясь таким образом противостоять утверждению России в черноморских проливах, оценивая это как угрозу ее интересам в Средиземноморье и торговле с богатыми владениями в Азии*. Россия и Франция учитывали интересы Австрии и Англии в решении восточного вопроса в сложной дипломатической борьбе, развернувшейся в начале XIX в. вокруг проблемы османского наследства. При этом Наполеон стремился заключить союз с Россией против Англии. Царское правительство было озабочено решением в свою пользу вопроса о режиме черноморских проливов и укреплением влияния на Балканах.

При всех колебаниях внешнеполитического курса России и склонности ее государственных мужей время от времени составлять умозрительные проекты раздела Турции в конце концов возобладала точка зрения о целесообразности сохранения целостности турецких владений. Крепло понимание того, что в условиях расширения завоевательных войн Францией необходимо иметь мирные отношения с Портой, противодействуя любым намерениям раздела ее владений.

Вопрос, как совместить это с традицией покровительства христианским подданным султана, не раз вставал перед российскими дипломатами в связи с Молдавией и Валахией. Дунайские княжества занимали особое место в системе Османской империи, сохранив (хотя и в сильно урезанном виде) свою государственность и право на управление внутренними делами. В течение всего XVIII в. Порта постоянно ограничивала их автономию, выколачивала из княжеств громадную дань, произвольно назначала господарей (князей), причем из числа греков, выходцев из аристократического стамбульского квартала Фанар (отсюда и название режима – фанариотский), следя за каждым их шагом и не допуская ни малейшего неповиновения. Ослушников ждала веревка палача. Цепь грозных крепостей – Хотин – Бендеры – Измаил – Турну – Северин – Брэила – Джурджу (Журжево) – была призвана обеспечить покорность молдаван и валахов. Естественно, что их взоры в поисках освобождения устремлялись к России. Не случайно уже в Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 г. оговаривалось право царских дипломатов "говорить в пользу сих двух княжеств", что было расценено как установление над ними российского протектората.

Эта линия не могла быть и не была предана забвению.

Курс на союз с Портой, на сохранение султанских владений ставил перед российскими дипломатами в Дунайских княжествах двоякую задачу. Необходимо было избегать действий, могущих вызвать у Порты подозрение, что у России есть тайные намерения посягнуть на территориальную целостность Османской империи, и в то же время надо было поддерживать в общественном сознании жителей Дунайских княжеств веру в готовность России помочь им освободиться от османского

---

* См. раздел, посвященный становлению доктрины статус-кво.

inslav

господства. Выполнение этой задачи возлагалось на консульства России в Молдавии в Валахии[1].

В начале XIX в. положение княжеств особенно ухудшилось в связи с междоусобицами в Османской империи. Вступление султанских войск на территорию Валахии в ходе борьбы с силами восставшего видинского паши Пазванда-оглу привело к разорению сел и городов от военных действий, к возрастанию налогового бремени. На Молдавию и Валахию легли дополнительные денежные сборы, поставки провианта и фуража для османской армии, снабжение ее людскими резервами, что являлось грубым нарушением зафиксированных русско-турецкими договорами привилегий княжеств. Протесты следовали с регулярностью часового механизма.

Существенное значение придавалось расширению связей с местным населением, что давало возможность консулам в Яссах и Бухаресте быть в курсе общественных настроений, оказывать поддержку национально-освободительным устремлениям княжеств. В итоге российская дипломатия сосредочила свои усилия на укреплении влияния и престижа России в Молдавии и Валахии как покровительствующей державы. При этом царское правительство не посягало на сюзеренитет Турции и в то же время всеми мерами противодействовало французским планам утверждения в княжествах. В свою очередь, активизировались патриотически настроенные группировки молдавского и валашского боярства и духовенства, рассчитывавшие на помощь российского правительства в укреплении автономных прав и привилегий княжеств, улучшении положения их жителей.

В январе 1801 г. молдавский господарь Константин Ипсиланти, бояре и духовные чины через генерального консула В.Ф. Малиновского просили Александра I вмешаться и предупредить полное разорение княжества бандами Пазванда-оглу. Описывая ситуацию, сложившуюся в Молдавии и Валахии, а также в самой Турции в связи с набегами Пазванда-оглу, господарь советовал воспользоваться этим поводом и ввести в княжества российские войска. С помощью подобной акции Россия, по мнению К. Ипсиланти, могла бы, не нарушая союза с Портой, оказать покровительство княжествам, добиться подтверждения их привилегий[2].

В своих донесениях в Петербург и миссию в Стамбуле просветитель и демократ В.Ф. Малиновский высказывал сочувствие населению Молдавии и Валахии, поддерживал обращения местных патриотов, ходатайствовал об оказании Россией помощи княжествам и защите их автономных прав. 24 января (5 февраля) 1802 г. Малиновский писал Александру I: "По мере опустошения Турецкой империи внутренними неустройствами и мятежами умножалися и требования Порты поборов и нарядов; разорительные смены господарей продолжаются без всякого уважения и справедливости; и все обещанные султанскими хатти-шерифами и трактатами утвержденные выгоды нарушены, Оттоманская Порта забыла священные свои обязательства с Россиею в рассуждении сих обоих княжеств"[3]. К этому донесению он приложил грамоту молдав-

inslav

ских духовных лиц и бояр Александру I с прошением об ограждении от притеснений со стороны Турции[4]. Настойчивость своих ходатайств в защиту княжеств Малиновский объяснял в донесении в Стамбул В.С. Томаре от 22 июня (4 июля) 1802 г. – жители княжеств "желают перемены в своем правлении: или передаться в подданство России, или под непосредственною ее защитою управлять самим своею землею на прежних ее правах"[5].

Прорусские настроения в общественном мнении Молдавии и Валахии стимулировали наступательные тенденции в балканской политике царизма. В международной ситуации начала XIX в. интересы сохранения экономических и стратегических позиций заставляли Россию предпринимать меры для предотвращения проникновения Франции на Балканы. Поэтому в перспективе (в зависимости от хода международных событий) царское правительство имело виды на возможное территориальное расширение за счет Дунайских княжеств либо в случае войны с Турцией, либо путем участия в предполагаемом разделе османских владений[6].

Но в реальной политике, исходя из тактических соображений, Россия придерживалась курса на союз с Турцией, в соответствии с которым координировалась и деятельность российской дипломатии в отношении Молдавии и Валахии. Александр I вел себя осторожно. Посланнику В.С. Томаре поручалось "старание в пользу сих княжеств у министерства оттоманского употреблять", опираясь на зафиксированное в трактатах право России на их покровительство. В то же время ему предписывалось уделять особое внимание поддержке прорусских настроений в княжествах. Не случайно царь поручал Томаре "при случаях всякую помощь, себя не компрометируя", оказывать молдавскому господарю К. Ипсиланти, который "всегда почитался человеком, усердствующим России"[7]. Очевидно, что эти инструкции диктовались опасениями за позиции в княжествах, имевших важное значение для политических и стратегических интересов России в условиях возраставшего к ним внимания ее главных соперников – Франции и Англии. Поэтому царское правительство было заинтересовано в занятии молдавского и валашского престолов господарями, придерживавшимися в своей политике прорусской ориентации. Когда в конце 1801 г. султан сместил с молдавского престола К. Ипсиланти, российская дипломатия, основываясь на праве покровительствующей державы, решительно ходатайствовала перед Портой о назначении его господарем Валахии[8].

Следуя принятому петербургским кабинетом курсу на мирное решение вопроса об изменении положения в княжествах, В. Томара в июле 1802 г. представил Порте ряд нот с требованиями принять меры для предотвращения дальнейших бедствий в княжествах, обеспечить выполнение взятых по договорам обязательств относительно их статуса[9]. Представления российского посланника были подкреплены личным письмом Александра I султану Селиму III от 15 (27) августа 1802 г., в котором царь, подчеркивая право России на покровительство

inslav

Молдавии и Валахии, обращал внимание на тяжелое положение княжеств[10].

Такое решительное выступление российского правительства в защиту Дунайских княжеств летом 1802 г. было связано с майскими событиями в Валахии, подвергшейся разорительному набегу войск видинского паши Пазванд-оглу; господарь М. Суцу вместе с высшим боярством и духовенством бежали в Трансильванию. Жители княжеств через консулов в Бухаресте и Яссах просили о помощи, о введении российских войск.

Александр 1 в инструкции от 16 (28) июня 1802 г. предписывал В. Томаре добиться от Турции, учитывая тяжелое состояние княжеств, уменьшения "сколько можно, податей, с оных собираемых"[11]. Для давления на Порту царь предлагал намекнуть на то, что, если будут продолжаться нападения мятежных отрядов и разорение жителей княжеств, Россия окажется вынужденной "двинуть некоторое число войска... за Днестр в намерении изгнать из обоих княжеств сих варваров и защитить их от совершенной гибели"[12]. На самом же деле в планах царского правительства такая крайняя мера не предусматривалась. Как Россия, так и Турция предпочитали разрешать разногласия мирным путем.

Ноты В. Томары Порте положили начало русско-турецким переговорам[13]. Прежде всего речь шла о подавлении мятежа Пазванд-оглу и отводе турецких войск из Валахии; для защиты границ княжеств предлагалось восстановить корпус пандур; жителей княжеств освободить на два года от всяких повинностей. Выдвигалось требование установить семилетний срок правления господарей со сменой лишь в случае преступления, признанного обоими дворами; восстановить права местного боярства в управлении княжествами, ограничить засилье греков-фанариотов в администрации, возвратить княжествам захваченные и превращенные в райаты земли вокруг крепостей: Брэилы, Джурджу, Олта – в Валахии, Измаила, Аккермана, Бендер, Хотина – в Молдавии. Важное значение придавалось требованию права России контролировать выполнение условий соглашения[14].

Сформулированные российской дипломатией требования к Порте были основаны на обращениях молдавских и валашских бояр и духовенства к царскому правительству; их реализация открыла бы перспективы для укрепления автономии княжеств, их экономического развития, улучшения положения населения.

Под давлением Франции и Австрии турецкая дипломатия всячески затягивала переговоры; но, будучи заинтересована в сохранении мира с Россией, не могла не пойти на уступки. Итоги были подведены в ноте турецкого правительства от 12 (24) сентября 1802 г. Рейс-эфенди Махмуд Раиф извещал В. Томару об издании двух фирманов для Валахии и для Молдавии, подтверждающих прежние постановления и включивших новые[15].

Устанавливался семилетний срок правления господаря, досрочное смещение допускалось лишь в случае преступления, признанного и

inslav

Стамбулом и Петербургом. Этот пункт давал царскому правительству возможность контролировать политику господарей и тем самым усиливать свое влияние в княжествах. Княжества освобождались от расходов, связанных с назначением господарей. Для экономики княжеств большое значение имели статьи, запрещавшие Порте взимать налоги сверх сумм, установленных сенедом 1784 г. Порта обязывалась положить конец злоупотреблениям и насилию при взимании налогов.

От ряда требований российской дипломатии пришлось отказаться. Пункт о возвращении Дунайским княжествам захваченных османами территорий формулировался лишь в самом общем виде, господари могли и впредь использовать греков на административных должностях, что означало продолжение ущемления прав местных бояр.

Самым существенным достижением российской дипломатии являлось предоставление России права контролировать выполнение акта 1802 г., и опротестовывать любое его нарушение, что укрепляло престиж покровительствующей державы, усиливало ее влияние в Дунайских княжествах и на Балканах в целом в условиях сохранения союза с Турцией[16].

Французское посольство в Стамбуле в ответ на успех петербургской дипломатии приложило немало усилий для возбуждения антирусских настроений в турецких правящих кругах[17]. Когда Порта назначила К. Ипсиланти господарем Валахии, французский консул в княжестве С. Люс попытался склонить его – безуспешно – на свою сторону. Тогда посол Франции в Стамбуле Г. Брюн попытался – тоже неудачно – добиться его смещения[18].

В сложной для К. Ипсиланти ситуации российское правительство поддерживало господаря, стремясь избавить его от возможных подозрений со стороны турок. Министр иностранных дел А.Р. Воронцов 2(14) ноября 1802 г. писал в Стамбул посланнику А.Я. Италинскому: "Чем более будем мы иметь причины полагаться на приверженность господаря сего, тем полезнее для нас сохранение его в сем месте"[19]. В мае 1803 г. министр снова напомнил об этом посланнику: "По приверженности господаря сего к России и по благонамеренности его вообще не оставляйте при всяком случае с своей стороны подкреплять его"[20]. Чтобы в какой-то мере нейтрализовать французские интриги, А.Р. Воронцов 6(18) октября 1803 г. поручил поверенному в делах в Вене И.О. Анштетту уведомить австрийское правительство об участии интернунция венского двора в интригах против валашского господаря и "потребовать, чтоб названному интернунцию были даны решительные предписания никоим образом не вмешиваться в какие-то ни было интриги, которые ведутся в Константинополе против князя Ипсиланти"[21].

Успехи балканской политики России во многом зависели от ее преобладающего влияния в Дунайских княжествах. Поэтому именно в Яссы и Бухарест устремились эмиссары Наполеона, чтобы поддержать профранцузские настроения в княжествах и помешать усилению влияния России. Действовали французские агенты небезуспешно. Они нахо-

inslav

дили поддержку в фанариотской среде, среди сторонников смещенных господарей; им удавалось привлекать на свою сторону некоторых мятежных турецких пашей и провоцировать их вторжения на территорию княжеств. Российский генеральный консул А.А. Жерве доносил из Ясс в начале 1803 г. об активизации в княжествах враждебных России группировок в надежде на то, что "французские войска не замедлят присоединиться к ним, чтобы совместно действовать как против Порты, так и против России"[22].

Реализации французских планов на Балканах способствовал видинский паша Пазванд-оглу, который через своих агентов в Париже получал материальную поддержку от правительства Наполеона[23]. Генеральный консул А.А. Жерве и вице-консул в Бухаресте Л. Кирико в донесениях 1803 г. в Петербург указывали на скоординированность антирусских действий французской дипломатии и грабительских вторжений в конце 1802 – начале 1803 г. войск Пазванд-оглу в Валахию[24].

Не без усилий французского посла Брюна Порта назначила на молдавский престол А. Мурузи. О его профранцузских настроениях и связях с Парижем информировали российское правительство А.А. Жерве и русский посол во Франции А.И. Морков. В марте 1803 г. А.И. Морков сообщал о просьбе А. Морузи прислать в Яссы французского агента для противодействия влиянию России[25].

По предписанию петербургского кабинета русские представители дали А. Мурузи понять, что сумеют добиться у Порты его смещения с престола. Их усилия увенчались успехом. В середине 1803 г. Я. Италинский сообщал о перемене во взглядах А. Мурузи и его переходе в партию сторонников России. Антирусским действиям французских агентов в княжествах способствовало восстановление весной 1803 г. генерального консульства Франции и Бухаресте и вице-консульства в Яссах. Особую активность в антирусской деятельности в Дунайских княжествах проявлял прибывший в Яссы французский комиссар Мешень; кроме того, использовались с этой целью "торговые" агенты Франции, занимавшиеся сбором сведений о положении в Подунавье, на русско-турецкой границе[26].

Чтобы не обострять отношения с Турцией и не дать ей подпасть под влияние Франции, российская миссия ослабила нажим на Порту; демарши в защиту зафиксированных в договорах прав Молдавии и Валахии стали и более умеренными, и более редкими. Посланник в Стамбуле в соответствии с получаемыми инструкциями ограничивал свои выступления призывами к султану "не притеснять своих христианских подданных"[27].

Сказывалось и сближение России с Англией в условиях возобновившейся в мае 1803 г. англо-французской войны.

Султанское правительство, в свою очередь, стремилось использовать сложившуюся в Европе обстановку: отказавшись признать императорский титул Наполеона, султан Селим III в декабре 1804 г. потребовал от России в качестве компенсации гарантии безопасности Османской империи. В условиях войны с Францией в Петербурге были заин-

inslav

тересованы в поддержке и нейтралитете Порты; в этом же году начались переговоры А.Я. Италинского с турецкими министрами. Их ход и итоги, анализ заключенного 23 сентября 1805 г. нового русско-турецкого союзного договора дан выше. Добиться расширения прав христианского населения не удалось, в письме Селиму III с сообщением о ратификации договора Александр I все же подчеркивал, что намерен и впредь заботиться о "спокойствии и безопасности" Молдавии и Валахии, "...существование и благополучие которых я гарантировал в договорах, заключенных между нашими государствами"[28].

Вскоре после заключения договора А.Я. Италинский предпринял ряд демаршей, потребовав от Порты оградить Валахию от угрозы со стороны придунайских пашей. Турция отреагировала на эти представления российского посланника чисто формально. По словам А.Я. Италинского, "оттоманское министерство сочло, что оно уже достаточно позаботилось о безопасности Валахии в ответ на мои представления, сделанные после подписания договора, разослав ни к чему не обязывающие письма комендантам и аянам придунайских провинций и князю Ипсиланти, вместо того чтобы направить первым султанские фирманы, строго запрещающие всякие посягательства на привилегии этой провинции, а господарю – предписание поддерживать и защищать эти привилегии и в случае необходимости даже отражать силой вооруженные нападения"[29].

Смысл российской политики в Дунайских княжествах на том этапе заключался в том, чтобы, не осложняя отношений с Портой, добиваться у нее дипломатическим путем улучшения участи подданных султану народов, что должно было, с одной стороны, способствовать усилению среди них русского влияния, с другой – противодействовать распространению профранцузских настроений[30].

Исходя из тех же соображений царское правительство настойчиво, хотя и осторожно, искало пути для оказания помощи восставшим сербам. Определенные надежды возлагались на посреднические услуги К. Ипсиланти, имевшего тесные связи с сербскими повстанцами. Он с одобрением и участием относился к восставшим и пытался помочь им дипломатическими средствами[31]. Султан уполномочил его и молдавского господаря А. Мурузи выступить посредниками в переговорах с сербами. Ипсиланти направил в Сербию двух бояр, ключара Манолаке и кэминара Янку, молдавский господарь – великого спафария Василаки[32]. Их миссия успехом не увенчалась: пожелания сербов представлялись Стамбулу неприемлемыми. Но причастность к переговорам Порты с восставшими дала Ипсиланти возможность непосредственно познакомиться с положением дел в Сербии. Можно предположить, что Ипсиланти использовал свою миссию для того, чтобы склонить сербских повстанцев обратиться к России, установить связь с А.Я. Италинским. Составленное на собрании скупщины в Оструженице 3(15) мая 1804 г. письмо сербских старейшин с просьбой к русскому правительству ходатайствовать перед Портой об удовлетворении их требований было переправлено А.Я. Италинскому при содействии К. Ипсиланти[33].

inslav

18(30) сентября 1804 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Чарторыйский предписывал генеральному консулу в Яссах А.А. Жерве использовать Ипсиланти для того, чтобы "внушить сербскому народу, что участие нашего двора в жребии их и посредничество оного у Порты может наиболее соделать прочными права их, утверждения коих они теперь ищут, и при том дать им понять о необходимости, чтоб они для сего обратились с прошением на высочайшее имя к г-ну Италинскому"[34]. Ипсиланти согласился выполнить это секретное поручение и направить с данной целью к восставшим под каким-либо предлогом своего верного человека со знанием сербского языка.

Валашский господарь пользовался большим доверием русских правящих кругов в осуществлении связей с восставшими сербами. А. Чарторыйский в депеше от 17(29) декабря 1804 г. писал новому генеральному консулу России в Яссах И.Ф. Болкунову: "... с господарем Ипсиланти можете быть в откровенности"[35].

Сами сербские повстанцы и их руководители видели в Ипсиланти посредника в переговорах с Портой и в отношениях с Россией. Английский консул писал из Бухареста, что сербы испытывают большую признательность к Ипсиланти, который "работал в их пользу как у русских, так и в Порте"[36]. В начале сентября 1804 г. в Бухаресте находились сербские депутаты, направлявшиеся в Россию. Господарь помог русскому консулу оформить для них паспорта. Русское правительство, следуя принципам своей политики на Балканах, обещало сербской делегации поддержать перед Портой требования о предоставлении Сербии автономии в составе Османской империи. Петербургский двор рассчитывал склонить султана к предоставлению Сербии статуса, аналогичного Дунайским княжествам, при гарантии России и Австрии[37]. Главным "связным" между восставшими сербами и Петербургом (через Бухарест) стал Ипсиланти, об этом в апреле 1805 г. И.Ф. Болкунов сообщал А. Чарторыйскому. Пользуясь услугами Ипсиланти, российское правительство тайно оказывало повстанцам помощь. Сам господарь открыто помогал им оружием, боеприпасами, деньгами и продовольствием, особенно активно накануне русско-турецкой войны 1806–1812 гг.[38]

Разгром третьей антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем в декабре 1805 г. не только коренным образом изменил ситуацию в Европе, но и повлиял на русско-турецкое отношения. Военными успехами Наполеона воспользовались реваншистские круги в турецком правительстве. Под их давлением уже в январе 1806 г. султан Селим III признал императорский титул Наполеона и направил ему письмо с изъявлением дружественных чувств[39]. Одновременно в политике Порты все явственнее проявлялись антирусские тенденции, в частности нарушались обязательства, принятые Турцией по договору с Россией в сентябре 1805 г. По пути в Стамбул в Бухаресте остановился новый французский посол генерал О. Себастиани. Он встречался с Ипсиланти, пытаясь привлечь его на свою сторону и использовать в

inslav

качестве посредника в примирении восставших сербов с Портой[40]. Поощряемое Себастиани правительство Турции стало прибегать к антирусским акциям, препятствуя, например, прохождению через проливы русских военных кораблей.

В свою очередь, через А.Я. Италинского российское правительство выразило недовольство Порте по поводу невыполнения ею обязательств по соглашению 1802 г. относительно княжеств и предостерегало от попыток изменить их статус. В марте 1806 г. Александр I повелел посланнику напомнить Порте о готовности расположенной в районе Днестра 100-тысячной русской армии прийти на помощь Селиму, чтобы предотвратить его подчинение Наполеону. Кроме того, Италинский должен был предупредить турецкое правительство, что в случае содействия Франции, изменения без согласования с Россией статуса Дунайских княжеств Днестровская армия вступит на территорию Молдавии с оборонительными целями[41].

Однако для реваншистских кругов Турции сильнее оказались аргументы О. Себастиани, прельщавшего возможностью восстановить при военной помощи Наполеона владения Османской империи в границах до 1774 г., т.е. отвоевать у России Крым и Черноморское побережье[42]. Следствием акций французского посла было смещение в августе 1806 г. с валашского и молдавского престолов К. Ипсиланти и А. Мурузи, обвиненных в содействии интересам петербургского кабинета. В ноте Порты Александру I от 14(26) августа 1806 г. Ипсиланти обвинялся в измене, выразившейся в подстрекательстве сербов к восстанию и оказании им помощи. Господарями Валахии и Молдавии султан назначил профранцузски настроенных А. Суцу и С. Каллимаки. Смена господарей до завершения семилетнего срока пребывания на престоле была опротестована А. Италинским. Российское правительство требовало возвращения смещенных господарей в княжества и соблюдения права прохода через черноморские проливы русских военных судов[43].

Тем временем Себастиани оказывал на Порту сильное давление: он предлагал (а точнее – требовал) закрыть для русских судов проход через проливы, разорвать договор с Россией, не возобновлять союза с Англией и предупреждал, что в случае невыполнения этих требований сосредоточенная в Далмации французская армия вступит на османскую территорию и двинется к Днестру навстречу русским войскам[44].

Энергичные действия А. Италинского, поддержанные британским послом в Стамбуле Ч. Арбатнотом, заставили Порту вернуть К. Ипсиланти и А. Мурузи на престолы Валахии и Молдавии. Но Александр I не был убежден в искренности Турции. Царское правительство не собиралось ограничиваться восстановлением смещенных господарей и было озабочено откровенно антирусской деятельностью Себастиани в Стамбуле[45].

Профранцузские группировки в турецкой столице усилились после победы Наполеона при Иене (14 октября 1806 г.) над войсками Пруссии, союзницы России. Себастиани склонял турецкое правительство к

inslav

тому, чтобы вновь назначить господарями в Молдавию и Валахию С. Каллимаки и А. Суцу, укрепить власть султана над княжествами[46]. Осенью 1806 г. Порта окончательно закрыла проход через проливы для русских военных кораблей. На требование России отменить это решение турецкое правительство ответило отказом. Российский двор оказался перед нелегким выбором – смириться с утратой своих позиций или протестовать, и если протестовать, то как? В этой ситуации по приказу Александра I русская армия под командованием И.И. Михельсона 22 ноября 1806 г. перешла Днестр.

[1] *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в политике России, 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 145–146.

[2] АВПРИ. Ф. Главный архив, 1–9. 1801–1802. Оп. 8. Д. 4. Л. 19–23.

[3] ВПР. Т. 1. С. 172.

[4] Текст грамоты см.: АВПРИ. Ф. Главный архив, 1–9. 1801–1802. Оп. 8. Д. 4. Л. 159–162.

[5] ВПР. Т. 1. С. 238.

[6] *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 134–139.

[7] ВПР. Т. 1. С. 58–59.

[8] Там же. С. 254–255, 287–288.

[9] Там же. С. 241–243, 250–254, 254–255.

[10] Там же. С. 276.

[11] Там же. С. 233.

[12] Там же. С. 232–233.

[13] *Селях Г.Н.* Русско-турецкое соглашение 1802 г. о Дунайских княжествах // Вопр. истории. 1961. № 12. С. 197.

[14] См. изложение требований России в нотах В. Томары турецкому правительству: ВПР. Т. 1. С. 238–240, 241–243, 250–254, 254–255, 270–271.

[15] Там же. С. 301.

[16] О содержании соглашения 1802 г. и его значении для русско-турецких отношений см.: *Селях Г.Н.* Указ. соч. С. 195–202; *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 158–160.

[17] *Гросул Г.С., Вербицкий Э.Д.* Молдавское княжество в международных отношениях конца XVIII – начала XIX в. // Очерки внешполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX в.) Кишинев, 1987. С. 381.

[18] ВПР. Т. 1. С. 530.

[19] Там же. С. 322–323.

[20] Там же. С. 433.

[21] Там же. С. 529–530.

[22] Там же. С. 382.

[23] Там же. С. 314, 318, 381–382.

[24] АВПРИ. Ф. Главный архив, 1–9. Оп. 8. 1803. Д. 4. Л. 2.

[25] ВПР. Т. 1. С. 289, 403.

[26] Там же. С. 322–323, 722, 739; *Гросул Г.С., Вербицкий Э.Д.* Указ. соч. С. 381–382.

[27] ВПР. Т. 2. С. 118; см. также: *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 165–167.

[28] ВПР. Т. 2. С. 589–594, 639.

[29] Там же. С. 642.

[30] *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 42–62.

[31] Об этом валашский господарь сообщал русскому посланнику в Стамбуле А.Я. Италинскому в письме от 7(19) марта 1804 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 35. Л. 16–17.

inslav

[32] *Iorga N.* Constantin-Vodă Ipsilanti şi revoluţia sârbească. // Revista istorică. 1921. VII. № 4–6. P. 139; *Panaitescu P.* Corespondenţa lui Constantin Ipsilanti cu guvernul rusesc, 1806–1810. Buc., 1933. P. 16–17.

[33] Некоторые современники считали Ипсиланти одним из вдохновителей сербского восстания (см.: *Panaitescu P.* Op. cit. P. 16–17). Султан впоследствии обвинил валашского господаря в подстрекательстве сербов к восстанию (см. также: *Семенова Л.Е.* Константин Ипсиланти и Первое сербское восстание (1804 – август 1807 гг.) // Балканские исследования. М., 1984. Вып. 9. С. 51).

[34] Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. С. 50–51, 53.

[35] ВПР. Т. 2. С. 249.

[36] *Rosetti R.* Arhiva senatorilor din Chişinău // Analele Academiei Române. Mem. secţ. ist. 1909. T. XXXI. P. 515.

[37] *Попов Н.* Россия и Сербия. М., 1869. Ч. 1. С. 31; *Достян И.С.* Указ. соч. С. 50–52.

[38] АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1805. Д. 104. Л. 72–73об.; *Семенова Л.Е.* Указ. соч. С. 55–56.

[39] *Testa I.* Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. P., 1872. Vol. 2. P. 339.

[40] *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова "Россия и Сербия". СПб., 1872. С. 50–60; *Петров А.Н.* Война России с Турцией, 1806–1812. СПб., 1885. Т. 1. С. 34–39.

[41] ВПР. Т. 3. С. 95, 263–265, 273–274; *Гросул Г.С., Вербицкий Э.Д.* Указ. соч. С. 386.

[42] Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 58.

[43] ВПР. Т. 3. С. 276–278, 314–316, 341–342, 703–704.

[44] Там же. С. 322–323.

[45] Там же. С. 347–348, 369–370, 384–387, 713.

[46] *Lebel G.* La France et les principautés Danubiennes (du XVI-^{e} siècle a la chutte de Napoléon I-er). P., 1955. P. 124.

ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП

Почти три с половиной века Сербия находилась под властью Османской империи. Борьба ее народа против завоевателей никогда не прерывалась, но только к концу XVIII в., в период кризиса Османской империи, Сербия (а точнее, Белградский пашалык) получила некоторые права. Это произошло после тяжелого поражения Турции в войне с Россией и Австрией 1787–1791 гг. Султан Селим III, боровшийся против феодального сепаратизма и произвола янычарской вольницы, несколько либерализировал систему управления Белградским пашалыком, удалив оттуда янычар и расширив права внутреннего самоуправления[1].

После возвращения пашалыка в состав Османской империи в 1790 г. в Систовский мирный договор с Австрией от 4 августа 1791 г. были включены две специальные статьи (I и VIII). Сербы, поднявшие оружие против султана, получили "августейшее прощение", а весь пашалык – освобождение от налогов на три года; гарантировалась защита христиан от произвольных налогов, поборов, повинностей со стороны янычар и аянов, т.е. местных военных чинов и мусульманских нотаблей. Гарантом соблюдения этих условий становилась Австрия.

inslav

Подобная акция была продиктована, естественно, сокрушительным поражением османской армии в войне с Россией и Австрией. Султан опасался, что белградские сербы могут покинуть в массе своей османские пределы: летом 1790 г. и зимой 1791 г. в Вену и в Петербург поступили обращения сербов с просьбой способствовать облегчению участи соплеменников, остававшихся в пределах Османской империи.

Фиксация Портой сверху, от имени султана, привилегий для пашалыка стала реакцией на попытку сербов выйти на внешний уровень обсуждения вопросов внутреннего устройства пашалыка.

Говоря об особом статусе Белградского пашалыка, следует подчеркнуть полученное сербами право формировать собственные вооруженные силы: до 600 человек составили постоянное войско для гарнизонной службы (в охране военного коменданта), что было исключительным прецедентом в османской истории. В развитие этого решения в апреле 1797 г. была укомплектована 18-тысячная сербская армия для борьбы с внутренними и внешними врагами империи. Эта армия оплачивалась из внутренних ресурсов пашалыка – для ее содержания был повышен подушной налог.

Однако в январе 1799 г. Селим III был вынужден согласиться на возвращение янычар в Белградский пашалык. Это свидетельствовало о его поражении в борьбе с реакцией и привело к серьезным внешнеполитическим и внутренним осложнениям. В частности, были восстановлены все льготы и привилегии, которыми пользовались янычары в торговле, ростовщичестве, системе откупов, в производстве наиболее прибыльных и пользовавшихся спросом на внешнем рынке ремесленных изделий (особенно в гончарном деле). Финансовое положение сербского населения стало резко ухудшаться. Торговым контактам с сербами, проживавшими на австрийской территории, в Заречье по Дунаю и Саве, чинились препоны. Торговые пошлины были резко повышены. Вся сумма пошлин на пограничных переправах между Шабацем и Заречьем теперь шла на содержание янычарских орт (отрядов) в пашалыке.

Осложнения во внешней торговле Сербии негативно отразились на хозяйственной деятельности сербского населения, в частности на основной его отрасли – свиноводстве. Город, населенный преимущественно турками-мусульманами, не мог использовать продукты переработки свиней, считающихся в исламе нечистыми животными. Поэтому существовали традиционные связи между сербской деревней и австрийским городом. Ныне эти связи были насильственно разрушены.

Дальше – больше. Осенью 1801 г. янычары* убили белградского визиря и захватили власть в пашалыке, но пришли в столкновение не только с сербами, но и с турецкими землевладельцами – спахиями, недовольными произволом.

---

*Янычары поделили Белградский пашалык на четыре области, во главе которых стали четыре дахия – крупных янычарских военачальников: Мехмед Аганлы, Кючук Али, Молла Юсуф и Мехмед-ага Фочич.

inslav

В феврале–марте 1803 г. белградские турки-спахии и сербы обратились в Константинополь с предложением совместных действий ради свержения дахийского режима. После некоторого раздумья Селим III решил согласиться на это. Однако дахии, поддерживавшие тесные контакты с константинопольскими янычарами и через них – с противниками реформ как в Высокой Порте, так и в Серале, узнали об этих планах. Кроме того, в первых числах января 1804 г. стало известно, что новый сераскер Румелии Бушатлы Ибрагим-паша собирает в Софии силы и готов двинуться к Адриатическому побережью – для отражения ожидавшегося французского нашествия и наведения порядка по пути следования своего корпуса[2].

Последней каплей для дахиев стало известие, что сербы обратились за содействием к австрийским властям, напомнив им, что по условиям Систовского мирного договора 1791 г. именно Вена является гарантом мира и порядка в Белградском пашалыке. Дахии попытались обезглавить разгоравшееся сербское национальное движение. В феврале 1804 г. произошла так называемая сеча кнезов – истребление наиболее авторитетных оберкнезов, кнезов, купцов, священников. Погибло более 70 человек. Это событие послужило непосредственным поводом к массовому восстанию, в короткий срок охватившему весь Белградский пашалык.

Тот факт, что в начале восстание было направлено против янычар – противников реформ Селима III, – обеспечил на первых порах "благожелательный нейтралитет" как Высокой Порты, так и лояльных по отношению к ней соседних с Белградским пашалыком пашей. Восставшие скоро добились заметных успехов, освободив практически всю территорию пашалыка; уцелевшие янычары укрылись в крепостях. При этом повстанцы стремились избежать эксцессов со спахиями, остававшимися верными султану и имевшими все основания быть недовольными янычарами. Многие спахии, ранее готовившиеся к совместному с сербами свержению дахиев, теперь участвовали в сражениях против янычар в составе сербских повстанческих чет.

Практически сразу же после начала восстания сербы направили письмо Высокой Порте, кратко объяснив в нем свои действия. Письмо было исполнено в духе обычного арз-и махзар, т.е. петиции верноподданных, и именно так было оценено и Портой, и европейскими наблюдателями, сообщившими об этом в Европу.

Параллельно 23 марта 1804 г. повстанцы обратились к карловацкому митрополиту Стефану Стратимировичу с просьбой о ходатайстве перед австрийским императором Францем II, чтобы тот взял Сербию под свое покровительство. При этом повстанцы особо подчеркивали, что они, т.е. "целая Сербия по время прошедшей турецкой войны дала клятву блаженнопочившему цесарю Иосифу верно служить", что они "крепко с оружием в руках против турок воевали, желая иметь австрийский дом в качестве доброго защитника". Письмо подписали Яков Ненадович и Карагеоргий "со всем народом сербским, ныне

inslav

плачевным"[3]. Ни само восстание, ни ориентация на сопредельную страну, по крайней мере части повстанческого руководства, не представляли для Вены неожиданности. Однако на выработку решения требовалось время.

С. Стратимирович поддержал идею контактов с повстанцами. Уже 28 марта в ответном письме повстанцам он посоветовал им не трогать мирных турок и стараться примириться с султаном. При этом Стратимирович подчеркнул, что Австрия находится в мире и союзе с Турцией и что император "по своей мудрости и человеколюбию наилучшим образом будет решать, в какой мере и какими средствами он вам, как подданным турецкой Порты, со своей стороны воспомоществовать сможет и захочет"[4].

Стратимирович направил также письмо сербскому протоиерею Матии Ненадовичу, в котором подробнее излагал сложившуюся ситуацию. Изменение статуса Белградского пашалыка в нем даже не затрагивалось. "Для вашего личного сведения, – говорилось в письме, – добавить здесь могу, что турецкий двор и с нашим австрийским, и с российским, и с прочими окрестными дворами в мире, любви и дружбе находится, а потому и каждому из этих дворов приятно будет, если вы турецкому султану как вашему властелину останетесь верными, следовательно, я думаю, что в настоящее время от других этих дворов вы не можете иной помощи и ожидать, разве лишь одного, что они заступятся за вас перед турецким султаном. И только одного этого вы можете желать и просить"[5].

На повстанческой скупщине в Орашце в середине февраля 1804 г. вождем повстанцем был избран Георгий Петрович Черный, иначе говоря – Карагеоргий. В Пожаревацкой нахии пашалыка восстание возглавил Миленко Стойкович, в Смедеровской – Джуша Вуличевич, в Валевской – кнез Яков и протопоп Матия Ненадовичи, в Рудницкой – Милан и Милош Обреновичи.

Не позднее 8 марта 1804 г. к командованию немецко-банатского полка в Панчево уже прибыли шестеро представителей Карагеоргия с просьбой – предоставить повстанцам оружие либо дать возможность приобрести его на австрийской территории[6].

До конца марта 1804 г. австрийские власти не мешали продаже повстанцам пороха и оружия в небольших количествах, "чтобы у них не создалось впечатления, что на эти операции влияет командование Военной Границы": Вена пока что не усматривала в событиях в Белградском пашалыке ничего, кроме очередного бунта.

Встреча Карагеоргия с офицером гарнизона в г. Панчево развеяла это заблуждение.

Карагеоргий не считал возможным оставаться под управлением Порты и, говоря от имени "сербской нации", поставил австрийского императора Франца II перед выбором: либо принять Белград, "если еще по счастию удастся занять его", а также Шабац и Смедерево со всем пашалыком под управление австрийского штатгальтера из числа принцев императорского дома, либо он, Карагеоргий, будет вынужден

inslav

("крайне неохотно") обратиться за помощью к другой державе[7] – всем было ясно, что речь идет о России.

Нет оснований считать эти соображения Карагеоргия, высказанные в частной беседе с австрийским офицером невысокого чина – капитаном, "официальным заявлением". Примечательно также, что в записи этой беседы от 6 мая 1804 г. нет еще упоминаний о требованиях Карагеоргия утвердить его управителем Сербии и наследственным кнезом. Позже эта идея будет повторяться неоднократно. А пока эта мысль отсутствует и в пространном обзоре от 25 мая 1804 г., представленном вице-канцлером графом Колоредо императору Францу II.

Австрийская Государственная канцелярия предложила интернунцию в Константинополе взять на себя защиту интересов сербов перед Селимом III ради прекращения военных действий, о чем следовало сообщить в Петербург, отметив твердое решение Австрии сохранить в неизменности всю систему Османской империи. Резолюция Франца II ужесточала позицию в отношении повстанцев и сводилась к следующему: отказываться и впредь от вмешательства во внутренние дела соседнего государства; сербам сообщать только те сведения о действиях и намерениях Порты, "которые она сама высказала повстанцам"[8].

Российской миссии в Константинополе стал известен этот документ. Российская дипломатия обратила особое внимание на перспективу превращения Сербии в наместничество Австрии вследствие инициативы самих сербов. Как несомненный факт отмечалось также, что интернунций воспользуется случаем для демаршей перед султаном, а на Военной Границе официальные лица возьмут на себя посредничество в турецко-сербском конфликте[9].

Надежды повстанцев на реальную помощь Австрии не оправдались. Вена не могла себе позволить выйти за рамки нейтрального заступничества, во-первых, по причине своего бедственного положения перед лицом наполеоновских армий; во-вторых, потому что еще существовала возможность компромисса между сюзереном и восставшими подданными. Здесь идея австрийского посредничества могла принести большую пользу.

В марте–апреле 1804 г. сербские отряды проявили высокую боеспособность. Они не допустили соединения поддерживавших дахиев кирджалийских отрядов из Рахово с янычарскими частями. Последние были разгромлены под Баточиной и Ягодиной. В середине апреля после осады сербы вынудили сдаться янычарский гарнизон крепости Шабац. В городе сложилось своего рода двоевластие – назначенный Высокой Портой комендант и избранные населением новые власти. Впрочем, сосуществовали они достаточно мирно: формально сербы до сих пор сражались на стороне Высокой Порты против янычар, отказывавшихся признать низам-и джедид.

Определенную лояльность по отношению к султану продемонстрировала повстанческая скупщина, начавшая свою работу 9(21) апреля 1804 г. в г. Остружница. Среди прочих дел было решено немедленно послать султану прошение, в котором подробно разъяснить ситуацию:

inslav

сербы подняли оружие против бунтовщиков-янычар, а не против султана. На этой же скупщине было решено самостоятельно собрать харадж и поземельный налог в пользу турецких властей за 1804 г.[10]

Судьба этих денег показательна: в конце концов они пошли на закупку оружия, но до Высокой Порты была доведена первоначальная идея сбора хараджа как демонстрация верноподданничества.

Повстанцы, естественно, не могли полностью доверять вчерашним угнетателям и нынешним союзникам в войне на истребление с дахиями. Сказывались и определенные надежды на поддержку Австрии перед османским центром власти. Австрия как посредник была жизненно необходимым элементом для обеих сторон на данном этапе конфликта в Белградском пашалыке. Местом османско-сербских переговоров был выбран традиционный пункт торгового и культурного обмена между Османской империей и Австрией – г. Земун.

Сербы пришли на переговоры с заранее выработанными пунктами намеченных преобразований. Соглашаясь сохранить верховную власть султана (напомним, султана-реформатора Селима III), они представили обстоятельную программу автономии Белградского пашалыка, сделав акцент на идее большей самостоятельности отдельных округов, на закреплении самостоятельности сербской церкви в делах духовных и мирских (неподсудность священников османским судьям-кади). Именно здесь впервые прозвучало положение, которое войдет в Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г., – о правовом равенстве христиан и мусульман в Османской империи, т.е. о праве христианских подданных давать свидетельские показания в суде османского кади. Государственность представлялась повстанцам как власть избираемого из числа кнезов верховного правителя Сербии. По аналогии с Мореей предлагалась должность постоянного сербского драгомана в качестве представителя Сербии при Высокой Порте[11].

Принцип широкой автономии в рамках Османской империи был сформулирован и представлен как османской стороне – сюзерену, так и Европе в лице австрийского посредника. К разочарованию сербов выяснилось, что турецкая сторона не имела полномочий на окончательное урегулирование по каким-либо вопросам. И тогда было решено обратиться за помощью к России. До этого момента сербы Белградского пашалыка каких-либо контактов с ней не имели. Важно подчеркнуть, что идея прибегнуть к этой поддержке возникла еще до того, как повстанцы получили отрицательный ответ Вены на свою просьбу о покровительстве.

В письме А.Я. Италинскому от 3(15) мая 1804 г. подробно описаны угнетенное положение сербов, бесчинства янычар, "сеча кнезов" и страдания женщин, детей и стариков, вынужденных бежать в горы. Сербы были готовы платить дань султану и просили лишь освободить их от непомерных податей, наложенных на них противозаконно дахиями, и от преследований янычар: "Наше желание есть, чтобы ходатайством святым русской непобедимой державы (мы. – *Л.З.*) свободу

inslav

получили наше христианство хранить и монастыри воздвигать и от нестерпимого ига турецкого избавиться". Далее совершенно четко и определенно выражена мысль о предоставлении Сербии автономии по образцу Молдавии и Валахии и Республики Семи Соединенных островов: "Мы ныне не имеем иныя помощи и надежды разве под крыло трона Русискаго прибегнути, чтоб омофором святым нас, бедныя христиане, яко же и многшая прочия провинции: Корфу, Валахию, Молдавию и прочая покрили, да не би нас число скоро 100 тысящ христиан у Сербии остротою меча скоро поражены были"[12].

Сербские повстанцы ясно понимали, сколь велико значение политики России на Балканах, в частности опыта завоевания автономных прав областями, перешедшими под ее покровительство. Молдавия, Валахия и Республика Семи Соединенных островов как бы указывали восставшим сербам конкретный путь к достижению заветной цели. Пример этих княжеств, несомненно, вдохновил митрополита Стефана Стратимировича на составление еще одного документа, появившегося в том же 1804 г. Речь идет о Памятной записке, направленной им в июне Александру I[13].

В этом обширном документе Стратимирович излагает проект основания славяно-сербского государства под эгидой России. Исходя из перспективы раздела европейских провинций Турции, Стратимирович предлагал создать сербское государство, территория которого охватывала бы Сербию, Боснию, Герцеговину, часть Далмации и Срем. В качестве компенсации Порте за эти провинции Стратимирович предлагал России гарантировать целостность ее владений, находившихся под угрозой отпадения в Азии. Австрия могла бы в таком случае получить земли в Хорватии и Валахию. Основателем правящей династии нового государства мог бы стать один из русских великих князей. В случае нежелательности для России этого по каким-либо причинам – какой-нибудь "из немецких зятьев или шурин" российского царствующего дома, обязательно протестант, в будущем переходящий в православие. Вассальная зависимость от Османской империи ограничивалась данью.

Сообщая товарищу министра иностранных дел А.А. Чарторыйскому об обращении сербских повстанцев, А.Я. Италинский писал: "...опираясь на посредничество императорского двора, они смогут, без сомнения, добиться гарантий на будущее против угнетения турками, если они завладеют Белградом и не будут возвращать эту крепость до тех пор, пока не получат достаточных гарантий их будущего спокойствия". Дипломат считал, что обстановка не позволяет ему дать письменный ответ повстанцам, и решил поддерживать с ними связь и давать советы[14].

В ответном письме от 17(29) июля 1804 г. А.А. Чарторыйский одобрил принятую А.Я. Италинским линию и советовал до взятия повстанцами Белграда не начинать никаких активных действий: "...дать понять им, что лишь тогда (т.е. после взятия Белграда. – *Л.З.*) мы могли бы выступить в их защиту с целью добиться выгодных

inslav

условий и, предоставив им гарантию, получить право оказывать им в будущем защиту"[15].

Тем временем в Сербии произошло существенное изменение обстановки. В конце июня 1804 г. войска боснийского визиря Бекир-паши, посланного султаном в Сербию для ее "умиротворения", подошли к Белграду. Дахии бежали из Белграда, надеясь укрыться в одной из дунайских крепостей, но были захвачены в плен отрядом Миленко Стойковича, выданы Бекир-паше и по его приказу убиты. Войска Бекир-паши вступили в Белград, но сербы не смогли с ним договориться относительно будущего Белградского пашалыка: тот требовал, чтобы они сложили оружие без каких-либо условий, повстанцы же настаивали на международной гарантии договоренности.

В сентябре 1804 г. в Петербург отправилась сербская депутация, которая от имени своего народа должна была просить помощи и покровительства России[16].

Любопытно, что повстанцы опередили пожелание российского МИД: ибо, еще не зная об отправке делегации, А.А. Чарторыйский писал А.Я. Италинскому, что повстанцам следует обратиться к российскому двору с просьбой о покровительстве: "Не прилично было бы, однако, вмешаться нам в сие дело без убедительного прошения сей нации..."[17]

3(15) ноября 1804 г. депутаты повстанцев подали на имя А.А. Чарторыйского прошение, в котором говорилось: "Общее всех сербов междувременное желание есть: чтобы Сербия, под именем Сербского Правления, либо под иным сходным наименованием на пример 7 Островов Республики под прямым и непосредственным России защищением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелася, нерушимо сохраняя донынешнее к султану обязательство принадлежащую ему умеренную дань отдавать и прибавляя к сему новое: на упорные ему ребеллы всегда воевать". Далее следовала просьба оказать повстанцам помощь деньгами и оружием и направить в Сербию опытных офицеров для обучения войска; а кроме того, "нужно было бы одного российского консула в Сербию немедленно и явно послать, который бы посредственником и гарантом мира, с добрыми турками деемого, бывал"[18].

Делегация прибыла в Россию в неблагоприятное, с точки зрения оказания возможной помощи, время: как раз тогда Александр I в рескрипте на имя А.Я. Италинского предписал ему активизировать переговоры с Портой о возобновлении союзного договора[19]. В свою очередь, А.А. Чарторыйский поручил А.Я. Италинскому проявлять сугубую осторожность, "чтобы у турецкого министерства не осталось никаких подозрений, что наш двор якобы вмешивается во внутренние дела Турции или что у нас есть скрытые намерения на этот счет"[20].

Тем не менее материальная помощь сербам была оказана. От имени Александра I А.А. Чарторыйский посоветовал повстанцам отправить в Константинополь "прошение, в коем, изложив непременное свое намерение пребыть верными его величеству султану, просить о

inslav

позволении им управляться собственными своими чиноначальниками с выплачиванием исправно положенной подати; о выводе навсегда из края, ими обитаемого, всех военнослужителей турецких, обязываясь в замену не токмо оберегать тот край от бунтующих, но и истреблять сих и далее в окружных местах"[21].

А.Я. Италинский получил указание просить Порту даровать сербам привилегии, аналогичные статусу Молдавии и Валахии. В случае войны (только не против Российской империи) Сербия должна была предоставлять султану до пяти тысяч человек. Статус Сербии подлежал бы совместной гарантии со стороны России и Австрии[22].

Русская дипломатия, конечно же, понимала, что Турция не так легко согласится на просимые сербами привилегии. Поэтому в указанном письме А.А. Черторыйский подчеркивал, что повстанцы ни в коем случае не должны складывать оружия, им необходимо продолжать военные действия и принудить Порту выполнить их просьбу.

Усилия российской дипломатии по оказанию помощи повстанцам осложнялись деятельностью австрийского интернунция в Константинополе барона И.Л. Штюрмера, который настаивал на скорейшем "прекращении указанных волнений" (т.е. их подавлении), правда, оговорив необходимость оградить сербов от преследований[23].

Резко отрицательную оценку демаршам Австрии дал дружественно настроенный по отношению к сербам валашский господарь К. Ипсиланти. 16(28) июля в Министерство иностранных дел России было сообщено: "Князь заметил, что доносы на этих несчастных, которых лишь отчаяние побудило взяться за оружие, не соответствуют достоинству австрийского дома и что оттоманское министерство думает, будто бы какие-то замыслы заставили австрийское правительство сделать подобное чрезвычайное заявление"[24].

Австрия стремилась к скорейшему прекращению сербского восстания по веским внутренним и внешнеполитическим причинам. С одной стороны, она не могла вести активной политики в отношении Турции, так как была занята борьбой с Наполеоном, терпя поражение за поражением. С другой стороны, если бы населению Белградского пашалыка удалось освободиться от чужеземного ига, это могло бы показать "дурной пример" многочисленным православным сербам самой Австрийской империи, правителей которой весьма тревожило усиление позиции России на Балканах.

Вена приняла меры, значительно ухудшившие положение восставших сербов. Главной из них, как уже говорилось, было запрещение всякой торговли с восставшим пашалыком. Если же учесть, что, кроме границы с австрийскими владениями, Белградский пашалык был окружен территориями, подвластными Порте, то эту меру следует расценить как стремление изолировать восставших, что, по мнению австрийских политиков, привело бы к скорейшему прекращению борьбы.

Разный результат от обращения повстанцев за помощью к великим державам был глубоко закономерен: если Австрия стремилась к прекращению восстания, то Россия не только рекомендовала повстанцам

inslav

не складывать оружия, но и предпринимала действенные шаги, чтобы по мере возможности им помочь.

Отмечу еще один интересный факт. С самого начала восстания французская пресса проявила к нему большое внимание: уже 6(18) марта 1804 г. в газетах появилось сообщение о "сече кнезов" в Белградском пашалыке, а 12(24) марта – известие о народном восстании против дахиев. Французские газеты писали о восстании с большим сочувствием, хотя не всегда точно. Весьма интересна заметка, опубликованная в "Газетт де Франс" 25 марта (6 апреля) 1804 г. В ней рассказано о зверствах янычар, а кроме того, отмечается, что при таком положении вещей европейские провинции Турции будут упорно стремиться к отделению и что Османской империи будет трудно удержать их в подчинении, а значит, сербское восстание может оказаться той искрой, которая разожжет неугасимый пожар[25]. Однако тон сообщений скоро стал меняться. Несомненно, этому способствовали донесения французского представителя в Константинополе Брюна, который писал Ш.М. Талейрану, что Россия, очевидно, решила установить над Сербией свой "протекторат"[26]. Французская пресса подчинилась антирусской направленности внешней политики Наполеона.

Итак, уже на начальном этапе сербское восстание стало фактором большой европейской политики. Опасаясь распространения волнений на свои земли, Габсбургская монархия ради того, чтобы прекратить восстание, готова была поддержать дахиев, выступить с демаршами перед Блистательной Портой, запретить торговлю с Белградским пашалыком, причем все это делалось под предлогом посильной помощи сербам.

Обращение же к России принесло свои плоды. Не оказывая открытой поддержки повстанцам, подданным дружественной Турции, петербургский кабинет предпринял шаги к содействию восставшим.

Хотя российской дипломатии не удалось настоять на включении статьи о равноправии христиан и мусульман в Османской империи и об образовании автономного Сербского княжества в заключенный в 1805 г. союзный договор с Портой, она стремилась помочь повстанцам: им оказывалась материальная поддержка, русскому посланнику в Константинополе были направлены инструкции по мере возможности выступать перед Диваном в защиту повстанцев, им давались советы, что следует продолжать борьбу с оружием в руках, чтобы не отдавать себя на милость врагу, но одновременно действовать и дипломатическими средствами.

Французская дипломатия пока выжидала, хотя было ясно, что Париж не допустит усиления влияния России на Балканах. К лету 1805 г. вокруг сербского восстания сложилась весьма запутанная ситуация. Толчком к ее разрешению послужило обращение повстанцев непосредственно к Селиму III, предпринятое по совету России. Оно существует в двух вариантах. Первый, подписанный 58 старейшинами "народа сербского", выдержан вполне в традиционном и умеренном духе. Однако через несколько дней, 1 мая 1805 г., было составлено еще одно

inslav

прошение к Селиму III. Под ним стояло всего две подписи: Карагеоргия – от "кнезов, воевод и сербского народа", Матии Ненадовича – от сербского духовенства[27]. В нем предлагалось сосредоточить всю внутреннюю администрацию в руках самих сербов в лице их собственных начальников (кнезов, оберкнезов и верховного правителя); пашу в Белграде заменить мухасылом (финансовым чиновником), который выполнял бы функции посредника между Высокой Портой и сербами.

Но, пока прибывшая в Константинополь делегация ожидала перевода прошения на турецкий язык (на что ушло три недели) и начала переговоров, из Белградского пашалыка стали поступать тревожные известия: новый белградский визирь Хафиз-ага приступил к "умиротворению" сражением с сербскими отрядами. Дело приняло серьезный оборот: теперь им противостояли не бунтовщики-янычары, а официальный глава пашалыка, действовавший с ведома и одобрения Высокой Порты. Сербы оказывали сопротивление представителю самого султана. Поэтому, узнав об этих стычках, Высокая Порта отреагировала решительно. Через Константинопольского патриарха депутации было объявлено, что сербы не должны сопротивляться войскам Хафиз-аги, а совместно с ними очистить пашалык от мятежников, а затем разоружиться и вернуться к мирной жизни[28].

В середине августа в Константинополь пришло известие, что сербы продолжают сопротивляться войскам Хафиз-аги, что в сражении возле села Иванковац они одержали победу, а визирь был ранен. После этого пребывание сербов в Константинополе стало не только бессмысленным, но и опасным. Вернуться в пашалык им тоже вряд ли удалось бы. На помощь пришел российский посланник А.Я. Италинский: сербов тайно погрузили на борт российского корабля и отправили в Одессу.

Надо сказать, что реакция турецких властей на местах на поражение Хафиз-аги значительно отличалась от реакции центра. Паша Боснии отнесся к этому очень спокойно; коменданты Белграда и Орсова соблюдали полный нейтралитет. Дальше всех пошел Видинский паша: он прислал сербам свои поздравления по случаю серьезной победы и снизил налоги с христианского населения Видина...[29] После поражения войска Хафиз-аги власть повстанцев распространилась практически на всю территорию Белградского пашалыка и даже на некоторые прилегающие к нему районы, населенные сербами. В руках турок оставались лишь крупные укрепленные центры – Белград, Смедерево, Шабац и др.

Повстанцы не ограничились чисто военным успехом. В конце августа на очередной повстанческой скупщине, на этот раз собравшейся в селе Борак, они обсуждали уже вопросы чисто внутреннего свойства: верховной властью был объявлен вновь созданный Правительствующий Совет Сербский. После его создания в среде руководителей восстания началась борьба за власть.

Тем временем в Константинополе тоже не было согласия по сербскому вопросу. Поначалу, после известия о поражения Хафиз-аги, было решено обрушиться на непокорных всей мощью румелийской

inslav

армии. Однако время для такого масштабного военного похода было неподходящим – слишком сложная ситуация в Европе и в самом Стамбуле заставили Высокую Порту отказаться от этого плана. Кроме того, Селим III велел Константинопольскому патриарху призвать сербов к миру и покорности. Султан явно не желал разжигать конфликт путем военного подавления[30].

Тем временем сербы начали планомерную осаду крепостей. После взятия Смедерева в конце ноября 1805 г. основными силами повстанческой армии (до 40 тыс. человек) был осажден Белград. Опасаясь широкого вторжения турецких войск, вожди повстанцев подготовили сразу несколько писем – обращение к Александру I с просьбой удержать Высокую Порту от посылки против сербов регулярной армии; аналогичное послание к Францу I; очередное выражение верноподданнических чувств Селиму III с просьбой утвердить новый статус Сербии султанским фирманом. Обратились они и к русскому консулу в Молдавии и Валахии Болкунову, прося оказать им материальную поддержку, жалуясь на нехватку оружия и отсутствие средств на его покупку[31].

Селим III был готов урегулировать конфликт мирным путем. Он поручил лесковацкому паше выяснить, какие задачи ставят перед собой сербы и подчинятся ли султану. В ответ на это известие 24 декабря скупщина направила султану еще одно письмо, прямо назвав его арз-и махзаром, т.е. письмом к султану от верноподданных. Кстати, теперь, чтобы избежать сложностей с переводом, переписка с Высокой Портой велась сербами на греческом языке[32].

Вена отказала повстанцам в реальной помощи, дав понять, что сербы могут рассчитывать лишь на дипломатическую поддержку интернунция. Из ответа Петербурга недвусмысленно следовало, что их позиция в переговорах с Портой станет значительно сильнее, если они смогут взять Белград. Тем временем ситуация в Константинополе стремительно менялась – в первую очередь под воздействием изменений в Европе, российская дипломатия быстро утрачивала свое влияние.

После Аустерлицкого поражения, Прессбургского мира 1805 г. и захвата Венеции, Истрии и Далмации Наполеон обратил пристальное внимание на Турцию и в этой связи проявил интерес к сербскому восстанию. Однако этот интерес был весьма односторонним и специфичным. Так, Талейран писал поверенному в делах в Константинополе: "Дайте мне точные сведения о том, какова ситуация в Сербии, чего хотят сербы, каковы результаты усилий, предпринимаемых Турцией, чтобы подавить это восстание"[33]. Кроме того, Талейрана очень интересовала информация о том, какова реакция на восстание в Морее, Албании и Боснии.

Из полученной информации Наполеон сделал вывод, что Россия оказывает поддержку повстанцам и что задача Порты – подавить его любыми средствами. В личном письме Селиму III Наполеон писал 20 июля 1806 г.: "Если Ваше Величество позволит нам завершить советом, то мы скажем ему, что подлинные интересы его империи

inslav

требуют недопущения, чтобы какая бы то ни было иностранная держава вмешивалась в его переговоры с сербами; что необходимо употребить самые решительные средства для покорения этих бунтовщиков, которых Россия возбудила и ободрила"[34].

В таком же духе были составлены инструкции направленному в Стамбул Себастиани. Талейран писал: "Франция... полна решимости не прислушиваться ни к каким просьбам, с которыми сербы могли бы обратиться к ней. Этот народ прибегает к посредничеству России, полностью разоблачившей себя как апологета и покровителя их восстания. Его величество (Наполеон. – *Л.З.*) никогда не будет покровительствовать бунтовщикам. Если сербы обратятся к нему, у меня есть приказание ответить им, что они прежде всего должны покориться"[35].

Стремясь настроить Порту против России, послушная Наполеону печать тенденциозно оценивала роль России; так, в корреспонденции из Константинополя от 2 января 1806 г., опубликованной в "Журналь де л'Ампир", утверждалось, что только влиянием России объясняется вялая реакция Порты на сербское восстание. Выражалась надежда, что соседние страны вмешаются и положат конец событиям, нарушающим мир на их границах; в частности, 16 июля 1806 г. газета "Монитёр юниверсель" обвинила Россию в том, что она направила к повстанцам своих эмиссаров, снабжает их оружием, поддерживает отношения с их руководителями и настаивает, чтобы Порта пошла навстречу требованиям о предоставлении Сербии независимости и уравнении ее статуса со статусом Молдавии и Валахии[36].

Летом 1806 г., когда повстанцы предпринимали большие усилия для взятия Белграда, те же газеты распространяли слухи о том, что осадой и бомбардировками Белграда якобы руководят русские офицеры, что Александр I произвел Карагеоргия сначала в генерал-лейтенанты, а затем и в фельдмаршалы (!!)[37]. Сообщения подстрекательского характера против России и Сербии публиковались во французской прессе по прямому указанию императора. Так, 12 июля 1806 г. в письме Талейрану Наполеон распорядился: «Прикажите опубликовать в "Монитёре" известия из Константинополя и Сербии, из которых было бы видно, что Россия больше не придерживается никаких рамок и собирается напасть на Константинополь»[38].

Наполеоновская дипломатия использовала все средства, чтобы натравить Турцию на сербов и черногорцев. 30 июля 1806 г. Талейран писал турецкому посланнику в Париже Мухиб-эфенди, что "Франция и Блистательная Порта в равной мере должны быть недовольны поведением черногорцев, особенно после занятия Далмации войсками его величества. Нарушая границы соседних пашалыков, они нападали на французские войска". И далее: "Их дух сопротивления ободряет сербских бунтовщиков". Он заверил турецкого посланника в том, что Наполеон "не отделяет своих интересов от интересов Оттоманской империи". Заявляя о своем стремлении гарантировать независимость и территориальную неприкосновенность Турции, Наполеон призывал турец-

inslav

кое правительство "принять эффективные меры для прекращения беспорядков в Сербии и покорения черногорцев"[39].

После того как Александр I не ратифицировал русско-французский договор, подписанный в Париже русским уполномоченным П.Я. Убри*, французская дипломатия стала все активнее подталкивать Турцию к войне с Россией. Понимая, что восставшая Сербия в тылу турецких армий создает Порте большие трудности, Париж настойчиво призывал Константинополь подавить восстание как можно скорее. В депеше Себастиани от 16 сентября 1806 г. Талейран вновь поручал послу "требовать, чтобы Оттоманская Порта приняла против сербов энергичные и решительные меры". Министр рекомендовал направить против повстанцев крупные силы. Это же требование было повторено в депеше от 9 октября[40].

1 декабря Наполеон уполномочил Себастиани подписать с турецким правительством оборонительный и наступательный договоры, в которых Франция гарантировала бы восстановление власти Порты в Молдавии, Валахии и Сербии. В этот же день Наполеон отправил личное письмо Селиму III. "Не соглашайся на уступки сербам, – писал он, – которых они требуют от тебя с оружием в руках"[41].

Подталкивая Турцию к войне с Россией, французская дипломатия настойчиво разыгрывала "сербскую карту". Напряженность в русско-турецких отношениях нарастала.

Летом 1806 г. Порта все же начала военные действия против сербов. Повстанцы успели подготовиться к такому повороту событий. Во второй половине августа они даже сумели перейти в контрнаступление и нанести османским войскам чувствительное поражение. Однако до этого события, в январе 1806 г., Высокая Порта пошла на переговоры с очередным посланцем из восставшего пашалыка.

В Константинополь прибыл Петр Ичко, македонец по происхождению, бывший базарджан-баша, т.е. торговый надзиратель, человек образованный и пользовавшийся большим авторитетом и у сербов, и у турок. Несмотря на то что в самом пашалыке не прекращались военные действия, мирные переговоры в ведомстве реис-эфенди шли успешно, хотя и долго, более полугода, из-за спора о размере дани. Сам факт, что Порта пошла на контакт с представителем взбунтовавшейся райи, – явление беспрецедентное во всей истории Османской империи.

Селим III согласился на те условия восстановления мира, которых просили сербы в письме от 1 мая 1805 г., и 3 августа 1806 г. подписал фирман, утвердивший новое положение Белградского пашалыка в системе управления империей[42]. В мирном договоре (именно так именуется этот документ в его сербском варианте) были четко определены и очень подробно расписаны все виды податей и налогов, которые должны были собираться в пользу казны, и зафиксирована их общая сумма: 806 тыс. пиастров в год. Кроме того, было определено, что в пользу спахиев сербы будут выплачивать особый налог: по 4 пиастра в

---

*См. С. 169–170.

inslav

год с каждого женатого мужчины. Деньги должны были собирать сами сербы и передавать их мухасылу[43].

Текст договора, известного как Ичков мир, был доставлен в пашалык специальным курьером от Высокой Порты. В это время, в начале октября 1806 г., скупщина повстанцев находилась в г. Смедерево. Там текст был зачитан в присутствии всех членов Правительствующего Совета, возглавляемого Карагеоргием.

Однако повстанцы не приняли условия мира.

Из Константинополя доходили слухи о неизбежной войне Османской империи с Россией, собственные военные успехи повстанцев были значительны, и они надеялись, что с помощью русских войск смогут добиться полной независимости. Теперь уже в обращениях к иностранным государям они писали не о Белградском пашалыке, а о Сербии.

Непосредственным поводом к разрыву Ичкова мира послужило требование вновь прибывшего мухасыла выплатить Порте половину дани, причитавшейся за 1806 г. Сербы заявили, что это является нарушением договора, так как османские войска еще находятся на территории Сербии, хотя должны быть выведены оттуда[44].

Белград был взят штурмом в конце декабря 1806 г., через несколько недель пал Шабац; взятие этих крепостей сопровождалось массовым избиением мирного мусульманского населения. Сербы действовали в истинно янычарских традициях: мужчин убивали, женщин отправляли на невольничьи рынки или оставляли у себя наложницами. Разрыв с Высокой Портой произошел окончательно.

Удивительно, но факт: Селим III был готов простить даже эту резню и принять все условия сербов, изложенные в письмах от 1 мая 1805 г. и 12 января 1806 г.[45], ради сохранения пашалыка в составе империи и разрешения конфликта мирным путем. В марте 1807 г. в Белград прибыл новый мухасыл с условиями мира, которые предлагала сербам Порта: сумма налога устанавливалась в 1250 тыс. пиастров, но сюда входили и подати спахиям. Но последнее требование Порты оказалось неприемлемым для сербов: выступить на стороне султана против русских войск. Это предложение было отвергнуто. Посланец Порты был убит. Время мирных переговоров закончилось.

[1] Подробнее о Белградском пашалыке в конце XVIII в. см.: *Новаковић С.* Турско царство пред Први српски устанак. Београд, 1951; *Пантелић Д.* Београдски пашалук после Свиштовског мира 1791 г. до 1794 г. Београд, 1927; *Он же.* Београдски пашалук пред први српски устанак (1794–1804). Београд, 1949; *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990.

[2] *Hurmuzaki E.* Documente privind istoria României. Bucureşti, s/a. T. II. P. 365–366.

[3] Први српски устанак: Акта и писма на српском језику. Београд, 1977. Кн. I: 1804–1808. С. 60. (Далее: Акта и писма); Списи бечких архива за Први српски устанак. Београд, 1935. Кн. 1. (Далее: СБА).

[4] Акта и писма... С. 61.

[5] Там же. С. 62.

[6] СБА. Кн. I. С. 7, 34–35; Београд, 1936. Кн. II. С. 429 и др.

[7] См.: *Зеленин В.В.* Первое сербское восстание и Австрии в 1804–1807 гг. // Из истории

inslav

общественных движений и международных отношений: Сб. статей в память Е.В. Тарле. М., 1957. С. 350; СБА. Кн. 1. С. 122–123.

[8] СБА. Кн. I. С. 160.

[9] АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 39. Л. 149–154.

[10] *Петровић М.* Финансије и установе обновљене Србије до 1842 г. Београд, 1901. Кн. 1. С. 67.

[11] Акта и писма... С. 67–69; *Попов Н.А.* Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869. Кн. 1. С. 21–22.

[12] Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980.Кн. I: 1804–1807 гг. С. 28.

[13] Записка С. Стратимировича опубликована, см.: Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1868. Кн. I.

[14] Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1961. Т. 2. С. 78–79. (Далее: ВПР).

[15] Там же. С. 663.

[16] *Ненадовић М.* Мемоари. Београд, 1893. С. 124.

[17] ВПР. Т. 2. С. 155.

[18] Там же. С. 670.

[19] *Гильберштадт Л.И.* Восточный вопрос // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 2. С. 97.

[20] ВПР. Т. 2. 672.

[21] Там же. С. 204.

[22] Там же. С. 248–249.

[23] СБА. Т. 1. С. 164–166.

[24] Первое сербское восстание и Россия. Кн. 1. С. 37.

[25] Француска штампа о Првом српском устанку. Београд, 1959. С. 21, 22–23.

[26] Исписи из париских архива за време Првог српског устанка. Београд, 1904. С. 6. (Далее: ИПА).

[27] Первое сербское восстание и Россия. Кн. 1. С. 108–111, 114–119.

[28] Там же. С. 186–187.

[29] Там же. С. 152–154, 159–161, 175–176.

[30] Там же. С. 171–172, 197–199.

[31] Там же. С. 178–185.

[32] Там же. С. 197–199.

[33] Француски документи о Првом и Другом устанку (1804–1830) / Учред. Г. Јакшић, В. Ј. Вучковић. Београд, 1957. С. 2–3.

[34] ИПА. № 59. С. 65–66.

[35] ИПА. № 55. С. 61.

[36] Француска штампа... С. 126, 128–129, 162; см. также: ВПР. Т. 2. С. 706.

[37] Там же. С. 166, 183, 195, 213.

[38] ИПА. № 63. С. 68.

[39] Там же. № 65. С. 69.

[40] Там же. № 69. С. 79–80; № 71. С. 82.

[41] Там же. № 74. С. 88; № 75. С. 88.

[42] *Петровић М.* Финансије и установе... С. 76–78.

[43] Там же.

[44] Там же. С. 82.

[45] Там же.

inslav

ВЫСОКАЯ ПОРТА ВНОВЬ СБЛИЖАЕТСЯ С ФРАНЦИЕЙ

При всех изменениях курса русской дипломатии начала XIX в. Александр I стремился сохранить "добрую гармонию" в отношениях с Османской империей. Он оставался верен принципам сохранения Османской империи, фактически мирным первооткрывателем которых стал император Павел Петрович.

Это диктовалось прежде всего задачами дальнейшего хозяйственного развития Юга и Центра России. Бесспорно, того же требовали экономические интересы тех кругов, которые вели активную торговлю через южные порты.

Принятый политический курс определял поведение русских дипломатов в Турции в 1801–1805 гг., предписывая сглаживать острые углы, откладывать решение спорных вопросов, искать компромиссы.

Менее последовательным был курс Османской Турции. Помимо внутриполитических сложностей, порожденных реализацией проектов низам-и и джедида, сказывалось сильное влияние клерикальных кругов и тех немалых сил в стране, которые продолжали считать, что воссоединение Крыма с южнорусскими землями и территориальные потери Турции 1770–1780 гг. есть результат ослабления "исламского духа" в стране. Поскольку начинания Селима III приходились на период сближения России и Турции и установление стабильности и безопасности на русской границе (чем, собственно, эти преобразования и были обеспечены), то нападки на реформы сопровождались упреками в адрес сторонников союза с Россией. Его критики говорили, что Россия продвигается в Закавказье через Восточную Грузию, которая в 1801 г. вошла в состав Российской империи, упрекали Россию и Францию – вместе и порознь – за стремление разделить Османскую империю. Военный союз с Россией, своего рода опека российской дипломатии тяготили Стамбул. Турецкая сторона пыталась противопоставить двусторонним отношениям в рамках союзного договора участие Османской империи в международных соглашениях, а союз с Россией уравновесить связями с Францией, Англией, Пруссией, отчасти с Австрией. Подобная тактика компромисса и балансирования не могла обеспечить Турции стабильного "равновесия в европейской политике" (Акдес Н. Курат). Уже потому, что Франция и Англия исподволь готовили захваты османских владений. Франция после египетского похода и серии неудач на Красном море переключилась на западнобалкан-

---

© В.И. Шеремет

inslav

ские пашалыки. Англия настойчиво внедрялась в Египет и в Аравию, на побережье Персидского залива.

На этом фоне союз двух черноморских держав являлся сдерживающим и стабилизирующим фактором и в общеевропейской, и в собственно ближневосточной политике и в качестве такового служил мишенью как для противников России в Европе, так и для тех кругов в Османской империи, которые вынашивали реваншистские планы, полагаясь на помощь Западной Европы.

Союз с Россией обеспечивал после 1791 г. внешнеполитическую безопасность и гарантировал общую стабильность в Восточном Средиземноморье и в пределах всего Ближнего Востока, необходимые для реформ Селима III. В то же время реальную помощь в проведении военно-административных реформ оказывали соперничавшие с Россией державы.

Британская дипломатия в Константинополе сосредоточила усилия на том, чтобы закрепить военно-морское присутствие Англии в Восточном Средиземноморье. Реконструкцией турецкого флота руководил Уильям С. Смит, ставший в 1798 г. советником Порты при обороне Акки от французов и получивший за это ранг "эльчи" – посланника; кроме того, Джордж Ф. Келлер помогал реформировать навигационную службу Турции и спланировать военные действия с Францией. Живой интерес в Адмиралтействе и британских деловых кругах вызывали записки Уильяма Итона, коммерческого советника посольства Англии в Константинополе в эти годы. Он был одним из первых, кто ратовал за безотлагательное внедрение английских кредитов в Турцию, за использование британского торгового флота в борьбе за политическое и экономическое влияние на территории всей Османской империи.

После франко-турецкого замирения в Османской империи появились офицеры-инструкторы из Франции, а ее артиллерийский парк пополнился поступившими оттуда орудиями. Упорные и неудачные попытки российской дипломатии посредничать на франко-турецких переговорах отражали всю степень недоверия России и Франции друг к другу и хрупкость союза России с Турцией. Попытку проникновения военного флота Франции в Черное море (под довольно нескладным предлогом борьбы с пиратством, о котором здесь и не слыхали) русской дипломатии удалось пресечь. "Несообразное домогательство" французов отвергли и сами турки.

В ответ на возраставшие изо дня в день притязания Наполеона русское правительство предложило объявить еще раз публично, "на всю Европу", Черное море "озером, или морем запертым, в которое и входу нет, как чрез канал (Босфор и Дарданеллы. – *В.Ш.*), и владение коего принадлежит только тем державам, кои берегами своими оное окружают"[1]. Подобный демарш вполне отвечал бы интересам Турции. В апреле 1803 г. Порта твердо обещала А.Я. Италинскому не допускать проход через Босфор военных кораблей каких-либо держав, кроме России.

Петербург не хотел углублять конфликт вокруг проливов и не

inslav

настаивал на праве постоянного прохода своих военных кораблей через проливы.

"Но само собой разумеется, – писал А.Р. Воронцов А.Я. Италинскому, – что по общему нашему с Портою делу для восстановления и удержания внутреннего устройства в Республике Семи Соединенных Островов, когда нужно будет, в пособие находящихся уже там, отправить из черноморских портов наших несколько военных судов, Порта в проходе их чрез Константинопольский пролив (Босфор. – *В.Ш.*) в Дарданеллы, туда и обратно, препятствовать не будет. При настоянии таковой или подобной сему надобности министр российский предварительно о том изъясниться имеет с турецким министерством, а чрез установление такового порядка даемое от Порты позволение от прочих держав почитаемо будет случайным и не служащим им в пример"[2].

Решительно выступив против появления военных кораблей нечерноморских держав в Черном море, Россия занимала вполне благожелательную позицию по поводу открытия Черного моря для торгового судоходства. В.П. Кочубей находил, что в "пропуске купеческого флага" в Черном море не только нет "неудобства" для России, но напротив, "стечение торгующих разных наций в черноморских портах наших может быть полезно..." В предписании В.С. Томаре от имени царя говорилось: "...Не имею я ничего вопреки желанию Первого консула, и что не только никакого препятствия не будет мною учинено, если откроется в Константинополе негоциация о проходе в Черное море судов французских, но что Вы еще получите повеления поддерживать подвиги поверенного в делах Рюфеня"[3].

Итак, Россия и Турция, пережив хотя и с большими сложностями, но, к счастью для народов обеих стран, без разрушительных последствий период вооруженного противоборства, путем согласования позиций и взаимных уступок добились, по крайней мере на время, создания зоны безопасности в проливах. И это – в разгар наполеоновских войн! Деэскалирующий европейскую напряженность эффект русско-турецкого союза был очевиден. Но недолговечен. Почему?

Режим Селима III не выходил из череды испытаний: в стране повсеместно вспыхивали восстания, на грани взрыва были все балканские земли Порты. В 1804 г. началось первое сербское восстание.

В правительственных кругах значительная группа реформаторов продолжала выступать за союз с Россией. Среди них – главный распорядитель финансов, или "кассы новых доходов", Хаджи Ибрагим-эфенди; новый реис-эфенди, идеолог реформ, автор труда о низам-и джедиде Махмуд Раиф-эфенди, а также крупный теолог и поэт Иззет Молла, отец видного деятеля Танзимата Фуад-паши; кяхья влиятельной матери султана Юсуф-ага; значительная группа фанариотов – "денежных кошельков" и политических авантюристов, связанных с торговлей на Черном море. Самой знаменитой фигурой среди них был богатый нотабль – аян из Румелии, ставший выдающимся государственным деятелем, Мустафа-паша Байрактар.

Влияние этой группы уравновешивала и нередко превосходила

inslav

профранцузская группировка Челеби Мустафы-эфенди, непосредственного исполнителя реформ в армии, великого визиря Хафиза Исмаила-паши, авторитетного при султанском дворе посланника в Париже Мехмета Халета-эфенди, официального историографа и одно время руководителя иностранного ведомства Васыфа-эфенди. Эти люди имели непосредственное отношение к вещественной (оружие, техника, инструкторы) стороне участия Франции и Англии в реформах. Сложность ситуации заключалась в том, что, помогая практически реформам, французская дипломатия в столице и консулы в городах Османской империи негласно поддерживали их ярых противников, особенно из числа влиятельных феодалов на окраинах империи.

Не следует забывать о самой многочисленной "партии" врагов реформ – янычарах, местных феодалах – крупных и мелких сепаратистах, улемах и муллах разных рангов, отнюдь не собиравшихся сворачивать "в сверток почтения и ставить в угол забвения" знамя войны за потерянные "исламские" земли на Балканах, в Крыму, на Кавказе. В восстании сербов они винили Россию. Восстание ваххабитов в Аравии и смуты в Египте и Палестине объясняли ослаблением страны в войнах с Россией и "гяурскими" реформами. Именно они-то их в конце концов и погубили, они же примыкали к антирусским кругам в Августейшем Диване. Симпатии этих кругов приобрел личный представитель Наполеона генерал, позднее маршал Г.-М. Брюн, прибывший в январе 1803 г. в Константинополь. Позже он добивался заключения военного союза с Портой, обещая возвратить ей Крым при условии признания Турцией императорского титула Наполеона. О возврате Крыма не раз упоминал в беседах с турецкими сановниками О.-Ф. Себастиани, который побывал по поручению Наполеона в Сирии, Египте, на Ионических островах, ища новых сторонников, укрепляя старые связи с местными профранцузскими кругами. В донесениях этих дипломатов, публиковавшихся в европейской печати, многозначительные намеки на слабость и неизбежность распада Османской империи перемежались с откровенно антирусскими выпадами. Так, министр иностранных дел Франции даже предполагал, что серия фиктивных новостей в официозе "Монитёр", возможно, "охладит прорусскую позицию турецкого кабинета..."[4] В Константинополе выслушивали авизы Г.-М. Брюна, соглашались принять помощь военной техникой и специалистами, но – пока – сохраняли "приверженность русскому союзу", чему способствовала тревога по поводу захватнических поползновений республики в условиях возобновившейся в 1803 г. войны.

В "Монитёре" был опубликован отчет генерала Себастиани о поездках по Леванту. В нем, в частности, говорилось, что шести тысяч французских солдат достаточно для занятия Египта, а кроме того, содержались провоцирующие конфликт в проливах идеи. К осени 1803 г. в Петербург стали поступать сведения о перегруппировке французских войск на Отрантском полуострове для высадки в Превезе и близ Морейского перешейка. Там действовал Али-паша Янинский, обещавший французам свою помощь, и другие сепаратистски настроен-

inslav

ные феодалы, готовые в любую минуту взбунтоваться против Порты. Той же осенью генерал Г. Сен-Сир получил приказ установить связи с профранцузскими элементами в Архипелаге и на Балканах. Дальнейшие события показали – вторжение в пределы Османского государства рассматривалось Наполеоном не как ближайшая задача, а как один из вариантов действий Франции в Восточном Средиземноморье.

Канцлер А.Р. Воронцов все факты, свидетельствующие о готовящемся вторжении французов, предлагал использовать в борьбе с влиянием Наполеона на Порту. А.Я. Италинский в беседах с турецкими государственными деятелями постоянно повторял, что Россия всеми средствами поддержит существование и нерушимость Турции. Это объективно отражало ближневосточную политику Александра I, который "располагался, поколику возможно, сохранить и настоящие мои с Турциею связи и предохранить, сколько от меня зависеть будет, целость ее"[5].

Султан Селим III*, политик опытный и осторожный, разобрался в намерении Наполеона втянуть турок в антирусские акции, учел такие факторы, как выступление пашей-сепаратистов на Балканах и размах сербского восстания. Распространение реформ на балканские провинции было бы значительно осложнено без благожелательной или, по крайней мере, нейтральной позиции России. Селим III и находившиеся у власти представители реалистично мысливших реформаторских кругов, внимательно и компетентно следившие за международной политикой, полагали, что перевес сил в 1804 г. был на стороне антинаполеоновской коалиции. Для султана-реформатора было очень важно продлить ту мирную передышку, которой Порта добилась благодаря союзу с Россией.

Еще в 1803 г., т.е. до истечения срока договора 1799 г., Высокая Порта официально выразила желание подтвердить союзный договор с Россией. Вместе с тем в качестве определенной компенсации за отказ признать императорский титул Наполеона, т.е. по существу поддержать его политику, Порта ожидала от России твердых гарантий своей внешнеполитической безопасности. Одновременно осторожно зондировалась позиция французской стороны по поводу дальнейших планов Наполеона в Европе. В сентябре 1804 г. чрезвычайному послу Г.-М. Брюну дали понять, что титул Наполеона будет в конце концов

---

* Султан Селим III (1761–1808, сын Мустафы III и Михрн-шах) был человеком незаурядным. Красавец и редкостный силач, он шутя одолевал в борьбе трех-четырех дюжих дворцовых охранников. И горе им, если султан мог заподозрить, что эти мастера "ятаганного боя" поддались. Он немного говорил по-французски; тайно, запершись в Серале, читал французские газеты и книги. Не случайно его сподвижники печатали по-французски трактаты о реформах. При этом он был очень набожен. Знал наизусть Коран, а диван его стихов, лично им разрисованный, вошел в сокровищницу литератур Востока. Человек абсолютной честности и мужества, он не верил тем, кто предупреждал его о заговоре (1808 г.), и погиб как герой, с клинком в руке, уложив с десяток нападавших заговорщиков и сумев сохранить жизнь двум десяткам своих приближенных. Подробнее об этом см.: [*Шеремет В.И.*] Султанша – сестра императрицы // Геополитика и безопасность. М., 1996. Вып. 4.

inslav

признан, и тем скорее, если Османская империя – дружественно расположенная и к России, и к Франции, – сможет оказывать "добрые услуги" в их отношениях.

О том, каким виделся в этих условиях Селиму III обновленный договор с Россией, свидетельствует одно из его посланий – хаттов великому визирю. "Мой визирь, – писал он, – я уже говорил тебе о том, как следует продолжить и обновить наш союз с русским государством. Будет очень хорошо еще раз подчеркнуть его оборонительный характер. Сейчас у нас с Францией мирные отношения, не следует действовать против нее и вмешиваться в европейские дела. Я выполню мой договор с Россией. Отклонения от исполнения договора недопустимы. Это признает и это подтверждает также и русский посол. Если Франция объявит войну моему государству и России, моему союзнику, то по условию договора мы выступим против Франции. Так я понимаю этот вопрос и таковы мои намерения"[6].

Турецкая инициатива была с готовностью воспринята в Петербурге. По мысли Александра I, три основные положения следовало обязательно в договоре сохранить – исключать всякую возможность сближения Турции с Францией; Османской империи надлежало вступить в антинаполеоновскую коалицию, а также признать за Россией право делать представления Порте с целью облегчения участи ее христианских подданных[2*]. В так называемой "статье о греках" российского проекта обращает на себя внимание двусторонняя форма обязательства России и Турции – не делать *никакого различия* между подданными мусульманского и христианского вероисповедания[7]. В этой статье за тридцать с лишним лет до танзимата (1839–1876) четко выражена мысль о необходимости *уравнять в правах христианских и мусульманских подданных Османской империи*. В целом проект договора был продиктован стремлением царского правительства не допустить выступления Турции на стороне Франции, закрепить в Средиземноморье как стратегические, так и идеологические позиции (влияние среди балканских народов).

В начале 1805 г. между Россией и Турцией внешне установилось полное взаимопонимание. Селим III счел возможным переслать Александру I письмо Наполеона к нему от 30 января, содержавшее резкие выпады против России. Александр I в ответном послании султану от 17 июля 1805 г. благодарил и заявлял о намерении поддерживать с Османской империей дружественные отношения.

Осенью 1805 г. выяснилось, что Наполеон планирует удар по континентальным участникам противостоявшей коалиции (Австрия, Россия), а не по Англии. Победа адмирала Г. Нельсона в Трафальгарском сражении поставила крест на планах французской высадки на Британских островах. Тогда же активизировались наступательные действия Ирана против России в Восточной Армении и Восточном Азербайджане. Теперь желателен был не просто нейтралитет, а активное

[2*] См. С. 92.

inslav

участие турок в антинаполеоновском блоке. Русское правительство согласилось, ради скорейшего оформления союза, на изъятие статей о равноправии христиан и мусульман, о независимости Черногории, об отказе Турции от притязаний на Западную Грузию, от сюзеренитета над Ионическими островами, от дислокации русских войск[3*].

23 сентября 1805 г. в Константинополе был подписан новый союзный договор с Россией сроком на девять лет. На следующий день его дополнил специальный хатт-и шериф, подтвердивший все привилегии, полученные Дунайскими княжествами. Через несколько дней был оформлен англо-турецкий союзный договор.

Согласно договору, Россия и Турция принимала на себя обязательства о взаимопомощи; последняя вступала в коалицию держав против Франции. Для ведения успешной борьбы с Францией на Средиземном море России было необходимо свободно маневрировать Черноморским флотом, иметь опорные пункты на стратегически важных островах Архипелага. Все это могло быть осуществлено только в случае свободного прохода русских кораблей через Босфор и Дарданеллы, поэтому подтверждалось право России проводить через проливы свои военные корабли, предусматривалось пребывание русских войск на Ионических островах[8].

Большое значение имела седьмая секретная статья. Стороны согласились считать Черное море "закрытым" и квалифицировать как casus belli, если какая-нибудь держава попытается проникнуть туда, прибегнув к силе оружия.

В договор вошли новые, по сравнению с договором 1799 г., положения; русский посланник получал право делать представления в пользу христианского населения. Турция обязывалась соблюдать привилегии населения Ионических островов, полученные ими по конвенции от 1 апреля 1800 г., а также изменить те из статей пресловутого Исторического диплома, которые противоречили этой конвенции[4*].

Благодаря союзам 1799 и 1805 гг. Османской империи дольше, чем любой крупной европейской державе, удалось сохранять мир в это бурное время и осуществлять реформы, заложившие основу танзимата.

Определенным движением османской дипломатии было исключение из первоначального русского проекта положения о правовом равенстве христиан и мусульман. Порта уклонилась от участия в войне с Ираном на стороне России, ограничив свои обязательства европейским регионом.

Для России важно было само участие Турции в составе антинаполеоновского лагеря, хотя бы и номинальное. Союзная Труция держала открытыми проливы для военных и транспортных кораблей России, и это во многом определяло успешный ход боевых операций русского флота в Средиземном море в 1805–1806 гг., снижалась вероятность нападения Франции на Северное Причерноморье России и экспан-

---

[3*] Первоначальный русский проект см. С. 92.

[4*] См. С. 120.

inslav

сии в Дунайских княжествах. В Петербурге высоко оценивали фактическое признание Турцией (путем умолчания) присоединение Грузии, Мингрелии, Имеретии к Российской империи.

Турецкая историография со времен хроник XIX в. и до последних лет рассматривает союз 1805 г. в контексте и связи с начатой в 1806 г. войной против России. Историк конца XIX в. Ахмед Расым утверждал, будто Селим III "тяготился договором и с радостью и облегчением встретил известие о победе Наполеона при Аустерлице". Видимо, точнее было бы сказать, что оппозиционные реформам силы использовали возобновление договора в 1805 г. для новых нападок на Селима III. И все же армия реформировалась, несмотря на яростное противодействие улемов и янычар, в среде которых родилась поговорка – "скорее стану я московитом, чем низам-и джедитом". Создание и укрепление "нового войска", особенно в Балканской Турции, в равной степени грозило и местной реакции, и связанному с ней Парижу. Низам-и джедит, с их точки зрения, должен был либо победить и вернуть в лоно Османской империи потерянные земли, либо погибнуть вместе со своим создателем, султаном-"отступником".

В зарубежной историографии и ныне широко распространено мнение, что поворот Османской империи к сближению с Францией произошел после Аустерлицкого сражения. В частности, Э. Карал, Т. Инал, А. Курат, Дж. Гюрсель и др. объясняли это тем, что турки сочли слабыми Россию и Англию, а непобедимым – Наполеона. Действительно, заняв побережье Далмации, Бонапарт вновь оказался у границ Османской империи, что и послужило, по их мнению, причиной ее сближения с Францией. Э. Карал считал, что именно Аустерлицкая победа Наполеона явилась "точкой внезапного поворота Порты к Франции"[9].

Однако предпосылки для этого сближения начали складываться значительно раньше и диктовались как внутренними причинами (восстания на Балканах), так и внешнеполитическими задачами, решавшимися режимом Селима III[10].

К числу проблем, существенно осложнивших русско-турецкий союз, относился сербский вопрос. В июле 1804 г. руководители повстанцев обратились с очередными письмами к Александру I и Францу II, в которых просили их быть гарантами турецко-сербской договоренности о новом порядке отношений сербов с Высокой Портой.

Послания стали известны Селиму III и, по свидетельству хроники Асыма-эфенди, вызвали "августейший гнев и тревогу". В них упоминалось, что Россия начала в правление славного прародителя Мустафы III с требования отделения Крымского ханства от османского престола, кончила захватом Крыма в 1783 г. Проводились аналогии и с Грузией, когда Россия от настояний обеспечить полную самостоятельность Ираклия III (по турецким источникам – Эрекли-хана) перешла, как они писали, к овладению Грузией. Кроме того, в посланиях упоминались известный Георгиевский трактат (1783 г.) и события 1801 г., закрепившие переход грузинских земель под власть России.

inslav

Для Селима III и его окружения проблема уже утраченного Портой Крыма напрямую ассоциировалась с перспективой потерять контроль и над другими периферийными территориями, что умело использовала французская дипломатия, стараясь осложнить отношения между Стамбулом и Петербургом.

Крымская проблема, помимо политического, имела еще финансовый и даже династический аспекты. Утрата поступавших из Крыма платежей болезненно переживалась вечно нуждавшейся казной; финансовая дыра грозила поглотить реформы, в первую очередь военную. Что же касается престолонаследия, то здесь сложилась весьма деликатная ситуация. Селим III был бездетен (переболел свинкой), что считалось величайшей государственной тайной. На крымском троне сидели чингизиды, потомки знаменитого завоевателя и первые претенденты на османский престол, если бы пресеклась династия Османа. Кроме того, Селим неуверенно чувствовал себя на троне из-за череды бесконечных антиправительственных выступлений и интриг при дворе вокруг его единокровных и других, но вполне династийных претендентов.

Поездку в сентябре–ноябре 1804 г. в Петербург сербской депутации с прошением о военной, политической помощи и, возможно, о покровительстве России Селим III воспринял как вызов бунтовщиков, которых ранее он готов был в чем-то (борьба с дахиями) понять и простить. О зародившихся у султана опасениях свидетельствуют строки его хатт-и хумаюна, известные нам в пересказе Ахмеда Джевдета. Сербская райя, считал Селим III, ищет покровительства Австрии или России, и пусть благородные визири подумают, как этому неблагому делу воспрепятствовать во имя Богоспасаемого престола[11].

Возвращение контроля над Крымом в этой ситуации существенно усилило бы позиции Селима III.

И наконец, чингизиды могли бы как авторитетная мусульманская династия претендовать при определенных условиях на верховную власть в исламском мире – на халифат. Об этом последнем обстоятельстве Наполеон знал еще в 1802 г., именно на него он так прозрачно намекал послу России в Париже Моркову[12].

Таким образом, зревшее решение Высокой Порты отказаться от союза с Англией и Россией можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, очевидное опасение того, что Россия будет и далее следовать протекционистским курсом на Балканах, в первую очередь в Сербии; во-вторых, несомненное – сколь бы оно ни выглядело утопичным – желание реставрировать если не власть (так далеко мало кто загадывал), то хотя бы влияние султана-халифа в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, населенных мусульманами.

Многочисленные обращения посланников Высокой Порты в Париже в конце 1790-х – начале 1810-х годов к вопросу о свободе судоходства для Франции в проливах и торговом судоходстве под флагом Франции в Восточном Средиземноморье и Черном море были тесно связаны с судьбой Крыма и османским влиянием. Поддержку в этих

inslav

вопросах Высокая Порта могла найти только в Париже. Переориентация на Францию после 1804 г., следовательно, была продиктована объективными потребностями внутренней и внешней политики Порты.

[1] *Шеремет В.И.* Империя в огне: Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994. С. 92.

[2] ВПР. Т. 1. С. 432.

[3] *Шеремет В.И.* Империя в огне. С. 93.

[4] См. Инструкции Наполеона О.Ф. Себастиани: Correspondance de Napoléon I. T. VIII. P. 25; отчет Себастиани о его миссии см.: *Testa I. de.* Recueil des traités de la Porte Ottomane. P., 1865. T. 2. P. 46–61; *Puryear V.J.* Napoleon and the Dardanelles. Berkeley; Los Angeles, 1951. P. 52.

[5] *Шеремет В.И.* Империя в огне. С. 97; подробнее см.: *Он же.* Война и бизнес. Власть, деньги и оружие: Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996. С. 159–168.

[6] *Karal E.Z.* Sultan Selim III'ün Hatt-I Humayunlari. Ankara, 1948. S. 89–90.

[7] "Статья о греках" впервые опубликована в работе А.Ф. Миллера "Мустафа-паша Байрактар" (М.; Л., 1948. С. 376–377). Обмен письмами Александра I и Селима III см.: ВПР. Т. 2. С. 476.

[8] ВПР. Т. 2. С. 582–594.

[9] После Аустерлица в письме к великому визирю Селим писал: "Как можно возражать против императорского звания Бонапарта, победившего столько стран и разгромившего двух императоров. Коли французская нация и император наши друзья, нет смысла не признавать этого факта. Так говорит народ, и в словах его правда" // *Karal E.Z.* Op. cit. S. 91.

[10] *Шеремет В.И.* Империя в огие. С. 51, 75–100.

[11] ВПР. Т. 2. С. 204, 248–249, 672.

[12] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 373–374; см. также с. 000.

inslav

"СТРАННАЯ" РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (1806–1812) И БУХАРЕСТСКИЙ МИР

Как случилось, что после Аустерлицкого поражения, в разгар тяжелейшей кампании в Восточной Пруссии Россия вступила в войну с Турцией?

Еще в середине 1806 г. могло показаться, что европейский политический барометр робко и неуверенно двинулся к отметке "мир". Россия после Аустерлица пережила отпадение от коалиции Австрии и "измену" Пруссии, переметнувшейся на сторону Наполеона. Властитель Франции, Италии, Бельгии, протектор Рейнского союза и "прочая, и прочая, и прочая" с удовлетворением взирал на плоды трудов своего гения. Трудно было решиться скрестить с ним мечи – по сути дела в одиночку.

Летом в Париж снарядили на переговоры П.Я. Убри. Сам выбор представляется не случайным: второстепенный чиновник, статский советник, т.е. полковник на гражданской службе, никогда не игравший самостоятельной роли и, как показало скорое будущее, к ней неспособный – все свидетельствовало о сугубой сдержанности Петербурга; такую фигуру ничего не стоило и дезавуировать. Убри был снабжен инструкцией, оставлявшей мало надежд на возможность осуществления записанных в ней пожеланий: по сути дела, предлагалось вернуться к Амьену: остров Мальта "отдается на хранение" императору Всероссийскому; Ионической республике предоставляется независимость; созывается конгресс для обсуждения "всего, что могло бы содействовать обеспечению независимости европейских государств"[1] (а Наполеон в жизни своей не участвовал ни в одном форуме, где бы на равных со всеми обсуждал дела!). Очевидная бесперспективность миссии в Париж предопределила выбор столь незначительной фигуры, как Убри, – следовало засвидетельствовать свое миролюбие и показать общественности ненасытность "узурпатора".

Результат миссии превзошел все ожидания – в том смысле, что такого провала в Зимнем дворце не предвидели. Французы во главе с опытным генералом А. Кларком выдвинули жесткую программу урегулирования: признание наполеоновских ставленников на тронах Неаполя, Голландии, Баварии, Вюртемберга и др. (иными словами – учиненной завоевателем перекройки карты Европы); отказ от покровительства Молдавии и Валахии и от права прохода российских военных кораблей через Черноморские проливы[2].

Убри отказался обсуждать "странный проект". Но, свидетельство-

© В.Н. Виноградов

inslav

вал сей чиновник, "французское правительство так наседало на меня, что я согласился подписать окончательный договор" (8(20) июля 1806 г.). По его условиям русские войска должны были очистить Боку Которскую и покинуть Далмацию; независимость Ионических островов провозглашалась (без консультации с Высокой Портой, формальным их сюзереном); российский гарнизон на Корфу ограничивался четырьмя тысячами человек. По секретной статье Наполеон обещал предоставить неаполитанскому королю, утратившему Сицилию... Балеарские острова, принадлежавшие пока что Испании[3].

В Петербурге, ознакомившись с подписанными Убри бумагами, ахнули: он грубейшим образом нарушил данные ему инструкции – добиваться для неаполитанского короля мирного владения Сицилией, полной или частичной эвакуации французами Далмации и создания одного или нескольких независимых государств между Оттоманской империей и Италией[4]. Договор хоронил всякую надежду на индемнизацию (возмещение) пострадавшим государям землями; от принципа легитимизма не оставалось и тени, но вместе с тем и от сохранения хотя бы пошатнувшегося равновесия на континенте; молчаливо признавалась вся система наполеоновского господства в Европе с подопечными королями и князьями. Маленький русский гарнизон на Корфу ставился под удар армии маршала Мармона. Никто не верил в добровольный уход англичан с Мальты. Глава иностранного ведомства А.Я. Будберг усматривал лишь один положительный штрих в достигнутой договоренности – обещание Наполеона вывести свои войска из Германии, но и то не внушало доверия по причине известного двуличия французского властителя. Короче, России было предложено удалиться от европейских дел и оставить их на единоличное решение Бонапарта. Придя в себя от шока, Государственный совет заявил, что договор не будет ратифицирован[5]. Прыткому не по разуму Убри предложили удалиться в свое поместье для отдыха и размышления. Отношения с Францией были испорчены вконец. Российская дипломатия принялась обхаживать прусского короля с целью вовлечь его в коалицию, преодолевая его сомнения, колебания и страхи.

Сам Наполеон еще в сентябре полагал, что никто не дерзнет бросить ему перчатку. В "Записке о настоящем положении моих дел", направленной Ш.М. Талейрану, он писал: "Я нисколько не заинтересован в нарушении мира на континенте"; австрийский дом "не в состоянии ничего предпринять"; "раны Аустерлица еще кровоточат" на теле России, и она не пошлет сто тысяч солдат в Германию; "мысль о том, что Пруссия выступит против меня одна, представляется мне смехотворной и не заслуживает обсуждения", ее "кабинет заслуживает презрения", ее "суверен бесхарактерен" и вообще эту страну можно сбросить со счетов[6].

Он ошибался. В том же сентябре Пруссия, а также Швеция, напуганные отнюдь не призраком французского всемогущества, примкнули к России и Великобритании. А в октябре прусская армия, еще овеянная славой побед Фридриха Великого, рассыпалась под ударами наполео-

inslav

новских войск. Англичане сидели на своем острове; Россия, по сути дела, осталась один на один с грозным завоевателем.

С нелегким сердцем царь решился (16(28) ноября 1806 г.) начать военные операции. После долгих колебаний он остановил выбор главнокомандующего на дряхлом фельдмаршале М.Ф. Каменском, хотя тот сам предупреждал по-честному: "Стар я для армии: ничего не вижу; ездить верхом почти не могу... мест на ландкарте отыскивать совсем не могу... За семь дней "командования" он нанес своим войскам больше вреда, чем неприятель, завязший в непролазной осенней грязи. Каменский распорядился немедленно начать отступление, предписав некоторым частям побросать для убыстрения марша пушки, что и было сделано[7]. Хорошо еще, что Наполеон заподозрил скрытый стратегический замысел в непонятных маневрах старца и войско его преследовать не стал; впрочем, сделать это было затруднительно – драться в снегу и грязи, да еще на голодный желудок (по причине вконец разладившегося снабжения) французы не привыкли[8]. Оправившись от командования Каменского, русские дали два кровопролитных сражения, под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, в которых держались с честью; обе стороны приписали победу себе. Кровь лилась рекой. А тут еще Турция...

Почти на протяжении всего 1806 г. российская дипломатия прилагала отчаянные усилия, пытаясь не допустить переориентации Высокой Порты на Францию, хотя убедительность ее аргументов увядала под действиями переживаемых военных неудач. В марте А.Я. Италинский выступил с пространной нотой по поводу отказа турок возобновить союзный договор с Англией: последняя "обладает огромными и грозными морскими силами и с их помощью может нанести самые страшные удары". Если Турция ринется в объятия Франции, ее ждет гибель: "Ни признание Блистательной Портой императорского титула Бонапарта, ни назначение посла, ни подарки, как бы ценны они ни были, ни заискивания, ни обещания подчиниться его воле, которые она считает нужным ему давать, не заставят его отказаться от намерения уничтожить Оттоманскую империю"[9], в то время как предметом постоянной заботы императора является ее сохранение.

Сам Италинский полагал, что увещеваниями Порту не прельстить, надо ее "содержать в страхе", тогда она на выступление не решится, и советовал для убедительности занять войсками Дунайские княжества (март–апрель). Князь Адам Чарторыйский шел в своих размышлениях дальше; он подозревал наличие "тайного сговора" между Парижем и Стамбулом, призванного "усыпить бдительность России и не дать разразиться войне между ней и Портой до тех пор, пока не будет подготовлено все для того, чтобы Порта могла вести ее успешно". Князь допускал в качестве превентивной меры "быстрое и энергичное вторжение в оттоманские владения не для того, чтобы присвоить или завоевать их, а для того, чтобы приобщиться к пунктам, через которые Бонапарт хочет проникнуть в них, и тем самым остановить его"[10].

Порта в ответ на увещевания потребовала прекратить проход через проливы российских военных и торговых судов. Тем самым

inslav

гарнизон Корфу и эскадра адмирала Д.Н. Сенявина отрезались от баз снабжения и пополнения и ставились под удар войск маршала Мармона. Самой Турции в сношениях с Наполеоном оставалось уповать лишь на собственные силы, император превращался в распорядителя балканских дел. Французские уши вполне явственно торчали из турецкой "инициативы".

10(22) сентября А.Я. Италинский обратился непосредственно к султану Селиму III, пытаясь предостеречь его от союза с Наполеоном: у последнего в Далмации незначительные силы и он не сможет ничего предпринять, заверял посланник, "пока у Вашего высочества будут для защиты империи два таких верных могущественных и бескорыстных союзника, как Россия и Англия"; если же Порта закроет проливы, царю придется приказать своим войскам переправиться через Днестр и "пройти через владения Вашего высочества для того, чтобы сойтись с французами в Далмации, в то время как со своей стороны Англия, – неразлучная союзница России и безраздельная владычица морей, – стянув суда к Архипелагу, всюду принесет с собой голод и ужас"[11]. Италинский погрешил против истины, обрисовав радужную картину русско-британского преобладания в регионе; на фоне феерически быстрого разгрома Пруссии его вежливо сформулированные, но несомненные угрозы повисли в воздухе. Диван внимал не ему, а Себастиани, который заявил, что, если проливы не будут закрыты, французские войска пройдут через османские владения и атакуют русских на Днестре. Наполеон заверял своего "друга и брата" Селима III, что не помышляет о разделе османской державы, а, напротив, желает ее усиления в противовес России, и манил его обещанием вернуть Порте Крым и Причерноморье.

Впечатляющие победы Наполеона затуманивали холодный рассудок османских вельмож и самого Селима III; в союзе с Наполеоном, казалось, можно было возродить былое величие империи. Роль бесаискусителя в Стамбуле исполнял генерал О.Ф. Себастиани. Император сам продиктовал, в присущем ему лаконичном стиле, инструкцию для него, затем Талейран взялся за перо и переложил ее на язык дипломатии. Послу надлежало внушить султану доверие к Франции, стремящейся к одному – укреплению его власти; попытаться сколотить тройственный союз Франции, Турции и Ирана; добиваться закрытия для русских судов Босфора; вернуть Порте полное господство над Дунайскими княжествами. Он, Наполеон, не посягает ни на клочок земли Османской державы; будь ему предложено хоть три четверти ее пространства, – он гордо ответит "нет". Вывод следовал один: Наполеон не собирался отдавать ее никому, желая господствовать в ней единолично, не посягая на древний султанский режим.

В Петербург поступали донесения одно тревожнее другого[12]. Французские агенты распространяли слухи о готовящемся унизительном для России мире. Порта запретила греческим судам плавать под российским флагом, как то водилось прежде. Господари Дунайских княжеств К. Ипсиланти и А. Мурузи были смещены с престолов и

inslav

заменены турецкими ставленниками. Примирение Порты с Пазвандоглу, присвоение ему звания трехбунчужного паши означало молчаливую санкцию на его грабительские набеги. Валахию опустошали в три руки: Пазванд, рущукский аян Терсиникли и силистрийский – Иликли.

26 августа 1806 г. российский министр иностранных дел А.Я. Будберг в депеше посланнику в Стамбуле А.Я. Италинскому перечислял многие обиды и претензии: "недостойное поведение министров", "интриганы, прежде сосланные, вновь призваны к власти", "паши дунайские нарушают привилегии Молдавии и Валахии", Порта чинит "беззаконные препятствия... нашей торговле". Особо он упоминал "всевозможные ухищрения с целью помешать русским военным кораблям проходить проливы"[13].

Себастиани и соблазнял, и запугивал турок: Порта стоит перед выбором – или война с гениальным и непобедимым Наполеоном, или с покинутой союзниками неудачницей Россией с перспективой восстановления ее власти на Балканах и, быть может, возвращения Крыма. Так стоит ли колебаться? С помощью жены посла удалось установить связи с Сералем: мать одного из принцев, будущего султана Махмуда II, француженка-креолка по рождению (и родственница супруги Наполеона Жозефины Богарнэ), в молодости попавшая в плен и оказавшаяся в султанском гареме, охотно и с удовольствием беседовала с соотечественницей.

И все же Селим колебался, прежде чем ринуться в омут войны: Карагеоргий отложился, надо было усмирять сербов; паши по Дунаю, за исключением Байрактара и брэиловского Ахмета, своевольничали; французские обещания на бумаге не могли заменить батальонов на поле битвы. А.Я. Италинский докладывал: "Порта внутренне худо расположена к нам; но, не чувствуя себя в силах явно обнаружить образ своих мыслей, вероятно, ожидает времени, когда Бонапарте соберет значительные силы в Далмации, и тогда соединится с Францией". Лазутчики представляли занятие Дунайских княжеств чем-то вроде увеселительной прогулки: гарнизоны в Хотине, Бендерах и Измаиле слабы, а склады в этих крепостях ломятся от запасов продовольствия и фуража. Местное население русским сочувствует. Со всех сторон раздавались предупреждения: промедление если не смерти подобно, то уж потере позиций на Балканах равносильно. И последним аргументом, заставившим отбросить сомнения, послужило донесение генерала И.И. Михельсона, назначенного главнокомандующим Дунайской армией: "Статься может, что теперь неготовый еще неприятель сделается готовым; что, пользуясь временем, успеет благомыслящих к нам ослабить и истребить; поколебать твердость сербов и проложить путь французам – и тогда край, ныне простирающий руки к скипетру В.И.В. без пролития крови, может сделаться опасным. Замыслы французов на Молдавию и Валахию явственны, их предприимчивость и быстрота известны... Ежели мы не упредим их до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили, и тогда трудно будет бороться"[14].

inslav

Александр I медлил до середины октября. Так и не дождавшись ответа на требование о восстановлении господарей, он распорядился занять княжества "не как враги, о чем злословие не упустит случая заявить, но единственно с целью восстановить прежние сношения", чтобы пресечь "намерения, явно заявленные посланником Себастьяни", – атаковать Россию со стороны Днестра. 16 октября Михельсона было предписано вступить в княжества. Правда, через несколько дней поступило сообщение о восстановлении Ипсиланти и Морузи на престолах в Бухаресте и Яссах. Уступка, сделанная "по принуждению", была признана недостаточной. По словам А.Я. Будберга, "не личности господарей Мурузия и Ипсилантия существенно интересуют наш двор, но спокойствие и благосостояние княжеств", а сейчас Позванд-оглу хозяйничает в Валахии. Порта должна торжественно обязаться "никогда и ни в коем случае ни под каким предлогом не посягать ни на малейшее изменение трактата (1805 г. – *В.В.*), по которому Россия получила право прохода своих судов через Константинопольский пролив" (т.е. Босфор и Дарданеллы – *В.В.*). Порте предлагалось восстановить автономные права Дунайских княжеств во всей их полноте, избавив их от "опустошений и разбойников", для чего она могла воспользоваться "посредством русских войск"; говорилось также о возобновлении союза Турции с Великобританией[15].

В рескрипте на имя Михельсона царь подчеркивал, что не имеет "никаких намерений относительно завоевания принадлежащих Турции владений" и, после удовлетворения своих требований, желает возобновить с нею союз.

Генерал располагал ограниченными силами: 5 дивизий, 60 тыс. солдат и офицеров, среди которых много больных, около 300 пушек. Он жаловался на "закоренелую страсть к побегам" рекрутов, благо турецкие пределы недалеко, а местные жители "знают все способы пройти и укрыться"[16]. В последний момент ему предложили оставить часть войск для помощи, в случае нужды, армии, сражавшейся с Наполеоном. Всего границу перешли 33 тыс. солдат и офицеров.

Александр известил Стамбул, что "совершенно против воли и только в силу необходимости" занимает княжества. Но Порта не устрашилась предпринятых шагов и 18(20) декабря 1806 г. объявила России войну. Показательно, что в числе российских грехов упоминался захват "мусульманских земель Крыма и Гюрджистана" (Грузии), что выдавало реваншистские устремления Дивана. Соответственного царского манифеста не последовало, – возможно, Александр все еще надеялся быстро погасить конфликт.

Вооруженные силы Порты на бумаге выглядели солидно: 260-тысячная армия, на Черном море – эскадра в 12 линейных кораблей и 6 фрегатов. Но каждый паша тянул в свою сторону, 25-тысячный корпус сражался в Сербии, десятки тысяч охраняли Стамбул от британского десанта. Армия Михельсона почти без сопротивления заняла крепости Хотин, Бендеры и Килия и вышла к Дунаю. Но на этом успехи и кончились. Под Измаилом русские застряли, не решаясь на штурм.

inslav

В феврале 1807 г. эскадра английского адмирала Д. Дакуорта предприняла злосчастную операцию по форсированию Дарданелл. Британский кабинет вошел во вкус расправ над не находившимися с ним в войне странами, наподобие той, что учинила эскадра Г. Нельсона над датским флотом в 1801 г. Готовилась новая экспедиция против Дании. Вариант на ту же тему был разыгран и в отношении Османской империи. Турции предложили безропотно смириться с прибытием кораблей его величества под стены Стамбула, пообещав в случае согласия салютовать турецкому флагу, как положено, семнадцатью залпами. 19 февраля шесть линейных судов, три фрегата и один бриг вошли в воды Дарданелл, расстреляв в Мраморном море турецкую эскадру. Сделать это было легко, так как по случаю праздника курбан-байрама почти все матросы и офицеры пребывали на берегу. 20 февраля английские суда бросили якорь на виду у сераля. В Константинополе воцарилась паника, которой поддался и султан.

Посол Арбетнот, прибывший на флагманском корабле "Роял Джордж", предъявил туркам ультиматум, который можно навязать разве что разгромленному противнику: выслать Себастиани (что для Турции было равнозначно разрыву с Францией); возобновить союз с Англией и Россией, причем последняя могла впредь до заключения мира оставить свои войска в Дунайских княжествах, а английские корабли могли оставаться в проливах; Турция должна была передать англичанам 15 своих линейных кораблей и 15 фрегатов с боезапасом и продольствием на полгода.

Придя в себя, османские сановники решили, что сие означает конец империи: русские хозяйничают на ее периферии, в Молдавии и Валахии, англичане господствуют в проливах. Началась энергичная подготовка к отпору, душой которой стал неутомимый Себастиани. По берегам воздвигались насыпи, подвозились орудия, а их набралось немало – 520 пушек и 110 мортир. Британская же эскадра красовалась недвижно перед султанским дворцом, полнейший штиль лишил ее возможности передвижения. Она делалась легкой добычей противной стороны, буде у той возникнет желание стрелять.

Почувствовав недоброе, посол Арбетнот занемог и слег в постель, предоставив дальнейшие переговоры адмиралу. Ответа на предъявленный ультиматум не последовало, капитулировать турки, воодушевляемые Себастиани, не собирались, а тут еще приспело письмо от Наполеона султану Селиму, в котором говорилось о поражениях русских. Наконец-то подул ветер, и британские корабли снялись с якорей. На сей раз турки обстреляли их при выходе из Дарданелл, причинив немалый урон. 4 марта эскадра достигла места постоянной стоянки у о. Тенедос[17]. Разгневанный Селим распорядился арестовать англичан, находившихся в Турции, и конфисковать принадлежавшие им товары. Бесславный вояж туда-обратно кораблей его величества прибавил турецкой стороне бодрости. В мае 1807 г. османские войска переправились через Дунай. Генерал М.А. Милорадович нанес им поражение при Обилешти, но на преследование не решился, вернувшись в

inslav

Бухарест, он с удовольствием танцевал на балах, устраиваемых боярами, – светская жизнь в валашской столице кипела.

Легкость, с какой удалось занять Дунайские княжества, вскружила голову морскому министру адмиралу П.В. Чичагову, и он замыслил план захвата Константинополя с моря, хотя соотношение сил (всего 6 линейных судов у русских!) было отнюдь не в их пользу. Удивительно, но Александр I одобрил прожект. Два здравомыслящих французских эмигранта, верно служивших России, генерал-губернатор Новороссии герцог (дюк) Э.О. Ришелье и адмирал И.И. Траверсе остановили полет фантазии Чичагова: они набрали всего 6200 рекрутов для предполагавшейся экспедиции и треть потребного числа офицеров, и то из служивших в крепостях "по неспособности к армейской службе". С такими силами они "не осмеливались отважить на удачу честь и славу России"[18]. Адмирал Д.Н. Сенявин 1 июля разгромил турецкую эскадру в битве у мыса Афон, но без поддержки сухопутных сил возможности флота были ограничены.

И война, поистине странная, когда военные операции неоднократно прерывались перемириями и просто перерывом в боях, продолжалась. Поглощенная гигантской схваткой с Наполеоном, Россия выделила на Балканский театр силы, с которыми не то что поход на Стамбул затевать, но и штурм горной цепи предпринимать было немыслимо.

Создается впечатление, что в Петербурге собирались удовлетвориться малым. Посланный для неофициальных контактов корсиканский эмигрант – в будущем известный русский дипломат, полковник К.О. Поццо ди Борго вез с собой довольно выгодные для турок условия: восстановить мир на основе старых трактатов; в отношении Дунайских княжеств – подтвердить хатт-и шериф 1802 г.; сербов "не предавать в жертву"[19]; превращение Сербии в княжество рассматривалось как желательная, но не обязательная мера. Поццо следовало добиваться удаления Себастиани из Стамбула.

Причины подобной сдержанности в требованиях объяснимы: все ресурсы были брошены на войну с Наполеоном, не угасла еще надежда, что в нее удастся вовлечь соперника в балканских делах, Австрию, сопротивлявшуюся усилению здесь русского влияния. И наконец, двор не отказался от того, что было зафиксировано в Бартенштейнской (апрель 1807 г.) конвенции с Пруссией: "Независимость и неприкосновенность Порты Оттоманской останутся одним из существеннейших попечений высоких договаривающихся сторон"[20]. Война велась в защиту прежних, уже обретенных позиций в регионе и объективно – ради расширения прав христианского населения. Но Турцию эти позиции не устраивали, ибо, как откровенно изъяснялся А.А. Чарторыйский в меморандуме (самое начало 1806 г.): "Нужно было иметь Турцию единственно в нашем распоряжении. Надлежало стараться усилить наше влияние на сие государство, удалив всех совместников так, чтобы Порта не следовала никакой другой воле, ни другой политике, кроме нашей"[21]. Именно этого стремился избежать Диван.

inslav

Полковник-дипломат упрекал Порту за утрату будто присущей ранее ее внешней политике "просвещенной гордости и просвещенной мудрости", предупреждал, что действенной помощи от Франции она не получит. Ситуацию в Европе он изобразил в розовом для России свете: "ничейные" сражения под Пултуском и Прейсиш-Эйлау он представил как русские победы и пригрозил туркам нашествием 600-тысячного народного ополчения (не существовавшего!), и тогда уж "полного ниспровержения существующего порядка" не избежать[22].

Миссия Поццо носила и разведывательный характер: не произошло ли смены вех у Порты в связи с низложением Селима III и воцарением Мустафы IV? Ответ был разочаровывающим: Россия должна очистить Молдавию и Валахию и прекратить вмешательство в турецкие дела, вернуть узурпированную часть Грузии и эвакуировать войска из Республики Семи островов. И главное: Турция отказывалась без ведома и участия союзников (то бишь Франции) вступать в какие-либо переговоры[23]. Встревоженный дошедшими до него сведениями о завязавшихся было российско-турецких контактах Себастиани успокоился: Порта сохраняла верность Наполеону и при новом режиме.

Между тем тучи сгущались на главном театре войны в Восточной Пруссии: в штабе считали, что поражения не миновать; возглавлял паникеров великий князь Константин Павлович; друзья молодости царя, члены уже бывшего Негласного комитета, советовали ему мириться. В такой обстановке на Балканы пришла весть о несчастном для россиян сражении при Фридлянде, вслед за которым Наполеон предложил начать переговоры.

Тильзитские встречи Александра и Наполеона – сперва на плоту посреди Немана, а потом и в более подходящей для бесед обстановке – происходили с глазу на глаз, записей не велось, секретари отсутствовали. В литературе поэтому приводятся несколько отличающиеся друг от друга версии того, что же сказал французский владыка; но никто не сомневается, что фигурировала формула: Османская империя, раздираемая внутренними противоречиями, "не может больше существовать". Побудительные мотивы подобного вероломства в отношении лояльного союзника (а Себастиани в Стамбуле продолжал расточать заверения в непоколебимой дружбе) распознать нетрудно.

Россия была надломлена, но не сломлена, французские войска ее границ не переступили, следовало залучить Александра в союзники против Англии, что было мыслимо лишь в случае партнерства, но никак не подчинения. А это побуждало создать хотя бы видимость равноправия. Наилучшим выходом представлялось направить российский экспансионизм по знакомому ему балканскому направлению. И в качестве искупительной жертвы предлагалась Османская империя. Наполеон разыграл сцену негодования по поводу переворота в Стамбуле и заявил, что являлся другом и союзником свергнутого и убитого Селима III и что сей злодейский акт освобождает его от прежних обязательств. Турок надо вообще удалить из Европы, а их владе-

inslav

ния поделить. Свою долю он обрисовал масштабно: Албания, Морея и Крит, и пока что он берет себе Ионические острова и Котор (Катарро).

Однако предавать так просто и бестрепетно союзника, с которым только что велись переговоры о совместных действиях против России, было невозможно, тем более что он мог переметнуться на сторону Англии. Статьи 21–24 Тильзитского договора предусматривали немедленное прекращение военных действий на Дунайском фронте, вывод российских войск из Молдавии и Валахии (без права их занятия турками) и посредничество Наполеона при заключении мира между Россией и Турцией, "с выгодами и достоинствами для обеих империй согласного". Сама эта формула представляется утопической. И кому судить о степени выгодности и почета? По логике – арбитру, т.е. тому же Наполеону.

Зато четко и определенно были обозначены в договоре приобретения Франции: 1 и 2 секретные статьи предусматривали переход к ней Боки Которской (Катарро) и Ионических островов. Самой важной, с точки зрения Александра, являлась статья 8 подписанного в тот же день 25 июня (7 июля) 1807 г. тайного договора об оборонительном и наступательном союзе с Францией, которая гласила: "Равным образом, если вследствие перемен, которые произошли в Константинополе, т.е. свержения Селима III. – *В.В.*), Порта не примет посредничества Франции, или если после принятия оного случилось бы, что в трехмесячный срок по открытии переговоров последние не привели к удовлетворительному результату, то Франция будет действовать заодно с Россией против Оттоманской Порты, и обе высокие договаривающиеся стороны вступят в соглашение о том, чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Оттоманской империи в Европе, за исключением города Константинополя и провинции Румелии"[24].

Узнав, с опозданием, содержание договора (да и то без тайных статей), османские министры вызвали к себе Себастиани и выразили ему свое возмущение: Турция предана, обещания заботиться об ее целостности забыты, – и просили не ратифицировать документ без консультации с ними. Поостыв, сановники решили, что после драки кулаками не машут, реис-эфенди выразил "удовлетворение" тем, что Турция получила заверения в дружбе. В сентябре 1807 г. назначенный в Париже на пост министра иностранных дел Ж.Б. Шампаньи дал новую трактовку франко-турецким отношениям: османское правительство желает вернуть Крым, возвратиться к старым границам; претензии эти непомерны в том состоянии слабости и анархии, в коем Порта пребывает, ее армия вообще ничего не стоит. Тильзитский мир вернул ей Молдавию и Валахию, на что не было никаких надежд, с помощью военной силы. И вообще, Франция не связана с Портой никаким договором, та переосторожничала. Наполеон взял на себя обязательства лично перед султаном Селимом III, ныне свергнутым. Заканчивал свою депешу Шампиньи многозначительным вопросом: "Разве должен император ради этого правительства, непостоянного, капризного, жесто-

inslav

кого, отказываться от почетного мира и продолжать войну, тяготы которой он нес один?"[25]

В Тильзите произошел крутой поворот в российской внешней политике: в одночасье Наполеон из "неистового врага мира и благословенной тишины" и даже "гонителя веры Христовой" за то, что он, как с большой долей фантазии полагал Священный синод, воздавал поклонение "человеческим тварям, блудницам и идольским изображениям", превратился в союзника. Александр I взвалил на свои плечи колоссальное бремя ответственности за совершенный шаг. Но, как сказал сам царь: "Бывают обстоятельства, в которых нужно думать преимущественно о самосохранении и не руководствоваться никакими правилами, кроме мысли о благе государства"[26].

И все же новая внешнеполитическая конструкция возникла не на пустом месте. В правящих кругах и ранее существовала профранцузская группировка, полагавшая, что союз с Англией обходился слишком дорого и привел к плачевным итогам. Обид на Альбион накопилось немало: в 1806 г. на о. Рюген было переправлено 6 тыс. солдат для вторжения на континент вместо обещанных 30 тыс., да и тех быстро убрали; в скромном займе в 6 млн руб. России было отказано. Европы "хватит на двоих", и у Наполеона достанет благоразумия оценить российское сотрудничество по достоинству, полагали некоторые сановники, а один из них, граф Н.П. Румянцев, стал канцлером. Сторонники французской ориентации опирались на традиции екатерининских времен. Великая государыня устремляла свой взор на континенте прежде всего на Балканы и ближнее порубежье. Осуждение Французской революции при ней за моральные рамки не выходило, от участия в антифранцузской коалиции она уклонилась, предпочитая решать польские и турецкие дела и поощряя Вену и Берлин на подвиги во имя сохранения тронов и незыблемости старых порядков.

Существовало, однако, большое "но": "тогда" никто еще не подозревал, сколь расширит Франция свои границы; "тогда" глава этой державы не являлся всеевропейским гегемоном; "тогда" его войска не стояли на российских рубежах. Так что сравнение с веком Екатерины являлось натянутым и искусственным. Наполеон, если и не загонял российскую внешнюю политику в балканский и ближневосточный угол, то, по меньшей мере, указывал это направление. По его же словам, он хотел "дружески толкнуть Россию в Азию".

В Тильзите он усиленно ухаживал за Александром. Мы считаем справделивым следующее замечание Н.К. Шильдера: "Наполеон издавна уже сознавал, что ему нужно приобрести для Франции серьезного континентального союзника, на которого можно было бы положиться в будущем". Это совпадает с размышлениями самого императора, поведанными в письме Ш.М. Талейрану, тогда еще пользовавшемуся его доверием: "Необходимо, чтобы все это кончилось системой тесного союза или с Россиею, или с Австриею". Субъективное стремление наличествовало. Но установить с союзником уважительные, с учетом интересов последнего, отношения, французский властитель был реши-

inslav

тельно не в состоянии. В Тильзите он широким жестом указал Александру на реку Вислу на висевшей на стене карте как на границу сфер влияния двух держав. Но ведь это означало отстранение России не только от западно-, но и от центральноевропейских дел! Благоразумия как раз и не хватало; экспансионизм не знал берегов. В этом противоречии состояла психологическая драма Наполеона. Э. Дрио констатирует: Наполеон не собирался открывать перед русскими доступ в Средиземное море; "никогда он не хотел делить с ними старый римский мир"[27].

Вероломство его не ограничивалось Турцией. Нельзя сказать, чтобы старый союзник предавался во имя нового. Он вовсе не собирался производить "по-честному" раздел европейских владений Османской империи, во что на какое-то время уверовали российские дипломаты. Нет, Франция сама уже вплотную подобралась к Балканам и не желала отдавать их на откуп России и Австрии и безучастно взирать на укрепление их мощи. Еще одно соображение беспокоило Париж: чрезмерное ослабление державы султана делало ее восточные владения в перспективе добычей англичан. Злосчастная экспедиция адмирала Дакуорта в 1807 г. в Дарданеллы кончилась провалом, но ведь она могла повториться с другим результатом.

У исследователя в глазах рябит от изобилия наполеоновских планов в отношении Турции: проекты раздела ее владений, приказание маршалу Мармону готовиться к вторжению; заверения, выдаваемые Порте, в дружеских чувствах и поддержке ее власти. Но не отсутствие системы и последовательности в политике повинны в этом взаимоисключающем разнообразии, просто непрерывная череда войн не оставляла Наполеону почвы для свободы маневра на юго-востоке континента. Решение османских дел всегда зависело от общеевропейских комбинаций. Постоянным оставалось стремление не отдавать Турцию в добычу соперникам. Его авансы Александру являлись, по выражению В.И. Шеремета, пробными шарами, которыми обменивались императоры, не имея ни возможности, ни даже серьезного желания воплощать их в жизнь.

Политика Наполеона поэтому заключалась в том, чтобы манить Александра миражом раздела Турции, но самому, на правах посредника в русско-турецких переговорах, как то было обусловлено в Тильзите, этого раздела не допускать, балансируя между двумя воюющими сторонами. По словам проф. А.Ф. Миллера, Наполеон, "не скупясь на обещания Александру... всячески оттягивал практическое разрешение этой проблемы. Постоянным в восточной политике Наполеона было одно: стремление углубить при посредстве восточного вопроса разногласия между Россией, с одной стороны, и Австрией и Англией – с другой. Все остальное, т.е. как именно делить Турцию и вообще делить ли ее, было в политике Наполеона второстепенным и переменным элементом"[28].

Проницательный Александр понимал, на что идет, и писал матери: "Союз с Наполеоном – лишь изменение способов борьбы против него.

inslav

Он нужен России для того, чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы"[29]. Но пока что предстояло внести первый и самый крупный взнос по тильзитским счетам – пойти на разрыв с Англией, и повод для его подобающего оформления предоставил Уайт-холл.

В сентябре 1807 г. британская эскадра ворвалась на рейд Копенгагена и захватила датский флот. Немногие оставшиеся еще нейтральными страны содрогнулись, но протестовать решился только Александр I. В декларации о разрыве отношений он красочно изливал свое негодование, начав с собственных обид: дважды он поднимал оружие в войне, "коей прямые и ближайшие последствия относились к Англии". Но, "к удивлению Е.В., в собственном ее деле она пребывала в бездействии. Взирая равнодушно на зрелище кровопролитной брани, ею воспаленной, она посылала меж тем войска свои к овладению Буэнос-Айра..." "Кровь россиян проливалась в знаменитых сражениях", а Великобритания "угнетала на море торговлю подданных Е.В.", и вдруг, "внезапно воспрянув от бездействия, в коем она быть казалась, решилась на севере Европы возжечь новую войну... Флот и ее войска явились на берега Дании, чтоб произвесть насилие, коего равному во всей истории, толико во всех примерах обильной, найти трудно"[30]. Нахальство англичан переполнило чашу царского терпения, и он порвал с ними всякие отношения.

Между тем в захолустное валашское местечко Слободзея, где велись русско-турецкие переговоры о перемирии, прибыл, в соответствии с тильзитскими условиями, подполковник Гильомино в качестве французского посредника. Ведший их сенатор С.А. Лашкарев не подозревал, что секретарь его французского коллеги знает русский язык и, не скрываясь, вел разговоры со своими сотрудниками. Будучи исполнительным чиновником, он подписал малоподходящие условия, не исключая обязательства эвакуировать Молдавию и Валахию (хотя Александр через три дня после Тильзита направил уточнение, обусловливающее вывод русских войск очищением турками Валахии). А подмахнув, впал в панику, чуя недоброе: "Я теперь как будто в обмороке..." Не внял он предупреждению опытного и осторожного Михельсона – в предвидении того, что турки из княжеств все равно не уйдут, и русским "остаться в настоящих позициях до дальнейшей развязки"[31].

Михельсон лежал уже на смертном одре и через несколько дней скончался, а вступивший в командование "по старшинству" генерал Мейендорф ничтоже сумняшеся ратифицировал перемирие.

В Петербурге спохватились с опозданием, осознали допущенный промах. Александр был недоволен всем: сербов забыли, трофеи обязались вернуть и главное – согласились очистить княжества. В Дунайскую армию поскакали курьеры с рескриптами царя – "под разными, сколь благовидными предлогами, длить совершенный вывод войск"[32]. Поскольку турки покидать крепости не собирались, зани-

inslav

маться поисками предлогов не пришлось. Только что назначенный канцлером Н.П. Румянцев в письме не в меру ретивому Мейендорфу "ласкал себя надеждою", что тот не ратифицирует соглашения. Увы, было уже поздно!

Пункт о выводе войск из Дунайских княжеств крайне осложнял, если не перечеркивал, расчеты на их приобретение и подрывал российские позиции на предстоявших мирных переговорах. Царь отказался одобрить Слободзейское перемирие, сославшись на то, что Мейендорф не являлся главкомом и не имел права утверждать акт; но фактически военные действия прекратились, и Александр направил все усилия на решение восточных дел в согласии с достигнутой в Тильзите, как ему представлялось, договоренностью. "Новая система" во внешней политике была крайне непопулярна в военных, дворянских и купеческих кругах, и ему надлежало продемонстрировать, что кое-какие дивиденды она приносит. Царь и министр иностранных дел принялись оказывать нажим на французского посла генерала А.Ж. Савари. Александр в беседе с ним утверждал: если Османской державе "суждено рухнуть, положение России позволяет ей надеяться унаследовать часть ее останков". Ему вторил почти в тех же выражениях Н.П. Румянцев: "...Оттоманская империя так быстро распадается, что мы вынуждены, даже без чьей либо помощи, объявиться, чтобы подобрать ее останки"[33].

Разрыв отношений, а затем и объявление войны Англии позволяли российской дипломатии, афишируя союзническую лояльность, вести себя все настойчивее. В октябре 1807 г. Румянцев пугал посла "сговором" турок с англичанами и намекал на то, что последние даже за нейтралитет России согласны на передачу ей Дунайских княжеств и Ионических островов. 18 ноября (н.ст.) Савари передавал Наполеону высказывания Румянцева насчет Молдавии и Валахии: это – "единственно приятная сторона, которую мы можем представить нации"; "смотрите, генерал, будет лучше, если вы предоставите их нам сегодня, чем тогда, когда это не будет иметь для нас двойной цены". Савари не был профессиональным дипломатом, он служил больше по полицейской части, но и он сознавал недружелюбие окружающей его аристократии и непопулярность французского союза и предупреждал своего повелителя, сколь опасно пойти на обман питаемых в Петербурге надежд[34]. Сменивший его в том же 1807 г. на посту посла тонкий дипломат А. Коленкур чуть ли не в первом своем донесении министру иностранных дел Ж.П. Шампаньи подчеркивал: царь "лично не имеет никаких видов на расширение, но, чтобы оправдать в глазах народа или, лучше сказать, знати и армии союз с Францией и объявление войны Англии, нужно, чтобы он мог показать, что из этого извлечена выгода"[35]. В личном письме Наполеону посол настойчиво твердил: "Если выгоды, о которых говорил царь, осуществятся, если границы России без кровопролития расширятся до Дуная или даже перейдут за него, – тогда враждебное отношение прекратится и настанет окончательный мир. Наоборот, если ожидаемый результат заставит себя

inslav

ждать, если Франция даст повод усомниться в ее искренности, за которую ручался Александр, тогда Александр тотчас увидит, что против его политики и даже лично против него возобновятся нападки, тем более нетерпимые, что он будет сознавать их справедливость"[36]. А царь хорошо знал и крепко помнил, чем может обернуться недовольство дворянства, страшная судьба деда и отца, павших жертвами покушений, служила ему мрачным предупреждением. Поэтому царь без всяких околичностей заявил Коленкуру: надо "доказать народу, что наш союз несет выгоду не только для вас. В ваших же интересах придать ему национальный характер. Скажу Вам откровенно, это было бы услугой мне лично"[37].

Можно констатировать, что Наполеон получал достоверную информацию от своих представителей о настроениях в России и необходимости действовать без промедления. Однако он тянул. Проф. А.Ф. Миллер высказывал соображения на этот счет, представляющиеся нам убедительными. Раздел Турции был бы тогда невыгоден для Франции: Боснию и Герцеговину предстояло завоевать, Египет же пал бы к ногам Англии без промедления. Поэтому спешить с осуществлением раздела и укреплением России на Балканах не следовало, а надлежало манить этой перспективой Петербург и шантажировать Лондон. "Этот старинный проект русского честолюбия является узами, которые могут привязать Россию к Франции", – инструктировал он Коленкура[38]. Пока теплилась надежда на мир с Великобританией на условиях признания всех французских завоеваний (а она была похоронена лишь с тронной речью короля Георга III в январе 1808 г., в которой начисто отвергалась такая возможность), поднимать турецкий вопрос вообще не следовало. В Париже задумали разыграть притчу о Буридановом осле, в коей роль осла предназначалась России, а морковкой, болтающейся перед его носом, представлялись османские владения, якобы подлежащие приобретению.

На бумаге все выходило гладко, но не в жизни. По сути дела, самодержавию предлагали всерьез и надолго удалиться на Восток, втянуться в тяжелую войну с непредсказумыми результатами и предоставить Наполеону невозбранно хозяйничать на континенте, в том числе и на российских границах, где он уже создал форпост в виде герцогства Варшавского.

Все это было совершенно неприемлемо для Александра, а по мере того как исчезал "тильзитский синдром", и нетерпимо, тем более что стали проступать слабости в позициях "владыки полумира".

Находить предлоги для оттяжек Наполеон был мастер. Отказом России вывести войска из Дунайских княжеств он воспользовался для того, чтобы затянуть эвакуацию Пруссии, преподнеся российскому двору горькую пилюлю: ничего себе, лояльный союзник держит готовую армию на границах империи! Впечатление в Петебурге создалось тяжелое и усиливало атмосферу настороженности и недоверия. По мере сил своих ей способствовал и российский посол в Париже граф П.А. Толстой. Этот боевой генерал, превращенный царской волей в

inslav

дипломата, разделял точку зрения А.Р. Воронцова, заявившего однажды: "Россия может идти в согласии с Францией, но не в хвосте у нее". Толстой раньше других осознавал химерическую суть выдвигавшихся время от времени Наполеоном проектов раздела Турции и не поддавался их соблазнам. Его вежливая и холодная сдержанность доводила Наполеона до бешенства. Толстой полагал, что "уход" России в восточные дела оставит Францию полной хозяйкой на Европейском континенте: Наполеон "хочет сделать из нас азиатскую державу, отбросить нас в наши древние границы и довести, т.о., свое господство до самого сердца наших областей"[39]. Он раньше других предвидел неминуемость франко-русского столкновения. Еще в декабре 1807 г. Толстой* направил царю письмо, примечательное суровой прямотой, с которой он излагал самодержцу неприятные для того истины (что так редко встречается на скрижалях российской истории!): "Надежда восстановить с сим правительством долговременный и основательный мир есть обман, коим ослепляются слабые умы, не чувствующие в себе никакой силы сопротивления, теряя тем самым время и самые способы приуготовить себя к обороне. Действия необузданной власти императора Наполеона, деятельность и искусство людей, его окружающих, необыкновенны; Гишпания и Португалия скоро падут под иго Франции, а потом восстановление Польши будет предметом его славолюбия". Не мешкая, надо готовиться к схватке, "ежели же не примутся нужные меры, то внезапно и с удивлением увидим мы французские армии на границах наших, и тогда последствия будут неисчислимы". И позже он призывал царя, не теряя времени, вооружаться и вооружаться, ибо всякий "добрый русский" стонет, видя положение страны. В мае 1808 г., в разгар французского вторжения в Испанию, он призывал извлечь самый существенный урок: мира с Наполеоном быть не может, спастись можно "лишь с помощью постоянного и благоразумного использования наших гигантских средств", и предрекал: "Прежде чем напасть на русского колосса, ему необходимо сокрушить все вокруг него, постараться полностью его изолировать, отделив от него Австрию"[40].

Князь Адам Чарторыйский, уже отошедший от иностранных дел, счел нужным поделиться с царем своими тревогами: "...не для того ли беспрестанно Наполеон откладывает окончание нашего замирения с турками, чтобы помешать нам получить какую-нибудь выгоду за их счет и чтобы иметь еще одно средство раздробить наши силы и держать нас в состоянии тревоги"[41].

Но "слабые умы" продолжали уповать на посеянные в Тильзите надежды, и некоторые основания на то имелись.

В 1808 г. раздались первые удары колокола, возвещавшие упадок и гибель наполеоновской империи. Правда, тогда ни сам император, ни его недруги (а друзья отсутствовали) об этом не задумывались. В январе британское правительство объявило, что намерено сражаться до

---

* Дата в письме не проставлена, но копия его приложена к депеше канцлеру Н.П. Румянцеву от 15(17) декабря 1807 г. // Сб. РИО. Т. 89. С. 312.

inslav

конца, вложив эту декларацию в тронную речь полубезумного короля Георга III. В мае испанцы восстали против попытки порабощения своей страны. В июле под Байленом впервые сдался в плен французский армейский корпус. На Пиренейском полуострове высадились британские войска под командованием генерала Артура Уэлсли, будущего виконта, графа и, наконец, герцога Веллингтона. А сам Наполеон, оправдывая мрачные предсказания Толстого, стал готовиться к расправе над древней и непокорной испанской монархией.

Союз с Александром стал ему нужен позарез. Еще 2 февраля 1808 г. он сочинил царю письмо, полное заманчивых, но ни к чему конкретному не обязывающих посул. Он возвещал наступление "эпохи великих перемен и великих событий", предлагал организовать поход на Индию, ввернул намек на то, что он согласен на "предварительные условия", связанные с этим предприятием. В адрес посла Коленкура (но для царя – ибо недаром канцлеру Румянцеву предложили снять копию!) было направлено другое письмо, в коем Наполеон засвидетельствовал свою готовность подумать о разделе Османской империи. Не случайно это "уточнение" появилось не в прямом обращении к Александру, а в бумаге, относящейся к разряду внутренней переписки: в первом случае упоминание о судьбе султанских владений носило бы на себе печать международного обязательства; во втором – это было размышление вслух. Вся никчемность наполеоновских посул видна из того, что за шесть дней до сочинения письма Александру он имел беседу с австрийским послом князем К. Меттернихом. Наполеон заверил дипломата, что не нуждается в расширении за счет Турции, и пугал его экспансией России: "Вы тоже не можете взирать безразлично на подобное расширение, и я полагаю, что именно это, раздел Турции, связывает нас теснейшим образом. Франция нуждается в Австрии как противовесе России". И дальше: "У вас есть вполне справедливые, объясняемые географическим положением, претензии на течение Дуная". Австрию исподволь натравливали на Россию. Вот так-то!

Пребывая во власти иллюзий, канцлер Румянцев углубился в совещания с Коленкуром: разложили карты, делили шкуру неубитого медведя. Румянцев не скупился на добычу ни себе, ни французам: Дунайские княжества и Болгарию, а заодно и Константинополь с проливами передать России; Албанию, Эпир, Фессалию, Морею, острова Эгейского моря – Франции; привлечь к дележу Австрию, предоставив ей Боснию и Македонию. Коленкур счел нужным предупредить, что не уполномочен ни принимать, ни отвергать какой-либо план; он возражал лишь против единоличного приобретения проливов Россией и предлагал поделить их: Босфор и Стамбул – России, Дарданеллы – Франции[42]. Румянцев не соглашался. Тогда они приняли Соломоново решение и составили два проекта договора, выражавшие соответственно точки зрения Петербурга и Парижа. О Великобритании, чей флот господствовал в Средиземноморье, стороны забыли. Затем Румянцев на радостях сочинил фельдмаршалу А.А. Прозоровскому депешу (от 8(20) марта 1808 г.), столь конфиденциальную, что ее предписано было хранить

inslav

"в непроницаемой тайне" отдельно даже от секретных бумаг: "...император Наполеон в ответе своем представил некоторые по тому замечания, и мы ожидаем на сие отзывы из Парижа около 15 числа будущего месяца"[43].

Ни 15 апреля, ни какого-либо иного числа "отзыва" не поступило. "Весенний демарш" Наполеона оказался очередной уткой. Его внимание приковал к себе Запад, турецкие дела отошли на второй план. Он решил самолично наказать пиренейских строптивцев, а заодно и подчинить себе Испанию. И тогда, по замечанию проф. А.Ф. Миллера, фантастика была изъята из русских планов, химерические прожекты раздела Османской империи оставлены и внимание сосредоточено на приобретении Дунайских княжеств"[44].

То, что он накрепко завяз на Пиренейском полуострове, очевидно, не сознавал ни сам император, ни кто-либо другой. Но, что происходят явления, из ряда вон выходящие, столь проницательный человек, как Александр, не мог не сознавать. Наполеон заманивал его на свидание, а царь, отличавшийся необыкновенной склонностью к путешествиям (вспомним Пушкина: "Провел всю жизнь в дороге, и умер в Таганроге"), тянул и медлил. Время играло ему на руку: не он, а французы жаждали договоренности; вырисовывалась некоторая свобода маневра. Но еще теплилась надежда – быть может, Наполеон, осознав, как важно, чтобы Россия не мешала ему на Западе, окажет содействие на Востоке, хотя бы в осуществлении программы минимум, связанной с Дунайскими княжествами.

Лишь к осени 1808 г. скрытое сопротивление царя встрече было преодолено. Александр отправился в Эрфурт, где Наполеон по ходу дел демонстрировал перед ним свое могущество: парады войск следовали один за другим, императора французов окружала толпа подобострастных королей, князей и герцогов. Но ведь раньше в подобном спектакле нужды не ощущалось! Трещины в системе наполеоновского господства обозначались все явственнее. В Испании полыхала война; Австрия исподволь готовилась вновь скрестить мечи с завоевателем: Шарль Морис Талейран, тот самый, что участвовал в переговорах в Тильзите и воплощал на бумаге волю Наполеона, предложил Александру свои услуги; старый лис совершал третье в своей жизни предательство.

Уточнения, внесенные в Эрфурте в "тильзитскую систему", в общем были на руку царю: Наполеон согласился на переход к России Дунайских княжеств и Финляндии, на вывод своих войск из Пруссии, отказался от посредничества в русско-турецких переговорах, признал присоединение Грузии, не возражал против предоставления Сербии автономии[45]. Царь в общей форме обещал оказать содействие Наполеону в случае его войны с Австрией. Но само упоминание о такой возможности свидетельствовало, что позиции Франции в Центральной Европе не так уж сильны. Да и Александр умел лицемерить ничуть не хуже своего парижского собеседника. Помогать тому душить Габсбургскую монархию и тем самым убирать с европейской шахматной доски

inslav

одну из последних фигур, мешавших всевластию Франции, царь не собирался. В проект письма Румянцева фельдмаршалу Прозоровскому он вставил фразу, гласившую, что его первейшей целью является "воспрепятствовать возгоранию войны между Австрией и Францией". Но царь отверг и тайное предложение эрцгерцога Карла – в обмен на поддержку Австрии в приобретении Дунайских княжеств пойти на союз с ней против Франции[46].

Дольше других в облаках витал знаменитый коллекционер, собиратель и издатель памятников родной словесности, основатель музея его имени Николай Петрович Румянцев. В ноябре 1808 г. он посетил Париж, был там обласкан и растаял: "Я не могу довольно нахвалиться как приемом государя сего, и всей его фамилии, так и вообще бесчисленными ласками и уважением, с каковыми я здесь был принят"[47].

А царь спешил ковать железо, пока горячо. С великим поспешанием был отправлен курьер к Прозоровскому с указанием – немедля открыть с турками переговоры. Фельдмаршал, в свою очередь, направил в Стамбул, к новому великому визирю Мустафе-паше Байрактару капитана А.Г. Краснокутского. Тот оставил красочное описание оказанного ему Мустафой приема: "С важным и грозным видом сидел он на диване. На чалме блистало бриллиантовое перо, а за поясом – алмазный кинжал, подаренный ему султаном Махмудом. Вокруг его стояло до 500 воинов"[48].

Байрактар принадлежал к противникам французской ориентации. Он сознавал бессмысленность и безнадежность войны, в которую вовлек страну Селим III, поддавшись соблазнам парижской дипломатии, и не стал скрывать свои чувства перед капитаном, не скупясь на резкие эпитеты: "Турки давно желают мира с россиянами, но французы происками своими оному препятствуют, лукавствуя, будто они пекутся о пользе Турции. Видя непрестанное французское злоумышление, возмущающее спокойствие Европы, я возненавидел французов". Он получил полномочия – подписать мир на условиях статус-кво до войны, для России неприемлемых.

Открытие переговоров задержалось в связи с праздничным месяцем рамазаном (что, впрочем, не помешало противникам Байрактара расправиться с ним). Одновременно турки нащупывали пути примирения с Великобританией; французский поверенный в делах, можно сказать с ног сбился в хлопотах, но воспрепятствовать соглашению с Лондоном не смог: в январе 1809 г. был заключен англо-турецкий договор, вошедший в историю под названием Дарданелльского[2*]. Позиции Наполеона в Стамбуле явно слабели.

Непрекращавшиеся в Турции смуты рождали в умах некоторых российских дипломатов мысль – а не воспользоваться ли ими для нанесения удара? Эту идею отстаивал посол в Вене А.Б. Куракин. Он предоставил царю соображения, "возродившиеся во мне от настоящего гибельного и расстроенного положения Порты Оттоманской, и чувствие

[2*] См. раздел "Контуры доктрины статус-кво".

inslav

великой пользы, которую мы от оного получить можем". Он, Куракин, "неутешен будет", если Россия не воспользуется происходящим, "дабы занять по крайней мере нужные для нас области по левому берегу Дуная"[49].

У двора хватило благоразумия не поддаться на искусительные речи прожектера – не таково было соотношение сил, чтобы очертя голову пускаться в завоевания. Вдобавок злой рок преследовал главнокомандующих. Вслед за Михельсоном в могилу сошел Прозоровский. Пришедший ему на смену Петр Иванович Багратион успешно провел кампанию 1809 г. – удалось занять крепости Измаил, Брэила и Мачин, была осаждена Силистрия, отбито турецкое наступление на Бухарест. Но генерал нелицеприятно докладывал царю: "Удостоверился я совершенно, что силами и способами, в распоряжении моем состоящими, я отнюдь не буду в состоянии принудить визиря к заключению мира в продолжении нынешней кампании"[50]. Осенью тиф и лихорадка стали косить солдат, и Багратион отвел войска за левый берег Дуная.

В 1810 г. новый командующий Н.М. Каменский овладел Пазарджиком и Силистрией, Джурджу, Шиштовым, Плевеном (Плевной) и после тяжелой осады – Шумлой и Рущуком (Русе). Однако, следуя традиции, на зимние квартиры он опять переправил войска через Дунай, оставив в крепостях небольшие гарнизоны. Сил для нанесения решающего удара, что единственно могло "подвигнуть" турок к миру, недоставало. Сам Каменский в следующем году скончался. Тогда же в водах реки Рымник утонул генерал Аркадий Суворов – невдалеке от мест, где покрыл себя славой его отец.

В октябре 1809 г. Н.П. Румянцев направил в Дунайскую армию условия предполагавшегося мира. Они предусматривали амнистию участникам сербского восстания. Далее говорилось: "Блистательная Порта во уважение участия, приемлемого Е.В. Императором Всероссийским в сем единоверном народе, и в вящее доказательство истинного своего расположения к миру предоставляет сербам полную свободу установить собственное внутреннее правление по общему желанию народа", турецкие войска "ни под каким предлогом" не должны были появляться в Сербии, а Порта – вмешиваться в ее дела.

Итак, для Сербии предусматривалась широкая автономия; ее обязанности в отношении сюзерена ограничивались ежегодной данью. Предложения далее предусматривали "вольную навигацию на морях и водах, Блистательной Порте принадлежавших... не только одним купеческим, но и всякого рода военным судам российским..." Единственное ограничение: через Босфор и Дарданеллы не могло одновременно следовать больше трех кораблей под Андреевским флагом.

Пункт о Дунайских княжествах гласил: "Княжества Молдавия и Валахия вместе с Бессарабиею присоединяются на вечные времена к Империи Всероссийской, так, что отныне впредь река Дунай пребудет границею между Империею Всероссийскою и Портой Оттоманскою"[51]. Порта должна была также признать вхождение Грузии в Россию.

inslav

Турецкая сторона не пожелала даже вступить в переговоры на изложенных условиях, и рычаги давления на нее отсутствовали при нехватке военных сил и маневрировании французского "союзника". Весной 1810 г. царь подписал грамоту владетелю Абхазии Георгию Шервашидзе, согласившись принять его под свое покровительство.

Год шел за годом, войне конца-краю не предвиделось, надежд на то, что туркам удастся навязать выработанные условия, не оставалось никаких. В марте 1811 г. Александр I, преодолев личную антипатию, поставил Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова во главе Дунайской армии. Канцлер Н.П. Румянцев предался упованию на то, что дела с Портою "возымеют конец, соответствующий славе и пользе Отечества, быв поручены руководству мужа знаменитого и в военных противу самой ее действиях, и в политических с нею сношениях"[52].

Из инструкций, которыми Румянцев регулярно снабжал полководца, следовало, сколь жаждали мира в Петербурге: "Я оставляю Вам, милостивый государь мой, судить, какою бы радостию преисполнили бы Вы Отечество, достигнув сей важной цели, и тогда, когда никто того не ожидает". "Трудно представить рассудку, – печалился канцлер, – как может Порта, упорствуя о возвращении себе Молдавии и Валахии, жертвовать интересами толико важными", как достижение мира. Действуя по указанию из столицы, посланник А.Я. Италинский заверял турецких уполномоченных, что "некоторой холодности между Россией и Францией не существует ныне, союз дружбы двух дворов получил новую силу и крепость в превосходящей, чем прежде, степени". И уже самому Кутузову надлежало "изустно" сообщить великому визирю: Наполеон заверяет государя, "о своем твердом намерении заняться исключительно покорением Гишпании и о желании его, для нанесения сильных и скоропостижных сей земле ударов, употребить против нее самую большую часть войск своих"[53].

Однако не простаки же сидели в Стамбуле! Туда поступали сведения о перемещении французской армии к российской границе, о подтягивании туда же австрийцев, о бурных сценах, разыгрываемых Наполеоном перед царским послом. Порта не видела причин для торопливости и тем более – для уступок. Ее делегаты на открывшихся переговорах с порога отвергали предъявляемые им требования. Из поступающих Кутузову конфиденциальных сведений явствовало, что надежд на добровольную передачу Дунайских княжеств нет никаких: "Султан искренне желает мира", но "уступить не может Молдавию и Валахию": "сии провинции" служат "магазейном Царьграда, и потому вся нация не допустит султана делать сию уступку"[54].

Проницательный Кутузов сознавал нереальность выставленных условий и уже в июле 1811 г. стал осторожно готовить канцлера и царя к необходимости смягчения: "Султан не может согласиться на заключение оного договора, доколе двор наш настоять будет на оставлении за собой Молдавии и Валахии"; турки не желают садиться за стол переговоров, "естьли мы настоять будем в требовании Дуная грани-

inslav

цею". Румянцев поддался на его доводы; в письме от 7(19) августа он выразил мнение, можно "выразуметь", что одну из провинций турки все же уступят[55].

Единственным весомым и действенным аргументом для побуждения турок к компромиссу являлась победа над ними. Надо было искать решения на поле боя. Подсчитав силы, Кутузов увидел, что у него под началом всего 4 дивизии – 27 тыс. штыков, 13,7 тыс. сабель, 4,5 тыс. артиллеристов, и это вместе с частями, занятыми осадой крепостей. Он докладывал военному министру: "Оборонительная наша линия, четырьмя дивизиями защищаемая, начинается, можно сказать, от Белграда и продолжается до Днестра". А у неприятеля лишь под Шумлой 80 тыс. Правда, размышлял полководец, "против турок успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала"[56].

И вот Кутузов, вошедший в историю военного искусства как вождь неторопливый и осторожный, предпочитавший маневр бою, в кампании 1811 г. показал пример "расторопности". Идти к Шумле, где засел великий визирь Ахмед, было неблагоразумно до авантюризма, следовало выманить пашу из крепости. Кутузов стал способствовать распространению слухов о слабости и даже бедственном положении своей армии. Он очистил занятые на правом берегу Дуная земли, оставив за собой лишь Рущук с окрестностями, надеясь своим "скромным" поведением "ободрить" визиря. Тот поддался на заманивание и атаковал русских (20 тыс. человек) под Рущуком 60-тысячной массой своих войск. Действия противника Кутузов оценивал высоко: "Движения его распоряжены были так мудро, что могли бы служить славою и самому искусному генералу"; "конница же его наступала с такою наглостию, что я в долговременную мою противу турецких войск службу не памятую"[57].

Смять русскую оборону туркам не удалось и, будучи отбиты, они побежали. Однако победитель не хотел выглядеть таковым в глазах проигравших, потому от преследования отказался. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы заманить основные турецкие силы на левый берег Дуная, отрезать их от баз снабжения и пополнения и здесь нанести им решающее поражение. В письмах своему "благороднейшему и блистательному другу" Ахмеду-паше, знакомцу еще с прошлого столетия, Кутузов не скрывал своего высокого мнения о полководческих дарованиях адресата с явной целью вдохновить его на новые подвиги (пусть он "опять придет к нам").

В "ободрении" турок Кутузов зашел столь далеко, что взорвал укрепления вокруг Рущука, а войска переправил через Дунай. Ахмед искуса не выдержал и последовал за русскими ("пусть переправляются, только бы перешло их на наш берег поболее"). В Валахии Кутузов окружил визирское войско редутами, а корпус генерала И.И. Маркова, форсировав Дунай, ударил по османским тылам: "Весь его лагерь, орудия, на берегу находящиеся, множество пленных, знамен и богатая добыча служат памятником отличной храбрости наших войск, в сей

inslav

день оказанной". Пути отступления турецкой армии были отрезаны, а сама она окружена под Слободзеей. Ахмед-паша бежал и 5 октября прислал на русский бивак парламентера, прося перемирия и открытия переговоров. Лично от себя он высказывал предположение, что Порта могла бы уступить крепость Хотин с окрестностями[58]. Через неделю Ахмед "расщедрился" и предложил положить границею между двумя империями р. Серет.

Кутузов срочно запросил Петербург о присылке богатых даров, "приличных чести и званию турецких чиновников", назначенных для переговоров: перстней, табакерок, камчатских и якутских соболей, а для обслуги – беличьих шкурок, – все это были необходимые атрибуты достижения успеха.

30 сентября (12 октября) 1811 г. Румянцев направил в Дунайскую армию инструкцию: "Приобретения наши ограничить одною Молдавиею с Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затруднены уступкою всего княжества, то довольствоваться присоединением границы по р. Серет, продолжа оную по Дунаю до впадения его в Черное море"[59]. В Петербурге нервничали и торопили генерала: "Главное – не помешать настоящей негоциации достигнуть мира, что должно быть единственною и предпочтительною целию Вашею". Уполномоченным во главе с Италинским, казалось, удалось достигнуть с турками согласия по смягченному варианту российских требований. 29 октября Кутузов отправил в столицу ободряющую весть: "С общего согласия положено: ...Порта Оттоманская уступает России Бессарабию и всю часть Молдавии, лежащую на левом берегу Серета". Умудренный опытом генерал тут же добавлял: до получения "султанской полной мочи" данные обязательства "никакой силы и действия иметь не могут". В ноябре вместо информации о полномочиях великий визирь известил русских о радостном событии: одна из султанш разрешилась от бремени. А на двенадцатом заседании конференции по перемирию Галиб-эфенди объявил, что прибыло повеление султана, перед коим надо склониться: "...у России нет причин желать расширения территории, она и так обладает самой обширной, и пусть граница останется прежней"[60].

"Негоциация" зашла в тупик. Кутузову было предписано приготовиться "к начатию военных действий". "Начатия" не произошло, потому что зимой тогда не воевали. Предусмотрительный командующий взял "армию турецкую, по сей стороне находящуюся" (т.е. на левом берегу Дуная), "в сохранение до совершения мира" (иными словами, под русскую охрану[61]) и неоднократно угрожал ей пленением.

А пока что канцлер без устали снабжал его советами насчет линии поведения на переговорах, у которых был тот недостаток, что турки, получи они подобную информацию, все равно ей бы не поверили. Так, по Румянцеву, османских уполномоченных следовало пугать "замыслами других держав, которые в совещании своем положили, чтоб воспользоваться настоящею войною к конечному ниспровержению Оттоманской империи в Европе и готовятся присоединить и Е.В. к взаим-

inslav

ному раздел остатков сея державы"[62]. Царь же, по словам канцлера, торопился с миром, "дабы под покровом оного взять на себя попечение охранять Оттоманскую империю". Кутузову надлежало также стращать турок новым сближением Франции и России (это в апреле 1812 года!): "Существующая поныне смутность в отношениях между Россией и Францией побуждает Е.В. отправиться к армиям своим, собранным на границе, где, без сомнения, последует со стороны императора Наполеона предложение о свидании, о сближении и о согласовании общих мер к произведению в действие обширных его планов..." (каково!) В том же апреле сам Александр писал А.А. Чарторыйскому: "Разрыв с Францией, по-видимому, неизбежен. Цель Наполеона – уничтожить, или, по крайней мере, унизить последнюю еще стоящую на ногах державу в Европе"[63].

Скорее всего, Кутузов пропускал мимо ушей раздававшиеся из Петербурга советы, во всяком случае, в протоколах русско-турецких заседаний нет и намека на то, что российские уполномоченные пустили их в ход. Зато сей многоопытный муж, которого можно назвать генералом не только от инфантерии, но и от дипломатии, в полной мере учитывал общую расстановку международных сил на европейской арене и ее влияние на исход переговоров. Положение здесь сложилось неоднозначное. Если старый соперник на Балканах, Австрия, делала все, чтобы вставить палки в колеса российским усилиям, то не такова была позиция Великобритании. Редко когда в истории отношения де-юре между двумя державами, Англией и Россией, а именно состояние войны, не соответствовало положению де-факто, их растущей заинтересованности в сотрудничестве. Ни та, ни другая сторона с самого начала не видели причин для того, чтобы сражаться. Участие России в континентальной блокаде перерезало важнейшие артерии ее экспорта, да и от захвата ее судов англичанами она страдала.

Воевать по-настоящему "неприятели" не хотели. Происходили вещи из ряда вон выходящие. Российский посол продолжал жить в Лондоне как частное лицо. Средиземноморская эскадра Д.Н. Сенявина была еще в 1807 г. заблокирована в устье р. Тахо (Португалия) превосходящим по силе британским флотом. Однако его флагман явно не по собственному наитию, а с ведома своего правительства выразил пожелание, чтобы российские суда были переданы ему (а не сдались!) так, "чтобы менее всего были задеты чувства Вашего превосходительства" (т.е. Сенявина). И корабли, с собственными командами и под Андреевским флагом, приплыли к берегам Британии. Здесь экипажи высадились на берег, а суда были взяты "на охранение". Матросы проживали в казармах, офицеры – на частных квартирах. Через год их переправили на родину. Уже после заключения мира и союза между Великобританией и Россией в порты Балтики были возвращены и корабли, причем те из них, что пришли в ветхость, британское адмиралтейство приобрело по цене новых, видимо, раскаиваясь в небрежном их хранении. Прав акад. Е.В. Тарле, объясняя «внезапное и ненатуральное английское "великодушие" трезвыми и в конечном счете корыстными политическими

inslav

соображениями»[64]. Да, Англия и Россия были кровно и корыстно заинтересованы в сотрудничестве, а не в ссоре.

Глава Форин оффис Джордж Каннинг пользовался каждым удобным случаем (в письмах Н.Н. Новосильцеву и Н.П. Румянцеву), чтобы выразить свое недоумение и огорчение сложившейся противоестественной ситуацией, когда в ссоре оказались страны, чьи жизненные интересы требовали объединения сил. До поры до времени в Петербурге делали вид, что не слышат раздающихся с берегов Темзы призывов. Но только до поры. Когда же рухнули питаемые раньше надежды на дивиденды от сотрудничества с Наполеоном, а над союзом с ним нависли тучи и стало очевидно, что французы всерьез и надолго застряли в Испании, к ним стали прислушиваться.

Но гармония интересов двух стран, о которой столь проникновенно писал Дж. Каннинг, существовала лишь на бумаге: противоречия между ними наличествовали и ощущались прежде всего на Балканах и Ближнем Востоке. По секретному Дарданелльскому договору о мире и союзе между Турцией и Великобританией (1809 г.) Черноморские проливы закрывались для военных судов, что противоречило всем российским устремлениям. Мир с Великобританией, к чему призывал Каннинг, автоматически означал войну с Францией, к которой Петербург не был готов и которую стремился избежать до последней возможности. В британской политике утверждался курс на поддержку в незыблемости владений Османской империи[3*], что никак не стыковалось с российскими планами приобретения Дунайских княжеств. Правда, стали просачиваться сведения, что в Лондоне согласны признать территориальные приращения как акт завоевания, поскольку это не равнозначно расчленению Османской державы, ибо другие страны в сем не участвуют[65]. Но все же это было неофициально, зыбко и неопределенно.

В 1810 г. британский посол в Стамбуле Р. Эдер окольным путем довел до сведения Петербурга "свои" соображения о мире: "Вот основа моего предложения: Россия эвакуирует войска из двух провинций, установит в Молдавии и Валахии статус-кво анте беллум. Можно будет попытаться (! – *В.В.*) расширить ее границы до Прута, но не включая крепость Измаил"[66].

И тем не менее существовавшие противоречия отступали на второй план перед общей задачей сопротивления Наполеону. Попытки привязать Россию к французской колеснице, предпринятые в Тильзите и Эрфурте, провалились с треском. Когда Наполеон вздумал разводиться с бездетной от брака с ним, неспособной обеспечить упрочение династии Жозефиной Богарнэ, все решили, что политические последствия этого матримониального замысла будут неисчислимы. По Парижу распространился слух, явно инспирированный, что император обратил свои взоры к великой княжне Екатерине Павловне. Сама предполагаемая невеста пришла в смятение – ведь еще недавно в церквях

[3*] См. раздел "Контуры доктрины статус-кво".

inslav

Наполеона предавали анафеме как "тварь, совестью сожженную и достойную презрения"; царица-мать Мария Федоровна пребывала в беспокойстве. О реакции в Петербурге можно судить по указаниям, которые в сверхосторожной и в высшей степени дипломатичной форме канцлер Н.П. Румянцев дал послу в Париже: "Я был бы счастливейшим из людей, если бы мог уберечь самую нежную и самую величественную из матерей от тревоги, в которую ее эти слухи погрузили"[67]. Отказ Наполеона от официального сватовства был воспринят в мире как знак неизбежной конфронтации. В марте 1810 г. его министр иностранных дел Ж.Б. Шампаньи призывал "заранее рассматривать Россию как естественного союзника Англии"; "подготовимся к борьбе с ней", – заключал он свою записку императору[68].

В налаживание контактов с Петербургом включился принц-регент Георг. 16 августа 1811 г. он отправил "с оказией" собственноручное письмо Александру. В нем важно не содержание, чисто протокольное, а форма и тональность. Выразив глубокую скорбь по поводу произошедшего между двумя странами разрыва, он свидетельствовал свое "чувство доброго расположения и приязни, которые не могут быть уничтожены временным или случайным препятствием". И заключал: "преданнейший Вам (от имени короля) Георг"[69].

Александр на письмо не ответил, но было ясно, сколь нетерпеливо в Лондоне ждут русско-французского разрыва и возвращения России в лоно коалиции с Великобританией. Негласно сотрудничество уже началось, и Румянцев делился с Кутузовым своими соображениями на сей счет: "Не могло скрыться от проницательности лондонского кабинета, сколько и одна наружность самой малейшей остуды нашей с Франциею была для дел их полезна, что отделение только некоторой части войска нашего на польские границы воспрепятствовало уже императору Наполеону отправить в Гишпанию все те войска, коими он предлагал усилить там свою армию: успехи англичан были того последствием". Но и Великобритании в силу своих интересов было выгодно способствовать прекращению войны на Востоке: "Англичане должны из того усматривать, что по заключении мира с Портою вся масса наших войск будет оставаться свободною, и что сие, тревожа императора Наполеона, будет вообще стеснять его предприятия: следовательно, Англия и посреди войны с Россиею найдет величайший свой интерес сближать Порту к примирению с нами, и посол ее в Царьграде, вероятно, не оставит склонить к тому турецкое министерство"[70].

В том , что британская дипломатия в решающие месяцы помогала налаживать контакты и воздействовала на турок в пользу договоренности, нет сомнения, но и преувеличивать эту помощь нет причин. Посланник Р. Листон не спешил покидать родной Лондон; Англию в Стамбуле представлял в ранге поверенного в делах Чарлз Стрэтфорд-Каннинг, брат (двоюродный) знаменитого министра, в будущем – "великий элчи" (посол), влиятельнейшая фигура в Османской империи. Но пока что это был 25-летний молодой человек, изредка получавший информацию из Форин оффис, жаловавшийся начальству на отсутствие

inslav

у него инструкций. Да и возраст на Востоке уважают, а чего не было – того не было.

По доверительным сведениям, полученным штабом Кутузова в январе 1812 г., на запрос о позиции Англии в отношении русско-турецких переговоров Стрэтфорд ограничился замечанием, что не располагает инструкциями. В марте Кутузов передавал дошедшие до него сведения, что турки будут настаивать на включении в договор пункта о Персии и исключении из него всякого упоминания о границе в Азии (т.е. о вхождении Грузии в состав России): "Сие новое затруднение почитаю я единственно последствием внушений г-на Каннинга, рожденных от торгового корыстолюбия его правительства. Я даже полагаю, что неожиданное предложение, сделанной нам Портою, отстранить совершенно статью об Азии, нельзя иному чему приписать, как равномерно внушениям аглицкого поверенного в делах"[71].

Но поступала информация и иного рода: "Поверенный в делах Англии в письме на имя Галиба-эфенди настойчиво высказался в пользу мира"[72]. Стрэтфорд обусловил свое содействие согласием турок на разграничение по р. Прут и пригрозил им, в случае продолжения войны, прорывом британского флота в проливы. Для вящей убедительности он ознакомил их с австро-французским планом раздела султанского наследства[73]. Французы обратят себе на пользу срыв переговоров, рассуждал британец, что затронет интересы не только Порты, но и Англии.

Первый турецкий "полномочный" на переговорах Галиб-эфенди был сторонником договоренности и осторожно дал понять в личной беседе с Кутузовым о приемлемых условиях: старая граница в Азии, а в Европе – черта по р. Прут, причем крепости Измаил и Килия остаются за Турцией. Он добавил, что опасность желаемому миру исходит не только от иностранцев, но и от местных интриганов ("разных персонажей в правительстве")[74], пытающихся совлечь Порту с пути ее истинных интересов.

Положение "ни мира, ни войны" невозможно было длить до бесконечности. Кутузов грозил разгромом и пленением остатков османской армии, взятой им "на охранение". Французская дипломатия, ассистируемая австрийской, предпринимала отчаянные усилия, пытаясь не допустить согласия. 3 мая Кутузов сообщал канцлеру: "Г-н Латур-Мобур и интернунциус Стирнер[4*] все усилия свои употребляют, чтобы склонить Порту принять обольстительные предложения своих дворов"[75]. В Париже маршал М. Ней поведал турецкому поверенному в делах, что 400-тысячная армия готова обрушиться на Россию.

Но в Стамбуле твердо запомнили уроки 1806 г., когда, поверив французским обещаниям, ввязались в войну с Россией и были брошены на произвол судьбы, и повторять печальный опыт не собирались. На коварный вопрос француза – не затребует ли Порта себе, в случае войны между Францией и Россией, возвращения прежних владений, реис-

---

[4*] Правильно – "*интернунций*" (посол Австрии в Турции) и *Штирнер*.

inslav

эфенди ответил философски: Турция фактически не ведет войны, и будущее предвидеть трудно[76]. Тогда Порте прямо предложили и возвращение княжеств, и Крым за решительный поворот в сторону Франции и войну в союзе с ней. Однако турки знали, что те же самые Молдавия и Валахия были обещаны Австрии. Французская дипломатия запуталась в собственных комбинациях и очутилась в тупике.

Загнанные пинками в союз с Францией Австрия и Пруссия дали знать Петербургу, что воевать на ее стороне будут символически. Император Франц не проглотил предложенную его зятем Наполеоном приманку – выставить против России 50-тысячную армию и сражаться по-настоящему в обмен на Дунайские княжества и иные приобретения[77]. Посетивший столицу Османской империи секретарь шведского короля дал понять, что его страна – на стороне России. Международной изоляции Петербурга не получилось...

Казавшийся неразрешимым узел русско-турецких противоречий был разрублен царским рескриптом от 22 марта (3 апреля) 1812 г. на имя Кутузова. Александр писал его сам, задумываясь над отдельными формулировками и перечеркивая карандашом уже написанное: "Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира. Убедительнейше взываю Вас любовию к своему Отечеству обратить все внимание и все усилия Ваши к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная... Для единственно Вашего сведения сообщаю Вам, что если бы невозможно было склонить турецких полномочных подписать трактат по нашим требованиям, то, убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит достижение мира, можете Вы сделать необходимую уступку о границе в Азии. В самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, положа Прут, по впадении оного в Дунай, границею"[78]. Последнюю уступку император обусловил заключением союзного договора с Портой.

О степени секретности царского решения можно судить по тому, что тем же 22 марта помечены очередные инструкции Румянцева, в которых предписывалось держаться твердо и положить р. Серет границею! Статья 4 подписанного в Бухаресте 16(28) мая 1812 г. мирного договора гласила: "Поставлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее"[79]. Мирным актом предусматривалось предоставление сербам самоуправления. В Азии Россия отказывалась от завоеваний, но не от земель, добровольно вошедших в ее состав, т.е. Грузии[5*]. Император Александр ратифицировал договор 11(23) июня в Вильно, а на другой день началось вторжение наполеоновских орд в Россию.

[5*] Султан Махмуд II, не без совета Ч. Стрэтфорд-Каннинга, отказался ратифицировать положения договора о границе в Азии (что показывает сугубую относительность британской поддержки и абсолютную безотносительность англо-русского соперничества).

inslav

Поскольку рескрипт от 22 марта был окружен непроницаемой тайной и в нем фигурировало требование заключения союза с Портой, Кутузов брал на себя колоссальную ответственность, заключая мир. "Что я ничего лучшего сделать не мог, то сему притчиною положение дел в Европе, – писал он в реляции Александру I от 4(16) мая. – Что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог". Характерно заключение: "Но если со всем тем выгоднее разорвать все мною обещанное, в таком случае приму я без роптания все, что касательно меня последовать может. Нещастие частного человека с пользою общею ни в какой расчет не входит..."[80] Из этого видно, что Кутузов предоставлял царю право отказаться от договоренности, взвалив всю вину на него.

Отказа не последовало – мир в создавшихся условиях был благом для России, – но и заслуженных лавров полководец не дождался. Еще 5(17) апреля был заготовлен рескрипт о передаче им командования армией адмиралу П.В. Чичагову. Рескрипт существует в двух вариантах – один написан совсем сухо (на случай, если к прибытию Чичагова мир не будет заключен), в другом, как бы спохватившись, царь обещал "награждение за все знаменитые заслуги, кои Вы оказали мне и Отечеству"[81]. Однако считать таковым назначение членом Государственного совета, служившего местом почетной ссылки престарелых сановников, вряд ли уместно. Что же – Мавр сделал свое дело и мог удалиться... А через три месяца Кутузов – вновь по призыву царя – выехал из своей деревни навстречу армии, занятой гигантской схваткой с полчищами Наполеона, – навстречу битвам, славе, смерти и бессмертию.

Адмирал Чичагов по прибытии на берега Дуная попытался осуществить царское указание о союзе с Портой. В депеше Ч. Стрэтфорд-Каннингу от 7(19) мая он писал о необходимости отвратить ее от "коварных соблазнов" Франции и убедить ее в том, что, лишь примкнув к англо-русской коалиции, она обретет спасение. 3(15) июля в письме к водворившемуся наконец в месте назначения британскому послу Р. Листону он просил "способствовать елико можно скорее заключению союза с Турцией"[82].

Замыслы открытия нового фронта в Далмации, да еще при поддержке османских войск, лопнули как мыльный пузырь. Адмирал вместе со своей армией двинулся в Центральную Россию, чтобы угрожать Наполеону с фланга.

Нам же остается здесь рассказать о положении Дунайских княжеств в 1806–1812 гг. и их взаимоотношениях с Россией. Население встретило вступившие в их пределы российские войска приветливо. "Лучшего расположения умов желать нельзя", – докладывал статский советник Соколов генералу Михельсону[83].

Но содержание войска легло в значительной степени на плечи жителей, а тут еще традиционный беспорядок, царивший в делах, и вошедшие в плоть и кровь администрации злоупотребления. Молдаване жаловались И.И. Михельсону на лихоимство князя К. Ипсиланти,

inslav

собравшего налогов и поборов на полтора миллиона лей больше положенного. Генерал не сумел разобраться, справедливо ли обвинение, но полагал, что "оный щет чаятельно увеличен". Куда девались деньги – также неизвестно, ибо Диван молдавский "опустил руки, не нашед в казне... ничего налицо", и "затруднялся в изворотах". Бояре горько жаловались на князя Ипсиланти, который под предлогом снабжения армии ввел "совсем несходственные меры", в результате чего "все тягости понесли бедные жители, а ни малейшим платежом за поставку разных вещей не воспользовались"[84].

Создается впечатление, что командование Дунайской армии запуталось в круговерти доносов и интриг и не было в состоянии разобраться, кто прав и кто виноват (да и существовали ли правые?) Поскольку молдавский господарь А. Мурузи лавировал и верным не считался, его сместили и поручили управление обоими княжествами К. Ипсиланти. Властолюбивый вельможа явно метил в наследственные владыки и даже организовал в бухарестской митрополии церемонию присяги ему со стороны высшего духовенства, боярства и торговцев (что не помешало им продолжать "кампанию жалоб"). Михельсон докладывал, что тень недовольства самоуправством князя может пасть на Россию и "по возникающему ныне негодованию подвергнуть может крайнему беспокойству" страну[85]. Все это вызвало в Петербурге тревогу и подозрение, и честолюбцу пришлось покинуть княжества и вместе с семьей переселиться в Россию.

Управление ими было поставлено под российский контроль. Сенатор С. Кушников и бывший киевский губернатор В. Красно-Милашевич, как председатели молдавского и валашского диванов, пытались бороться со злоупотреблениями, но взамен изобличенных и наказанных казнокрадов приходили новые. Русские войска снабжались частично из Подолии и Херсона, частично – из княжеств по квитанциям, подлежавшим обмену на деньги, и притом через посредников, к рукам которых немало прилипало. Чиновники, присылаемые из России для надзора, были под стать местным, и диваны горько жаловались на их лихоимство[86]. Эпизодически происходили выступления крестьян против тяжести поборов и налогов. Командование пыталось принять меры против злоупотреблений, издавая грозные приказы и карая тех, кого настигала его рука. Но, как известно, от осуждения зла до его искоренения – дистанция огромного масштаба... Здешние порядки (или, скорее, беспорядки) возмущали старого фельдмаршала А.А. Прозоровского: "...администрация в сих княжествах основана вообще на грабеже, как то господарям подробно известно. Ибо они за деньги дают чины и места, а люди, оные получающие, возмещают все опять же на народе, который, следовательно, и несет один всю тяжесть"[87].

Все же экономика Молдавии и Валахии в годы войны в запустение не пришла, и поставки для русской армии способствовали ее развитию. Интересно, что военные инженеры предприняли поиски в Карпатских горах железных и медных руд, золота, серебра и свинца, обнаружили новые запасы соли, серы, угля.

inslav

Были приняты кое-какие меры по упорядочению жизни городов. В Бухаресте учредили полицию и пожарную службу (насосы привезли из Киева), замостили некоторые улицы, укрепили берега р. Дымбовица, чтобы во время разливов она не затапливала окрестные дома. Была проведена проверка лиц, занимавшихся лечебной практикой, с целью устранения из их среды шарлатанов и знахарей.

Война поставила перед молдо-валашским обществом судьбоносный вопрос: каким путем идти?

Стремление связать свою судьбу с судьбой России не оборвалось, и после сражения при Обилешти (1807 г.) ведущие молдавские бояре во главе с митрополитом Вениамином решились от имени всего населения "от мала до велика дерзнуть и со слезами на глазах прибегнуть к избавителю нашему", дабы освободить страну от "тиранского ига, от суровости иноверцев и от опасностей от мятежников", истребить "несносное правление, дышащее угнетением бедному сему народу". Они обратились к Александру I с просьбой – "присоединить правление земли сей с Богохранимой державой твоей", напомнив о том, что традиционно фигурировало в подобных прошениях о подданстве, а именно – сохранение в Молдавии старых законов и обычаев, о чем говорит фраза о "преимуществах, которые твоя ж власть земле сей утвердила". "Да будет одно стадо и един пастырь. И тогда да наименуем сей есть златый век состояния нашего", – заключали митрополит, епископы и бояре[88]. Этот документ позволяет утверждать, что требование о присоединении Дунайских княжеств дипломатически оформляло их добровольное вступление в состав России, являясь одним из звеньев собирания народов под скипетром державы. Однако итог – присоединение Бессарабии – означал расчленение Молдавского княжества.

В румынской историографии последних лет проводится тезис о том, что боярство действительно продолжало ориентироваться на Россию, надеясь с помощью царизма сохранить свои привилегии и усилить феодальный гнет. Такие надежды существовали – недаром русской администрации предложили санкционировать рост числа барщинных дней с 12 до 32 в год. Отклика это обращение не получило. Но средние и низшие слои, согласно упомянутому взгляду, изверились в добрых намерениях России и будто бы отвернулись от нее[89].

Какими-либо весомыми документальными материалами, свидетельствующими о широкой поддержке антирусского курса, данная точка зрения не подкрепляется. Можно даже сказать, что этот курс пока что не прослеживается. Даже в донесениях французских консулов из княжеств содержались признания иного рода: "Большая часть жителей привержена России". Тут же оговаривалось, что это происходит "не потому, что они желают перейти под ее управление", а "ввиду надежды на восстановление, под ее влиянием, действия хатт-и шерифа 1802 г. Таковы мотивы, воздействующие на умы большей части жителей"[90]. Утверждение о глубинных мотивах прорусских настроений заслуживает, на наш взгляд, внимания; если идея национального суверенитета еще не созрела, то мысль о значительном расширении прав

inslav

княжеств, опираясь на поддержку России, но не входя в нее, завоевывала проницательные умы. Цепляние российских властей за консервативное боярство, нежелание допустить малейшего конституционного дуновения поощряло эту тенденцию, пока еще очень слабую.

В архивах сохранился проект конституции для Дунайских княжеств, но сочиненный не румыном, а французским эмигрантом, маркизом Сен-Олером, который просил представить свое детище А.А. Чарторыйскому, а если возможно, то и императору. Но генерал М.А. Милорадович, в чьи руки конституция попала, вылил на голову прожектера ушат холодной воды, найдя "совершенно неприличным, скандальным склонять бояр к сочинению просьб на высочайшее имя и тем самым побуждать их более к природной их склонности к интригам"[91], хотя маркиз предусматривал, что ни один закон не может быть принят без одобрения российского резидента.

Свидетельств о целенаправленной оппозиции российскому управлению в княжествах в отечественных архивах почти не сохранилось. По дошедшим сведениям, некий спатар Иордакий Катарджи, будучи в Вене, "показывал неудовольствие, говоря о Молдавии". Его "тайным образом" схватили и заточили в Тираспольскую крепость. Иордакий каялся: он-де по легкомыслию "изъяснял речи, некоторым образом званию его неподобающие", и его отпустили с миром. О том, что оный Катарджи был послан единомышленниками в Париж, просить там протекции Наполеона, не дознались[92].

Ориентация на Россию оставалась преобладающей. Мерилом общественных настроений может служить участие местных жителей в добровольческих военных формированиях, а оно было довольно значительным. Вскоре после вступления полков Михельсона в княжества было сформировано 6 отрядов по 600 человек в каждом. В дальнейшем создавались и другие части под названиями одно красочнее другого: "македонские драгуны", "эллинский корпус", полк "казаков", "черные валашские гусары", в которые вступали как греки, македонцы, сербы, болгары из числа тех, что приютила земля княжеств, так и коренные жители. В условиях "странной" войны, когда периоды активных боев сменялись длительными перемириями, они быстро распадались – содержать их было накладно, особенно в месяцы бездействия. По признанию румынского историка Г. Безвиконного, интерес они представляют больше не как воинская сила, а как предтеча национальной армии[93]. Одно из донесений фельдмаршала А.А. Прозоровского содержит совсем грустную констатацию насчет солдат, завербованных князем К. Ипсиланти: они "действительно никуда не годятся и совершенно ни к чему не способны... Я нашел почти всех в ободранном платье и обуви и большею частью в одних постолах"[94]. Командиры жульничали, сообщая начальству завышенное число имевшихся у них людей и получая на них довольствие.

Но не все было так плохо. Наиболее боеспособной частью разношерстных добровольческих формирований являлись пандуры Малой

inslav

Валахии (Олтении). Они несли службу на правом берегу Дуная, обороняли фланги российских войск в решающем сражении под Рущуком (1811 г.), тогда же им удалось захватить турецкие суда в устье р. Олт[95]. Из рядов добровольцев-пандур вышел вождь Валашского восстания 1821 г. Тудор Владимиреску, а тогда – командир батальона. Архивы сохранили свидетельства службы добровольцев: "Состоящий в команде его батальон содержан был в добром порядке и воинской дисциплине; сверх того, по деланным ему поручениям ловил несколько раз и доставлял к начальству существующих в здешних местах разбойников" (генерал-лейтенант И.И. Марков). Некоторые данные о воинских операциях Владимиреску приведены в записке майора Редрикова (1810 г.): с "июня 4-го дня по 3-е сентября сего года оный слуджер, командуя приверженными к нему христианскими пандурами, служил со всею ревностью в пользу Е.И.В., во все время бомбардирования падшей крепости находился на батарее противу оной, прерывал всякое сношение гарнизона Кладова с Адамкале, зная все проходы в горах, оберегал внутренность Малой Валахии от набегов и грабительства пандур турецких и везде, где только форсировали разбойники, форсировал и сам добровольно, следовал войсками своими на поражение, и всегда возвращался /с/ щастливым успехом"[96]. Чин поручика и орден Святого Владимира явились наградою ему за оказанные российской армии услуги.

Пока солдаты сражались, а крестьяне трудились, в столицах, Яссах и Бухаресте, расцветала светская жизнь нового, невосточного стиля. Греческий язык, распространенный в боярстве и купечестве, уступал место французскому. Появились театральные труппы. Из Петербурга прибыли два танцмейстера, из Киева – регент. Балы следовали один за другим. Столицы приобщались к Европе.

[1] Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 67–68.
[2] Там же. С. 441–442.
[3] ВПР. М., 1963. Т. 3. С. 226–231.
[4] Там же. С. 136.
[5] Там же. С. 255.
[6] Lettres inédites de Napoléon I. P., 1897. T. 1. P. 73.
[7] Сб. РИО. Т. 89. С. VI–VIII.
[8] *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 168–174.
[9] ВПР. Т. 3. С. 99–100, 133–134.
[10] Там же. С. 171–172, 191.
[11] Там же. С. 324–325, 517, 710.
[12] *Driault E.* La politique orientale de Napoléon: Sébastiani et Gardane (1806–1808). P., 1904. P. 59–60.
[13] *Петров А.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 40–41.
[14] Там же. С. 50, 56.
[15] Там же. С. 69.
[16] Там же. С. 55.
[17] *Driault E.* Op. cit. P. 93–107.
[18] *Петров А.* Указ. соч. С. 335–336; *Миллер А.Ф.* Мустафа-паша Байрактар: Оттоман-

inslav

ская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947. С. 152–153. В данном разделе широко используются материалы этого фундаментального исследования А.Ф. Миллера.

[19] ВПР. Т. 3. С. 738–739.

[20] Там же. С. 563.

[21] Там же. С. 11.

[22] Там же. С. 604.

[23] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 164; *Driault E.* Op. cit. P. 222; ВПР. Т. 3. С. 640.

[24] ВПР. Т. 3. С. 645–646.

[25] *Driault E.* Op. cit. P. 227–229.

[26] Сб. РИО. Т. 89. С. VI; История внешней политики России: Первая половина XIX в. М., 1995. С. 63.

[27] Сб. РИО. Т. 89. С. XV; *Driault E.* Op. cit. P. 55.

[28] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 169.

[29] История внешней политики России: Первая половина XIX в. С. 65.

[30] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Дипломатическая канцелярия Главнокомандующего Дунайской армией (№ 321). 1807. Кн. 3. Д. 29. Л. 241.

[31] ВПР. Т. 3. С. 650; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1886. Л. 92.

[32] *Петров А.* Указ. соч. С. 279–283.

[33] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 214.

[34] Сб. РИО. Т. 83. С. 231, 233.

[35] Сб. РИО. Т. 88. С. 389.

[36] *Вандаль А.* Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во время первой империи. СПб., 1910. Т. 1. С. 217.

[37] Сб. РИО. Т. 89. С. 742–745.

[38] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 217–218.

[39] Там же. С. 222–224.

[40] Сб. РИО. Т. 89. С. 312, 446, 520–521.

[41] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 224.

[42] *Driault E.* Op. cit. P. 252; *Вандаль А.* Указ. соч. С. 288–310.

[43] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 228.

[44] Там же. С. 306.

[45] ВПР. М., 1965. Т. 4. С. 359–363.

[46] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 307; România în relațiile internaționale. Iași, 1980. P. 63.

[47] АВПРИ. Ф. 321. 1808. Д. 24. Л. 251.

[48] Дневниковые записки А.Г. Краснокутского о поездке в Константинополь в 1808 году. М., 1815. С. 55.

[49] АВПРИ. Ф. 321. 1808. Кн. 6. Д. 59–60. Л. 35, 55.

[50] *Гулиа Г.Д.* К истории Восточного вопроса: русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми, 1978. С. 55.

[51] АВПРИ. Ф. 321. 1809. Д. 8. Л. 15.

[52] Там же. 1811. Д. 14. Л. 80.

[53] Там же. 1811. Д. 14. Л. 181, 214, 318; 1811–1812. Д. 15. Л. 95.

[53] Там же. 1811. Д. 14. Л. 305.

[55] Там же. Д. 1960. Л. 163; Ф. 321. 1811. Д. 14. Л. 318.

[56] *Жилин П.А.* Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 112, 114.

[57] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Д. 1961. Л. 3–4.

[58] Там же. Д. 1960. Л. 365, 379, 402.

[59] ВПР. Т. 6. С. 181–182.

[60] АВПРИ. Ф. 321. 1811–1812. Д. 15. Л. 173; Д. 1960. Л. 429, 430, 469; 1811–1812. Д. 1984. Л. 145.

[61] Там же. 1811. Д. 1960. Л. 517.

[62] Там же. 1812. Д. 1982. Л. 310–311, 375–376.

[63] *Гулиа Д.Г.* Указ. соч. С. 68.

inslav

[64] *Тарле Е.В.* Три экспедиции русского флота. М., 1956. С. 120.
[65] România în relaţiile internaţionale. P. 63.
[66] *Гулиа Д.Г.* Указ. соч. С. 63.
[67] ВПР. Т. 3. С. 497–498.
[68] *Гулиа Д.Г.* Указ. соч. С. 57.
[69] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Д. 6073. Л. 7–8.
[70] Там же. Д. 14. Л. 328–329.
[71] Там же. 1812. Д. 1982. Л. 64, 99.
[72] Там же. Д. 1982. Л. 118, 119.
[73] *Гулиа Д.Г.* Указ. соч. С. 88–89.
[74] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Д. 1982. Л. 202–203.
[75] Там же. Л. 251.
[76] Там же. Д. 1982. Л. 63.
[77] România în relaţiile internaţionale. P. 65.
[78] М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1952. Т. 3. № 944. С. 850.
[79] ВПР. Т. 6. М., 1962. С. 413, 737.
[80] М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. № 979. С. 893.
[81] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Д. 1982. Л. 281.
[82] Там же. Д. 2004. Л. 3, 5.
[83] Там же. 1807. Д. 1886. Л. 36.
[84] Там же. Л. 33, 37, 57.
[85] Там же. Л. 56, 57, 77, 85.
[86] *Bezviconi G.* Contribuţii la istoria relaţiilor româno-ruse. Buc., 1962. P. 195–196.
[87] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 213.
[88] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1886. Л. 47.
[89] Istoria României. Buç., 1964. Vol. 3. P. 720; România în relaţiile internaţionale. P. 58–59.
[90] Istoria României. Vol. 3. P. 607.
[91] АВПРИ. Ф. 321. Кн. 6. Д. 59–60. Л. 389.
[92] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Д. 1960. Л. 248; Istoria României. Vol. 3. P. 604.
[93] *Bezviconi G.* Op. cit. P. 188.
[94] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 212.
[95] Istoria României. Vol. 3. P. 609, 611. Подробно о действиях добровольческих соединений см.: Известия Молдавского филиала АН СССР. 1961. № 2; Труды Центрального архива Молдавской ССР. Кишинев, 1962. Т. 1.
[96] Documente privind istoria României. Răscoala din 1821. Buc., 1959. Vol. 1. N 3, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 15, 22.

inslav

В ТЫЛУ СРАЖЕНИЙ МИРА НЕТ

БОЛГАРИЯ: ШАГИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Русско-турецкая война создала условия для активизации болгарского национального движения.

Когда в 1806 г. Россия объявила войну Турции, она имела преданного и надежного союзника в лице порабощенных балканских народов. "Опыт прошлой войны с турками, – писал главнокомандующий Дунайской армии генерал Михельсон министру иностранных дел А.Я. Будбергу, – служит примером того, сколь полезно и, в случае войны, даже необходимо набирать арнаутов (здесь: добровольцев из местного христианского населения. – *О.М.*). Кроме того, следует иметь в виду и другое обстоятельство – назревшее у них желание освободиться". Ответ из Петербурга был полностью положительным. Царь своим рескриптом от 2(15) января 1807 г. уполномочил Михельсона приступить к осуществлению этого плана, но подчеркнул, что набирать добровольцев следует только из эмигрантов[1].

С началом войны изменилось положение болгарских представителей в Петербурге, приехавших еще осенью 1804 г. с целью получить покровительство России своему народу. На их обращения к управляющему министерством иностранных дел А. Чарторыйскому и другим официальным лицам с просьбами принять их как представителей болгарского народа им давались уклончивые ответы, что это невозможно до получения ими из Болгарии полномочий, а на просьбы разрешить возвращение на родину – вежливый отказ и предложение поселиться в Крыму[2]. Такое поведение царского правительства диктовалось, с одной стороны, курсом России на поддержание добрых отношений с Портой, а с другой, – стремлением сохранить традиционную веру юго-славянских народов в готовность России им покровительствовать. С началом войны ситуация изменилась. И. Замбин и А. Некович – члены болгарской депутации – подали новое прошение о возвращении на родину, в котором писали, что их возвращение может принести много пользы России. В военных действиях, которые, как можно было предположить, развернутся в бассейне Дуная, болгары могли бы оказать существенную поддержку русским войскам. В новых условиях это отвечало интересам России, и на это прошение был дан положительный ответ. 25 апреля 1807 г. генералу Михельсону поступило правительственное

© О.В. Медведева, Г.Л. Арш, Л.В. Зеленина

inslav

распоряжение о предоставлении средств для осуществления их намерений. А. Некович отправился в Бухарест, где он встретился с членами Болгарского политического комитета, в том числе и с Софронием Врачанским[3]. 1(10) января 1808 г. Софроний направил в Петербург "верующее письмо", которым И. Замбин, остававшийся в России, и А. Некович уполномачивались представлять перед российскими официальными кругами от имени "единоверцев... помянутой нации славянского народа". В письме говорилось, что болгары "все единодушно жаждут желанием быть с преданностью под российскою державою, но не имеют случая испросить онаго себе величественного покровительства!"[4].

Письмо имело отклик. По приказанию князя А.А. Прозоровского Софроний в качестве лидера болгарских патриотов был приглашен для беседы с генералом Милорадовичем, отозвавшемся о нем в своем последующем докладе весьма положительно и сообщившем ему, что "верующее письмо" было принято в Петербурге с особым благоволением"[5]. Однако дальше благосклонного отношения дело не пошло: депутация не достигла своей цели. А. Замбин умер в Петербурге, так и не дождавшись определенного ответа от правительства России. Такая позиция объяснялась стремлением воздержаться от принятия на себя обязательств по будущему статусу болгар. Об этом писал главнокомандующий Молдавской армией управляющему министерством иностранных дел Н.П. Румянцеву 2(14) августа 1808 г.: "При настоящих обстоятельствах впредь до времени не имеем мы средства подавать им деятельного пособия и покровительства"[6]. Но, несмотря на отсутствие реальных результатов, первая болгарская миссия в Россию сыграла определенную роль в активизации болгарского национально-освободительного движения, в установлении более тесных контактов между Дунайской армией и болгарами.

Развитие наступательных операций Молдавской армии за Дунаем побуждало ее командование налаживать контакты с местным населением и добиваться его дружественного расположения. Еще в рапорте от 29 мая (10 июня) 1809 г. на имя царя А.А. Прозоровский писал: "Переход через Балканы не встретит, милостивейший государь важных препятствий, тем более что по оным есть дороги, но надобно занять сии горы, и я не отчаиваюсь склонить болгаров на нашу сторону и обратить их на сие употребление"[7]. В декабре 1809 г. к Софронию Врачанскому обратился новый командующий П.И. Багратион, прося его использовать свое влияние среди болгар, с тем чтобы они содействовали русской армии и снабжали ее продовольствием, способствуя "успеху предприятия, имеющего целью их собственное благополучие". Через своего представителя Багратион заверял Софрония, что болгары всегда пользовались "особым покровительством е.и. величества" и что "даже если бы Болгарии суждено было остаться под властью Порты, император не мог бы согласиться на это иначе, как оговорив такие условия, которые навсегда обеспечили их спокойствие и благополучие"[8]. С болгарским лидером установил тесные контакты и Н.М. Каменский, сменивший Багратиона на посту главнокомандую-

inslav

щего Молдавской армией в феврале 1810 г. По его совету Софроний составил обращение к "роду болгарскому". Сообщая соотечественникам о приближении избавления от "турецкого варварского мучительства" и о предстоящем вступлении на землю Болгарии "крестоносного воинства" императора Александра I, он заканчивал свое воззвание следующими словами: "И имейте их каквото единородния братия вашя; верно и любезно послужите им и примите их в дом вашя; и угостите и почетите их..."[9] Он верил, что эта война будет для болгар освободительной. В 1811 г. он выработал программу государственного устройства и управления болгарской автономной области под русским покровительством.

Что касается последних лет жизни Софрония Врачанского, то известно, что в ноябре 1810 г. он обратился с письменным ходатайством к графу Каменскому об определении его в какой-либо монастырь – "для успокоения и пропитания старости моей". Согласно постановлению молдаво-влахийской экзаршей консистории от 23 декабря (ст.ст.), выбор такого монастыря был поручен митрополиту Игнатию. Последние годы своей жизни Софроний прожил, очевидно, в одном из пригородных бухарестских монастырей. Оттуда им было отправлено прошение на имя главнокомандующего М.И. Кутузова о предоставлении депутату А. Нековичу места близ р. Олта, где было устроено село для болгарских беженцев в Валахии. Последним известным документом с подписью Софрония (и подписями других депутатов) было благодарственное письмо Болгарского комитета от 4 августа 1813 г. Атанасу Нековичу за его усердные труды на пользу болгарскому народу. По-видимому, в сентябре 1813 г., Софроний умер. Место его погребения неизвестно. Существует предположение, что он был похоронен в монастыре Шербан Вода, близ Бухареста.

Во время войны 1806–1812 гг. болгары не только помогали русской армии сбором сведений, продовольствием, но и участвовали в военных действиях. Война способствовала пробуждению национального самосознания среди самых широких народных масс, считавших ее освободительной. Несмотря на отсутствие у болгар просветителей и революционеров и низкий политический уровень общества, все же действия болгар в ходе войны свидетельствовали об их стремлении к освобождению.

В районе Дуная была создана широкая разведывательная сеть – из болгарских торговцев, священников, учителей, ремесленников. Доставлявшиеся ими в русские штабы сведения использовались при составлении военно-тактических планов[10].

В отличие от предшествующих русско-турецких войн в войне 1806–1812 гг. свою политическую активность болгары проявили и в сравнительно массовых выступлениях против османских властей. В начале 1810 г. восстали около 4 тысяч болгар большого села Арнаутькой (современный Пырвенец). Об этом восстании стало известно в русском штабе. Командование понимало, что повстанцы отвлекают на себя силы противника на направлении Разград – Тырговиште – Шумен, что было ему на руку. В июле 1810 г. Н.М. Каменский

inslav

направил восставшим специальное послание, призвав их к дальнейшей борьбе против османов. "Вы получите все, сражаясь за свободу, ведомые Богом – защитником невинных и при поддержке братской армии!" Хорошо осведомленный о внешнеполитических планах своего правительства, генерал не посмел обещать им ничего, кроме "бегства в пределы России", где их ждут плодородные земли и народ, "раскрывший братские объятия"[11].

Освобождение Болгарии не входило тогда в планы России. Однако она всячески старалась извлечь для себя выгоду из надежды болгар на освобождение. Так в инструкции, направленной адмиралу Чичагову в 1812 г., предписывалось использовать "любые средства", чтобы расположить южнославянское население, и в случае необходимости "обещать независимость и образование южнославянского королевства"[12].

Еще в июле 1811 г. началось формирование на основе добровольности болгарского Земского войска. По приказу М.И. Кутузова добровольцев разделили на сотни и десятки, офицеров выбирали. Командиром одного из отрядов был назначен долго живший среди болгарских переселенцев ротмистр Д. Ватикиоти[13].

Вначале Земское войско насчитывало 500 человек, из них сотню кавалеристов. В течение месяца численность войска увеличилась до 2 тысяч человек, большинство добровольцев пришли из-за Дуная. К войску со своим отрядом присоединился впоследствии известный патриот, выходец из Котела, живший в эмиграции в Валахии, Георгий Мамарчев. Болгарское добровольческое соединение, участвовавшее в охране левого берега Дуная, выполняло разведывательные функции и сражалось плечом к плечу с русскими войсками под Тутраканом, Никополем, Силистрой. Особенно отличились болгары при взятии Силистры. Их командир Ватикиоти был представлен Кутузовым к награде[14].

Война закончилась в 1812 г., нисколько не улучшив положение болгар. Тем, кто участвовал в войне или помогал русским войскам, была дарована полная амнистия.

Война вызвала первое массовое переселение болгар в Россию. Еще в самом начале войны при Главном штабе Дунайской армии была создана канцелярия по гражданским вопросам во главе со статским советником А.П. Коронели, призванная заниматься и вопросами переселения; русское правительство было заинтересовано в переселении христиан из Османской империи в южные области России, тогда еще неосвоенные. В связи с переселением были изданы специальные императорские указы, дополнявшиеся временными постановлениями и распоряжениями. Так постепенно вырабатывались правила организации подобных акций, использовавшиеся до 1819 г.

1 сентября 1807 г. был обнародован указ о дополнительных льготах болгарским переселенцам в Россию, предусматривавший предоставление каждому семейству по 60 десятин земли в наследственное владение; освобождение от налогов на 10 лет (позднее этот срок был сокращен до 3 лет); материальная помощь особо нуждающимся; кроме

inslav

того, давались гарантии, что они никогда не будут закрепощены[15]. Гражданская канцелярия помогала переселенцам деньгами и оформляла документы, чтобы они могли беспрепятственно добраться до намеченных областей.

Нельзя забывать, что эти весьма благоприятные для переселенцев условия пропагандировались среди христианского населения Османской империи в то время, когда болгарские земли были охвачены кирджалийскими мятежами, борьбой аянов, т.е. стали театром военных действий. Поэтому болгары, стремясь сохранить жизнь и имущество, покидали родные земли, организованно и неорганизованно переходя Дунай.

Во второй половине 1809 г. 12 700 христиан переселились сначала с правого берега Дуная на левый, чтобы затем из Валахии (весной 1810 г.) отправиться в Херсонскую губернию. Среди них было много ремесленников и купцов. В записке министерства внутренних дел от 15(27) ноября 1801 г., в частности, говорилось, что на устройство болгарских колонистов в Новороссийском крае правительством на год было ассигновано 2 500 000 руб., включая покупку для них земель и хозяйственного инвентаря. Для руководства делами переселенцев было создано особое попечительство, находившееся в ведении администрации Новороссийского края[16].

После заключения Бухарестского мирного договора поток болгар-переселенцев увеличился. Целыми селами уходили болгары за Дунай. Большинство оставалось в Дунайских княжествах.

Распущенные после заключения мира ратники Земского войска вместе с семьями почти в полном составе переселились в Бессарабию. В июле того же года, когда армия Наполеона хлынула в Россию, вновь были призваны добровольцы. В сформированном к концу месяца добровольческом егерском полку, состоявшем из четырех батальонов, было много болгар. Этот полк принял участие в сражении на р. Березине и в "Битве народов" под Лейпцигом. Возглавлял один из отрядов этого полка Д. Ватикиоти[17].

По некоторым данным, число болгар и гагаузов, переселившихся в 1806–1812 гг. в Молдавию, Валахию и Россию, достигло почти 98 тыс. человек[18].

[1] *Дойнов Ст.* Русско-турецкие войны второй половины XVIII – первой половины XIX в. в политической судьбе болгарского народа // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 37.

[2] *Дойнов Ст.* Българското пратеничество в Русия по време на руската-турската война 1806–1812 // Военно-исторический сборник. С., 1973. № 1. С. 83.

[3] Там же.

[4] *Орешков П.* Няколкото документа за Пазвантоглу и Софрония Врачаски (1800–1812) // Сборник на Българската Академия на науките. С., 1914. Кн. III. 2. С. 49–50.

[5] ВПР. М., 1965. Т. IV. Примеч. 247.

[6] Там же. С. 310.

inslav

[7] Военный сборник. 1864. № 9–10. С. 39.
[8] ВПР. М., 1967. Т. V. Примеч. 288.
[9] *Киселков В.Сл.* Софроний Врачански: Живот и творчество. С., 1963. С. 77–79.
[10] *Мутафчиева В.* Книга за Софроний. С., 1979. С. 202.
[11] *Дойнов Ст.* Русско-турецкие войны... С. 37–38.
[12] Там же. С. 43.
[13] *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878 г.) Предисл. и примеч. В.В. Водовозова. М., 1913. С. 76.
[14] М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1955. Т. III. С. 525–526.
[15] *Дойнов Ст.* Русско-турецкие войны... С. 39.
[16] История переселения болгар в Россию в 1806–1812 гг. изложена в многочисленных работах; кроме указанных, см. также: *Мещерюк И.И.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии 1808–1856 гг. Кишинев, 1970.
[17] ВПР. Т. V. Примеч. 368.
[18] *Възвъзова-Каратеодорова К.* Капитан Георги Мамарчев. С., 1986. С. 42; *Дойнов Ст.* Преселнически движения от българските земи по време на руско-турските войни през първата половина на XIX в. // Българското възраждане и Русия. С., 1981. С. 301.

АЛБАНСКИЕ ПАШАЛЫКИ: БЛИЗОСТЬ КОНЦА

Добрые отношения Али-паши Янинского с французами длились недолго. Тильзит круто изменил обстановку в Албании. Республика Семи Соединенных островов прекратила существование, ее заняли французские войска. Не довольствуясь Ионическими островами и Паргой, куда также был введен французский гарнизон, Наполеон предъявил претензии еще и на Бутринт (Южная Албания), являвшийся важным узлом дорог. Французское командование стремилось создать здесь опорный пункт для завоевательных операций в Европейской Турции. В Константинополе, где Себастиани приобрел огромное влияние, дали согласие на уступку Бутринта. В марте 1808 г. генерал Бертье, командующий французскими войсками на Ионических островах, потребовал от Али-паши в десятидневный срок очистить город, угрожая в противном случае занять его силой, и приступил к подготовке осады.

В Албании царило возмущение. Один из русских офицеров, совершивший поездку весной 1808 г. по портам Адриатики, писал: "Албанцы готовятся дорого продать свою независимость; бедствия тех, которые уже попали под французское господство, пугая их, создают среди них дух единства"[1]. Два наиболее могущественных правителя, Ибрагим-паша Шкодринский и Али-паша Янинский, заняли твердую позицию в отношении притязаний французов. Ибрагим-паша значительно усилил гарнизон пограничной крепости Антивари (Бар) и довел общую численность своей армии с 12 до 30 тыс. человек. Али-паша энергично проводил военные приготовления. Натолкнувшись на решительное сопротивление, Бертье и маршал Мармон прибегнуть к силе не решились, но стали поощрять и субсидировать враждебных Али-паше южно-албанских феодалов.

inslav

Али в поисках поддержки обратился к Великобритании. В конце 1807 г. он вступил в переписку с командующим ее средиземноморской эскадрой адмиралом Коллингвудом и отправил для переговоров в Лондон своего эмиссара Сеид Ахмеда. В свою очередь, Лондон тоже был заинтересован в поддержке Али-паши при проведении военных операций против французских форпостов на Ионическом море, отводя правителю албано-греческого княжества важное место в своих стратегических планах на Балканах. Продолжалась русско-турецкая война, шли русско-французские переговоры о разделе европейских владений султана – в этой обстановке английское правительство стремилось обеспечить себе твердые позиции в западной части Балкан. По некоторым данным, Сеид Ахмеду было обещано помочь Али-паше стать самостоятельным правителем, но с условием, что он признает сюзеренитет Англии и уступит ей порт на южном побережье Албании[2].

Английское командование поставляло албанскому паше пушки и другое военное снаряжение. С удовольствием принимая эту помощь, Али-паша не склонен был, однако, делать ставку исключительно на Британию. Нащупывая почву для восстановления отношений с Россией, правитель Янины в августе 1808 г. возобновил переписку с русским консулом на Корфу Л.П. Бенаки. По мере того как русско-турецкая война затягивалась и угроза со стороны Наполеона нарастала, в Петербурге одному из самых могущественных и самостоятельных властителей Европейской Турции уделяли все больше внимания.

В 1810 г. начались тайные переговоры петербургского кабинета с албанским пашой. Посредником на этих переговорах был уже нам известный видный церковный, а позднее греческий национальный деятель митрополит Арты Игнатий. Как уже говорилось, он являлся одним из ближайших доверенных лиц янинского визиря и одновременно добровольным агентом России. В 1806 г. митрополит бежал на Ионические острова, в 1809 г. переехал в Петербург и вскоре с помощью российского правительства получил место митрополита Валахии. Пребывание в Дунайских княжествах позволило ему завязать по поручению российского руководства тайную переписку с Али-пашой и его сыном Мухтар-пашой. О результатах этих переговоров сам митрополит Игнатий сообщал в записке, представленной императору Александру: "Али, визирь Янины, обязался не принимать активного участия в военных действиях против России, уговорить своих сыновей, которые находились в армии, оставаться праздными наблюдателями войны, наконец, предпринять большую диверсию в нашу пользу в центре Оттоманской империи, напав на пашей – своих соседей. В качестве вознаграждения за его услуги, которые он оказал Вашему величеству весьма добросовестно, я был уполномочен обещать ему покровительство России и тайную помощь в случае нападения французов или самой Порты"[3].

Высказывание Игнатия нуждается в определенных коррективах. Али-паша действительно напал в 1809 г. на "своего соседа" бератского пашу Ибрагима. Но произошло это еще до начала тайных контактов янинского властителя с Россией.

inslav

В мае 1809 г. армия Али-паши под командованием его сына Мухтара-паши вторглась в Бератский пашалык. В результате военных действий, продолжавшихся с перерывами три года, в руки Али-паши перешли важнейшие пункты Южной Албании: Берат, Влера, Гирокастра. Янинский правитель смог наконец утвердить свою власть и над горцами Химары. Таким образом, занятая войной на Дунае Порта позволила Али-паше успешно завершить многолетнюю борьбу за господство над Южной Албанией. Но и для России развязанная им гражданская война в Албании, лишившая Порту значительной части албанских военных контингентов, была выгодна или, как заметил английский агент при янинском дворе У. Лик, равносильна диверсии, предпринятой в пользу внешнего врага Порты[4].

Правительство России рассчитывало использовать стремление Али-паши к независимости, толкнув его на открытый мятеж против султана Махмуда II, и таким образом вынудить пойти на подписание мира с Россией. И. Каподистрия, служивший в то время в российском посольстве в Вене, писал в начале 1812 г. об Али-паше: "Этот необычный человек хочет приобрести положение короля Эпира. И для этого у него есть и талант, и характер, и сила. Россия, поддержав его в этом предприятии, могла бы получить в нынешних обстоятельствах весьма выгодные результаты"[5]. В данной адмиралу П.В. Чичагову инструкции (апрель 1812 г.) предписывалось приступить к организации всеобщего восстания в Европейской Турции для того, чтобы заставить Махмуда II заключить не только мир, но и союз с Россией. Важная роль в этом предприятии отводилась янинскому правителю. Следует, говорилось в инструкции, "с Али-пашою войти в переговоры, подавая ему обнадеживания на независимость и на признание его королем епирским; из албанцев стараться чрез приглашения и особливо посредством достаточной платы составить особое войско"[6]. Итак, соображения Каподистрии относительно использования в интересах России тяги Али-паши к независимости были учтены, а сам он был назначен начальником дипломатической канцелярии П.В. Чичагова. Однако ко времени прибытия нового главнокомандующего в Бухарест его предшественник М.И. Кутузов успел подписать (16(28) мая 1812 г.) мирный договор с Турцией. Через месяц же началось вторжение Великой армии в Россию. Эти события лишили смысла планы организации восстаний на Балканах с участием Али-паши.

Завершение русско-турецкой войны заставило янинского правителя отказаться от дальнейших завоеваний в Албании; более того оно поставило под угрозу само его политическое существование. Заключение Бухарестского мира развязало Махмуду II руки и позволило использовать освободившиеся военные силы для "наведения порядка" в своих европейских владениях. Ликвидация Янинского пашалыка стала одной из основных целей внутренней политики Махмуда II. Действовал султан осторожно. По его распоряжению из-под управления Али-паши и его родственников были изъяты некоторые районы Албании, Греции и Македонии. Началась концентрация военных сил для экспедиции про-

inslav

тив Янинского пашалыка. Однако продолжавшееся восстание сербов и мятеж видинского паши вынудили Махмуда II отложить поход на Янину. И хотя в конце 1812 г. статус Али-паши и членов его семьи был подтвержден султанскими фирманами, но, как сообщал 5 декабря 1812 г. (н.ст.) из Константинополя французский посол Андреосси, "меч по-прежнему висит над головой Али-паши"[7].

Временно отказавшись от военного решения проблемы, Порта по-прежнему пыталась ограничить и подорвать его власть, играя на противоречиях между Али-пашой и правителем Северной Албании Мустафой-пашой. После смерти в 1809 г. Ибрагим-паши в Шкодринском пашалыке возобновились феодальные усобицы. После острых столкновений власть в Шкодре захватил Мустафа-паша, племянник прежнего властителя. Порта не сразу признала нового правителя Северной Албании из рода Бушати. Сделано это было (и видимо, не случайно) в мае 1812 г. – после того как Али-паша завершил покорение Южной Албании и распространились слухи о предстоящем походе его армии на север Албании. 25 мая 1812 г. уполномоченный султана вручил Мустафе-паше знамя, три бунчука – атрибут звания визиря, (высшего сановника в Османской империи) и султанский фирман, дававший ему это звание. Подтверждалась власть Мустафы-паши не только над Шкодринским пашалыком, но и над "зависимыми" от него территориями. Таким образом Порта втягивала североалбанского владетеля в борьбу за часть областей Центральной Албании, на которые претендовал и Али-паша[8].

Междоусобная борьба в Албании происходила на фоне обострения англо-французского соперничества за сферы влияния в западнобалканском регионе. И французы, и англичане имели контакты с албанскими пашами и стремились использовать их для реализации своих военно-политических планов. С 1806 по 1814 г. Франция держала консулов при дворах правителей Южной и Северной Албании: Ф. Пукевиля – в Янине и М. Брюера – в Шкодре. В 1810 г., после подписания Дарданелльского мирного договора между Османской империей и Англией, в Дуррес прибыл и английский консул Дж. Лерд. Его появление в важном албанском порту диктовалось стремлением британского кабинета найти лазейку в системе континентальной блокады, с помощью которой Наполеон пытался удушить английскую экономику. Этой цели служили торговля и судоходство нейтральных стран, в частности Османской империи. Деятельность эта принесла свои плоды.

Шкодра, важный пункт транзитной торговли Европейской Турции, перешла, по сути, в руки англичан. Австрийские купцы доставляли в Шкодру множество английских колониальных товаров с Мальты, которые затем доставлялись в Австрию и на ярмарки Европейской Турции. Купцы же Шкодры переправляли собранные ими различными способами и в большом количестве воск, обработанные шкуры и шерсть на Мальту[9].

Английских политиков и дипломатов Северная Албания привлекала как слабое звено в системе континентальной блокады. Со второй поло-

inslav

вины 1812 г. Улцинь, в то время морской порт Шкодры, стали посещать английские фрегаты. А в мае 1813 г. в Улцинь на 84-пушечном корабле "Милфорд" прибыл контр-адмирал Фермантл, командующий английской морской дивизией на Адриатике. В Улцине состоялась встреча английского адмирала с Мустафа-пашой. Хотя конкретное содержание этих бесед неизвестно, но их влияние на ухудшение отношений североалбанского правителя с Францией и соответственно улучшение его отношений с Англией несомненно. Есть также основания предполагать, что вмешательство англичан привело к улучшению отношений между правителем Северной Албании, что позволило черногорцам действовать в 1813–1814 гг. вместе с английским флотом против французских форпостов в Далмации[10].

Военные действия между Англией и Францией шли в этот период и в Ионическом море, у побережья Южной Албании и Эпира. В ходе этих военных действий к 1813 г. все Ионические острова, кроме Корфу, перешли в руки англичан. Готовясь к борьбе за Корфу, английские власти стремились обеспечить поддержку янинского правителя этим операциям. В апреле 1813 г. в Янине побывал генерал д'Эйре, командовавший британскими силами на Ионических островах. По сведениям одного из биографов Али-паши, между д'Эйре и Али была достигнута договоренность о том, что паша окажет помощь англичанам людьми и продовольствием в борьбе за Корфу. В обмен ему был обещан город Парга, предмет его давних вожделений, большая субсидия и покровительство Англии для него самого и его семьи[11].

Корфу был сдан британским войскам 9(21) июня 1814 г. За два месяца до этого жители Парги, стремясь не допустить вступления войск Али-паши в свой город, подняли над крепостью английский флаг. Английское командование, вопреки дававшимся Али-паше обещаниям, поспешно ввело в город своих солдат, что вызвало раздражение янинского правителя: "Мои друзья англичане, – писал он 5(17) мая 1814 г. бывшему русскому консулу на Корфу Л.П. Бенаки, – оккупировали Паргу неожиданно, не поставив меня в известность и не дав ни мотив, ни политическую цель, толкнувшую их на это предприятие"[12].

Сам адрес, по которому Али-паша обращался с жалобой на своих "друзей англичан", свидетельствовал о его желании вступить в более тесные отношения с Россией. Помимо причин внешнеполитических, его к этому побуждали и соображения внутренней политики. Значительную часть "подданных" его разноплеменного "княжества" составляли греки, традиционная тяга которых к России еще более усилилась в результате ее блестящей победы над Наполеоном. Несомненно, Али учитывал и напряженность, сохранившуюся в русско-турецких отношениях после заключения Бухарестского мира. Порта, пользуясь занятостью России войной в Европе, уклонялась от выполнения важных его статей. Российская дипломатия, в свою очередь, тоже стремилась не терять контактов с полунезависимым правителем Южной Албании и Эпира.

Во второй половине 1812 г. Л.П. Бенаки, опытный дипломат, знаток албанских и греческих дел, был назначен генеральным консулом

inslav

России в Эпире. Ему предписывалось заявить Али-паше об уважении, "которым он пользуется у нас по причине твердости характера, о расположении дать ему доказательства этого уважения и пригласить его предложить средства, которые могли бы для него подойти"[13].

Сам Али-паша, озабоченный ухудшением отношений с Великобританией, стремился воспользоваться открывшимся в октябре 1814 г. в Вене конгрессом, чтобы завязать тесные отношения с Россией. Янинский правитель предпринял соответствующий демарш через митрополита Игнатия, оказавшегося в это время в Вене. В записке, которая была подана Александру I 27 октября 1814 г., митрополит, напоминая об услугах, оказанных янинским визирем России во время войны 1806–1812 гг., сообщал о жалобах Али-паши на то, что "он забыт кабинетом Вашего величества", в то время как Порта намеревается "принудить его к подчинению"[14]. Продолжая во время работы конгресса неофициальные контакты с петербургским кабинетом через митрополита Игнатия и своих представителей, Али-паша сообщил "о готовности поставить интересы своего дома под покровительство России". На это предложение янинскому владетелю был дан уклончивый ответ.

Общая политика России в отношении албанского паши была сформулирована в инструкции, направленной в августе 1815 г. Л.П. Бенаки, назначенному генеральным консулом России в Апулии и на Ионических островах. Она не содержала каких-либо указаний на поддержку Али-паши в его борьбе с султаном. Наоборот, подчеркивалось, что Россия заинтересована в укреплении власти правителя Янинского пашалыка прежде всего потому, что считает "ее полезной для поддержания спокойствия на Востоке"[15].

Такая позиция царского правительства определялась его общим курсом в восточном вопросе. Хотя и после окончания наполеоновских войн между Российской и Османской империями сохранялись острые противоречия, правительство Александра I стремилось разрешать их исключительно мирным путем. Петербургский кабинет отнюдь не собирался при этом отказываться от покровительства грекам, сербам и другим православным подданным Порты. Однако политика эта должна была основываться на принципе легитимизма, которого придерживались творцы решений Венского конгресса и который распространялся ими на политические отношения на Востоке. Правовой основой политики России на Балканах была система ее мирных договоров с Османской империей. Янинский пашалык находился вне ее рамок, и нельзя было ожидать, что самодержавие окажет его правителю помощь в случае военного конфликта между ним и султаном.

Что касается Великобритании, ее кабинет после наполеоновских войн стал рьяным защитником целостности Османской империи и, не нуждаясь более в услугах Али-паши, оставил его на произвол судьбы (и Порты). Итак, в преддверии начавшейся в 1820 г. войны между Али-пашой и Махмудом II правитель полунезависимого балканского княжества оказался без какой-либо внешней опоры[16], что и предопределило его гибель.

inslav

[1] Посольство графа П.А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг. // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 89. С. 470.
[2] *Remerand G.* Ali de Tébélen, pacha de Janina (1744–1822). P., 1928. P. 30.
[3] Metropolitain Ignace: Mémoire sur l'état actuel de l'Empire Ottoman et sur le moyen d'y retablir l'enfluence de la Russie. Le 27 Octobre 1814. Vienne // АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1816. Д. 2309. Л. 113.
[4] *Leake W.* Travels in the Northern Greece. L., 1835. Vol. 4. P. 224.
[5] Приложение к донесению Г.О. Штакельберга Н.П. Румянцеву 2(14) февраля 1812 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Д. 1168. Л. 239.
[6] ВПР. Т. 6. С. 364.
[7] *Hurmuzaki E.* Documente privitoare la istoria Romanilor. Buc., 1885. Supl. Vol. 2. P. 700.
[8] *Naçi S.* Pashallëku i Shkodrës në vitet e para te shek. XIX (1796–1831). Tiranë, 1986. F. 100, 112.
[9] Ibid. P. 108–109.
[10] Ibid. P. 114, 121–122.
[11] *Remerand G.* Op. cit. P. 198–199.
[12] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1814. Д. 2445. Л. 20.
[13] Л.П. Бенаки – К.В. Нессельроде 20 сентября (2 октября) 1814 г. // Там же. Д. 2639. Л. 57–58.
[14] Metropolitain Ignace. Mémoire sur l'état actuel de l'Empire Ottoman... // Там же. 1816. Д. 2309. Л. 113.
[15] ВПР. Т. 8. С. 457.
[16] О конфликте между Али-пашой и Портой и ликвидации Янинского пашалыка см.: Международные отношения на Балканах, 1815–1830. М., 1983. С. 96–104.

ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ: КУЛЬМИНАЦИЯ И ТРАГЕДИЯ

Русско-турецкая война самым непосредственным образом отразилась на Сербии: повстанцы стали для России в первую очередь союзником для решения чисто военных задач.

26 апреля 1807 г. через русского консула в Валахии – действительного статского советника К.К. Родофиникина – делегаты Правительствующего совета обратились к Александру I с просьбой прислать в Сербию боеприпасы, оружие, деньги, нескольких офицеров и "особу, которая председательствовала бы в их совете и наставила их, как образовать сербское правительство"[1]. 5 мая Александру I была направлена повторная просьба повстанцев, и тогда Александр официально назначил К.К. Родофиникина представителем России в Сербии.

Использовались и другие каналы для связи с повстанцами. 11 мая 1807 г. в Сербию был направлен с особой миссией полковник Ф. Паулуччи. В инструкции, полученной им перед отъездом из Бартенштейна (где в то время пребывал Александр I), ему было поручено заверить сербов, "что они всегда могут рассчитывать на помощь России", а также узнать, каковы их пожелания и просьбы. Одной из основных задач этой поездки было также узнать, "какие отношения у них (сербов. – *Л.З.*) были, а может быть, и сейчас существуют с французами". И неудивительно. Французские войска незадолго перед этим заняли Далма-

inslav

цию, непосредственно приблизившись к европейским землям Османской империи. И Россия, естественно, опасалась захвата французами балканских земель. Кроме того, Паулуччи было поручено "особенно тщательно разузнать обо всем, что относится к военным операциям".

Тем временем и в Сербии, и на левом берегу Дуная разворачивались военные действия; в Сербии – преимущественно на юге и юго-востоке страны. Велько Петрович (Гайдук Велько) поднял восстание и освободил от захватчиков Баню. Отряд М. Стойковича активно действовал в Пожаревацкой нахии. Здесь 13 мая 1807 г. он был окружен турецкими войсками. Ему на помощь с двух сторон шли повстанцы во главе с Карагеоргием и полуторатысячный отряд русских солдат под командованием генерал-майора И.И. Исаева. 19 мая войско Блистательной Порты было разбито. Русский и сербский отряды объединились.

Однако вскоре после этого успеха в донесениях И.И. Исаева стали проскальзывать жалобы, что на сербов не всегда можно положиться, что они не умеют действовать согласованно. Отряд М. Стойковича начал распадаться сразу же, как только возникла угроза противостояния крупных турецких сил: из 6 тыс. человек вскоре осталось чуть более 2 тыс.

В это время в Белград приехал К.К. Родофиникин. Указания, полученные им от генерала И.И. Михельсона, практически совпадали с инструкциями полковника Ф. Паулуччи; ему было поручено "дать народу сему (сербам – *Л.З.*) руководство к образованию внутреннего у них правления"[2].

Ф. Паулуччи прибыл в лагерь повстанцев под Неготином в конце июня 1807 г., и здесь состоялись его переговоры с Карагеоргием и другими предводителями восстания. 28 июня было заключено сербско-русское соглашение, получившее в историографии название "конвенция Карагеоргия – Паулуччи".

Повстанцы просили прислать в Сербию "губернатора, который бы Сербией управлял и в надлежащий порядок народ привел, землей сербской распорядился и по правам народа устроил бы конституцию". Сербы просили не передавать никому землю сербскую в собственность, чтобы не было в Сербии "помещиков, которые бы со временем могли народ поработить"*. Далее в документе содержатся просьбы прислать в Сербию войска, военных специалистов, врачей[3]. Просьбы об оружии и денежной помощи были удовлетворены русским правительством. Другие же пункты протокола не были выполнены, так как в это время произошли серьезные изменения во внешнеполитической обстановке.

По Тильзитскому договору от 25 июня 1807 г. военные действия России против Порты прекращались, русские войска выводились из Валахии и Молдавии; 8-я статья предписывала начать мирные переговоры с Константинополем и завершить их в трехмесячный срок.

---

* Вероятнее всего, под помещиками подразумеваются спахии, против которых активно боролись повстанцы.

inslav

Кроме того, Франция брала на себя роль посредника в этих переговорах, для участия в которых в Константинополь выехал французский штаб-офицер полковник А.-Ш. Гийемино[2*].

Известия о предстоящих переговорах дошли до турецких войск не сразу, некоторое время военные действия на территории Сербии продолжались. Главной заботой генерала И.И. Исаева в те дни стала необходимость распространить перемирие и на сербов. Не дожидаясь инструкций от генерала Михельсона, он начал переговоры об этом с видинским пашой, который командовал основными силами, противостоявшими сербам. Появление турецких уполномоченных в русском лагере часть сербов восприняла как предательство.

Хотя Слободзейское перемирие не было ратифицировано Александром I[3*], военные действия все же не возобновлялись. Высокая Порта согласилась распространить это условие и на сербов. Правда, в течение всего 1808 г. происходили мелкие стычки сербов с турецкими отрядами. Обе стороны поспешили воспользоваться этой мирной передышкой. Сербы усиленно вооружались, в чем им активно помогала Россия. Порта накапливала силы вблизи границ Белградского пашалыка. Ситуация несколько переменилась в конце лета 1808 г. В Константинополе произошел дворцовый переворот. Был свергнут антирусски настроенный Мустафа IV, и на трон взошел Махмуд II, который поддерживал Селима III даже тогда, когда тот не счел для себя зазорным пойти на переговоры и соглашения с райей. Поэтому видинский паша Сулейман решился заключить формальное перемирие с Карагеоргием. Соглашение о перемирии было подписано 5(17) августа 1808 г. и нацелено на максимальное разъединение турецкой и сербской армий. Предусматривалось восстановление всех караван-сараев на дорогах и возобновление взаимовыгодной торговли. Правда, заключить с Сербией политическое соглашение в обход России Порта не смогла[4].

В месяцы затишья русский представитель в Сербии К.К. Родофиникин составил, как и просили сербы, проект конституции Сербии, обеспечивавший разделение властей: законодательная и судебная возлагались на Правительствующий сенат во главе с светлейшим князем Карагеоргием; судебная власть передавалась многоступенчатым

[2*] Мирные переговоры начались в местечке Слободзея 1 августа 1807 г. С русской стороны в них принимал участие тайный советник, управляющий Молдавией и Валахией С.Л. Лашкарев, с турецкой – бывший реис-эфенди Галиб-эфенди. Полковник А.-Ш. Гийемино оказывал всяческое содействие турецким уполномоченным. Первое же заседание было посвящено сербскому вопросу. Галиб-эфенди заявил, что условия перемирия не распространяются на сербов – взбунтовавшихся подданных Блистательной Порты. По всем остальным вопросам также шли горячие споры. С.Л. Лашкарев не имел подробных инструкций от Александра I, а связаться с И.И. Михельсоном он не мог – главнокомандующий Дунайской армией в то время был тяжело болен и 5 августа скончался. Его преемник генерал К.И. Мейендорф, хотя и не имел полномочий на ведение переговоров, поспешил ратифицировать подписанные С.Л. Лашкаревым 12 августа условия перемирия, согласно которым военные действия Османской империи против Сербии прекращались. За будущий статус сербов еще предстояло долго бороться при заключении мира.

[3*] См. С. 181–182.

inslav

судам. Сенат формировался из членов уже действовавшего совета, крупнейших военачальников (становившихся пожизненными сенаторами) и избираемых на три года "советников". Вводилось личное дворянство, устанавливаемое сенатом; объявлялась верховная власть сената на все незаселенные земли. В ведение сената передавались и вопросы внешней политики. Управление на местах было двойственным: правитель назначался сверху тем же сенатом, но при нем состояли советникими, ежегодно избираемые населением. Однако этот проект остался невостребованным[5].

В период прекращения активных военных действий в Европе (1807–1808) событиями в Сербии заинтересовалась австрийская дипломатия. Переговоры с повстанцами вел в основном фельдмаршал-лейтенант И. Зимбшен, командующий Военной Границей. Суть его предложений сводилась к идее присоединения Сербии к Австрийской империи.

Надо отметить, что эти проекты нашли отклик у части руководителей повстанцев, особенно у тех, кто был связан с австрийскими землями торговыми интересами.

Затишье в военных действиях совпало в Сербии с обострением внутриполитической борьбы. Воеводы из восточных нахий (районов) пытались, полагаясь на свои личные контакты с русским командованием, ограничить всевластие Карагеоргия. Комендант Белграда Миленко Стойкович, активно занимавшийся торговлей с Австрией, склонялся в пользу Вены.

Русская дипломатия оперативно откликнулась на известие о том, что Австрия ищет контактов с сербами. Русский посол в Вене А.Б. Куракин неоднократно напоминал венскому двору, что Австрия не раз объявляла о своем нейтралитете в русско-турецкой войне. Вена обычно отделывалась уклончивыми ответами, намеками на то, что сообщения сербов об австрийских авизах – клевета. Наконец министр иностранных дел Австрии граф И. Стадион заявил, что все эти недоразумения суть следствие того, что "с обеих сторон (т.е. Австрии и Сербии. – *Л.З.*) нашлись люди пронырливые и неспокойные, которые... занялись делами свыше их понятия". (Тем не менее предпринявший самовольную акцию генерал Зимбшен оставался на своем посту еще два года[6].)

На происходивших с 1809 г. русско-турецких переговорах[4*] сербский вопрос фигурировал постоянно. Еще в ожидании их открытия канцлер Н.П. Румянцев наставлял командующего генерала А.А. Прозоровского: "Всего для нас выгоднее открыть негоциацию сию с главных пунктов, т.е. требованием о постановлении Дуная границей и об обеспечении жребия Сербии..." Несколько позднее Н.П. Румянцев подчеркнул, что Сербия должна быть независимой, а ее права "утверждены ...одной только нашей гарантиею, и чтобы никакая другая держава в дела ее не имела права ни следа мешаться".

[4*] См. раздел: "Странная" русско-турецкая война...

inslav

Прозоровский же считал преждевременным предоставление Сербии полной независимости и предлагал добиваться для нее автономии под верховным владычеством Порты с выплатой ежегодной дани султану, но без участия Турции в управлении страной, о чем и написал Н.П. Румянцеву. Тот ответил, что "ежели уж необходимо, чтобы Сербия платила дань Порте, то... чтобы дань сия служила более видом некоторой неважной зависимости земли сей от Порты, нежели значительным для нее доходом". Кроме того, Румянцев требовал "гораздо уменьшить оную (дань. – *Л.З.*) против прежнего"[7].

А.А. Прозоровский не отличался ни широтой кругозора, ни дипломатическими дарованиями. А отношения с сербами складывались непросто. Когда прошла некоторая эйфория после прибытия в Сербию К.К. Родофиникина, сербы стали глядеть на него с определенным недоверием, главным образом по причине его греческого происхождения: сербы очень настороженно относились к грекам-фанариотам. Руководители повстанцев решили направить в Петербург новую депутацию в составе И. Юговича, П. Поповича и Я. Димитриевича. До российской столицы они не добрались: главнокомандующий Дунайской армией предпочел сам вести все переговоры с сербами. Последние выдвинули требование – признать сербскую независимость как непременное условие союза с Россией. Если же Россия им не поможет, сербы будут добиваться этого самостоятельно, с оружием в руках. От Прозоровского же сербы получили разочаровывающий ответ, из которого было ясно, что они могут надеяться только на внутреннюю автономию в составе Османской империи, причем гарантом Сербии выступят совместно Россия и Франция[8].

Русско-турецкие переговоры закончились неудачей, весной 1809 г. военные действия возобновились, вопрос о сербской независимости сам собой сошел с повестки дня.

В конце мая сербские войска потерпели серьезное поражение у Ниша, надвигалась угроза нашествия тридцатитысячной турецкой армии. На отчаянные призывы сербов о помощи Прозоровский отвечал лишь успокоительными посланиями. Только в начале июля он разрешил отряду генерала Исаева переправиться через Дунай. Но совместная попытка сербов и русских овладеть крепостью Кладово оказалась неудачной, русские потери были настолько велики, что Исаеву ничего не оставалось, как вновь отойти за Дунай.

Воодушевленные этой победой, турецкие войска продолжали наступление на Сербию. Прозоровский так и не переправлялся через реку. К середине августа после нескольких крупных побед турок дорога на Белград была открыта.

Такая позиция командующего Молдавской армией не могла не вызвать резкого роста антирусских настроений в Сербии. Они особенно усилились после того, как в ночь на 16 августа К.К. Родофиникин и другие русские представители (в том числе мастера-литейщики, оружейники, врачи) бежали из Белграда в Земун, на австрийскую территорию.

inslav

Сербы решили, что надо искать нового покровителя. Через несколько дней в Земуне начались переговоры. С австрийской стороны их вели комендант Земуна полковник Ф. Перш и генерал И. Зимбшен, т.е. уровень представительства был достаточно высоким. Карагеоргий просил австрийского покровительства над Сербией, в качестве залога предлагая ввести австрийские войска в Белград, Смедерево и Шабац. Однако столь радикальные перемены в политике не входили в расчет венского двора: Габсбурги не могли позволить себе ссору с Турцией в условиях произошедшей в 1809 г. австро-турецкой войны, завершившейся разгромом их войск. Канцлер К. Меттерних полагал, что Сербия должна остаться в составе Османской империи. Поэтому переговоры закончились неудачно. Единственное, чего добились сербы, это обещания Австрии взять на себя посредничество в их переговорах с турками. Более ощутимым итогом земунской встречи стало некоторое ослабление таможенных барьеров между Австрией и Сербией, повстанцы отчаянно нуждались в продовольствии, которое могли получить только из Воеводины[9].

В то же время повстанцы пошли еще на один решительный шаг: возникла идея просить покровительства непосредственно у Наполеона. С таким поручением в Париж был отправлен капитан Раде Вучинич. Он не добился в Париже ничего. У императора французов были куда более грандиозные планы, чем покровительство малоизвестному в Европе народу. Вучинич получил малоутешительный ответ: Наполеон "не позволит России ...провозгласить независимость Сербии"[10].

Тем временем в штабе Молдавской армии происходили серьезные перемены. 9 августа 1809 г. генерал-фельдмаршал Прозоровский скончался. Новый главнокомандующий князь П.И. Багратион предпринял энергичные наступательные действия, что заставило турецкие войска остановиться. Однако территории, контролировавшиеся повстанцами, значительно сократились.

После отъезда Родофиникина из Белграда Карагеоргий утратил постоянную связь с Россией. В середине декабря 1809 г. для установления контактов с Багратионом (и выяснения планов русского командования на 1810 г.) в штаб русской армии в Гирсово была направлена специальная депутация от сербской скупщины. Багратион обещал сербам помощь "в разных воинских потребностях". Генерал сдержал свое обещание – правый фланг сражавшейся на их стороне русской армии был значительно усилен, отряд Исаева получил пополнение.

В феврале 1810 г. Багратиона сменил Н.М. Каменский, незадолго до этого успешно закончивший финскую кампанию в войне со Швецией. Перед отъездом из Петербурга он получил от Александра I Инструкцию о действиях против войск Османской империи, в которой указывалось: "...воспламенять сербов к сильным действиям, отправив к ним отряд с опытным генералом". Одновременно Каменскому были даны полномочия для заключения мира, в которых предписывалось: добиваться того, чтобы "Сербии быть независимой, платя султану единожды установленную дань и признавая покровительство России"[11].

inslav

По плану кампании на 1810 г. русские войска не собирались вести широкие операции в Сербии и ограничивались посылкой туда двух-трех отрядов. Чтобы успокоить повстанцев, 5 апреля 1810 г. Каменский направил письмо "Правительствующему Совету, верховному вождю и всему народу сербскому", в котором обещал помощь Сербии "как в продолжении войны, так и при заключении мира".

Военные действия сербов и присланных им на помощь русских отрядов летом–осенью 1810 г. увенчались полным успехом. Большие планы строились и на 1811 г.

Помимо чисто военных задач, Карагеоргий теперь занялся и проблемами внутреннего устройства Сербии. Еще в декабре 1808 г. он провозгласил себя наследственным "верховным предводителем сербского народа", однако в Правительственном совете и в скупщине всегда существовала оппозиция ему. Теперь, в январе 1811 г., Карагеоргий реорганизовал управление страной. Правительствующий совет был разделен на министерства и Великий суд. Были назначены шесть "попечителей" (министров). Крупные воеводства разделены на более мелкие, во главе которых встали преданные Карагеоргию люди. Членам совета воеводам и чиновникам было установлено фиксированное жалованье. Власть на местах укреплялась за счет ограничения полномочий воевод. Разумеется, не обошлось без возражений. Однако позиции Карагеоргия оказались столь сильны, что его оппонентам пришлось покинуть Сербию. Воеводы Миленко Стойкович и Петр Добринац уехали в Россию[12].

Новый и последний этап русско-турецких переговоров о мире (октябрь 1811 – май 1812 г.) при пятом по счету главнокомандующем Молдавской армией – М.И. Кутузове велся под знаком успехов и русских войск, и сербских повстанцев. В Петербурге "гостила" очередная сербская депутация (Я. Ненадович, С. Маркович, М. Груйович). Депутаты получили аудиенцию у Александра I. От имени сербского народа они просили помощи России в "утверждении независимости сербской". Царь пообещал судьбу Сербии "устроить наилучшим по возможности образом при замирении с Портою Оттоманскою". Но в дальнейшем все происходило в рамках большой политики. При обсуждении сербского вопроса М.И. Кутузову приходилось руководствоваться весьма туманной формулировкой Александра I: "Обеспечить жребий Сербии сколь можно согласно с желанием сербской нации". Турецкие уполномоченные категорически отказывались предоставить Сербии полную независимость. Они также отказались передать сербам занятые турецкими войсками крепости.

Александр I разрешил М.И. Кутузову пойти на компромисс и "выговорить, по крайней мере, чтобы, кроме Белграда, турецкие войска не занимали других крепостей в Сербии, чтобы внутреннее в оной земле управление установлено было по собственному произволу нации и обеспечено ручательством России". 22 ноября 1811г. Кутузов получил инструкцию не возобновлять временно прерванные переговоры, если турецкая сторона не согласится предварительно на три условия, в том

inslav

числе, что "о Сербии сделано будет постановление, обеспечивающее спокойное и безмятежное существование сей нации"[13].

Но пожелания пожеланиями, а мир с Турцией, ввиду нависшей над Россией угрозой войны с Наполеоном, надо было заключить любой ценой. Поэтому в договоре, подписанном М.Н. Кутузовым в Бухаресте еще до возвращения сербской депутации из Петербурга, очень многие спорные вопросы откладывались на будущее. Фактически на будущее было отложено и окончательное урегулирование судьбы Сербии.

Статья 9 договора предусматривала: общую амнистию повстанцам; все укрепления, построенные сербами во время войны, подлежали уничтожению, а старые переходили в распоряжение Турции; Порта предоставляла сербам по их просьбам "те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских"[14].

Тем временем новый главнокомандующий Молдавской армией адмирал П.В. Чичагов, сменивший М.И. Кутузова, привез с собой проект совместных действий русских и сербских войск в тылу Наполеона – на Адриатическом побережье. Этот проект был предложен ему Александром I, питавшим надежду на союз с Турцией[15]. Исходя из поставленной перед ним задачи, Чичагов скрыл от сербов, что мирный договор с Портой уже заключен, а судьба Сербии решена.

Карагеоргий согласился на совместные действия с русскими войсками. По оценке подполковника А. Полева, посланного к Карагеоргию, сербы могли выставить около 42 тыс. человек[16]. Русский отряд графа Орурка, находившийся в Сербии, по распоряжению Чичагова был усилен. Эти действия П.В. Чичагова можно объяснить тем, что даже после ратификации Бухарестского договора приказ о выводе русских войск из Дунайских княжеств не поступил. Только в июле, уже после того как Наполеон пересек Неман, царь отказался от своего проекта и написал Чичагову о желательности использовать Молдавскую армию на главном театре военных действий – против французов[17]. Тогда Чичагов был вынужден сообщить сербам содержание статьи 8 Бухарестского договора и отдать приказ об эвакуации русских войск из Сербии. Эти известия были восприняты в Сербии как национальная катастрофа.

Сербы так и не согласились признать 8-ю статью Бухарестского договора. Они старались тянуть время, надеясь на возобновление помощи со стороны России, а может быть, и Австрии. В конце 1812 г. по решению скупщины в Константинополь была отправлена очередная депутация, пытавшаяся добиться пересмотра статьи.

Надо сказать, что в течение года Порта проявляла несвойственную ей выдержку и терпение в урегулировании сербского вопроса. Однако добиться взаимопонимания между Белградом и Стамбулом не удалось. Ни одна из сторон не желала уступать в главных вопросах: о принадлежности крепостей и возвращении турецкого населения в пашалык. В конце января – феврале 1813 г. в Нише состоялись очередные переговоры между сербами и турками. Сербская сторона предложила вернуться фактически к условиям Ичкова мира за одним немаловажным исключением: она соглашалась на пребывание в Белграде

inslav

паши или визиря, как это было решено еще по условиям Систовского мира 1791 г. Турецкие представители выступили с контрпредложением: Белградский пашалык полностью возвращается к условиям, определенным в Систове, а те сербы, которые "не пожелают быть турецкой райей", могут беспрепятственно выехать за пределы Сербии. После отказа сербов обсуждать этот вариант переговоры были прерваны. Порта начала концентрировать войска на границах пашалыка[18].

Была предпринята еще одна попытка достигнуть договоренности. Специально назначенный Портой эмиссар Мустафа Челеби-эфенди вновь начали переговоры с сербами в мае 1813 г. в Софии, но ни одна из сторон не пожелала пойти на компромисс. В середине июня 1813 г. начались военные действия.

На первых порах сопротивление сербов было весьма успешным. Возле Ниша и Неготина турецкие войска потерпели поражение. Но к концу лета положение изменилось. Сербские войска теперь отступали. Опасаясь массовых репрессий, сербы попытались еще раз обратиться за помощью к Австрии, предложив Вене занять своими войсками крепости Сербии. Однако Вена не была готова на это; австрийское правительство обещало лишь предоставить убежище беженцам. Россия также известила сербов, что может принять эмигрантов.

23 сентября 1813 г. турецкие войска заняли Белград. Накануне Карагеоргий бежал в Австрию. Организованное сопротивление прекратилось, хотя отдельные стычки с турецкими отрядами продолжались еще несколько недель. Начался массовый террор. Погибло около трети населения пашалыка – число жертв составило почти 100 тыс. человек.

Амнистия мирному населению Сербии была объявлена 19 октября 1813 г. Часть беженцев вернулась из Австрии, другие готовились к запланированному на весну 1814 г. переселению в Россию, а кое-кто решил остаться на австрийской территории.

Карагеоргий и некоторые другие воеводы были интернированы в Австрии. Из крупных деятелей восстания в Сербии остался только Милош Обренович. После объявления амнистии ему был дан титул обер-кнеза. Фактически же Милош стал посредником между сербами и турецкими властями.

На измученной и окровавленной сербской земле наступило затишье.

[1] Исторический архив. 1960. № 1. С. 119.

[2] Први српски устанак. Акта и писма на српском језику. Београд, 1977. Кн. I: 1804–1808. С. 270.

[3] Внешняя политика России XIX–начала XX в. М., 1964. Т. III. С. 583–588.

[4] Текст перемирия см.: *Martens G.F.* Supplément au recueil des principaux traités d'Alliance, de Paix, de Trêve, de Neutralité, de Commerce, des Limites, d'Echange etc. conclu par le puissances de l'Europe tant entre elles qu'avec les puissances et états dans d'antres parties du monde... P., 1817. T. V: 1808–1814 Avril inclusiv. Göttinguen. P. 217.

[5] История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 319.

[6] Списи Бечких архива о Првом српском устанку. Београд, 1938. Кн. VI. С. 729.

inslav

[7] ВПР. М., 1965. Т. IV. С. 501, 524.
[8] Первое сербское восстание и Россия. М., 1974. Кн. 2: 1809–1812 гг. С. 62.
[9] СБА. Београд, 1965. Кн. VII–VIII. Св. 1. С. 2–4, 43–44, 174.
[10] См.: *Поповић М.* Наполеон и Карађорђе. Београд, 1929. С. 89.
[11] Первое сербское восстание и Россия. Кн. 2. С. 147.
[12] СБА. Београд., 1971. Кн. IX. С. 32.
[13] ВПР. М., 1962. Т. VI. С. 242.
[14] Первое сербское восстание и Россия. Кн. 2. С. 174.
[15] Биографии сенаторов по материалам, собранным П. Бартеневым. П.В. Чичагов. СПб., 1879. С. 129–140.
[16] ВПР. Т. VI. С. 759.
[17] Там же. С. 520.
[18] *Петровић М.* Финансије и установе обновление Србије до 1842 године. Београд, 1901. Кн. 1. С. 74.

inslav

ВОЗРОЖДАЕМАЯ БАЛКАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Надежд на падение империи османов у правительств и политически мыслящих деятелей европейских стран, как и у самих балканских народов, по мере ослабления этого громадного государства все прибавлялось и прибавлялось. Поиски решения стимулировались убеждением, что оно кончит свое существование в ближайшее время. Этот миф, оставшийся неразвенчанным в XIX в., способствовал появлению множества проектов и прожектов по турецкому наследству, предусматривавших преимущественно его раздел[1], среди которых встречались и сочиненные авантюристами, рассчитывавшими стать правителями вновь образованных государств. Но среди них попадаются и серьезные, порожденные духом времени планы.

Составлявшиеся в России проекты шли в русле нараставших на Балканах тенденций. XVIII столетие оставило здесь богатое идеологическое наследство. Еще в начале его молдавский князь и ученый-энциклопедист Дмитрий Кантемир в "Хронике стародавности романо-молдо-влахов" и других трудах воспевал былую самостоятельность и силу родины и провозглашал веру во всемогущество разума. Во второй половине столетия представители так называемой трансильванской школы С. Мику-Клайн, Г. Шинкай, П. Майор, обратившись к прошлому румын, доказывали их латинское происхождение, "спрямив" при этом сложный путь их этнического развития, совершенно игнорируя роль славянского компонента, пропагандировали развитие национальной культуры. Почти одновременно появились исторические произведения патриотического настроения у южных славян. Монах Паисий Хилендарский в 1762 г. закончил рукопись "Истории славяно-болгарской", вернув из небытия образ мощного средневекового Болгарского царства. Паисий и словом не обмолвился о будущем, но все его произведение было пронизано мыслью о возрождении болгарского государства как монархии с мудрым самодержцем. Тогда же серб Захария Орфелин издал в Венеции стихотворение под характерным заголовком "Плач Сербии", а чуть раньше хорват, францисканский монах А. Качич-Миочич выпустил книгу "Приятная беседа славянского народа", воспев в ней подвиги предков в сражениях с турками. Просветительские труды не содержали призывов к восстанию, но само обращение к "образу прошлого" пробуждало умы, подготавли-

© И.С. Достян

inslav

вало общественность к переходу к активной фазе освободительной борьбы, и толкало к размышлениям о будущем.

Ситуация в этом смысле была неоднозначной. Взоры элиты молдовалашского общества были устремлены к России, в покровительстве которой оно видело путь к избавлению[1*]. В болгарских землях условия для размышлений на общебалканские темы еще не созрели[2*]. "Вырвались вперед" греки и сербы. Сербское восстание сопровождалось выработкой проектов балканского переустройства, причем деятельное участие в их составлении принимали "австрийские сербы", более продвинутые в просвещении и культуре, нежели их сородичи в сражавшемся пашалыке. Еще более активно планами переустройства занимались греки – сказывалась и могучая византийская традиция, и тесное соприкосновение процветающей диаспоры с западным миром и Россией.

Еще в XVIII в. более или менее определившиеся идеи относительно своего будущего государства, формы правления в нем существовали у политически мыслящих греческих деятелей, главным образом представителей феодально-клерикальной среды и фанариотов, которые являлись носителями византийских традиций. Они рассчитывали возродить с помощью европейских держав – противников Османской империи – обширное греческое государство феодального типа – средневековую Византийскую империю с христианским монархом во главе. Выдвигались и замыслы преобразования Османской империи в греческую. Мыслилось государство, объединяющее население Балкан по принципу религиозной общности, а иногда и с присоединением малоазиатских территорий. По мнению некоторых историков (Й. Филимона, Ф. Михалопулоса, М. Дринова, Сп. Палаузова и др.), в проектах А. Маврокордато, Й. Ипсиланти и других фанариотов уже в последней трети XVIII в. выявилась великодержавная "мегали идея"[2].

Большое влияние на греческих образованных деятелей во второй половине XVIII в. оказывало европейское Просвещение, а затем идеи Великой французской революции. Немногочисленные еще представители демократического течения в греческом освободительном движении критиковали Константинопольскую патриархию и выступали против идеи возрождения Византийской империи, в которой видели образец деспотизма и религиозного фанатизма. Свидетельством всего этого явилось появление политической программы Ригаса Велестинлиса о создании демократической "Греческой республики". В 1797 г. он опубликовал в Вене брошюру под названием "Новое политическое правление для народов Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдавии". Это была конституция, составленная под явным влиянием французского образца. В ней провозглашались основные принципы "Декларации прав человека и гражданина": равенство всех граждан будущей Греческой республики независимо от имущественного

[1*] См. С. 199–201.

[2*] См. С. 204–208.

inslav

положения, национальной и религиозной принадлежности. Но при этом предполагалось, что все они составят единый "эллинский народ", что греческий язык станет единственным государственным языком[3].

Таким образом, демократическое содержание программы Ригаса Велистинлиса сочеталось с явным проявлением великодержавия, с эллинизаторскими намерениями. Призванное заменить отживающую свой век военно-феодальную Османскую империю, громадное балкано-малоазиатское государство, населенное, кроме греков, множеством других народов и этнических групп, – турками, южными славянами, албанцами, молдаванами и валахами, – мыслилось как унитарное, а не федеративное эллинское государство. Принцип государственного объединения на основе национальной общности, уже распространявшийся в европейской общественной мысли в конце XVIII в., в программе греческого демократа отсутствовал.

У сербов в XVIII в. проблема политического будущего также привлекала внимание феодальной и клерикальной прослойки, образованных деятелей, притом живших не в турецких владениях, а в уже отошедших к Австрии более развитых сербских землях – в Воеводине. Австро-турецкие войны, в которых обычно участвовали сербские добровольцы, создавали перспективу перехода в состав монархии Габсбургов территорий на юг от Дуная и Савы, и это порождало надежды, что все сербские земли будут объединены под их властью. Но в войне 1788–1790 гг. австрийцы фактически потерпели поражение и покинули сербские земли, бросив местное население на произвол судьбы, что вызвало большое разочарование местных жителей. "В короткое время немцы трижды сербский народ предавали и под саблю турок отдавали, – писал современник. – Отныне, отцы и братья, смотрите, чтобы не пострадать, как теперь, когда на наш народ пришла погибель"[4].

Черногория в конце XVIII в. была фактически самостоятельным государством, но очень маленьким и чрезвычайно отсталым в общественно-экономическом отношении. Ее правитель – митрополит Петр I Петрович Негош в своей активной деятельности преследовал сложные задачи: создать государственную организацию, добиться международного признания независимости Черногории, расширения ее территории за счет соседней Герцеговины и Зеты (Южной Сербии), а главное – присоединения находившейся во владении Венеции Боки Которской, что давало стране так необходимый выход в Адриатическое море. Возможно, что уже в это время у владыки зрел замысел создания более обширного "Иллирийского королевства". Такого рода планы выдвигали и некоторые сербские эмигранты-авантюристы[5].

Добиться освобождения от турецкой власти или хотя бы получения более благоприятного автономного статуса балканские народы не могли собственными силами. Необходима была военная помощь и дипломатическая поддержка одной или нескольких европейских держав. В последней четверти XVIII в. стало ясным, что рассчитывать в этом отношении можно преимущественно на Россию, становившуюся наиболее активным и сильным противником Порты.

inslav

Кючук-Кайнарджийский мир, завершивший русско-турецкую войну, 1768–1774 гг., радикально изменив соотношение сил в бассейне Черного моря, имел особо важное значение для политики России в отношении балканских народов. Общие формулировки статей о защите Россией православной религии в турецких владениях давали простор для расширительных толкований, для предъявления в этом плане требований султанскому правительству. Договор положил начало покровительству со стороны России молдаванам и валахам, создав прецедент установления такого рода отношений с другими народами.

На этом правительство Екатерины II не остановилось. Был выдвинут так называемый "греческий проект"[3*], предполагавший радикальное решение восточного вопроса в случае падения Османской империи, что представлялось возможным результатом новой русско-турецкой войны. Нереальность замысла воссоздать Греческую империю была совершенно очевидной, что, вероятно, понимали и в Петербурге. Но Екатерина и ее влиятельные советчики Г.А. Потемкин и А.А. Безбородко имели в виду вполне реальные цели – нейтрализовать Австрию, получить ее согласие на присоединение Крыма. Это удалось, а по Ясскому договору 1791 г. к России отошли земли между Южным Бугом и Днестром, с Очаковом и будущей Одессой. Это свидетельствует, что в "греческом проекте" были заложены и некоторые непосредственные задачи политики России в отношении Османской империи, которые были реализованы в 1783–1791 гг.[6]

Провозглашая намерение возродить Греческую империю, Екатерина II рассчитывала найти союзников в предвидении новой войны с Портой. Ими могли стать прежде всего греки, влиятельные фанариоты, тесно связанные с православной Константинопольской патриархией. В 1790 г. прибывшие в Петербург греческие делегаты заявили о надежде при поддержке России "избавить потомков афинян и спартанцев от деспотического ига" и просили царицу дать грекам в правители ее внука Константина. Делегаты были представлены Константину и изложили ему цель своей миссии[7]. Так что достаточно утопические проекты правительства Екатерины II возродить Восточную империю совпадали с картиной политического будущего балканских земель, которая рисовалась в воображении греческих деятелей, как представителей феодально-клерикального слоя, так и демократически настроенных.

Как известно, традиционный христианский догмат о помощи своим единоверцам в XVIII–XIX вв. служил идеологическим обоснованием российской политики в отношении Османской империи. Задачей войн с Турцией неизменно провозглашалось освобождение православных народов, страждущих под "игом бусурманским", и это оказывало влияние на просвещенную часть российского общества. Характерно, что в последних десятилетиях XVIII в. сюжеты, связанные с Османской империей, и ее православными подданными, чаще стали появляться в пе-

---

[3*] 1782 год.

inslav

риодике и художественной литературе, особенно в годы, когда велись войны с Османской империей. В.К. Тредьяковский, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, Г.Р. Державин воспевали военные успехи России, предрекали "матушке-императрице" завоевание "Царьграда" и восстановление Греческого царства. Значительная часть политически мыслящих деятелей в России поддерживала решительную завоевательную политику правительства Екатерины II в Восточном вопросе. Но имелись и ее противники. Так, Радищев в "Путешествии из Петербурга в Москву" решительно и безоговорочно осуждал завоевательные войны как связанные с насилием, бессмысленными убийствами, несущие народам страдания и разорение, а в поэме "Бова" скрыто иронизировал над планами Екатерины II. Вместе с тем его внимание привлекала задача национального освобождения греков[8].

Идея освобождения от турецкой власти греков – прародителей европейской цивилизации была близка европейскому Просвещению, они стали как бы народом-фаворитом просвещенной Европы, эллинофильские настроения долгое время преобладали в русской общественной мысли. Но и южные славяне постепенно выходили из тени, чему способствовала их эмиграция в Россию. Некоторые из переселенцев, дослужившись до высоких должностей или военных чинов, не забывали о своей родине и ее интересах, выступали с предложениями о политической перестройке балканских владений Порты и создании там независимых от нее государств[9].

В период наполеоновских войн политическая судьба балканских народов оказалась тесно связанной с исходом борьбы великих держав в регионе Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья.

Изыскивая средства для противодействия наполеоновской агрессии, близкие к Александру I государственные деятели, и прежде всего Адам Чарторыйский, фактически глава российского МИД в 1804–1806 гг., выдвигали идею создания в западной части Балкан автономных или почти полностью независимых государств, которые превратились бы в барьер для военной экспансии французов[4*]. Республика Семи островов, являвшаяся главной операционной базой российского флота на Средиземном море, и практически независимая от Порты Черногория становились опорой политики России в регионе и при ее поддержке могли сделаться центрами борьбы за создание греческого и славянского государств нового времени. Таков был замысел "балканских планов" Чарторыйского, а по некоторым данным можно заключить, что эти планы встречали поддержку ряда балканских деятелей. Фактически интересы России, пытавшейся опереться на турецких подданных в борьбе с Францией, и балканских народов, добивавшихся национального освобождения, в ряде случаев оказывались общими.

Так, немало патриотически настроенных греков видело в Республике Семи островов греческий национальный очаг, который мог способствовать созданию свободной Греции – наследницы античной

[4*] См. С. 94–95.

inslav

цивилизации. Ставший популярным "Военный гимн" Ригаса Велестинлиса воодушевлял народ на борьбу за национальное освобождение. Знаменитый просветитель Адамантиос Кораис в своих произведениях выразил надежду на возникновение греческой республики под эгидой Франции, призывал к сопротивлению Турции. В самой Республике надежды связывались с помощью России в деле возрождения греческой нации "после многих веков упадка и забвения". Популярностью пользовался Александр I как наследник дел Александра Македонского. По мнению некоторых греческих историков, еще во время русско-турецких переговоров о создании Ионической республики великий драгоман Порты Константин Ипсиланти рассчитывал стать князем-правителем этого маленького вассального от Порты государства, так как помимо личных амбиций имел скрытую патриотическую цель – превратить острова в греческий национальный центр, где можно было бы подготовить военные силы и затем использовать их для освобождения Греции[10].

В новой общественно-политической обстановке претерпевали перемены взгляды некоторых прогрессивных греческих деятелей на задачи освободительного движения. Упор стал делаться не на ожидания падения Турции под ударами одной из великих держав, а на самостоятельные революционные акции самих греков. Так, в одной из книг, опубликованных в 1806 г. в Италии на новогреческом языке, неизвестный автор, последователь идей Ригаса Велестинлиса, обосновывая теоретические положения последнего, трансформировал его общебалканскую программу в национально-греческую. Он призывал эллинов взять дело освобождения в свои руки, не связывая его с политикой держав. Книга вышла в разгар восстания сербов, их пример и успехи, по-видимому, вдохновляли, оказывали революционизирующее влияние на соседние народы[11].

Сохранялись замыслы общебалканского восстания. Один из радикально настроенных греческих деятелей Н. Пангалос строил план всеобщего подъема подданных султана, опираясь на поддержку России. Он был сторонником конституционной монархии, считал необходимым отменить в Греции феодальные порядки.

Не исчезли и проекты создания греческого государства в результате падения Османской империи, и раздела части ее владений между великими державами. Так, среди поступавших правительству Александра I такого рода предложений была "Политическая записка" одного из деятелей греческого освободительного движения Амошари, написанная в 1807 г., то есть уже после начала русско-турецкой войны. Он доказывал необходимость для интересов России, изгнав турок из Балканского полуострова, окончательно решить судьбу народов, его населяющих: Молдавию и Валахию присоединить к России, Сербии, предоставить независимость, создать греческое государство, в котором бы другие народности пользовались автономией[12].

После битвы у Аустерлица и поражения третьей коалиции правительство Александра I попыталось реализовать часть политических идей Чарторыйского, которые он вновь сформулировал в докладе царю

inslav

в январе 1806 г., а затем в дипломатической переписке: добиваться при поддержке Великобритании и нейтрализации Турции, с сохранением русско-турецкого союзного договора 1805 г., основания на Балканах автономных государств – славянского и греческого, находящихся под верховной властью Османской империи и покровительством России. Такие автономии, по расчетам Чарторыйского, в случае распада Турции могли превратиться в независимые государства под покровительством России[13].

Одно из этих государств должно было включать Черногорию, Герцеговину, Далмацию, Котор и могло быть создано при опоре на российскую эскадру в Адриатике и при тесных военно-политических контактах с черногорцами. Начало русско-турецкой войны, казалось бы, создавало благоприятные возможности для таких перемен.

Весной 1807 г. в Петербург прибыл архимандрит Семен Ивкович с ходатайством от имени "всех единоверных народов, населяющих Черногорию, Боку де Катаро, Герцеговину и Далмацию", в котором излагалось желание митрополита Петра I Петровича и народа, чтобы "по низложении всемирного врага", т.е. победы России над наполеоновской Францией, Черногория была соединена с городами Подгорица, Спуж и Жебляк, с Бокой Которской, Герцеговиной, Рагузой (Дубровником) и Далмацией и таким путем создано "славено-сербское царство". Российский император принял бы титул царя этого государства и назначил туда своего "наместника, или президента из природных россиян", а вице-президентом стал бы черногорский митрополит. Как видим, в обращении Ивковича план Чарторыйского конкретизировался и приспосабливался к новым условиям, сложившимся после начала русско-турецкой войны. Сообщалось и о более смелом и сокровенном желании, присоединении к "царству славяно-сербскому всей Боснии и Сербии, коих равное и не менее ревностное желание издавна к тому стремится. Ответ на это послание был доброжелательным, но содержал неопределенное обещание учесть это желание после победы "над всеобщим врагом"[14].

К лету 1807 г. международная обстановка вновь резко изменилась не в пользу России и ее подопечных – черногорцев и греков Республики Семи Соединенных островов. Последняя, а также Далмация и Бока Которская перешли в состав Франции. Правительству Александра I пришлось отказаться от политических акций в Адриатике и Восточном Средиземноморье.

Непосредственная политическая программа сербского восстания проанализирована в соответствующих разделах нашей книги. Но у сербов зрели и более смелые и далеко идущие замыслы. Выразителями их являлись образованные церковные и светские деятели Воеводины и прежде всего карловацкий митрополит Стефан Стратимирович. Именно он старался направлять внешнеполитическую деятельность повстанцев, советуя искать прежде всего поддержки России.

Летом 1804 г. митрополит тайно направил Александру I записку, в которой выдвигал предложение о создании "славено-сербского госу-

inslav

дарства" – конституционной монархии во главе с одним из представителей династии Романовых или немецких князей-протестантов. Религиозная общность, этническая и языковая близость русских и сербов служили для Стратимировича идеологическим обоснованием необходимости и выгодности для России содействовать образованию такого государства, что "столь славно будет всему славянскому роду". Он, как и многие его современники, был убежден, что Османская империя вскоре кончит свое существование под ударами Франции или России, что "греческий проект" остается внешнеполитической программой внука Екатерины II. Именно поэтому митрополит противопоставлял идее создания Греческой империи план основания обширной сербской державы, которая восполнила бы "равновесие сил" в Европе, стала бы для России, которая овладеет Болгарией, Фракией и проливами, удобным соседом и верным союзником. Первым шагом к осуществлению этого грандиозного замысла стало бы добровольное предоставление Портой сербам широкой автономии[15].

Кроме Стратимировича, некоторые другие сербские деятели пытались заинтересовать Петербург своими предложениями. Так, в октябре 1804 г. епископ Бачки Йован Йованович в "челобитной", направленной Александру I, просил принять сербов "в вечное подданство и покровительство", восстановить царство Стефана Душана, правителем которого стал бы брат российского императора Константин Павлович. Прибывший в том же году в Петербург Софроний Югович-Маркович – авантюрист, выдававший себя за потомка сербских феодалов, – также выдвигал замысел создания сербского государства во главе с Константином Павловичем в границах не менее обширных, чем царство Стефана Душана. Оно создалось бы в результате восстания сербов, болгар, молдаван и валахов, при военной поддержке России, в ходе ее войны в Портой[16].

В упомянутых проектах и предложениях, совершенно утопичных, – что, конечно, было понято правительством Александра I, – чувствовалось сильное воздействие представлений о сербском историческом праве. Политическим взглядам Йовановича и Юговича была свойственна наивная, но достаточно ярко выраженная великодержавность. В этом отношении карловацкий митрополит был более сдержанным, и выступал с идеей создания полноценного государства в национальных рамках (в его представлении), конституционной монархии по форме правления[17].

Российская дипломатия, стоя на позициях реализма, не реагировала на все такого рода предложения (в том числе о принятии сербами российского подданства), активно поддерживая требования сербских повстанцев о предоставлении широкой внутренней автономии при сохранении верховной власти султана и уплате умеренной дани.

В годы русско-турецкой войны политическую активность начали проявлять болгары. Стойко Владиславов (Софроний Врачанский), ученик Паисия Хилендарского, создал в Бухаресте вместе с другими болгарами-эмигрантами – Иваном Замбиным и Атанасом Нековичем –

inslav

политическую организацию под названием "Временное правительство, или Болгарская революционная организация", члены которой имели общие взгляды на будущее болгарского народа. По ряду документов, вышедших из-под пера Софрония Врачанского, можно установить, что он был приверженцем просвещенного абсолютизма. Исходя из реальных условий своего времени, шедшей войны России с Турцией, Софроний и его соратники рассчитывали на русскую военную поддержку вооруженного выступления болгар. Они призывали оказывать помощь российской армии, организовывали отряды болгар-добровольцев. Обсуждался вопрос о возможности включения Болгарии в состав России или о ее покровительстве, подобном существующему в отношении Дунайских княжеств. Но практически требования о предоставлении Болгарии автономии в составе Османской империи не выдвигались[18].

В условиях наполеоновских войн значительно расширились непосредственные контакты между российскими и балканскими государственными и общественными деятелями. В России вырос интерес просвещенных представителей дворянских кругов, причем стоявших на разных идеологических позициях, к задаче освобождения балканских народов.

Так, влиятельный при дворе протоиерей А.А. Самборский, в качестве духовника великой княгини Александры Павловны проведший несколько лет в Офене и Вене (1799–1804), исходя из традиционных христианских представлений, доказывал необходимость оказания помощи грекам, и особенно сербским повстанцам. Он был знаком и состоял в переписке со многими представителями этих народов, поддерживал дружеские отношения с карловацким митрополитом Стефаном Стратимировичем. Записка последнего о создании "словено-сербского царства" именно по инициативе Самборского и при его посредничестве была отправлена в Петербург. Это, а также позднейшие высказывания протоиерея позволяют предположить, что он разделял идею создания после падения Османской империи "славено-сербского" государства, а, возможно, был лично причастен к составлению политического проекта карловацкого митрополита.

Первым российским деятелем XIX в. выдвинувшим идею единения славянских народов и создания федерации их государств, был известный публицист и дипломат В.Ф. Малиновский, по своим общественно-политическим взглядам просветитель-демократ. В 1803 г. он направил в МИД неопубликованную часть своего политического трактата "Рассуждение о мире и войне", в котором доказывал неотъемлемость права каждого народа, большого и малого, на свободу и независимость.

Особенно подробно рассматривал Малиновский политические преобразования в Юго-Восточной Европе. "Греки по своему разделению сами собою управляться лучше могут, – писал он. – По своему сходству или отличию, по своему местоположению могут они составлять различные области, например, особливо Епир, Морея и острова Архипелагские, каждое по себе в соединении составляющее одну Грецию в общем собрании европейских народов". Славянская федеративная "держава" должна была включать "области" болгар, сербов, хорватов,

inslav

боснийцев, далматов и состоять в союзе с Россией и Польшей. "Держава" имела "одно общее собрание" для "решения внешних дел", составленное из представителей каждого народа, подобное существующим в Голландской и Американской республиках. Государства, входящие в "общий союз Европы", должны были претерпеть и коренные социально-экономические преобразования, основой их являлось "разделение земель" в каждом из них по эгалитарному принципу с установлением максимальной величины земельных владений.

Малиновского можно считать одним из предшественников русских социалистов-утопистов и, вероятно, первым российским общественным деятелем, заговорившим о национальных государствах на Балканах, об их федеративном союзе для осуществления единой внешней политики.

Еще один известный деятель того времени, приверженец либерально-конституционных идей В.Н. Каразин, близко общавшийся с сербскими депутатами, приехавшими в Петербург осенью 1804 г., также направил в МИД записку, в которой писал о необходимости незамедлительно оказать помощь восставшим сербам, договориться о предоставлении им Портой автономии, о неизбежности создания из южнославянских земель Турции и Австрии "Царства славян" – конституционной монархии во главе с одним из братьев Александра I. Достигнув небывалого благоденствия и просвещения, это государство станет верным союзником России, ее опорой во всех отношениях с Европой и даже с Африкой. Фактически Каразин поддержал ставшее ему известным от сербских депутатов предложение Стратимировича, совместив его с собственными общественно-политическими взглядами.

Не только Каразин, но и ряд других политически активных российских деятелей в годы наполеоновских войн направлял в правительственные учреждения свои проекты и предложения относительно способов борьбы с Францией. Так, вскоре после Тильзитского мира сотрудник МИД С.М. Броневский выдвинул план создания "славянской федерации".

Идеи политического единения славянских народов пропагандировал отставной майор Александр Полев, предлагая объединение России с "племенами своего народа" – со славянами, которых надо освободить от власти Франции (имелись в виду Иллирийские провинции). Сербское королевство во главе с Карагеоргием, включающее всех южных славян православного вероисповедания, и Польское королевство славян-католиков составили бы вместе с Россией "Великий союз племен славянских". Предварительным условием осуществления этого грандиозного замысла должны были стать прогрессивные преобразования в самой России.

Внешнеполитические проекты Полева имели ясно выраженную великодержавную направленность, хотя исходили из защитных целей. Они были наивны и утопичны, но характерно, что именно восстание сербов и фактическое существование самостоятельного государства повстанцев оказали непосредственное влияние на замысел Полева создать "Союз племен славянских"[19].

inslav

В 1811–1812 гг. неизбежность близкого начала войны с Францией стала очевидной. При разработке планов предстоящих военных действий в военном штабе Петербурга была намечена глубокая диверсия в тыл Франции с юго-востока: через Сербию, Боснию и Адриатическое побережье. Предполагалось, что в этой так называемой адриатической экспедиции примет участие местное балканское население, и в первую очередь русские союзники в войне с Турцией – сербы. Поэтому правительство Александра I считало необходимым привлечь на свою сторону балканское население, побудить его участвовать в войне с Францией. И тогда было решено пустить в ход пропагандистские лозунги. Царь отдал распоряжение назначенному вместо М.И. Кутузова главнокомандующему Молдавской армией генералу П.В. Чичагову сделать все, чтобы "возвысить дух славянских народов для направления оного к нашей цели", и потому обещать им "независимость, установление славянского царства", награждать людей, а "греков возбудить к сложению тягостного для них магометанского ига"[20].

Таким образом, петербургский двор решил использовать антитурецкие восстания балканских народов в войне с Францией и, прекрасно представляя себе политическую программу сербских повстанцев, пошел на удовлетворение их требований о создании независимого и достаточно обширного национального государства. Но делалось это ради непосредственных военных целей, да и не имея реальной возможности осуществить свои обещания. Примечательно, что в Сербию для подготовки адриатической экспедиции был направлен А. Полев, принимавший участие в разработке этой военной акции. Он провел там два с половиной месяца, сблизился с Карагеоргием и другими сербскими вождями. Направляемые оттуда начальству рапорты Полева проникнуты симпатией к сербам и их вождю, заинтересованностью в национальном освобождении всех южнославянских народов. Но переход наполеоновских войск через Неман и начало Отечественной войны разрушили замысел адриатической экспедиции. Покидая Сербию вместе с русскими войсками, направлявшимися на север, Полев все еще не оставлял надежды вовлечь в войну с Францией славянские народы, мечты о создании "славянского царства".

Восточный вопрос в начале XIX в. и особенно в годы русско-турецкой войны 1806–1812 гг. стал все чаще обсуждаться в российской публицистике. При этом обычно отстаивались решительные антитурецкие акции правительства, которые могли рассматриваться как продолжение курса Екатерины II. Неизменно высказывалось сочувствие освободительной борьбе балканских народов. Такие настроения были присущи, в частности, одному из наиболее популярных общественно-политических и литературных журналов – "Вестнику Европы". Его в 1802 г. начал издавать Н.М. Карамзин, которого два года спустя заменил М.Т. Каченовский. В ряде статей и заметок этого журнала доказывалось, что Турция находится накануне окончательной гибели, а Селим III "может быть славен в истории именем последнего султана". Антитурецкая направленность русской публицистики усилилась после

inslav

начала войны с Османской империей в связи с планами раздела этого государства, которые обсуждались Наполеоном и Александром I в 1807 и 1808 гг. в Тильзите и Эрфурте. Но ожидания близкого падения империи османов не связывались с расчетами на непосредственные выгоды для России, на ее территориальное расширение, а обычно служили преамбулой для рассуждений о предстоящем освобождении народов, порабощенных мусульманами, об их национальном возрождении, создании процветающего греческого государства, независимой Сербии[21].

Такого рода представления пока еще не соответствовали геополитическим реалиям на полуострове, основывались на неверных предпосылках, на игнорировании все еще сохранившихся у Порты потенций, на недооценке степени соперничества держав. Но сбрасывать их со счетов нельзя: постепенно обрисовывались контуры возрождения балканской государственности на национальной основе. И сколь бы корыстны ни были мечты самодержавия о гегемонии в регионе, в проектах наличествовало здравое ядро, мысль о перекройке карты Юго-Восточной Европы по национальному признаку.

[1] *Достян И.С.* Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII–первая треть XIX в.) // Россия и Балканы: Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в.–1878 г.). М., 1995. С. 41.

[2] *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX в. С., 1980. С. 30–35.

[3] *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 100–106; *Данова Н.* Указ. соч. С. 45–49.

[4] Гласник српског ученог друштва. Београд, 1853. Кн. V. С. 43.

[5] *Пантелић Д.* Београдски пашалук пред Први српски устанак. Београд, 1949. С. 369–381.

[6] *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798–1807. М., 1962. С. 51–55; *Достян И.С.* Проблема создания... С. 46.

[7] *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 86–87.

[8] См. об этом подробнее: *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 16–38.

[9] См. о таких проектах конца XVIII в.: *Пантелић Д.* Указ. соч. С. 369–381.

[10] *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII–начале XIX в.: Политика России в Ионической республике, 1798–1807. М., 1976. С. 289–328.

[11] *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 123–124; *Данова Н.* Указ. соч. С. 45–46.

[12] *Гросул Г.С.* Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 142–143; ЦГИА. Ф. 673. Оп. 1. 1807–1847. Д. 291.

[13] Записка А. Чарторыйского 11(23) января 1806 г. / Сб. русского исторического общества. СПб., 1892. Т. XXXII. С. 269–275; А. Чарторыйский – П.А. Строганову 23 мая (4 июня) 1806 г. // *Великий князь Николай Михайлович.* Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. II. С. 403; *Сироткин В.Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806–1807 гг. // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1962. Т. XXV. С. 177–179.

[14] С. Ивкович – А.Я. Будбергу 2(14) мая 1807 г. // Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. С. 356–357.

[15] Там же. С. 362–363.

inslav

[16] Записка С. Стратимировича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1868. Кн. 1. С. 241–256.

[17] *Достян И.С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 98–107.

[18] *Конобеев В.Д.* Българското националноосвободително движение: идеология, программа, развитие. С., 1972. С. 358–363; *Дойнов С.* Българското национално-освободително движение, 1800–1812. С., 1979. С. 247; Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 350–352.

[19] Об идеях и проектах А.А. Самборского, В.Ф. Малиновского, В.Н. Каразина, С.М. Броневского, А. Полева см. подробнее: *Достян И.С.* Русская общественная мысль... С. 38–116.

[20] Инструкция Александра I адмиралу П.В. Чичагову 9(21) апреля 1812 г. // Внешняя политика России: Документы и материалы российского министерства иностранных дел. М., 1962. Т. IV. С. 364.

[21] О русской публицистике, посвященной балканским проблемам, см. подробнее: *Достян И.С.* Русская общественная мысль... С. 116–146.

inslav

КОНТУРЫ ДОКТРИНЫ СТАТУС-КВО

В первые годы XIX столетия правительство Великобритании решило взять сношения с владениями Высокой Порты непосредственно в свои руки: до того дипломатические связи со многими государствами Востока были как бы отданы на откуп крупнейшим торгово-финансовым компаниям. Вплоть до 1804 г. британские консулы в Османской империи являлись служащими Левантийской компании и получали жалованье именно от нее, а не из фондов Форин оффис. Естественно, на первом месте у них были интересы именно компании, что иногда (особенно в столь нестабильный период) шло вразрез с интересами государства. В. Питт решил положить этому конец. С мая 1804 г. английские консулы в Османской империи стали государственными служащими, обязанными подчиняться не Совету директоров, а инструкциям Форин оффис и указаниям Кабинета министров[1].

Летом 1804 г. английское правительство, обеспокоенное явным нарастанием напряженности на Европейском континенте, попыталось прощупать возможную реакцию России на случай, если при угрозе французского вторжения на территорию Османской империи английские войска также вступят на земли, подвластные Высокой Порте. Об этом спрашивал Петербург новый английский министр иностранных дел граф Гарроуби в ноте от 26 июня 1804 г. России было предложено принять участие в подобной военной операции[2].

Переговоры шли весьма успешно все лето. Сближению санкт-петербургского и лондонского дворов способствовала их единая реакция на похищение и расстрел герцога Энгиенского. Россия, ведшая в это время переговоры о заключении нового договора с Турцией, сообщила Порте, что будет продолжать переговоры только при условии привлечения к переговорам Великобритании. Английское правительство при этом потребовало, чтобы ему сообщали в полном объеме условия, о которых Россия будет договариваться с Портой. Но камнем преткновения для двух государств опять стала Мальта.

В ноябре 1804 г. в Лондон со специальной миссией прибыл Н.Н. Новосильцев. Ему было предписано намекнуть на возможность раздела части владений Османской империи, если она "присоединится к французам... или же если в результате их нападения и обстоятельств, которые явятся следствием этого, существование Оттоманской империи в Европе станет невозможным". Если же на территорию империи

© Л.В. Зеленина

inslav

будут введены русско-английские войска и удастся сохранить целостность Османской империи, на населенных христианами землях ее можно будет создать две республики – греческую и славянскую – по аналогии с Ионической республикой. Первоначально никаких разногласий во время переговоров не возникало. Лорд Гарроуби, как писал в Петербург Новосильцев, "очень милым образом дал мне понять, что если турки не захотят или не в силах будут обороняться, в таком случае русские и англичане могли бы занять некоторые турецкие области, с целью защитить Турцию вопреки ее желанию".

Эта беседа состоялась в начале декабря 1804 г. Но уже 25 декабря (н.ст.) Питт в разговоре с Новосильцевым заявил, что "было бы весьма неполитично и вредно для основной цели, к которой мы стремимся (т.е. для борьбы с Наполеоном. – *Л.З.*), замышлять осуществление подобного плана" (речь шла о возможном захвате Россией Константинополя "в качестве крайнего средства")[3]. Проект создания славянского и греческого государств не был затронут вообще.

Ведя переговоры с Новосильцевым, Питт одновременно стремился к укреплению позиций Англии в Морее и Республике Семи Соединенных островов.

В ноябре 1804 г. английский поверенный в делах в Стамбуле В. Страттон обратился к реис-эфенди с письмом от адмирала Нельсона. Тот просил пропустить через проливы английское военное судно "для обозрения побережья этого моря". Реис-эфенди, которого поддержал русский посланник в Константинополе А.Я. Италинский, в просьбе отказал, ссылаясь на условия русско-турецкого союзного договора 1799 г.[4] Конечно, случай с проходом корабля был не более чем эпизодом, и англичане не стали настаивать. Гораздо более серьезные расхождения во мнениях на переговорах в Лондоне проявились в вопросе о судьбе Мальты. Тщетно Александр II напоминал об Амьенском договоре – Питт решил скорее отказаться от уже готового договора с Россией, чем расстаться с Мальтой. Александр уступил. 11 апреля (н. ст.) 1805 г. В Петербурге была подписана англо-русская "союзная конвенция о мерах по установлению мира в Европе". В нее правда, была включена статья об отказе лондонского кабинета от Мальты; но при этом подразумевалось, что Англия ее не ратифицирует. Из всех владений Порты упоминалась только Ионическая республика. "Сердечность" англо-русских отношений была очень и очень относительной.

Торжество участников третьей антифранцузской коалиции по случаю победы адмирала Г.Нельсона в Трафальгарском сражении сменилось глубоким унынием после получения известия о поражении под Аустерлицем*.

Заклятый враг Наполеона – Вильям Питт-младший не выдержал обрушившегося известия – в январе 1806 г. он скончался. Было сформировано новое, коалиционное правительство, в которое впервые с

---

* См. С. 93.

inslav

1783 г. вошли виги. Премьер-министром стал тори лорд Гренвилл; глава вигов Чарлз Джеймс Фокс – министром иностранных дел. Кабинет Гренвилла получил несколько ироническое прозвище "министерство всех талантов", причем "таланты в основном принадлежали вигам"[5], которые выступали против участия Великобритании в коалициях, против удержания Мальты и т.п.

Англо-французские переговоры о мире начались по инициативе Фокса в марте 1806 г. и тянулись до сентября. Англия требовала подключить к переговорам и Россию, от чего Наполеон отказывался, тем временем все больше расширяя свои владения.

В начале 1806 г. в Лондон с особым поручением прибыл П.А. Строганов, главным образом для того, чтобы согласовать с кабинетом Гренвилла действия по проблемам Османской империи. А. Чарторыйский отмечал, что "если для восстановления равновесия в Европе будет принят принцип компенсаций, то в настоящий момент мы могли бы получить такие компенсации, хотя бы отчасти уравновешивающие приобретения Франции, за счет Турции. Что же касается Англии, то следовало бы попытаться выяснить, чего она хочет для себя при подобном положении вещей". При отказе Англии от такого решения проблемы ей следовало предложить компромиссный вариант – создание славянского государства (от Котора до Сербии) и греческого (включавшего континентальные греческие земли и Ионические острова) под сюзеренитетом Порты и протекторатом России.

Фокс "с болью" заявил, что предвидит полное разрушение Османской империи в самом ближайшем будущем[6]. Его реакция на предполагаемый раздел владений Порты (при этом Англия желала закрепить за собой Александрию и о. Крит) была благоприятной. До проекта создания славянского и греческого государств собеседники не добрались.

Лето 1806 г. – время слабой надежды на европейское замирение[2*]: с Францией вели переговоры и британский, и российский кабинеты. Но Наполеон твердо высказался против сохранения Мальты за Великобританией и удержания ею контроля над Сицилией, и переговоры оборвались. Александр I отказался ратифицировать договор, подписанный П.Я. Убри в Париже.

Новому английскому послу в Стамбуле Ч. Арбетноту приходилось нелегко, в условиях стремительно обострявшихся русско-турецких отношений[3*], тем более что он месяцами не получал инструкций из Лондона и часто был вынужден действовать на свой страх и риск.

Трудно найти рациональное объяснение такой линии поведения Форин оффис. Дело доходило до того, что Арбетнот был вынужден просить содействия России. Ситуация складывалась почти фарсовая: Италинский писал в Петербург о затруднительном положении, в кото-

---

[2*] См. С. 169–170.
[3*] См. С. 171–173.

inslav

ром оказался его британский коллега. Из Петербурга его успокаивал А.А. Чарторыйский: "Я... вновь написал послу графу С.Р. Воронцову (в Лондон. – *Л.З.*), чтобы он повлиял на отправку необходимых приказов г-ну Арбетноту"[7]. Но даже эти экстраординарные шаги не помогали. От Форин оффис не удалось добиться никакой реакции.

Ситуация не слишком переменилась даже после начала русско-турецкой войны. С. Арбетнот жаловался лорду Хоуику в письме от 15 января 1807 г.: "Вот уже два с половиной года, как я не получаю каких-либо инструкций от правительства; ибо те несколько строчек, которые были мне посланы вместе с приказом заключить договор (с Османской империей. – *Л.З.*), вряд ли заслуживают упоминания. Но так велики и разнообразны были перемены за этот насыщенный событиями период, что я едва могу надеяться, что все мои действия были верными, как бы мне этого ни хотелось"[8]. Судя по всему, в Лондоне в то время ошибочно полагали, что все вопросы, касающиеся Османской империи, можно решить и без ее участия, ограничившись лишь обсуждением ее судьбы между великими державами.

В ноябре 1806 г. под совместным влиянием внушений О.Ф. Себастиани и обиды на довольно резкий демарш главы Форин оффис Порта денонсировала договоры с Великобританией (за два месяца до истечения срока его действия) и Россией. Тогда для поддержки демаршей послов в Дарданеллы была направлена эскадра адмирала Луиса и вице-адмирала сэра Джеймса Дакуорта, которой предписывалось действовать совместно с эскадрой Д.Н. Сенявина, прибывшей из Кронштадта в порт Корфу еще в январе 1806 г. Тогда же Лондон посоветовал Петербургу занять своими войсками Белград, "если это можно сделать без противоречия духу договоров"[9].

Незадачливая экспедиция Дж. Дакуорта в проливы[4*] привела к разрыву отношений между Англией и Турцией. Дакуорт, выполняя полученные им предписания, отправился к берегам Египта, куда уже были направлены английские войска из Мессины. Но попытка захватить Александрию с треском провалилась. Ее резко критиковали в парламенте Дж. Каннинг и Роберт Каслри[10]. После такого провала обеих попыток вести боевые действия Англия пошла на мирные переговоры с Османской империей. Решение это принял уже новый кабинет – в марте 1807 г. "министерство всех талантов" пало, споткнувшись, как и Питт в свое время, об отказ Георга III поддержать билль "об эмансипации католиков", предусматривавший предоставление им более широких гражданских прав. Новое правительство возглавил герцог Портландский, Форин оффис – Дж. Каннинг, военное министерство – Р. Каслри.

Война с Портой была для Британии по многим соображениям невыгодна. Объявленная Наполеоном континентальная блокада отрезала Великобританию от континента. Разрыв отношений с Портой закрывал для Англии практически последний легальный выход на рынки Европы.

[4*] См. С. 175.

inslav

И хотя после атаки на Александрию воюющие стороны не обменялись ни единым выстрелом, такая ситуация могла оказаться для Великобритании чреватой серьезными осложнениями. Поэтому, когда в мае 1807 г. на о. Тенедос прибыл полковник русской службы К.О. Поццо ди Борго для ведения с Портой переговоров о мире, Каннинг немедленно направил сэру Артуру Пэйджету, бывшему посланнику в Вене, инструкцию об участии в переговорах.

Главным пунктом в инструкции от 16 мая было указание всячески подчеркивать, что, если даже распад Османской империи неминуем, "его величество (Георг III) не желает ускорять это падение империи", что не помешало Каннингу, еще в 1798 г. выступавшему за союз с Турцией, дополнить инструкцию следующим указанием: "Установите дружеские отношения с пашами Смирны и Янины и вообще с любыми пашами, обладающими властью и хорошо к нам относящимися"[11]. Каннинг надеялся, что Англия сумеет применить здесь политику "разделяй и властвуй"[12]. При этом от России потребовали клятвенного заверения в том, что она "не будет расширять свои владения с турецкой стороны". Миссия Пейджета успехом не увенчалась: Порта продолжала ориентироваться на Францию.

После Тильзита положение Великобритании осложнилось утратой главного союзника в войне. Английские историки обвиняют Александра I за это чуть ли не в предательстве интересов Европы, но и они признают, что он не мог поступить иначе – в значительной степени из-за действий самой Великобритании[13].

Переговоры Великобритании с Турцией возобновились лишь летом 1808 г. уже на другой ноте. 26 июня Дж. Каннинг подписал инструкции новому британскому уполномоченному сэру Роберту Эдеру: Англии необходимо закрепить за собой какой-нибудь из островов Архипелага или как минимум – порт, для "защиты Константинополя и, возможно, операций против России". Наиболее подходящим для этой цели он считал Крит. Далее Каннинг заявлял, что "его величество уже вернул Александрию" и "ничего не желает от Порты". Кроме того, Англия выговаривала себе право поддерживать Али-пашу Янинского, снабжать его оружием и припасами. Главным же было указание Р. Эдеру, что соглашение между двумя государствами не может рассматриваться "в качестве точной и формальной гарантии владений Порты", – в условиях наполеоновских войн это было бы опрометчиво[14].

Переговоры о подписании мира Р. Эдер вел с уполномоченными молодого султана Махмуда II. Британской дипломатии суждено было иметь с ним дело на протяжении тридцати с лишним лет...

Надо сказать, что сама эта англо-турецкая война вообще-то случайное явление в истории отношений Великобритании и Османской империи; в подготавливаемом договоре военные действия деликатно назывались "очевидным недоразумением". Но последствия этой войны оказались весьма значительны.

Стоит отметить, что в дипломатических и правительственных кругах Лондона вызвало некоторое недоумение само назначение сэра

inslav

Роберта Эдера новым британским уполномоченным по ведению переговоров с Портой: Эдер был членом британского парламента от оппозиции, родственником крупнейшего деятеля партии вигов Ч.Дж. Фокса. Но министр иностранных дел Великобритании тори Дж. Каннинг ценил своих сотрудников за способности, а не за их партийную принадлежность. И он не ошибся: Р. Эдер успешно справился с миссией, при выполнении которой два его предшественника, Ч. Арбетнот и А. Пэйджет, потерпели неудачу.

Сложности начались сразу же после прибытия новой миссии в Дарданеллы – переговоры проходили на борту английского фрегата, но не на рейде Константинополя, а в нескольких часах пути от него, фактически под жерлами пушек Дарданелльских фортов. С турецкой стороны переговоры вел Мехмед Эмин Вахид-эфенди, член османского Дивана, глава департамента вакуфных имуществ (Менкуфат). Эдер неоднократно отмечал его антианглийские настроения и профранцузскую ориентацию. Вначале Вахид-эфенди вообще отказался принять верительные грамоты Эдера, ибо они были адресованы на имя Мустафы IV, а на престоле Османов уже сидел молодой султан Махмуд II. Но этот вопрос дипломатического этикета удалось уладить.

21 ноября 1808 г. Эдер вручил Вахид-эфенди проект договора, подготовленный в Лондоне. Вопреки обычной неразворотливости ведомства реис-эфенди уже 26 ноября ему был представлен контрпроект[15]. Наибольшие возражения англичан вызвал пункт о равной индемнизации за понесенные в войне убытки гражданских лиц, но в конце концов они его приняли. Сопоставление этих двух документов – проекта и контрпроекта – позволяет наконец внести ясность в вопрос авторства статьи, запрещавшей военным кораблям всех стран вход в Босфор и Дарданеллы: она исходила от турецкой стороны и была принята английской стороной без каких-либо комментариев, ибо "запирала" российский флот в Черном море.

Договор был подписан 5 января 1809 г. Текст его был составлен на турецком и французском языках. Последнее обстоятельство вызвало серьезное недовольство английского двора и некоторое промедление с его ратификацией – Великобритания уже более пятнадцати лет воевала с Францией и не желала подписывать документы на языке заклятого врага. Эдеру пришлось объяснять, что у Высокой Порты нет драгоманов, владеющих английским языком, а никто из чиновников не осмелится поставить свою подпись под документом, в котором он не уверен.

Через пять дней после подписания договора с Высокой Портой 11 января 1809 г. в Лондоне был подписан союзный договор Великобритании с испанским правительством, направленный на совместную борьбу с Наполеоном. Под контролем Англии теперь были Гибралтар и Дарданеллы – Средиземное море стало "английским озером". Это имело огромное значение для экономики Британской империи, весьма пострадавшей от континентальной блокады. Особенно активно развивалась

inslav

торговля с Турцией, через Стамбульский порт английские товары шли в Европу. Связи же политические между Великобританией и Османской империей после подписания договора резко сократились – вплоть до начала 1812 г., когда английский представитель в Константинополе Ч. Стрэтфорд Каннинг получил указание оказать дипломатическую поддержку русско-турецким переговорам о заключении мирного договора.

Возможно, на этот спад активности в отношении державы султана повлиял личностный фактор. Еще до подписания договора, 21 сентября 1807 г., состоялась знаменитая дуэль между двумя соперниками Дж. Каннингом и военным министром Р. Каслри. Глава Форин оффис был легко ранен. Его карьера пострадала куда более серьезно, чем он сам: герцог Портланд подал в отставку, кабинет распался, и Каннинг вновь вошел в правительство только в 1816 г., а министром иностранных дел опять стал лишь в 1822 г., после самоубийства его старого соперника лорда Каслри.

Новое правительство сформировал С. Персевал. Преемником Каннинга стал лорд Батерст. В ноябре 1809 г. он предупреждал Р. Эдера, назначенного после заключения мира британским посланником в Турции: "Великобритания не будет давать какой-либо формальной гарантии османских владений; обстоятельства могут не позволить нам выполнить это обещание"[16].

Анализируя эти факты, можно сделать следующие выводы. Великобритания активизировала свою деятельность в восточном вопросе, когда на берегах Черного моря появилась Россия. До этого она спокойно торговала с Турцией, пользуясь капитуляционным режимом, которого добилась еще в 1580 г. и который подтвердила в 1675 г. Но стоило России достичь определенных успехов на Ближнем Востоке, как правительство Англии заволновалось. Питт-младший заявил, что действия России нарушают равновесие в Европе. Британский премьер развил бурную дипломатическую деятельность, чтобы заставить Екатерину II отступить. Только безразличное до поры до времени отношение большинства членов парламента к этим делам вынудило его в 1791 г. отступить и отказаться от плана посылки эскадры в Черное море. Но уже тогда был заложен краеугольный камень восточной политики Британии, отмеченный современными исследователями: она стала протурецкой потому, что была антирусской. Добрососедские политические и торговые отношения с Россией были весьма выгодны Англии, но она не собиралась спокойно глядеть на расширение владений и усиление своей соперницы.

В 1799 г. подписанием оборонительного союза с Турцией Англия сделала качественно новый шаг: приняв на себя, пусть даже временно, обязательство гарантировать целостность османских владений, Лондон получал возможность вмешательства в отношения Высокой Порты с другими государствами. Вероятно, именно к этому моменту можно отнести формирование политики статус-кво – конечно, не в окончательном ее виде, но уже обладавшую неотъемлемыми чертами этого

inslav

принципа британской политики. Истинным творцом этой политики надо считать не Джорджа Каннинга, а его политического учителя – Уильяма Питта-младшего.

Этот договор был секретным – Питт не хотел раздражать оппозицию, бурно приветствовавшую египетскую экспедицию Наполеона как способ "изгнания турок из Европы". По высказанному позднее мнению Р. Пиля, Питт "сделал этот шаг не потому, что восхищался правительством Турции, а потому, что по его мнению, расчленение Турции привело бы к катастрофическим последствиям"[17]. Сам Питт позже отверг русский зондаж по поводу возможного раздела османских владений как неуместный.

Его преемники действовали более свободно: Фокс считал, что в подобном случае Англия должна закрепить за собой Александрию и Крит – ключи к Индии; той же точки зрения придерживался и Дж. Каннинг. Вряд ли можно вменять ему в вину более открытое, чем у его предшественников, формулирование политики статус-кво именно в период англо-турецкой войны: сама война между ними была в достаточной степени условной[18]. Каннинга можно понять. Ему необходимо было предусмотреть условия, которые могли бы помочь в превращении Средиземного моря в "английское озеро".

Хотя официально англо-турецкий договор трактовался как шаг на пути к союзу Великобритании, Турции и России против Наполеона, Каннинг не преминул учесть и возможности действий против России. Но главное, что не давало покоя английским политикам, – дважды зафиксированное в договорах право России проводить через проливы свои военные корабли. Этим создавалась угроза владычеству британского флага на Средиземном море (после Трафальгарского разгрома Франция в счет не шла). В договоре 1809 г., подписанном на борту английского военного корабля, как в зеркале, отразились основные положения политики статус-кво. Англия гарантировала целостность тех османских территорий, что лежали в сфере интересов России; было дано обещание (но без уточнения) помочь в обороне османских провинций, которым с Адриатики грозил Наполеон. Не были забыты, разумеется, и коммерческие интересы (в 1799 г. торговое соглашение с Портой было подписано через десять месяцев после заключения договора, теперь же из одиннадцати открытых статей договора шесть были посвящены коммерческим и гражданским вопросам). Дарданелльский мирный договор стал началом нового этапа в связях Великобритании и Османской империи. Но главное – договор закрыл военным кораблям России выход в Средиземное море, а другим державам – вход в Черное море. Англичане на себе испытали, каково прорываться через огонь береговых батарей, и знали, что вряд ли у кого-нибудь возникнет охота повторять их опыт.

Дарданелльский договор стал важным документом для поддержания британской торговли – континентальная блокада была разорвана, через порт Стамбула в Европу пошли английские товары. Интерес Англии к восточным делам ослабел, – слишком грозные бури бушевали

inslav

над Европейским континентом. Официальная Британия, добившись своих целей, практически забыла о Порте до окончания борьбы с Наполеоном. Однако суть своей политики, антирусской (хотя имевшей и некоторые антифранцузские зигзаги), она не предавала забвению никогда.

Два эпизода, произошедшие во время Венского конгресса, как в зеркале, отразили основные постулаты политики статус-кво: во-первых, противодействовать распространению влияния России в Константинополе и стараться превратить ее двусторонние контакты с Османской империей в многосторонние; во-вторых, закрепить владычество Высокой Порты над ее христианскими подданными на Балканах. Когда в январе 1815 г. сербские депутаты прибыли в Вену в надежде получить защиту от османских властей, Каслри отказался их принять (хотя им были даны аудиенции австрийским и русским императорами) и передал через чиновника посольства, что "вследствие дружеских отношений, существующих между Англией и Турцией, британский двор не может вмешиваться в столь деликатное дело".

А в феврале 1815 г. в Вене Каслри имел долгую беседу о судьбе Османской империи с Александром I, которому он предложил включить Османскую империю в общий договор участвовавших в Венском конгрессе держав, гарантировавший взаимную целостность владений. Кроме того, Каслри предложил потребовать от Высокой Порты твердой гарантии свободы торговли в Черном море тем державам, которым это было разрешено по договорам и конвецниям 1798–1806 гг., т.е. Англии, Франции, Пруссии, Сардинии, Швеции, Нидерландам, Дании и др. За Россией оставлялось право после присоединения в общей "гарантии урегулировать с Портой спорные вопросы о закавказских территориях, возникшие после нарушения Османской империей некоторых статей Бухарестского мирного договора, причем при посредничестве Великобритании, Австрии и Франции. Александр I согласился на это предложение, но от него категорически отказалась Высокая Порта. После "ста дней" и разгрома Наполеона при Ватерлоо к этому вопросу уже не возвращались.

[1] *Wood A.* The History of the Levant Company. L., 1914. P. 144.
[2] ВПР. Т. II. С. 154.
[3] Там же. С. 240.
[4] Там же. С. 270, 675.
[5] *Churchill W.S.* The History of the English-speaking Peoples. L., 1974. Vol. 3. The Age of Revolution. P. 253.
[6] *Мартенс Ф.Ф.* Собранне трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1895. Т. XI. С. 126.
[7] АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 45. Л. 181.
[8] *Rose J.H.* The Indecisiveness of Modern War. London, 1927. P. 162.
[9] *Adair R.* The Historical Memoir of a Mission to the Court of Vienna in 1806. L., 1844. P.
[10] Parliamentary Debates. 1st Series. Vol. X. P. 274; Vol. XI. P. 485–486, 895.
[11] *Temperley H.* England and the Near East. L.; N.Y.; Toronto. 1936. P. 46.

inslav

[12] ВПР. Т. III. С. 550–553.

[13] The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge. 1922. Vol. I. P. 358–359; *Seton-Watson R.W.* Britain in Europe. 1789–1914. Cambridge, 1937. P. 23; *Petrie C.* George Canning. L., 1946. P. 75–77. *Churchill W.S.* Op. cit. P. 254.

[14] *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 46–48.

[15] *Зеленина Л.В.* Завершение англо-турецкой войны 1807–1809 гг. Дарданелльский мирный договор 1809 г. // Постигая военную историю... М., 1991. С. 87.

[16] *Temperley H.* Op. cit. P. 48.

[17] Ibid. p. 44.

[18] *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 8–9.

inslav

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС (1814–1815) И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС*

После заключения Бухарестского мира отношения между Россией и Османской империей, вся общественно-политическая обстановка на Балканах оставались очень напряженными. После вторжения наполеоновской армии в Россию многие влиятельные турецкие вельможи сочли заключение мира с северной соседкой просчетом, полагая, что войну можно было закончить без территориальных потерь и значительных уступок. Пытаясь отвлечь внимание населения от сложных внутриполитических проблем, ослабить его недовольство военными неудачами, Порта разжигала в стране религиозный фанатизм и реваншизм. Антирусские настроения правящих кругов поощрялись французскими и австрийскими дипломатами, раздосадованными Бухарестским миром.

На протяжении 1813 г. султанское правительство активно сопротивлялось выполнению большинства условий договора. Оно уклонялось от соблюдения привилегий Дунайских княжеств, освобождения их в течение двух лет от налогов. Турецкие власти чинили препятствия навигации в проливах, принуждали российских купцов к продаже хлеба в Стамбуле по заниженным ценам. Фактически Порта, пользуясь отвлечением сил России на войну с Францией, рассчитывала добиться ревизии Бухарестского договора.

Несмотря на создавшиеся для нее крайне неблагоприятные условия, русская дипломатия не бездействовала. Посланник А.Я. Италинский, вернувшийся в турецкую столицу, благодаря широким связям в греческих кругах, близких к турецкому ведомству иностранных дел, получал подробные сведения о всех внешнеполитических акциях Порты, о происках французских и австрийских дипломатов. Было приложено немало усилий, чтобы предотвратить готовившееся нападение турецких войск на Сербию, выступив посредником в выработке соглашения о ее политическом статусе. Но Порта упорно отклоняла такого рода предложения, требовала полного разоружения сербов, сдачи ими всех крепостей и укрепленных пунктов.

Уже к осени 1813 г. русско-турецкие отношения резко обострились из-за подавления Портой сербского восстания, ее непримиримой позиции в вопросе о выводе российских войск из "трех азиатских крепостей"

---

* 1815 год завершил важный этап в развитии восточного вопроса, став отправным пунктом его нового этапа. Подробный анализ рассматриваемых в настоящем разделе проблем см. в кн.: Международные отношения на Балканах, 1815–1830 гг. М., 1983.

© И.С. Достян

inslav

(Сухум-Кале, Кемхала и Анаклии), ввиду ее претензий на восстановление власти в Абхазии, Имеретии, Гурии и Мингрелии. В стране велась активная военная подготовка. В европйских дипломатических кругах, в печати, среди балканских народов распространились слухи о неизбежном начале новой русско-турецкой войны[1].

Несмотря на поглощенность титанической борьбой на севере, правительство Александра I не устранялось от участия в делах Юго-Восточной Европы, тем более что Франция, Великобритания и Австрия намеревались использовать сложившуюся ситуацию, чтобы подорвать русское влияние в регионе. Тесные политические контакты, установленные с греками, сербами, черногорцами, молдаванами и валахами, накладывали на царское правительство моральные обязательства. После победы над Наполеоном "вершитель судеб Европы", т.е. Александр I, как они надеялись, сможет обеспечить лучшее будущее христианским подданным султана. Они рассчитывали, что на предстоящем международном форуме Россия поставит об этом вопрос, и спешили установить связи с российскими правительственными кругами, довести до их сведения свои нужды[2].

Трагические события в Сербии обязывали позаботиться прежде всего о дальнейшей судьбе бывших русских союзников в войне с Турцией, о сербских эмигрантах, оказавшихся в Австрии, среди которых был Карагеоргий и другие предводители. Все они получили разрешение на переселение в Россию, где им предоставлялись земельные владения и привилегии. Но необходимость массовой эмиграции сербов в Россию вскоре отпала. Бóльшая часть беженцев, долго томившихся в австрийских карантинах, оказавшись без средств, предпочла вернуться на родину.

Начиная с 1814 г. сербские деятели стали добиваться от России заступничества в деле восстановления автономного статуса своей страны. Один из влиятельных эмигрантов, Мелентий Никшич, был уполномочен передать от имени сербского народа Александру I прошение, в котором содержалась просьба предоставить Сербии статус, аналогичный статусу полунезависимого Валашского княжества, в случае если обстоятельства не позволят присоединить Сербию к России "силой оружия"[3]. Как видно, суровые испытания заставили сербских предводителей выдвигать более умеренные политические требования, чем до разгрома восстания. Предоставление Сербии автономии рассматривалось российской дипломатией как единственный способ решения сербской проблемы, который вполне соответствовал условиям Бухарестского мира. Перспектива реализовать эту задачу, казалось, открывалась на предстоящем мирном конгрессе в Вене.

После ухода из Адриатики и Ионических островов российской эскадры и занятия в 1807 г. Боки Которской французскими войсками черногорцы несколько лет находились в тяжелом положении. Разгром империи Наполеона возродил надежду на расширение территории фактически независимого Черногорского государства и главное – на получение выхода к морю благодаря присоединению Боки Которской.

inslav

Но европейские правители меньше всего заботились об интересах маленькой славянской страны. Судьба Боки Которской была предрешена уже летом 1813 г. в соглашениях, заключенных между Россией, Австрией и Пруссией: эта провинция после победы над Наполеоном возвращалась Австрии вместе со всеми владениями, принадлежавшими ей в 1805 г. Парижский мир, подписанный 30 мая 1814 г., оставлял в силе эту договоренность.

Между тем еще осенью 1813 г. по призыву англичан черногорцы и бокезцы выступили против французских оккупационных войск, а в конце того же года при поддержке английского флота заняли сам Котор. Скупщина черногорцев и бокезцев приняла решение об объединении Боки Которской с Черногорией и учреждении временного правительства во главе с митрополитом Петром Негошем. Когда же в начале 1814 г. австрийские военачальники стали требовать передачи им Боки Которской, черногорцы этому воспротивились[4]. Негош направил письмо Александру I с просьбой утвердить присоединение Боки к Черногории и принять ее в свое владение. В случае же невозможности такого варианта он просил "всемилостивейше повелеть перевесть в Россию всех, кои пожелают сохранить свое благочестие" и верность русскому престолу[5].

Для черногорцев присоединение Боки Которской было насущной необходимостью в экономическом и политическом отношениях. Они очень рассчитывали на поддержку их давней покровительницы – России. Но часть бокезского населения католического вероисповедания выступила за восстановление в провинции австрийской власти и, в свою очередь, направила Францу I письмо просьбой взять их под защиту[6].

Принять решение о принадлежности Боки Которской правительство Александра I единолично не могло; было ясно, что ни одна из союзных держав не согласится на ее передачу Черногории – это создало бы российский форпост на побережье Адриатики. Попытки русской стороны вступить в переговоры с австрийцами ни к чему не привели. Опираясь на поддержку части католических общин Боки, австрийцы в июне 1814 г. заняли Боку Которскую. Лишь после этого Александр I сообщил Петру Негошу о решении союзных держав вернуть эту область в состав Австрии. Петр Петрович в письмах к Александру I и ряду российских сановников, с которыми он имел личные связи, не преминул выразить в связи с этим чувства обиды и разочарования черногорцев[7].

Судьба Боки Которской отражала соотношение сил великих держав в их борьбе за преобладание в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье. Принципы легитимизма и консерватизма, провозглашенные победителями наполеоновской Франции, позволяли западным партнерам сдерживать Россию, которая пыталась укрепить свои позиции в этих регионах.

Греческие общественные деятели рассчитывали добиться с помощью России воссоздания Республики Семи Соединенных островов в том виде, в каком она существовала до Тильзитского мира, в качестве

inslav

опоры в борьбе за национальное освобождение всех эллинов. Летом 1813 г. Корфу был блокирован английским флотом. Весной 1814 г. с санкции союзников его заняли англичане и в их руках оказались все Ионические острова. Стало ясно, что сильнейшая морская держава не покинет эту важную в стратегическом отношении базу у западного побережья Балканского полуострова. Но на обладание Ионическими островами претендовала и Австрия как наследница владений Венецианской республики. Большую заинтересованность проявляла и Порта, опасавшаяся возобновления российского преобладания на островах. Все это исключало возможность восстановления Республики Семи Соединенных островов под российским протекторатом.

Все же Иоанн Каподистрия, корфиот, делавший первые шаги в своей блистательной карьере, приобретавший все большее влияние в российских дипломатических кругах и активно защищавший интересы соотечественников, не терял надежды на то, что столь сложная задача будет решена. Летом 1813 г. в одной из своих записок, направленных в МИД, он доказывал необходимость восстановления Ионической республики под сюзеренитетом Порты и покровительством России. Последняя в этом случае могла бы сохранить свое влияние и связи на Востоке, воспрепятствовать исключительному преобладанию в Греции Великобритании, "которое со временем может сделаться опасным для черноморской торговли", писал он[8].

Сами ионийцы были полны решимости отстаивать свою самостоятельность и рассматривали английскую оккупацию как временную. В мае 1814 г. ионический Сенат обратился к союзным державам с просьбой признать независимость Республики Семи островов и через Каподистрию направил ее Александру I, надеясь на его содействие в осуществлении такой акции. Каподистрии было поручено вести все переговоры по этому поводу. Выработать решение о судьбе Ионических островов, удовлетворявшее все великие державы и самих ионийцев, было чрезвычайно трудно. Возникали предложения и проекты относительно передачи островов или кому-либо из европейских владетелей в виде индемнизации, или Мальтийскому ордену. Безуспешно подыскивался подходящий претендент на владение островами, который, как предполагалось, впоследствии мог бы стать и главной освобожденной от турецкой власти Эллады. Решить судьбу Ионических островов предстояло на Венском конгрессе, открывшемся в сентябре 1814 г.[9]

Как известно, на Венском конгрессе предстояло закрепить политическое переустройство Европы. Противоборство держав концентрировалось вокруг вопросов, касавшихся Западной и Центральной Европы. Балканские проблемы оказались на заднем плане. Но союзники России подозревали, что после урегулирования европейских дел Россия переключит свою активность на Восток и попытается приобрести важные преимущества на Балканах и Ближнем Востоке или будет готовиться к новому военному конфликту, чтобы окончательно сокрушить Османскую империю. Обострение русско-турецких взаимоотношений порождало такого рода предположения[10].

inslav

Более всех опасалась подобной перспективы Вена. После перехода на сторону антинаполеоновской коалиции канцлер К. Меттерних прилагал усилия, чтобы восстановить пошатнувшееся доверие Порты к Дунайской монархии и расширить австрийское влияние в Стамбуле. Султана и его министров убеждали, что Австрия больше всего заинтересована в поддержании целостности и неприкосновенности империи османов и является ее верным другом. "Князь Меттерних теперь более, чем когда-либо раньше, рассматривает Оттоманскую Порту как важнейший противовес в общем равновесии Европы, – писал верный помощник канцлера Ф. Гентц валашскому господарю И. Карадже для передачи в Константинополь. – Его предложения, планы и действия будут неизменно направлены к этой цели. Он будет защищать интересы Порты как самые прямые, самые драгоценные интересы самой Австрии; он никогда не потерпит, чтобы Россия прикоснулась к ним, и, как ни сильно его желание поддержать длительный мир в Европе, он не побоится борьбы с этой державой, если ей когда-либо будет злоумышленно внушен подобный замысел"[11].

Столь непримиримая позиция в отношении действий России в восточном вопросе не опиралась на реальные возможности Вены. Но она надеялась на активную поддержку в восточных делах лондонского кабинета, для которого Австрия служила противовесом русской политике в балканском регионе.

В результате разгрома Франции Великобритания обеспечила себе полное преобладание в водах Средиземноморья и, не собираясь уступать своих позиций России, упорно противостояла ее попыткам закрепиться в балканских владениях Порты и на Адриатическом побережье. Стремясь создать надежный барьер против возможных акций Александра I в отношении восточных проблем, английская дипломатия поддерживала идею о присоединении Османской империи к системе территориальных гарантий, которую предполагалось провозгласить на Венском конгрессе. Доктрина статус-кво уже начала свое долгое существование.

Меттерних утверждал, будто именно он еще осенью 1813 г. выдвинул такой план перед Александром I[12]. Позднее он был сформулирован самостоятельно и побежденной Францией. В "Инструкциях уполномоченным короля на конгрессе", автором которых был Ш.М. Талейран, говорилось: "Оттоманская Порта не была втянута в последнюю войну, но она является европейским государством, сохранение которого важно для поддержания европейского равновесия. Следовательно, было бы полезным, чтобы ее существование также гарантировалось"[13].

Таким образом, еще до начала Венского конгресса Великобритания, Австрия и Франция имели общий взгляд на основы урегулирования восточного вопроса. В международном признании статус-кво на Балканах и Ближнем Востоке они видели средство сковать активность России в этом регионе[14]. Поставить данный вопрос на конгрессе предполагалось после обсуждения основных европейских проблем и в зави-

inslav

симости от их решения. Но для осуществления такого замысла необходима была заинтересованность самой Порты, которая между тем продолжала придерживаться изоляционистского курса и не прислала своего представителя в Вену.

Вместе с тем в Константинополе уделяли большое внимание обсуждению на мирном конгрессе вопросов, которые затрагивали непосредственные интересы Порты. От турецкого поверенного в Вене поступала подробная информация обо всем, что там происходило, и это позволило составить представление об ожесточенной дипломатической борьбе, развернувшейся между великими державами, о противодействии, которое оказывали России ее союзники и в первую очередь Великобритания. Именно английская дипломатия пользовалась наибольшим влиянием в Стамбуле, ибо предполагалось, что она станет активно отстаивать интересы Османской империи на международной арене, а возможно, поможет поставить вопрос о возвращении ей территорий, уступленных России по Бухарестскому миру, о судьбе кавказских областей. По сведениям, полученным Италинским, английский посол Р. Листон на встрече с реис-эфенди заверял последнего, что ни одно европейское правительство не хочет распада Османской империи: "Если бы даже были составлены честолюбивые проекты в этом отношении, – говорил будто бы посол, явно намекая на Россию, – лондонский двор использовал бы все свои силы и все возможности, чтобы этому воспрепятствовать"[15].

Располагая надежными источниками информации, царское правительство хорошо представляло, насколько сильным будет скрытое, но активное противодействие Англии, Австрии и Франции его курсу в восточном вопросе. Александр I не собирался отказываться от возможности использовать победу над Наполеоном для приобретения экономических и политических преимуществ на Востоке или хотя бы закрепления тех позиций, которые были приобретены Россией в результате русско-турецкой войны 1806–1812 гг.[16] Но действовать надлежало осторожно, чтобы не мешать решению других внешнеполитических задач, считавшихся более важными.

Переговоры относительно судьбы Ионических островов вел Каподистрия. Что восстановить протекторат России на островах не удастся, было ясно, и греческий патриот стал добиваться установления такого политического статуса своей родины, который содействовал бы ее дальнейшему экономическому и политическому прогрессу. В октябре 1814 г. в докладе царю он высказывался за введение на островах режима, основанного на конституции 1803 г., за включение в состав ионического государства балканского побережья с городами Превезой, Паргой, Воницей и Бутринто. В докладе доказывалась целесообразность восстановления на островах республики, самостоятельной и нейтральной, поставленной под коллективную протекцию всех великих европейских держав[17]. Это предложение выдвигалось российской дипломатией вплоть до окончания работы мирного конгресса. Фактически же Каподистрия при поддержке Александра I пытался прежде всего

inslav

воспрепятствовать передаче островов во владение Австрии, так как считал более приемлемым установление на них протектората Великобритании. Эта сильнейшая морская держава с давними конституционными и либеральными традициями, казалось бы, могла скорее обеспечить его родине экономическое процветание и политическую свободу[18].

Судьба Ионических островов так и не была окончательно решена на Венском конгрессе, хотя их передача под протекторат Англии фактически предрешалась. После "ста дней" Наполеона Бонапарта Лондон стал добиваться перехода островов в свое полное владение, русская сторона в лице Каподистрии этому активно противостояла. После долгих переговоров 5 ноября 1815 г. в Париже была заключена специальная конвенция, по которой Ионические острова передавались под протекторат Великобритании как "свободное и независимое государство" под названием "Соединенные области Ионических островов".

Каподистрия рассчитывал принять непосредственное участие в разработке внутреннего устройства островов, намереваясь для этого приехать в Лондон. Но английские государственные деятели предпочли ограничиться получением от него специальной записки по этой теме. Как вскоре обнаружилось, протекторат Великобритании не принес ионийцам ни экономических преимуществ, ни политической свободы. На островах был введен режим, близкий к колониальному.

Российская дипломатия собиралась использовать конгресс для урегулирования русско-турецких взаимоотношений и укрепления своих позиций на Балканах. Для этого необходимо было коллективно воздействовать на Порту и принудить ее выполнить свои обязательства по Бухарестскому миру: ввести внутреннее самоуправление в Сербии, облегчить налоговый гнет в Дунайских княжествах, не чинить препятствий российской черноморской торговле. Но решение всех этих проблем оказалось связанным с урегулированием других разногласий с султанским правительством, прежде всего касавшихся Кавказа.

В ноябре 1814 г. задачи политики в отношении Османской империи и балканских народов стали предметом серьезного обсуждения в российских дипломатических сферах. В представленном царю докладе управляющего министерством иностранных дел К.В. Нессельроде выдвигалось предложение подать Порте надежду на передачу ей Сухум-Кале и такой ценой добиться ее уступок в отношении выполнения условий Бухарестского договора относительно Сербии, Молдавии и Валахии, уточнения их привилегий. В докладе содержалось предложение относительно коллективного протеста европейских правительств в Константинополе по поводу нарушения правил свободного прохода торговых судов через проливы. В создавшейся международной обстановке, в условиях острых разногласий между державами, утверждалось в докладе, было бы выгодным как можно скорее добиться стабилизации в Леванте, не доводя дела до новых осложнений[19].

Есть основание считать, что данный доклад выражал позицию Каподистрии, который являлся одним из его авторов. Но предложение активизировать политику на Балканах за счет территориальных усту-

inslav

пок на Кавказе не было одобрено Александром I. Все же российская дипломатия попыталась использовать Венский конгресс для улаживания двух вопросов: об облегчении навигации через проливы и урегулировании сербо-турецкого конфликта. Привлечь внимание участников конгресса к последней проблеме давали основание трагические события 1813 г. – вопиющее попрание турецкими властями принципов гуманности в отношении сербов – своих христианских подданных.

Активную деятельность в Вене с целью побудить собравшихся там владетельных особ и сановников содействовать решению судьбы своего народа развивали представители сербских эмигрантов во главе с протоиереем Матией Ненадовичем. В этом им активно помогали российские дипломаты. По совету Каподистрии от имени сербского народа были составлены обращения к главам союзных держав, в которых содержалась просьба ходатайствовать перед султаном "за сей несчастный народ, ни в чем власти его не противящийся"... "чтобы поступаемо было с оным не яко с осужденным на жертву, но яко с подданным его". Но австрийский император, английские и прусские дипломаты недвусмысленно заявили Ненадовичу об отказе откликнуться на просьбы сербов[20].

Несмотря на это, русская сторона готовилась поставить на конгрессе вопрос о защите европейскими державами христианских народов Балкан и прекращении террора в Сербии. Было подготовлено два проекта меморандума. В первом из них утверждалось, что русский император – "естественный покровитель христиан греческого восточного исповедания, находящихся под властью оттоманскою", подобно тому, как австрийский император и французский король являются защитниками католиков. Поэтому "главы европейской семьи" имеют право требовать от Порты прекращения зверств[21].

В другом "проекте циркулярной ноты", вероятно, окончательном, приложенном к инструкции первому российскому уполномоченному на Венском конгрессе А.К. Разумовскому, предлагалось от имени держав потребовать прекращения террора в Сербии и устранения в дальнейшем возможности повторения подобных актов[22].

Западные оппоненты, по всей вероятности, знали о намерении российской дипломатии поставить на обсуждение конгресса балканские проблемы и поспешили перехватить инициативу, выдвинув предложение о провозглашении гарантий целостности и неприкосновенности владений султана. В начале февраля 1815 г. К. Меттерних сообщил турецкому поверенному в делах в Вене, что он обсуждал эту проблему с лордом Р. Каслри и Ш.М. Талейраном. "Мы пришли к заключению, – заявил он, – в отношении гарантий, которые вам нужно дать, и договорились, что лорд Каслри перед своим отъездом выдвинет ваш вопрос перед императором Александром и предложит ему согласиться на гарантию ваших владений другими государствами"[23]. Таким образом, стремление начать переговоры по восточному вопросу было обоюдным, однако стороны исходили из совершенно противоположных намерений и расчетов. В результате переговоров с английским статс-секретарем и

inslav

Талейраном Александр I согласился на присоединение Османской империи к "всеобщему поручительству", которое предполагалось провозгласить в Заключительном акте Венского конгресса, но обусловил это разрешением "спорных статей" в русско-турецких взаимоотношениях при посредничестве Великобритании, Австрии и Франции[24].

Как видно, уже в это время царское правительство предполагало распространить принципы легитимизма и консерватизма на свою политику в восточном вопросе, но на условиях, на которые было трудно подвигнуть ее партнеров, которые должны были принудить Порту удовлетворить русские требования в отношении территориального размежевания на Кавказе, урегулирования внутреннего положения в Сербии и выполнения других статей Бухарестского договора. В мерах же для обеспечения свободного прохода торговых судов через проливы была заинтересована не только Россия, но также Англия и другие державы.

В соответствии с полученной инструкцией А.К. Разумовский попытался согласовать с английскими и австрийскими дипломатами "демарш в пользу сербов" участников конгресса. Было получено предварительное согласие английской стороны на подобную акцию, но последовали возражения со стороны Австрии[25]. В то же время группировка западных держав поддерживала русские требования в отношении территориального размеживания на Черноморском побережье Кавказа, считая, по-видимому, что Порта имеет слишком мало шансов добиться перехода в свое владение спорных крепостей. Согласие царя на провозглашение целостности и неприкосновенности Османской империи представлялось крупной победой. Ради признания этого принципа в международном договоре Порте, следовало пойти на уступки России. Было приложено немало усилий, чтобы склонить султанское правительство принять предложения, переданные через английского посла Р. Листона. Но после некоторого промедления реис-эфенди в начале апреля заявил о категорическом отказе принять посредничество Великобритании, Австрии и Франции в урегулировании русско-турецких разногласий. Более того – он высказал претензии на передачу Турции не только трех спорных кавказских крепостей, но и большей части Грузии[26].

Резкая перемена международной обстановки в марте 1815 г., вызванная возвращением Наполеона с о. Эльба, повлияла на позицию Стамбула, определила нежелание присоединиться к "концерту" европейских держав ценой значительных уступок. Сыграло роль и недоверие к европейским правительствам, к выполнению данных ими обещаний. Традиционная изоляционистская политика, при которой оставалась возможность пользоваться поддержкой той или иной державы, попрежнему рассматривалась турецкими правящими кругами как наиболее соответствующая своим интересам.

С наступлением "ста дней" переговоры по восточному вопросу на Венском конгрессе оборвались. Дипломаты, аккредитованные в Константинополе, были уполномочены заявить о сохранении в силе Парижского мирного договора и дать совет не поддаваться "инсинуациям"

inslav

агентов Бонапарта. Италинскому предписывалось обратиться со специальным демаршем к султанскому правительству, заверив в миролюбивых намерениях императора, не вступать в какие-либо переговоры по вопросу о русско-турецких разногласиях, возобновив сделанное ранее лондонским кабинетом предложение о провозглашении целостности и неприкосновенности владений Османской империи. Он должен был выразить стремление дружески разрешить русско-турецкие разногласия после окончания войны с Наполеоном, однако путем двусторонних переговоров без всякого вмешательства других держав[27]. Это был новый принцип российской политики в отношении Османской империи. Попытки привлечь к разрешению разногласий с Портой западные державы были прекращены, вероятно, не без влияния обнаружившегося сговора Великобритании, Австрии и Франции против России. Принцип двусторонних переговоров и всех сношений без вмешательства других держав лег в основу всего дальнейшего курса России в отношении Турции, а также Персии[28].

Порта не откликнулась на русские предложения, но не рискнула воспользоваться моментом и войти в сношения с Наполеоном. Она осталась сторонней наблюдательницей бурно развивавшихся событий в Европе.

Весной 1815 г. сербы, потеряв надежду на помощь держав в борьбе за признание султанским правительством их автономии и прекращения террора, начали новое восстание во главе с Милошем Обреновичем. Турки стали стягивать к сербским границам крупные военные силы. Но известие о битве у Ватерлоо заставило Стамбул воздержаться от новой кровавой расправы с сербами, что создало бы угрозу военного вмешательства в их пользу России. В сентябре 1815 г. русская дипломатия, отказавшись от согласованных действий с европейскими правительствами в балканских делах, начала активно настаивать на выполнении Портой условия Бухарестского мира об автономных правах Сербии. Порта пошла на уступки: был назначен новый визирь в Белград, заключивший в ноябре 1815 г. устное соглашение о предоставлении бывшему Белградскому пашалыку определенных прав самоуправления, хотя и урезанных по сравнению с требованиями, выдвигаемыми сербами. Милош Обренович был признан "верховным кнезом" сербов. Так окончательная победа союзников над наполеоновской Францией, возросший престиж России на международной арене, помогли этому героическому народу, более десятилетия отстаивавшему свою свободу, продолжить трудный путь к созданию самостоятельного национального государства.

После "ста дней" участники Венского конгресса не возвращались к обсуждению восточных дел. Турция оказалась вне системы заключенных договоров. О ней не упоминалось в Заключительном акте конгресса. Причиной этого был прежде всего отказ самой Порты от участия в мирном урегулировании.

Создание по инициативе Александра I Священного союза как ассоциации христианских монархов Европы, казалось бы, могло повести к

inslav

еще большей изоляции Османской империи. В Стамбуле и в западных столицах появились опасения, что Петербург собирается начать новую экспансию на Востоке. Этого не произошло. Прав был С. Жигарев, заметивший, что фактически русское правительство "несчастные идеи Священного союза и обязанность государей, участвовавших на конгрессе, всюду поддерживать мир и спокойствие по аналогии распространялось и на Турцию"[29].

После 1815 г. Россия оказалась связанной более тесными узами с Австрией, чем с Великобританией, что отразилось на расстановке сил в борьбе великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Вена получила большие возможности оказывать давление на петербургский двор в делах, касавшихся Турции и ее подданных. Лондон не отказался от вмешательства в балканские и ближневосточные дела. Изоляция Османской империи от западных держав не усиливалась, а постепенно слабела. Многие факторы: усталость от недавней титанической схватки с Наполеоном, провозглашенный державами-победительницами принцип легитимизма и консерватизма как основы международных отношений, союз европейских монархов, созданный для поддержания феодальных устоев и борьбы с революционным движением, – все это сковало на известное время активность России в Восточном вопросе.

[1] *Гавриловић М.* Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1908. Т. 1. С. 76, 79.

[2] *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей первой трети XIX в. М., 1972.

[3] Народное прошение Александру I от 21 апреля (3 мая) 1814 г. // *Петровићи В. и Н.* Грађа историју Краљевине Србије. Београд, 1882. Књ. 2. С. 47.

[4] *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија (1784–1814). Београд, 1914. С. 321–346; *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош и његово доба. Цетиње, 1951. С. 203–215.

[5] АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–8, 1813–1814. Д. 1. Л. 16.

[6] *Вуксан Д.* Указ. соч. С. 213–214.

[7] Там же. С. 246–248.

[8] Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1970. Т. VII. С. 310–314. (Далее: ВПР); *Арш Г.Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение, 1809–1822 гг. М., 1976. С. 66–67.

[9] *Rodocanachi E.* Bonaparte et les îles Ioniennes. P., 1899. P. 248–250; Записка графа Иоанна Каподистриа о его служебной деятельности // Сб. РИО. СПб., 1868. Т. III. С. 190; *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 68–75.

[10] *Достян И.С.* Указ. соч. С. 103–108.

[11] Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie // Prockesch-Osten fils. P., 1876. T. 1. P. 54–55.

[12] Ibid. P. 120.

[13] Mémoires du prince de Talleyrand / Publ. par le duc de Broglié. P. 1891. T. 2. P. 231; *Bourquin M.* Histoire de la Sainte Alliance. Génève, 1954. P. 153.

[14] *Griewank K.* Der Wiener Kongreß und die Europäische Restauration. 1814–1815. Leipzig, 1954. S. 297–298.

[15] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 2303. Л. 23–25.

[16] *Зак Л.А.* Монархи против народов: Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966. С. 296; *Достян И.С.* Указ. соч. С. 108.

[17] *Rodocanachi E.* Bonaparte... P. 251–261.

inslav

[18] Записка графа Иоанна Каподистриа. С. 194–195; *Lascaris S.* Capodistrias avant la révolution grecque. Lausanne, 1918. P. 80–83; *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 78–84.

[19] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 11686. Л. 60–65.

[20] *Ненадовиħ М.* Мемоари. Београд, 1957. С. 201–234.

[21] Записка "Соображения по поводу ноты относительно Сербии, с которой первому уполномоченному России надлежит обратиться к конгрессу". Не позднее 3(15) февраля 1815 г. // ВПР. М. 1972. Т. VIII. С. 193–197.

[22] Проект циркулярной ноты А.К. Разумовского участникам конгресса. Не позднее 3(15) февраля 1815 г. // Там же. С. 197–200.

[23] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 2303. Л. 295.

[24] British Diplomacy 1813–1815. L. 1921. P. 305–306.

[25] *Ненадовиħ М.* Указ. соч. С. 213–214.

[26] *Webster C.K.* The Congress of Vienna, 1814–1815. L., 1963. P. 430.

[27] ВПР. Т. VIII. С. 282–285, 299–301.

[28] *Достян И.С.* Указ. соч. С. 124.

[29] *Жигарев С.А.* Русская политика в восточном вопросе. М., 1896. Кн. 2. С. 356.

inslav

БАЛКАНЫ НА РАСПУТЬЕ

Данная книга охватывает неполных двадцать лет. Но какие это судьбоносные для южных славян и балканцев в целом годы!

В XVIII в. в восточном вопросе доминировало русско-турецкое противоборство, затем завязался узел австро-англо-российских противоречий; соперники активно противодействовали курсу самодержавия. Но нельзя сказать, что балканцы "при сем присутствовали". В недрах общества шло национальное пробуждение; почти одновременно появились произведения о славном прошлом болгар, сербов и румын; пепел сожженной византийской державности стучал в сердца греков. "Образ прошлого", воспоминания о разрушенной турками государственности либо о серьезном ее попрании побуждали задумываться о будущем; явно обозначилось стремление сбросить иго зависимости от Высокой Порты, уповая на помощь России или Австрии, что отражалось в направляемых двум дворам (преимущественно петербургскому) прошениях о покровительстве, иногда – о подданстве от имени молдаван, валахов, греков и сербов. Под петициями значились подписи "именитых обывателей", представителей клира и элиты, прочие, даже если бы их попросили, подписи поставить не смогли бы по причине неграмотности. Но что "верхи" в данном случае выражали мнение "низов", видно из массового добровольческого движения: местные волонтеры сражались в рядах русской и австрийской армий во всех без исключения войнах.

Начало XIX столетия совпало с новым этапом национального возрождения; сербское восстание свидетельствовало о неизбежности открытой вооруженной борьбы. Народы вмешались в большую игру европейских политиков, из объекта международного права они стали превращаться в его субъекта. Они выступили "инициаторами" двух (из трех) пришедшихся на XIX век балканских кризисов, стянувших в единый узел все компоненты восточного вопроса и завершившихся русско-турецкими войнами.

К концу XVIII столетия относятся первые попытки реформирования государственного и общественного строя Османской империи, связанные с именем и деятельностью султана Селима III. Поначалу они имели "служебное" назначение – создать современную, европейского образца армию, способную на равных противостоять натиску неприятеля. Смелые по замыслу (был брошен вызов мусульманскому фанатизму и более того – прежним, основанным на Коране жизненным устоям!), они

© В.Н. Виноградов

inslav

вылились в архискромные результаты. Селим III поплатился жизнью за попытку ввести в стране "гяурские порядки". Но, хотя намеченный им курс на реформы был продолжен Махмудом II, Османская держава слабела и постепенно превращалась в "больного человека Европы". До потери самостоятельности во внешней политике, до разрушения финансовой системы и погружения в пучину задолженности зарубежью оставалось еще полстолетия; но Турция уже тогда стала утрачивать ранг великой державы. Военные неудачи, постоянные внутренние распри, непрекращающийся сепаратизм пашей создавали благоприятные условия для развития центробежных тенденций на окраинах, для подъема национальных движений.

Те же явления привели к трансформации восточного вопроса, к росту соперничества держав. Недостатка в проектах раздела Турции не было. Наполеоновская эпопея наложила определенный отпечаток и на это противоборство. Гигантская задача отпора экспансионизму Франции побуждала ее противников идти на смягчение существовавших между ними противоречий, откладывать их разрешение и толкала их на поиски компромиссов. Если Россия отношения с Турцией всегда признавала приоритетными, то этого нельзя сказать о Великобритании и особенно об Австрии. Габсбургская монархия за двадцать лет четырежды скрещивала мечи с Францией и столько же раз переживала разгром; не было ни сил, ни возможностей для активного курса на Балканах; поэтому она ограничивалась дипломатическим маневрированием, пускала в ход искусство интриги, в коем двор и его представители давно и прочно преуспели. Могущественной Великобритании пришлось долгие годы нести на своих плечах бремя схватки с Наполеоном один на один. Все же она находила силы для проведения энергичной политики на Востоке, иногда успешной (вытеснение французов из Египта), иногда нет (вторжение адмирала Дж. Дакуорта в Проливы в 1807 г., едва не кончившееся гибелью кораблей), и для дипломатических акций крупного масштаба (англо-турецкий договор 1809 г., когда султан к радости англичан вспомнил о "древнем" правиле своей империи, предполагавшем закрытие Босфора и Дарданелл для военных судов всех стран, и когда русский флот оказался запертым в Черном море). Но и до разрыва с Россией, и после восстановления с ней союзных отношений Лондон должен был считаться с ее интересами. Не случайно острые проблемы англо-русских разногласий оказались тактично обойденными во время бесед Н.Н. Новосильцева с Питтом в 1804 г.

Все же восточный вопрос стоял у Великобритании на втором плане в годы ее титанической схватки с Наполеоном. В продолжение нескольких лет в Стамбуле отсутствовал британский посол и делами там ведал 25-летний Чарльз Стрэтфорд Каннинг, который ни по рангу, ни по возрасту не мог внушать туркам почтения (последние, по словам его биографа, Стрэтфорда игнорировали). Он умолял Форин оффис хоть изредка снабжать его указаниями: "Я очень нуждаюсь в инструкциях. Непосредственное сообщение от правительства Его Величества, если что-либо более значительное невозможно, сослужит великую службу"[1].

inslav

Это само по себе свидетельствует о том, что у Уайт-холла просто руки не доходили до повседневного руководства. Но тогда же подспудно шла выработка основополагающего курса на Балканах и Ближнем Востоке, ставшего позднее известным под названием "доктрина статус-кво" и предполагавшего поддержание в целостности и незыблемости владений Высокой Порты, а значит, и увековечение угнетенного состояния христианских народов. Это была стратегическая линия, ибо как раз тогда напряженные отношения Великобритании с Турцией переросли в открытую войну; сама ее разработка, казалось бы, в совершенно неблагоприятных условиях свидетельствовала о дальновидности тех, кто определял британскую политику, о способности их многое предвидеть и отделять долговременные и прочные интересы от преходящих и тактических соображений.

Масштабные сдвиги произошли в системе (именно в системе!) взглядов российского двора на восточный вопрос. Она была сформулирована в докладной записке В.П. Кочубея в 1802 г., в инструкциях Н.Н. Новосильцеву в 1804 и 1806 гг., в депешах и меморандумах А.А. Чарторыйского. Основной постулат гласил, что Россия достигла своих естественных границ, в дальнейшем расширении не нуждается, а турки, ввиду прогрессирующего развала их державы, – соседи смирные и спокойные. В то же время контакты с южными славянами, знакомство с их родственными языками дали, наряду с идеей православной солидарности, толчок представлениям о славянской взаимности. Поэтому заложенная еще в "греческом проекте" Екатерины II идея о создании Греческого и Дакийского государств стала развиваться в проекты образования, в разных комбинациях и вариантах, сети национальных очагов на развалинах турецкого наследства. И тут размышления государственных мужей и мыслителей России смыкались с таковыми же, рожденными в местных балканских кругах.

Линия на перекройку карты Юго-Восточной Европы по национальному признаку не раз прерывалась. При этом самодержавие считало само собой разумеющимся, что в новых государственных образованиях его влияние станет преобладающим.

Но в истории существуют величины переменные и константы ее развития. К первым относится все то, что связано с корыстными расчетами на удержание той или иной страны в зависимости от крупной державы. Рано или поздно она из этих сетей вырывается. К факторам прочным и склонным в своем развитии углубляться и расширяться относится обретение государственного суверенитета, даже если он на первых порах и не является абсолютным. Путь от автономии к обретению полной независимости стал столбовой дорогой чуть не всех балканских народов.

На первые десятилетия XIX в. падает переходный этап в развитии восточного вопроса: народы бросили открытый вооруженный вызов турецкому владычеству; в сложной гамме англо-русских отношений – сотрудничества и соперничества – после наполеоновских войн последнее решительно вышло на авансцену, и на поразительно долгий, более

inslav

ALEXANDER I, NAPOLEON AND THE BALKANS (INTERNATIONAL RELATIONS IN THE BALKANS DURING THE NAPOLEONIC WARS). BALKAN STUDIES, N 18

The reflections of the young friends of Alexander I on détante in Europe based on the acknowledgement of the balance of powers and stability of borders; "the Oriental romance" of Napoleon Bonaparte which was crowned with annexation of Malta, the battles on the Nile and at the Pyramids; "strange Russo-Turkish war" of 1806–1812; the attempt of Admiral Duckworth's squadron to pass through the Dardanelles to Constantinople; ripening Russian plans of forming of national states in South-East Europe on the ruins of the Ottoman Empire; formation of British "status-quo policy" (i.e. conservation of the Ottoman rule at the Balkans)... Such were the events that formed the background of the development of the liberation movement of the Balkan and Slavonic Peoples to the state of opened armed struggle (two Serbian uprisings). These are the questions touched upon in the book "Alexander I, Napoleon I and the Balkans".

The book is written on a wide documentary base. It will be of interest for anyone attracted by the great era of the Patriotic War of 1812.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (*В.Н. Виноградов*) 3

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАНОРАМА 1797–1799 ГОДОВ (*Л.В. Зеленина*) 7

ОСОБАЯ ПОЗИЦИЯ РОССИИ (*И.С. Достян*) 15

МАЛЬТА, АБУКИР И ПИРАМИДЫ (*Л.В. Зеленина*) 22

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: КРИЗИС И РЕФОРМЫ (*В.И. Шеремет*) 29

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЫСОКОЙ ПОРТЫ: К ВРЕМЕННОМУ СОЮЗУ С РОССИЕЙ (*В.И. Шеремет*) 40

"ВОСТОЧНЫЙ РОМАН" ГЕНЕРАЛА БОНАПАРТА И БАЛКАНСКИЕ ГРЕЗЫ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА (*В.Н. Виноградов*) 53

ВТОРАЯ КОАЛИЦИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО И СОПЕРНИЧЕСТВО АНГЛИИ И РОССИИ (*Л.В. Зеленина*) 65

АМЬЕНСКИЙ МИР (*Л.В. Зеленина*) 72

"РАЗРЯДКА В НАПОЛЕОНОВСКУЮ ЭРУ. БОНАПАРТ И РУССКИЕ" (*В.Н. Виноградов*) 77

БАЛКАНСКАЯ ПАНОРАМА 98

Черногория (*И.С. Достян*) 98
Болгарские земли (*О.В. Медведева*) 107
Обустройство Ионических островов (*И.С. Достян*) 117
Албания и Эпир (*Г. Л. Ари*) 125
Дунайские княжества (*Л.Е.Семенова*) 132
Первое сербское восстание: начальный этап (*Л.В. Зеленина*) 143

ВЫСОКАЯ ПОРТА ВНОВЬ СБЛИЖАЕТСЯ С ФРАНЦИЕЙ (*В.И. Шеремет*) 159

"СТРАННАЯ" РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (1806–1812) И БУХАРЕСТСКИЙ МИР (*В.Н. Виноградов*) 169

В ТЫЛУ СРАЖЕНИЙ МИРА НЕТ 204

Болгария: шаги к возрождению (*О.В. Медведева*) 204
Албаиские пашалыки: близость конца (*Г. Л. Ари*) 209
Первое сербское восстание: кульминация и трагедия (*Л.В. Зеленина*) 215

ВОЗРОЖДАЕМАЯ БАЛКАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ (*И.С. Достян*) 225

КОНТУРЫ ДОКТРИНЫ СТАТУС-КВО (*Л.В. Зеленина*) 238

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС (1814–1815) И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС (*И.С. Достян*) 248

БАЛКАНЫ НА РАСПУТЬЕ (*В.Н. Виноградов*) 260

inslav

CONTENTS

FOREWORD (*V.N. Vinogradov*) 3

EUROPEAN PANORAMA OF 1797–1799 (*L.V. Zelenina*) 7

RUSSIA'S SPECIAL POSITION (*I.S. Dostyan*) 15

MALTA, THE BATTLE ON THE NILE AND THE PYRAMIDS (*L.V. Zelenina*) .. 22

THE OTTOMAN EMPIRE: CRISIS AND REFORMS (*V.I. Sheremet*) 29

THE FOREIGN POLICY OF THE SUBLIME PORTE: TOWARDS A TEMPORARY UNION WITH RUSSIA (*V.I. Sheremet*) 40

"THE ORIENTAL ROMANCE" OF NAPOLEON BONAPARTE AND THE BALKAN DREAMS OF EMPEROR PAUL (*V.N. Vinogradov*) 53

THE SECOND COALITION: COOPERATION AND RIVALRY OF RUSSIA AND GREAT BRITAIN (*L.V. Zelenina*) 65

THE PEACE OF AMIENS (*L.V. Zelenina*) 72

"THE DÉTANTE IN THE NAPOLEONIC ERA. BONAPARTE AND THE RUSSIANS" (*V.N. Vinogradov*) 77

THE BALKAN PANORAMA 98

Monte Negro (*I.S. Dostyan*) 98
The Bulgarian Region (*O.V. Medvedeva*) 107
The Arrangement of the Ionian Islands (*I.S. Dostyan*) 117
Albania and Epirus (*G.L. Arsh*) 125
The Danubian Principalities (*L.Ye. Semyonova*) 132
The First Serbian Uprising: The Beginning (*L.V. Zelenina*) 143

THE SUBLIME PORTE DRAWS CLOSER TO FRANCE (*V.I. Sheremet*) 159

"THE STRANGE" RUSSO-TURKISH WAR AND THE PEACE OF BUCAREST OF 1812 (*V.N. Vinogradov*) 169

THERE IS NO PEACE BEYOND THE BATTLEFRONT: ADVANCES TO RENAISSANCE 204

Bulgaria (*O.V. Medvedeva*) 204
The Albanian Pashaliks: the End Is Near (*G.L. Arsh*) 209
The Serbian Uprising: the Highest Point and the Tragedy (*L.V. Zelenina*) 215

TOWARDS BALKAN STATEHOOD (*I.S. Dostyan*) 225

THE OUTLINES OF THE STATUS-QUO POLICY (*L.V. Zelenina*) 238

THE VIENNA CONGRESS AND THE EASTERN QUESTION (*I.S. Dostyan*) 248

THE BALKANS AT THE CROSSROADS (*V.N. Vinogradov*) 260

inslav

Научное издание

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 18

АЛЕКСАНДР I,
НАПОЛЕОН И БАЛКАНЫ

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения и балканистики
Российской академии наук

Заведующая редакцией "Наука – история"
Н.Л. Петрова

Редактор *Л.А. Зуева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Н.Л. Голубцова,*
А.В. Морозова, Е.Л. Сысоева

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 22.05.97
Формат 60 × 90 $^1/_{16}$. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр.-отт. 17,3. Уч.-изд.л. 19,0
Тираж 510 экз. Тип. зак. 3200

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

inslav

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

готовятся к печати книги:

Археографический ежегодник за 1995 год. 35 л.

Ежегодник содержит статьи, обзоры и публикации по проблемам археографии, источниковедения и архивоведения. В нем публикуются новые материалы о блокаде Ленинграда, воспоминания о выступлении опального маршала Г.К. Жукова в 1996 г. в Академии общественных наук, обобщается опыт вологодских преподавателей по увековечению памяти защитников Отечества. В сборнике рассказано об истории книгопечатания и украшения книг в России, книжной культуре старообрядчества, печатаются материалы о деятельности отечественных историков и археографов: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, А.Е. Преснякова, Д.Б. Рязанова, Ю.Г. Оксмана, а также датского историка К. Расмуссена.

Для историков, филологов, архивистов и всех интересующихся историей.

inslav

Средние века. Вып. 59. 25 л.

Новое и традиционное сочетается в тематике очередного выпуска сборника. Государственная забота о бедных, придворный этикет, отражение политических изменений в геральдике, судьбы мусульман в христианском обществе, зрелища и праздники позднего средневековья – вот лишь некоторые из проблем, затронутых авторами статей. В других разделах можно прочитать о западноевропейских коллекциях в наших архивах, познакомиться с переводами "мемуаров" папы Пия II и покаянной книги св. Колумбана, рецензиями на новые работы отечественных и зарубежных историков.

Для историков, филологов и всех интересующихся историей и культурой.

inslav

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

вышли книги:

Американские индейцы: Новые факты и интерпретации. Проблемы индеонистики. 22 л.

Книга включает материалы IV Российского симпозиума по проблемам индеонистики (Москва, 1992 г.), приуроченного к 500-летию открытия Америки. Авторы – отечественные, зарубежные исследователи – продолжают серию аналогичных публикаций материалов индеонистских симпозиумов. Сборник содержит ряд новых данных, оригинальных идей и интерпретаций, связанных с изучением древних, современных индейских культур, их взаимодействия с евроамериканской цивилизацией. Особое внимание уделено некоторым аспектам русской колонизации Америки, анализу мифологии латиноамериканских индейцев, изобразительному искусству, материалам путешествий, коллекциям.

Для этнографов, историков, всех интересующихся историей американских индейцев.

inslav

Традиционное жилище народов России. 35 л.

Это первый в этнографической науке обобщающий труд, в котором осуществлено историко-сравнительное изучение жилища народов России в его основных историко-культурных регионах. Авторы выявляют пути формирования и развития региональных и этнических традиций в строительстве и использовании жилища, их связь с природными, социально-экономическими и историческими факторами. Большое внимание уделяется типологии жилища. Хронологические рамки работы – XIX – начало XX в. Рассматриваются тенденции развития традиционного жилища в наши дни.

Для этнологов.

Русские. 80 л.

Предлагаемая читателю монография является первой книгой серии трудов Института этнологии и антропологии РАН "Народы и культуры".

В первой части книги дан материал по историческому развитию русского народа – с XII в. и до наших дней, по формированию историко-культурных ареалов. Вторая часть содержит материалы о семейном и общественном быте, религиозных верованиях, народной этике.

В книге использован уникальный материал экспедиционных обследований и архивных изысканий.

inslav

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пущино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

inslav

inslav

Размышления молодых друзей царя Александра I о разрядке в Европе, «восточный роман» Наполеона Бонапарта, «странная» русско-турецкая война 1806-1812 гг., освободительная борьба балканских народов, вызревание российских планов образования национальных государств на Юго-Востоке Европы — таков круг тем, которым посвящена книга.

ВЫПУСК 18

«НАУКА»

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

inslav